ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ

ХОЖДЕНІЕ по МУКАМЪ

РОМАНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОСКВА“ БЕРЛИНЪ

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этотъ романъ есть первая книга трилогіи, «Хожденіе по мукамъ», охватывающей трагическое десятилѣтіе русской исторіи. Тремя февральскими днями, когда, какъ во снѣ, зашатался и рухнулъ византійскій столпъ Имперіи, и Россія увидала себя голой, нищей и свободной, — заканчивается повѣствованіе первой книги.

Вторая часть трилогіи, еще не оконченная, происходитъ между 17 и 22 годами, въ то время, когда Россія переживала не радостную радость свободы, гнилостный ядъ войны, бродившій въ крови народа, анархію и бредъ, быть можетъ геніальный, о завоеваніи міра, о новой жизни на землѣ, междоусобную войну, раззореніе, нищету, голодъ, почти уже не человѣческія дѣянія, и новый государственный строй, сдавившій, такъ что кровь брызжетъ между пальцами, тѣло Россіи, бьющейся въ анархіи. Грядущее стоитъ черной мглой передъ глазами. Въ смятеніи я оглядываюсь: дѣйствительно ли Россія — пустыня, кладбище, былое мѣсто? Нѣтъ, среди могилъ я вижу милліоны людей, изжившихъ самую горькую горечь страданія и не отдавшихъ земли на расточеніе, души — мраку. Да будетъ благословенно имя твое Русская Земля. Великое страданіе родитъ великое

добро. Перешедшіе черезъ муки узнаютъ, что бытіе живо не зломъ, но добромъ: волей къ жизни, свободой и милосердіемъ. Не для смерти, не для гибели зеленая славянская равнина, а для жизни, для радости вольнаго сердца.

Третья часть трилогіи — о прекраснѣйшемъ на землѣ, о милосердной любви, о русской женщинѣ, неслышными стопами прошедшей по всѣмъ мукамъ, заслонивъ ладонью отъ ледяныхъ, отъ смрадныхъ вѣтровъ живой огонь свѣтильника Невѣсты.

Книги этой трилогіи я посвящаю Натальѣ Крандіевской-Толстой.

гр. Алексѣй Н. Толстой.

ХОЖДЕНІЕ ПО МУКАМЪ

О, Русская земля!..
(*Слово о полку Игоревѣ*

I.

Сторонній наблюдатель изъ какого-нибудь заросшаго липами московскаго переулка, попадая въ Петербургъ, испытывалъ въ минуты вниманія сложное чувство умственнаго возбужденія и душевной придавленности.

Бродя по прямымъ и туманнымъ улицамъ, мимо мрачныхъ, какъ ящики, домовъ, съ темными окнами, съ дремлющими дворниками у воротъ, глядя подолгу на многоводный и хмурый просторъ Невы, на голубоватыя линіи мостовъ, съ зажженными еще до темноты фонарями, съ колоннадами неуютныхъ и нерадостныхъ дворцовъ, съ нерусской, пронзительной высотой Петропавловскаго собора, съ бѣдными лодочками, ныряющими въ темной водѣ, и безчисленными барками сырыхъ дровъ вдоль гранитныхъ набережныхъ, заглядывая въ лица прохожихъ — озабоченныя и блѣдныя, съ глазами, какъ городская муть, — видя и внимая всему этому, сторонній наблюдатель — благонамѣренный — пряталъ голову поглубже въ воротникъ, а неблагонамѣренный — на-

чиналъ думать, что хорошо бы ударить со всей силой, разбить вдребезги это застывшее, унылое очарованіе.

Еще во времена Петра Перваго дьячокъ изъ Троицкой церкви, что и сейчасъ стоитъ близъ Троицкаго моста, спускаясь съ колокольни, впотьмахъ, увидѣлъ кикимору — худую бабу и простоволосую, — сильно испугался, и, затѣмъ, говаривалъ въ кабакѣ: «Петербургу, молъ, быть пусту», — за что былъ схваченъ, пытанъ въ Тайной Канцеляріи и битъ кнутомъ нещадно.

Такъ, съ тѣхъ поръ, должно быть, и повелось думать, что съ Петербургомъ — нечисто. То видѣли очевидцы, какъ по улицѣ Васильевскаго острова ѣхалъ на извозчикѣ чортъ. То въ полночь, въ бурю и высокую воду, сорвался съ гранитной скалы и скакалъ по камнямъ Мѣдный Императоръ. То къ проѣзжему въ каретѣ тайному совѣтнику липнулъ къ стеклу, приставалъ мертвецъ — мертвый чиновникъ. Много такихъ росказней ходило по городу.

И, совсѣмъ еще недавно, поэтъ, Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ, проѣзжая ночью на лихачѣ, по дорогѣ на острова, горбатый мостикъ, увидалъ сквозь разорванныя облака въ безднѣ неба звѣзду и, глядя на нее сквозь слезы, подумалъ, что лихачъ, и горбатый мостикъ, и нити фонарей, и весь за спиной его спящій Петербургъ —лишь мечта, бредъ, возникшій въ его головѣ, отуманенной виномъ, любовью и скукой.

Точно въ бреду, наспѣхъ, построенъ былъ Петербургъ. Какъ сонъ, прошли два столѣтія: чужой всему живому городъ, стоящій на краю земли, въ болотахъ и пусторосляхъ, грезилъ всемірной славой и властью; бредовыми видѣньями мелькали дворцовые перевороты, убійства Императоровъ, тріумфы

и кровавыя казни; слабыя женщины принимали полубожественную власть; изъ горячихъ и смятыхъ постелей рѣшались судьбы народовъ; приходили ражіе парни съ могучимъ сложеніемъ и черными отъ земли руками, и смѣло поднимались къ трону, чтобы раздѣлить власть, ложе и византійскую роскошь.

Съ ужасомъ оглядывались сосѣди на эти бѣшеные взрывы фантазіи. Съ уныніемъ и страхомъ внимали русскіе люди бреду столицы. Страна питала и никогда не могла до-сыта напитать кровью своею и духомъ петербургскіе призраки.

Петербургъ жилъ бурливо-холодной, пресыщенной, полуночной жизнью. Фосфорическія лѣтнія ночи, сумасшедшія и сладострастныя, и безсонныя ночи зимой, зеленые столы и шорохъ золота, музыка, крутящіяся пары за окнами, бѣшеныя тройки, цыганы, дуэли, и на разсвѣтѣ — въ свистѣ ледяного вѣтра и пронзительномъ завываніи флейтъ — парадъ войскамъ передъ наводящимъ ужасъ взглядомъ выпуклыхъ глазъ Императора. — Такъ жилъ городъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе съ невѣроятной быстротой создавались грандіозныя предпріятія. Возникали, какъ изъ воздуха, милліонныя состоянія. Изъ хрусталя и цемента строились банки, музикъ-холлы, скетинги, великолѣпные кабаки, гдѣ люди оглушались музыкой, отраженіемъ зеркалъ, полуобнаженными женщинами, свѣтомъ, шампанскимъ. Спѣшно открывались игорные клубы, дома свиданій, театры, синематографы, лунные парки съ американскими удовольствіями. Инженеры и капиталисты работали надъ проектомъ постройки новой, невиданной еще роскоши, столицы, неподалеку отъ Петербурга, на необитаемомъ острову.

Въ городѣ была эпидемія самоубійствъ. Залы суда наполнялись толпами истерическихъ женщинъ, жадно внимающихъ кровавымъ и возбуждающимъ процессамъ. Все было доступно — роскошь и женщины. Развратъ проникалъ повсюду, имъ былъ, какъ заразой, пораженъ дворецъ.

И во дворецъ, до самаго трона несчастнѣйшаго изъ Императоровъ, дошелъ и, глумясь и издѣваясь, самъ сталъ шельмовать надъ Россіей неграмотный мужикъ, съ сумасшедшими глазами и могучей мужской силой.

Петербургъ, какъ всякій городъ, жилъ единой жизнью, напряженной и озабоченной. Центральная сила руководила этимъ движеніемъ. Но она не была слита съ тѣмъ, что можно было назвать духомъ города: центральная сила стремилась создать порядокъ, спокойствіе и цѣлесообразность, духъ города стремился разрушить эту силу. Духъ разрушенія былъ во всемъ, пропитывалъ гнилостнымъ ядомъ и грандіозныя биржевыя махинаціи знаменитаго Сашки Сакельмана, и мрачную злобу рабочаго на сталелитейномъ заводѣ, и вывихнутыя мечты модной поэтессы, сидящей въ пятомъ часу утра въ артистическомъ подвалѣ «Красные Бубенцы», — и даже тѣ, кому нужно было бороться съ этимъ разрушеніемъ, сами того не понимая, дѣлали все, чтобы усилить его и обострить.

То было время, когда любовь, чувства добрыя и здоровыя, считались пошлостью и пережиткомъ; никто не любилъ, но всѣ жаждали и, какъ отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности.

Дѣвушки скрывали свою невинность, супруги — вѣрность. Разрушеніе считалось хорошимъ вкусомъ,

неврастенія — признакомъ утонченности. Этому учили модные писатели, возникавшіе за одинъ сезонъ изъ небытія. Люди выдумывали на себя пороки и извращенія, лишь бы не прослыть прѣсными.

Вдыхать запахъ могилы и чувствовать, какъ рядомъ вздрагиваетъ, разгоряченное дьявольскимъ любопытствомъ, тѣло женщины, — вотъ въ чемъ былъ пафосъ поэзіи этихъ послѣднихъ лѣтъ: смерть и сладострастіе.

Таковъ былъ Петербургъ въ 1914 году. Замученный безсонными ночами, оглушающій тоску свою виномъ, золотомъ, безлюбой любовью, надрывающими и безсильно-чувственными звуками танго, — предсмертнаго гимна, — онъ жилъ словно въ ожиданіи рокового и страшнаго дня. И тому были предвозвѣстники, — новое и непонятное лѣзло изо всѣхъ щелей.

II.

... «Мы ничего не хотимъ помнить. Мы говоримъ — довольно, повернитесь къ прошлому задомъ! Кто тамъ у меня за спиной? Венера Милосская? А, что — ее можно кушать? Или она способствуетъ ростенію волосъ? Я не понимаю, для чего мнѣ нужна эта каменная туша. Но искусство, искусство, брръ! Вамъ все еще нравится щекотать себѣ пятки этимъ понятіемъ? Глядите по сторонамъ, впередъ, подъ ноги. У васъ на ногахъ американскіе башмаки? Да здравствуютъ американскіе башмаки! Вотъ искусство: красный автомобиль, гутаперчевая шина, пудъ бензину и сто двадцать верстъ въ часъ. Это возбуждаетъ меня пожирать пространство. Вотъ искус-

ство: афиша въ шестнадцать аршинъ и на ней нѣкій шикарный молодой человѣкъ въ сіяющемъ, какъ солнце, цилиндрѣ. Это портной, художникъ, геній сегодняшняго дня! Я хочу пожирать жизнь, а вы меня подчуете сахарной водицей для страдающихъ половымъ безсиліемъ»...

Въ концѣ узкаго зала, за стульями, гдѣ тѣсно стояла молодежь съ курсовъ и университета, раздался смѣхъ и хлопки. Говорившій, Петръ Петровичъ Сапожковъ, усмѣхаясь влажнымъ ртомъ, надвинулъ на большой носъ прыгающее пенснэ и бойко сошелъ по ступенямъ большой, дубовой каѳедры.

Сбоку ея, за длиннымъ столомъ, освѣщеннымъ двумя пятисвѣчными канделябрами, сидѣли члены общества «Философскіе Вечера». Здѣсь были и предсѣдатель общества, профессоръ богословія, Антоновскій, и сегодняшній докладчикъ — историкъ Вельяминовъ, и философъ Борскій, и лукавый писатель Сакунинъ.

Общество «Философскіе Вечера» въ эту зиму выдерживало сильный натискъ со стороны мало кому извѣстныхъ, но зубастыхъ молодыхъ людей. Они нападали на маститыхъ писателей и почтенныхъ философовъ съ такой яростью и говорили такія дерзкія и соблазнительныя вещи, что старый особнякъ на Фонтанкѣ, гдѣ помѣщалось общество, по субботамъ, въ дни открытыхъ засѣданій, бывалъ переполненъ.

Такъ было и сегодня. Когда Сапожковъ при разсыпавшихся хлопкахъ исчезъ въ толпѣ, на каѳедру поднялся небольшого роста человѣкъ съ шишковатымъ, стриженымъ черепомъ, съ молодымъ, скуластымъ и желтымъ лицомъ, — Акундинъ. Появился

онъ здѣсь недавно, успѣхъ, въ особенности въ заднихъ рядахъ зрительнаго зала, бывалъ у него огромный, и, когда спрашивали — откуда и кто такой? — знающіе люди загадочно улыбались. Во всякомъ случаѣ, фамилія была ему не Акундинъ, пріѣхалъ онъ изъ заграницы и выступалъ не спроста.

Пощипывая рѣдкую бородку, Акундинъ оглядѣлъ затихшее зало, усмѣхнулся тонкой полосой губъ и началъ говорить.

Въ это время, въ третьемъ ряду креселъ, у средняго прохода, подперевъ кулачкомъ подбородокъ, сидѣла молодая дѣвушка, въ суконномъ черномъ платьѣ, закрытомъ до шеи. Ея пепельные, тонкіе волосы были подняты надъ ушами, завернуты въ большой узелъ и сколоты гребнемъ. Не шевелясь и не улыбаясь, она разглядывала сидящихъ за зеленымъ столомъ, иногда ея глаза подолгу останавливались на огонькахъ свѣчей.

Когда Акундинъ, стукнувъ сухонькимъ кулачкомъ по дубовой каѳедрѣ, воскликнулъ: «Міровая экономика наноситъ первый ударъ желѣзнаго кулака по церковному куполу», — дѣвушка вздохнула не сильно и, принявъ кулачокъ отъ покраснѣвшаго снизу подбородка, положила въ ротъ карамель.

Акундинъ говорилъ:

... «А вы все еще грезите туманными снами о царствіи Божіемъ на землѣ. Здѣсь еще похрапываютъ и глядятъ сны, бормочутъ сквозь сонъ о мессіанствѣ. А онъ, не смотря на всѣ усилія, продолжаетъ спать. Или вы надѣетесь, что онъ, все-таки, проснется и заговоритъ, какъ валаамова ослица? Да, онъ проснется, но разбудятъ его не сладкіе голоса вашихъ поэтовъ, не дымъ изъ кадильницъ,

— народъ могутъ разбудить только фабричные свистки. Онъ проснется и заговорить, но не о мессіанствѣ, а о справедливости, и голосъ его будетъ непріятенъ для слуха. Или вы надѣетесь на ваши дебри и болота? Здѣсь можно подремать еще съ полстолѣтія, вѣрю. Но не называйте это мессіанствомъ. Это не то, что грядетъ, а то, что уходитъ, какъ тѣнь по землѣ. Здѣсь въ Петербургѣ, въ этомъ великолѣпномъ залѣ выдумали русскаго мужика. Написали о немъ сотни томовъ и сочинили оперы. Игра въ тѣни на стѣнѣ. Боюсь только, какъ бы эта забава не окончилась большою кровью»...

Но здѣсь предсѣдатель остановилъ говорившаго. Акундинъ слабо улыбнулся, вытащилъ изъ пиджака большой, грязный платокъ и вытеръ привычнымъ движеніемъ черепъ и лицо. Въ концѣ зала раздались голоса:

— Пускай говоритъ!

— Безобразіе закрывать человѣку ротъ!

— Это издѣвательство!

— Тише вы, тамъ сзади!

— Сами вы тише!

Акундинъ продолжалъ:

... «Русскій мужикъ — точка приложенія идей. Да. Но, если эти идеи органически не связаны съ его инстинктами, съ его вѣковыми желаніями, съ его первобытнымъ понятіемъ о справедливости, понятіемъ всечеловѣческимъ, то идеи падаютъ, какъ сѣмена на камень. И до тѣхъ поръ, покуда не станутъ разсматривать русскаго мужика просто, какъ человѣка съ голоднымъ желудкомъ и натертымъ работою хребтомъ, покуда не лишатъ его, наконецъ, когда-то какимъ-то бариномъ придуманныхъ мессіанскихъ его особенностей, до тѣхъ поръ будутъ трагически суще-

ствовать два полюса, — ваши великолѣпныя идеи, рожденныя въ темнотѣ кабинетовъ, и жадная, полузвѣринная жизнь. Мы критикуемъ васъ не по существу. Было-бы странно терять время на пересмотръ этой феноменальной груды — человѣческой фантазіи. Нѣтъ. Мы говоримъ — идите и претворяйте идеи въ жизнь. Не ждите и не философствуйте. Дѣлайте опытъ. Пусть онъ будетъ отчаяннымъ. И тогда вы увидите, съ какими идеями и какъ вамъ нужно итти»...

Дѣвушка, въ черномъ, суконномъ платьѣ, не была расположена вдумываться въ то, что говорилось съ дубовой каѳедры. Ей казалось, что всѣ эти слова и споры, конечно, очень важны и многозначительны, но самое важное, въ концѣ концовъ, у этихъ людей въ томъ, что, напримѣръ, Акундинъ, — она въ этомъ увѣрена, — никого на свѣтѣ, кромѣ себя, не любитъ и, если ему нужно для доказательства своей идеи, то и пристрѣлитъ человѣка.

Когда она такъ думала, за зеленымъ столомъ появился новый человѣкъ. Онъ, не спѣша, сѣлъ рядомъ съ предсѣдателемъ, кивнулъ направо и налѣво, провелъ покраснѣвшей рукой по русымъ волосамъ, мокрымъ отъ снѣга, пальцы вытеръ о платокъ, и, спрятавъ подъ столъ руки, выпрямился, въ очень узкомъ, черномъ сюртукѣ: худое, матовое лицо, брови дугами, подъ ними, въ тѣняхъ, огромные, сѣрые глаза, и волосы, падающіе шапкой. Точно такимъ Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ былъ изображенъ въ послѣднемъ номерѣ еженедѣльнаго журнала.

Дѣвушка не видѣла теперь ничего, кромѣ этого почти отталкивающе-красиваго лица. Она словно съ ужасомъ внимала этимъ страннымъ чертамъ, такъ

часто снившимся ей въ вѣтряныя петербургскія ночи.

Вотъ онъ, наклонившись ухомъ къ сосѣду, усмѣхнулся, и улыбка простоватая, но въ вырѣзахъ тонкихъ ноздрей, въ слишкомъ женственныхъ бровяхъ, въ какой-то особой нѣжной силѣ этого лица было вѣроломство, надменность и еще то, чего она понять не могла, но что волновало ее всего сильнѣе.

Въ это время докладчикъ Вельяминовъ, красный и бородатый, въ золотыхъ очкахъ и съ пучками золотисто-сѣдыхъ волосъ вокругъ большого черепа, отвѣчалъ Акундину:

... «Вы правы такъ-же, какъ права лавина, когда обрушивается съ горъ. Мы давно ждемъ пришествія страшнаго вѣка, предугадываемъ торжество вашей правды. Вы овладѣете стихіей, а не мы. Но мы не подопремъ плечами вашу лавину. Мы знаемъ — когда она докатится до дна, до земли, — сила ея изсякнетъ, и высшая справедливость, на завоеваніе которой вы скликаете фабричными гудками, окажется грудой обломковъ, хаосомъ, гдѣ будетъ бродить оглушенный человѣкъ. «Жажду» — вотъ что скажетъ онъ, потому что въ немъ самомъ не окажется ни капли влаги. И вы не дадите ему пить. Берегитесь, — Вельяминовъ поднялъ длинный, какъ карандашъ, палецъ и строго черезъ очки посмотрѣлъ на ряды слушателей, — въ раю, который вамъ грезится, во имя котораго вы хотите превратить живого человѣка въ силлогизмъ, одѣтый въ шляпу, пиджакъ и съ винтовкой за плечами, въ этомъ страшномъ раю грозитъ новая революція, — быть можетъ, самая страшная изо всѣхъ революцій — революція Духа»...

Акундинъ холодно проговорилъ съ мѣста:

— Это предусмотрѣно...

Вельяминовъ развелъ надъ столомъ руками. Канделябръ бросалъ блики на его лысину. Онъ сталъ говорить о грѣхѣ, въ который отпадаетъ міръ, и о будущей страшной расплатѣ. Въ залѣ покашливали.

Во время перерыва дѣвушка пошла въ буфетную и стояла у дверей, нахмуренная и независимая. Нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ съ женами пили чай и громче, чѣмъ всѣ люди, разговаривали. У печки знаменитый писатель, Чернобылинъ, ѣлъ рыбу съ брусникой и поминутно оглядывался злыми, пьяными глазами на проходящихъ. Двѣ, среднихъ лѣтъ, литературныя дамы, съ грязными шеями и большими бантами въ волосахъ, жевали бутерброды у буфетнаго прилавка. Въ сторонѣ, не смѣшиваясь со свѣтскими, благообразно стояли батюшки. Подъ люстрой, заложивъ руки сзади подъ длинный сюртукъ, покачивался на каблукахъ полусѣдой человѣкъ съ подчеркнуто-растрепанными волосами — Чирва — критикъ, ждалъ, когда къ нему кто-нибудь подойдетъ. Появился Вельяминовъ; одна изъ литературныхъ дамъ бросилась къ нему и вцѣпилась въ рукавъ, который онъ во время разговора осторожно, но тщетно, старался выпрастать. Другая литературная дама вдругъ перестала жевать, тоже отряхнула крошки, нагнула голову, расширила глаза. Къ ней подходилъ Безсоновъ, кланяясь направо и налѣво смиреннымъ наклоненіемъ головы.

Дѣвушка въ черномъ всей своей кожей почувствовала, какъ подобралась подъ корсетомъ литературная дама, впала въ фальшивое состояніе. Безсоновъ говорилъ ей что-то съ лѣнивой усмѣшкой. Она всплеснула полными руками и захохотала, подкатывая глаза.

Дѣвушка дернула плечикомъ и пошла изъ буфе-

та. Ее окликнули. Сквозь толпу къ ней протискивался черноватый, истощенный юноша, въ бархатной курткѣ, радостно кивалъ, отъ удовольствія морщилъ носъ и взялъ ее за руку. Его ладонь была влажная, и на лбу влажная прядь волосъ, и влажные, длинные, черные глаза засматривали съ мокрой нѣжностью. Его звали Александръ Ивановичъ Жировъ. Онъ сказалъ:

— Вотъ? Что вы тутъ дѣлаете, Дарья Дмитріевна?

— Тоже, что и вы, — отвѣтила она, освобождая руку, сунула ее въ муфту и тамъ вытерла о платокъ.

Онъ захихикалъ и, глядя еще нѣжнѣе, сказалъ:

— Неужели и на этотъ разъ вамъ не понравился Сапожковъ? Онъ говорилъ сегодня, какъ пророкъ. Васъ раздражаетъ его рѣзкость и своеобразная манера выражаться. Но самая сущность его мысли, — развѣ это не то, чего мы всѣ втайнѣ хотимъ, но сказать боимся? А онъ смѣетъ. Вотъ его послѣдній стишокъ:

«Каждый молодъ, молодъ, молодъ.
Въ животѣ чертовскій голодъ.
Будемъ лопать пустоту...»

— Необыкновенно, ново и смѣло. Дарья Дмитріевна, развѣ вы сами не чувствуете, — новое, новое претъ! Наше, новое, жадное, смѣлое. Вотъ, тоже и Акундинъ. Онъ слишкомъ логиченъ, но, какъ вбиваетъ гвозди! Еще двѣ, три такихъ зимы, и все затрещитъ, полѣзетъ по швамъ, — очень хорошо!

Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, сладко и нѣжно улыбаясь. Даша чувствовала, какъ все въ немъ дрожитъ мелкой дрожью, точно отъ ужаснаго воз-

бужденія. Она не дослушала, кивнула головой и стала протискиваться къ вѣшалкѣ.

Сердитый швейцаръ съ медалями, таская вороха шубъ и калошъ, не обращалъ вниманія на дашинъ протянутый номерокъ. Ждать пришлось долго, въ ноги дуло изъ пустыхъ, съ махающими дверями, сѣней, гдѣ стояли рослые, въ синихъ, мокрыхъ кафтанахъ, мужики-извозчики и весело и нагло предлагались выходящимъ:

— Вотъ на рѣзвой, ваше сясь!

— Вотъ, по пути, на Пески!

Вдругъ, за дашиной спиной голосъ Безсонова проговорилъ раздѣльно и холодно:

— Швейцаръ, шубу, шапку и трость.

Даша почувствовала, какъ легонькія иголочки пошли по спинѣ. Она быстро повернула голову и прямо взглянула Безсонову въ глаза. Онъ встрѣтилъ ея взглядъ спокойно, какъ должное, но, затѣмъ, вѣки его дрогнули, въ сѣрыхъ глазахъ появилась живая влага, они словно подались, и Даша почувствовала, какъ у нея затрепетало сердце.

— Если не ошибаюсь, — проговорилъ онъ, наклоняясь къ ней, — мы встрѣчались у вашей сестры?

Даша сейчасъ же отвѣтила дерзко:

— Да. Встрѣчались.

Выдернула у швейцара шубу и побѣжала къ параднымъ дверямъ. На улицѣ мокрый и студеный вѣтеръ подхватилъ ея платье, обдалъ ржавыми каплями. Даша до глазъ закуталась въ мѣховой воротникъ. Кто-то, перегоняя, проговорилъ надъ ухомъ.

— Ай, да глазки!

Даша быстро шла по мокрому асфальту, по лиловымъ, зыбкимъ полосамъ электрическаго свѣта. Изъ

распахнувшейся двери ресторана вырвались вопли скрипокъ, — вальсъ. И Даша, не оглядываясь, пропѣла въ косматый мѣхъ муфты:

— Ну, не такъ-то легко, не легко, не легко!

III.

Разстегивая въ прихожей мокрую шубу, Даша спросила у горничной:

— Дома никого нѣтъ, конечно?

Великій Моголъ, — такъ называли горничную Лушу, за широкоскулое, какъ у идола, всегда сильно напудренное лицо, — глядя въ зеркало, отвѣтила тонкимъ голосомъ, что барыни, дѣйствительно, дома нѣтъ, а баринъ дома, въ кабинетѣ, и ужинать будетъ черезъ полъ часа.

Даша прошла въ гостиную, сѣла у рояля, положила ногу на ногу и охватила колѣно.

Зять, Николай Ивановичъ, дома, — значитъ поссорился съ женой, надутый, и будетъ жаловаться. Сейчасъ — одиннадцать, и часовъ до трехъ, покуда не заснешь, дѣлать нечего. Читать, но что? И охоты нѣтъ. Просто, сидѣть, думать, — себѣ дороже станетъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ жить иногда неуютно!

Даша вздохнула, открыла крышку рояля и, сидя бокомъ, одною рукою начала разбирать Скрябина. Трудновато приходится человѣку въ такомъ неудобномъ возрастѣ, какъ девятнадцать лѣтъ, да еще дѣвушкѣ, да еще очень и очень не глупой, да еще по нелѣпой какой-то чистоплотности слишкомъ суровой съ тѣми, — а ихъ было не мало, — кто выражалъ охоту развѣивать дѣвичью скуку.

Въ прошломъ году Даша пріѣхала изъ Самары въ Петербургъ на юридическіе курсы и поселилась у старшей сестры, Екатерины Дмитріевны Смоковниковой. Мужъ ея былъ адвокатъ, довольно извѣстный; жили они шумно и широко.

Даша была моложе сестры лѣтъ на пять; когда Екатерина Дмитріевна выходила замужъ — Даша была еще дѣвочкой; послѣдніе годы сестры мало видались, и теперь между ними начались новыя отношенія: у Даши влюбленныя, у Екатерины Дмитріевны — нѣжно-любовныя.

Первое время Даша подражала сестрѣ во всемъ, восхищалась ея красотой, вкусами, умѣньемъ вести себя съ людьми. Знакомыхъ сестры она робѣла, инымъ отъ застѣнчивости говорила дерзости. Екатерина Дмитріевна старалась чтобы домъ ея былъ всегда образцомъ вкуса и новизны, еще не ставшей достояніемъ улицы; она не пропускала ни одной выставки и покупала футуристическія картины. Въ послѣдній годъ изъ-за этого у нея происходили бурные разговоры съ мужемъ, потому что Николай Ивановичъ любилъ живопись идейную, а Екатерина Дмитріевна со всей женской пылкостью рѣшила лучше пострадать за новое искусство, чѣмъ прослыть отсталой.

Даша тоже восхищалась этими странными картинами, развѣшанными въ гостиной, хотя съ огорченіемъ думала иногда, что квадратныя фигуры, съ геометрическими лицами, съ большимъ, чѣмъ нужно, количествомъ рукъ и ногъ, глухія краски, какъ головная боль, — вся эта фабричная, чугунная, циничная поэзія возставшей противъ Господа Бога прогорклой улицы слишкомъ высока для ея тупого воображенія.

Каждый вторникъ у Смоковниковыхъ, въ столовой изъ птичьяго глаза, собиралось къ ужину шумное и веселое общество. Здѣсь были разговорчивые адвокаты, женолюбивые и внимательно слѣдящіе за литературными теченіями; два или три журналиста, прекрасно понимающіе, какъ нужно вести внутреннюю и внѣшнюю политику; нервно разстроенный критикъ Чирва, подготовлявшій очередную литературную катастрофу. Иногда, спозаранку, приходили молодые поэты, оставлявшіе тетради со стихами въ прихожей, въ пальто. Къ началу ужина въ гостиной появлялась какая-нибудь знаменитость, шла, не спѣша, приложиться къ хозяйкѣ и съ достоинствомъ усаживалась въ креслѣ. Въ серединѣ ужина бывало слышно, какъ въ прихожей съ грохотомъ снимали кожаныя колоши, и бархатный голосъ произносилъ:

«Привѣтствую тебя, Великій Моголъ!» — и, затѣмъ, надъ стуломъ хозяйки склонялось бритое, съ отвислыми жабрами, лицо любовника-резонера:

«Катюша, — говорилъ онъ каждый разъ, — съ нынѣшняго дня далъ зарокъ, не пью, честное слово».

Главнымъ человѣкомъ для Даши во время этихъ ужиновъ была сестра. Даша негодовала на тѣхъ, кто былъ мало внимателенъ къ милой, доброй и простодушной Екатеринѣ Дмитріевнѣ, къ тѣмъ же, кто бывалъ слишкомъ внимателенъ, ревновала, — глядѣла на виновнаго злыми глазами.

Понемногу она начала разбираться въ этомъ, кружащемъ непривычную голову, множествѣ лицъ. Помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ она теперь презирала: у нихъ, кромѣ мохнатыхъ визитокъ, лиловыхъ галстуковъ, да проборовъ черезъ всю голову,

ничего не было важнаго за душой. Любовника-резонера она ненавидѣла: онъ не имѣлъ права сестру звать Катей, Великаго Могола — Великимъ Моголомъ, не имѣлъ никакого основанія, выпивая рюмку водки, щурить отвислый глазъ на Дашу и приговаривать:

«Пью за цвѣтущій миндаль!»

Каждый разъ при этомъ Даша задыхалась отъ злости.

Щеки у нея, дѣйствительно, были румяныя, и ни чѣмъ этотъ проклятый миндальный цвѣтъ согнать было нельзя, и Даша чувствовала себя за столомъ вродѣ деревянной Матрешки.

На лѣто Даша не поѣхала къ отцу въ пыльную и знойную Самару, а съ радостью согласилась остаться у сестры на взморьѣ, въ Сестрорѣцкѣ. Тамъ были тѣ же люди, что и зимой, только всѣ видѣлись чаще, катались на лодкахъ, купались, ѣли мороженое въ сосновомъ бору, слушали по вечерамъ музыку и шумно ужинали на верандѣ курзала, подъ звѣздами.

Екатерина Дмитріевна заказала Дашѣ бѣлое, вышитое гладью, платье, большую шляпу изъ розоваго газа съ черной лентой и широкій, шелковый поясъ, чтобы завязывать большимъ бантомъ на спинѣ, и въ Дашу, неожиданно, точно ему вдругъ раскрыли глаза, влюбился помощникъ зятя — Куличекъ.

Но онъ былъ изъ «презираемыхъ». Даша возмутилась, позвала его въ лѣсъ, и тамъ, не давъ ему сказать въ оправданіе ни одного слова (онъ только вытирался платкомъ, скомканнымъ въ кулакѣ), наговорила, что она не позволитъ смотрѣть на себя, какъ на какую-то «самку», что она оскорблена и возмущена, считаетъ его личностью съ развращеннымъ воображеніемъ, и сегодня же пожалуется зятю.

Зятю она нажаловалась въ тотъ-же вечеръ. Николай Ивановичъ выслушалъ ее до конца, поглаживая холеную бороду и съ удивленіемъ взглядывая на миндальныя отъ негодованія дашины щеки, на гнѣвно дрожащую большую шляпу, на всю тонкую, бѣленькую дашину фигуру, затѣмъ сѣлъ на песокъ у воды и началъ хохотать; вынулъ платокъ, вытиралъ глаза, приговаривалъ:

— Уйди, Дарья, уйди, умру!

Даша ушла, ничего не понимая, смущенная и разстроенная. Куличекъ теперь не смѣлъ даже глядѣть на нее, худѣлъ и уединялся. Дашина честь была спасена. Но вся эта исторія неожиданно взволновала въ ней дѣвственно дремавшія чувства. Нарушилось тонкое равновѣсіе, точно во всемъ дашиномъ тѣлѣ, отъ волосъ до пятокъ, зачался какой-то второй человѣкъ, душный, мечтательный, безформенный и противный. Даша чувствовала его всей своей кожей, и мучилась, какъ отъ нечистоты; ей хотѣлось смыть съ себя эту невидимую паутину, вновь стать свѣжей, прохладной, легкой.

Теперь по цѣлымъ часамъ она играла въ теннисъ, по два раза на дню купалась, вставала раннимъ утромъ, когда на листьяхъ еще горѣли большія капли росы, отъ лиловаго, какъ зеркало, моря шелъ паръ, и на пустой верандѣ разставляли влажные столы, мели сырыя песчаныя дорожки.

Но, пригрѣвшись на солнышкѣ, или ночью въ мягкой постели, второй человѣкъ оживалъ, осторожно пробирался къ сердцу и сжималъ его мягкой лапкой. Его нельзя было ни отодрать, ни смыть съ себя, какъ кровь съ заколдованнаго ключа Синей Бороды.

Всѣ знакомые, а первая сестра, стали находить,

что Даша очень похорошѣла за это лѣто, и, словно, хорошѣетъ съ каждымъ днемъ. Однажды, Екатерина Дмитріевна, зайдя утромъ къ сестрѣ, сказала:

— Что-же это съ нами дальше то будетъ?

— А что, Катя?

Даша въ рубашкѣ сидѣла на постели, закручивая большимъ узломъ волосы.

— Ужь очень хорошѣешь, — что дальше то будемъ дѣлать?

Даша строгими, «мохнатыми», глазами поглядѣла на сестру и отвернулась. Ея щека и ухо залились румянцемъ:

— Катя, я не хочу, чтобы ты такъ говорила, мнѣ это непріятно, понимаешь?

Екатерина Дмитріевна сѣла на кровать, щекою прижалась къ дашиной голой спинѣ и засмѣялась, цѣлуя между лопатками:

— Какія мы рогатыя уродились, ни въ ерша, ни въ ежа, ни въ дикую кошку.

Однажды на теннисной площадкѣ появился англичанинъ, — худой, бритый, съ выдавшимся подбородкомъ и дѣтскими глазами. Одѣтъ онъ былъ до того безукоризненно, что нѣсколько молодыхъ людей изъ свиты Екатерины Дмитріевны впали въ уныніе. Дашѣ онъ предложилъ партію и игралъ, какъ машина. Дашѣ казалось, что онъ за все время ни разу на нее не взглянулъ, — глядѣлъ мимо. Она проиграла и предложила вторую партію. Чтобы было ловчѣе, — засучила рукава бѣлой блузки. Изъ подъ пикейной ея шапочки выбилась прядь волосъ, она ее не поправляла. Отбивая сильнымъ дрейфомъ надъ самою сѣткою мячъ, думала:

«Вотъ — ловкая русская дѣвушка, съ неуловимой

граціей во всѣхъ движеніяхъ, и румянецъ ей къ лицу».

Англичанинъ выигралъ и на этотъ разъ, поклонился Дашѣ, надѣлъ канотье, — былъ онъ совсѣмъ сухой, — закурилъ душистую папироску и сѣлъ невдалекѣ, спросивъ лимонаду.

Играя третью партію со знаменитымъ гимназистомъ, Даша нѣсколько разъ косилась въ сторону англичанина, — онъ сидѣлъ за столикомъ, охвативъ у щиколотки ногу въ шелковомъ носкѣ, положенную на колѣно, сдвинулъ соломенную шляпу на затылокъ и, не оборачиваясь, глядѣлъ на море.

Ночью, лежа въ постели, Даша все это припомнила, ясно увидѣла себя, прыгавшую по площадкѣ, красную, съ выбившимся клокомъ волосъ, и расплакалась отъ стыда, отъ самолюбія, и еще отъ чего-то, бывшаго сильнѣе ея самой.

Съ этого дня она перестала ходить на теннисъ. Однажды Екатерина Дмитріевна ей сказала:

— Даша, мистеръ Беильсъ о тебѣ справляется каждый день, — почему ты не играешь?

Даша раскрыла ротъ — до того вдругъ испугалась. Затѣмъ, съ гнѣвомъ сказала, что не желаетъ слушать «глупыхъ сплетенъ», что никакого мистера Беильса не знаетъ и знать не хочетъ, и онъ, вообще, ведетъ себя нагло, если думаетъ, будто она изъ-за него не играетъ въ «этотъ дурацкій теннисъ». Даша отказалась отъ обѣда, взяла въ карманъ хлѣба и крыжовнику и ушла въ лѣсъ, и въ пахнущемъ горячею смолою сосновомъ бору, бродя между высокихъ и красныхъ стволовъ, шумящихъ вершинами, рѣшила, что нѣтъ больше возможности скрывать жалкую истину: влюблена въ англичанина, несчастна, и нѣтъ охоты жить.

Такъ, понемногу, поднималъ голову, выросталъ въ Дашѣ второй человѣкъ. Вначалѣ его присутствіе было отвратительно, какъ нечистота, болѣзненно, какъ разрушеніе. Затѣмъ Даша привыкла къ этому сложному состоянію, какъ привыкаютъ послѣ лѣта, свѣжаго вѣтра, прохладной воды затягиваться зимою въ корсетъ и суконное платье.

Двѣ недѣли продолжалась ея самолюбивая, «рогатая» влюбленность въ англичанина. Даша ненавидѣла себя и негодовала на этого человѣка. Нѣсколько разъ издали видѣла, какъ онъ лѣниво и ловко игралъ въ теннисъ, какъ ужиналъ съ русскими моряками, и въ отчаяніи думала, что онъ самый обаятельный человѣкъ на свѣтѣ.

А потомъ появилась около него высокая, худая дѣвушка, одѣтая въ бѣлую фланель, — англичанка, его невѣста, — и они уѣхали. Даша не спала цѣлую ночь, возненавидѣла себя лютымъ отвращеніемъ, и подъ утро рѣшила, что пусть это будетъ ея послѣдней ошибкой въ жизни.

На этомъ она успокоилась, а потомъ ей стало даже удивительно, какъ все это скоро и легко прошло. Но прошло не все: Даша чувствовала теперь, какъ тотъ — второй человѣкъ — точно слился съ ней, растворился въ ней, исчезъ, и она теперь вся другая — и легкая и свѣжая, какъ прежде, но точно вся стала мягче, нѣжнѣе, непонятнѣе, и, словно, кожа стала тоньше, и лица своего она не узнавала въ зеркалѣ, и особенно другими стали глаза, замѣчательные глаза, посмотришь въ нихъ — голова закружится.

Въ серединѣ августа Смоковниковы вмѣстѣ съ Дашей переѣхали въ Петербургъ, въ свою большую квартиру на Знаменской. Снова начались вторники,

выставки картинъ, громкія премьеры въ театрахъ и скандальные процессы въ судѣ, покупки картинъ, увлеченіе стариной, поѣздки на всю ночь въ Самаркандъ къ цыганамъ. Опять появился любовникъ-резонеръ, скинувшій на минеральныхъ водахъ двадцать три фунта вѣсу, и ко всѣмъ этимъ безпокойнымъ удовольствіямъ прибавились неопредѣленные, тревожные и радостные слухи о томъ, что готовится какая-то перемѣна.

Дашѣ некогда было теперь ни думать, ни чувствовать по-многу: утромъ лекціи, въ четыре — прогулка съ сестрой и магазины, вечеромъ — театры, концерты, ужины, люди, — ни минуты побыть въ тишинѣ.

Въ одинъ изъ вторниковъ, послѣ ужина, когда пили ликеры, въ гостиную вошелъ Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ. Увидѣвъ его въ дверяхъ, Екатерина Дмитріевна залилась яркой краской. Общій разговоръ прервался. Безсоновъ сѣлъ на диванъ и принялъ изъ рукъ Екатерины Дмитріевны чашку съ кофіемъ.

Къ нему подсѣли знатоки литературы — два присяжныхъ повѣренныхъ, но онъ, глядя на хозяйку длиннымъ, страннымъ взоромъ, неожиданно заговорилъ о томъ, что искусства, вообще, никакого нѣтъ, а есть шарлатанство, факирскій фокусъ, когда обезьяна лѣзетъ на небо по веревкѣ.

«Никакой поэзіи нѣтъ. Все давнымъ давно умерло, — и люди и искусство. А Россія — падаль, и стаи вороновъ на ней, на вороньемъ пиру. А тѣ, кто пишетъ стихи, всѣ будутъ въ аду».

Онъ говорилъ не громко, глуховатымъ голосомъ. На зломъ, блѣдномъ лицѣ его розовѣли два пятна. Мягкій воротникъ былъ помятъ и сюртукъ засы-

панъ пепломъ. Изъ чашечки, которую онъ держалъ въ рукѣ, лился кофе на коверъ.

Знатоки литературы затѣяли было споръ, но Безсоновъ, не слушая ихъ, слѣдилъ потемнѣвшими глазами за Екатериной Дмитріевной. Затѣмъ, поднялся, подошелъ къ ней, и Даша слышала, какъ онъ сказалъ:

— Я плохо переношу общество людей. Позвольте мнѣ уйти.

Она робко попросила его почитать. Онъ замоталъ головой и, прощаясь, такъ долго оставался прижатымъ къ рукѣ Екатерины Дмитріевны, что у ней порозовѣла спина.

Послѣ его ухода начался споръ. Мужчины единодушно высказались: «Все-таки, есть нѣкоторыя границы, и нельзя ужъ такъ явно презирать наше общество». Критикъ Чирва подходилъ ко всѣмъ и повторялъ: «Господа, онъ былъ пьянъ, въ лоскъ». Дамы же рѣшили: «Пьянъ-ли былъ Безсоновъ, или просто въ своеобразномъ настроеніи, — все равно онъ волнующій человѣкъ, пусть это всѣмъ будетъ извѣстно».

На слѣдующій день, за обѣдомъ, Даша сказала, что Безсоновъ ей представляется однимъ изъ тѣхъ «подлинныхъ» людей, чьими переживаніями, грѣхами, вкусами, какъ отраженнымъ свѣтомъ, живетъ, напримѣръ, весь кружокъ Екатерины Дмитріевны. «Вотъ, Катя, я понимаю, какъ отъ такого человѣка можно голову потерять».

Николай Ивановичъ возмутился: «Просто тебѣ, Даша, ударило въ носъ, что онъ знаменитость». Екатерина Дмитріевна промолчала. У Смоковниковыхъ Безсоновъ больше не появлялся. Прошелъ слухъ, что онъ пропадаетъ за кулисами у актрисы Чародѣевой. Куличекъ съ товарищами ходили смотрѣть эту самую

Чародѣеву, и были разочарованы: худа, какъ мощи, — однѣ кружевныя юбки.

Однажды Даша встрѣтила Безсонова на выставкѣ. Онъ стоялъ у окна и равнодушно перелистывалъ каталогъ, а передъ нимъ, какъ передъ чучелой изъ паноптикума, стояли двѣ коренастыя куристки и глядѣли на него съ застывшими улыбками. Даша медленно прошла мимо, и уже въ другой залѣ сѣла на стулъ, — неожиданно устали ноги и было, непонятно почему, грустно.

Послѣ этого Даша купила карточку Безсонова и поставила на столъ. Его стихи, — три бѣлыхъ томика, — вначалѣ произвели на нее впечатлѣніе отравы: нѣсколько дней она ходила сама не своя, точно стала соучастницей какого-то злого и тайнаго дѣла. Но, читая ихъ и перечитывая, она стала наслаждаться именно этимъ болѣзненнымъ ощущеніемъ, словно ей нашептывали — забыться, обезсилѣть, расточить что-то драгоцѣнное, затосковать по тому, чего никогда не бываетъ.

Изъ-за Безсонова она начала бывать на «Философскихъ Вечерахъ». Онъ пріѣзжалъ туда поздно, говорилъ рѣдко, но каждый разъ Даша возвращалась домой переволнованная, и была рада, когда дома — гости. Самолюбіе ея молчало.

Сегодня пришлось въ одиночествѣ разбирать Скрябина. Звуки, какъ ледяные шарики, медленно падаютъ въ грудь, въ глубь темнаго озера, безъ дна. Упавъ, колышутъ влагу и тонутъ, а влага приливаетъ и отходитъ, и тамъ, въ горячей темнотѣ, гулко, тревожно ударяетъ сердце, точно скоро, скоро, сейчасъ, въ это мгновеніе должно произойти что-то невозможное.

Даша опустила руки на колѣни и подняла голо-

ву. Въ мягкомъ свѣтѣ оранжеваго абажура глядѣли со стѣнъ на нее багровыя, вспухшія, оскаленныя, съ выпучанными глазами лица, точно призраки первозданнаго хаоса, жадно облѣпившіе въ первый день творенія садъ Господа Бога.

— Да, милостивая государыня, плохо наше дѣло, — сказала Даша. Слѣва на право стремительно проиграла гаммы, безъ стука закрыла крышку рояля, изъ японской коробочки, стоявшей на предиванномъ столѣ, вынула папироску, закурила, закашлялась и смяла ее въ пепельницѣ.

— Николай Ивановичъ, который часъ? — крикнула Даша такъ, чтобы было слышно черезъ четыре комнаты. Въ кабинетѣ что-то упало, но не отвѣтили. Появилась Великій Моголъ и, глядя въ зеркало, сказала, что ужинъ поданъ.

Въ столовой Даша сѣла передъ вазой съ увядшими цвѣтами и принялась ихъ ощипывать на скатерть. Моголъ подала чай, холодное мясо и яичницу. Появился, наконецъ, Николай Ивановичъ въ новомъ синемъ костюмѣ, но безъ воротничка. Волосы его были растрепаны, на бородѣ, отогнутой влѣво, висѣла пушинка съ диванной подушки.

Николай Ивановичъ хмуро кивнулъ Дашѣ, сѣлъ въ концѣ стола, придвинулъ сковородку съ яичницей и жадно сталъ ѣсть.

Потомъ онъ облокотился о край стола, подперъ большимъ, волосатымъ кулакомъ щеку, уставился невидящими глазами на кучу оборванныхъ лепестковъ, и проговорилъ голосомъ низкимъ и почти ненатуралнымъ:

— Вчера ночью твоя сестра мнѣ измѣнила.

IV

Родная сестра, Катя, сдѣлала что-то страшное и непонятное, чернаго цвѣта. Вчера ночью ея голова лежала на подушкѣ, отвернувшись отъ всего живого, родного, теплаго, а тѣло было раздавлено, развернуто. Такъ, содрогаясь, чувствовала Даша то, что Николай Ивановичъ назвалъ измѣной. И, ко всему, Кати не было дома, точно ее на свѣтѣ больше и не существуетъ.

Въ первую минуту Даша обмерла и въ глазахъ потемнѣло. Не дыша, она ждала, что Николай Ивановичъ либо зарыдаетъ, либо закричитъ какъ-нибудь страшно. Но онъ ни слова не прибавилъ къ своему сообщенію, и вертѣлъ въ пальцахъ подставочку для вилокъ. Взглянуть ему въ лицо Даша не смѣла.

Затѣмъ, послѣ очень долгаго молчанія, онъ съ грохотомъ отодвинулъ стулъ и ушелъ въ кабинетъ. «Застрѣлится», — подумала Даша. Но и этого не случилось. Съ острой и мгновенной жалостью она вспомнила, какая у него была волосатая, большая и теперь «безпомощная» рука на столѣ. Затѣмъ онъ уплылъ изъ ея зрѣнія, и Даша только повторяла: «Что же дѣлать? Что дѣлать?» Въ головѣ звенѣло, все, все, все было изуродовано и разбито.

Изъ-за суконной занавѣси появилась Великій Моголъ съ подносомъ, и Даша, взглянувъ на нее, вдругъ поняла, что теперь никакого больше Великаго Могола не будетъ. Слезы залили ей глаза, она крѣпко сжала зубы и выбѣжала въ гостиную.

Здѣсь, все до мелочей, было съ любовью разставлено и развѣшено катиными руками. Но катина душа ушла изъ этой комнаты, и все въ ней стало

дикимъ и нежилымъ. Даша сѣла на диванъ. Понемногу ея взглядъ остановился на недавно купленной картинѣ, въ простѣнкѣ надъ роялемъ. И въ первый разъ она увидѣла и поняла, что тамъ было изображено.

Нарисована была голая женщина, гнойно-краснаго цвѣта, точно съ содранной кожей. Ротъ — сбоку, носа не было совсѣмъ, вмѣсто него — треугольная дырка, голова — квадратная и къ ней приклеена тряпка — настоящая матерія. Ноги, какъ полѣнья, на шарнирахъ. Въ рукѣ — цвѣтокъ. Остальныя подробности ужасны. И самое страшное былъ уголъ, въ которомъ она сидѣла раскорякой, — глухой и коричневый, такіе углы, должно быть, — въ аду. Картина называлась «Любовь», а Катя называла ее современной Венерой.

«Такъ вотъ почему Катя такъ восхищалась этой окаянной бабой. Она сама теперь такая-же — съ цвѣткомъ, въ углу». Даша легла лицомъ въ подушку и, кусая ее, чтобы не кричать, заплакала. Нѣкоторое время спустя, въ гостиной появился Николай Ивановичъ. Разставивъ ноги, сердито зачиркалъ зажигательницей, пустилъ облако дыма, подошелъ къ роялю и сталъ тыкать въ клавиши. Неожиданно вышелъ — «чижикъ». Даша похолодѣла. Николай Ивановичъ хлопнулъ крышкой и сказалъ:

— Этого надо было ожидать.

Даша нѣсколько разъ про себя повторила эту фразу, стараясь понять, что она означаетъ. Внезапно, въ прихожей раздался рѣзкій звонокъ. Николай Ивановичъ поднялъ руки, взялся за бороду, но, произнеся сдавленнымъ голосомъ: — О-о-о! — ничего не сдѣлалъ, и быстро ушелъ въ кабинетъ. По коридору простукала, какъ копытами, Великій Моголъ.

Даша соскочила съ дивана, — въ глазахъ было темно, такъ билось сердце, — и выбѣжала въ прихожую.

Тамъ неловкими отъ холода пальцами Екатерина Дмитріевна развязывала лиловыя ленты капора и морщила носикъ. Сестрѣ она подставила щеку для поцѣлуя, но когда никто ее не поцѣловалъ, тряхнула головой, сбрасывая капоръ, и пристально сѣрыми глазами взглянула на сестру:

— У васъ что-нибудь произошло? Вы поссорились? — спросила она низкимъ, груднымъ, всегда такимъ очаровательно-милымъ голосомъ.

Даша стала глядѣть на кожаныя галоши Николая Ивановича, онѣ назывались въ домѣ «самоходами», и сейчасъ стояли сиротски. У нея дрожалъ подбородокъ:

— Нѣтъ, ничего не произошло, просто я такъ.

Екатерина Дмитріевна медленно разстегнула большія пуговицы бѣличьей шубы, движеніемъ голыхъ плечъ освободилась отъ нея, и теперь была вся теплая, нѣжная и усталая. Разстегивая гамаши, она низко наклонилась, говоря:

— Понимаешь, — покуда нашла автомобиль, — промочила ноги.

Тогда Даша, продолжая глядѣть на галоши Николая Ивановича, спросила сурово:

— Катя, гдѣ ты была?

— На литературномъ ужинѣ, моя милая, въ честь, ей Богу даже не знаю, кого. Все то же самое. Устала до смерти и хочу спать.

И она пошла въ столовую. Тамъ, бросивъ на скатерть кожаную сумку и вытирая платкомъ носикъ, спросила:

— Кто это нащипалъ цвѣтовъ? А гдѣ Николай Ивановичъ, спитъ?

Даша была сбита съ толку: сестра ни съ какой стороны не походила на окаянную бабу, и не только была не чужая, а чѣмъ то особенно сегодня близкая, такъ бы ее всю и погладила. Но, все же, съ огромнымъ присутствіемъ духа, царапая ногтемъ скатерть, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ полчаса тому назадъ Николай Ивановичъ ѣлъ яичницу, Даша сказала:

— Катя!

— Что, миленькій?

— Я все знаю.

— Что ты знаешь? Что случилось, ради Бога? Екатерина Дмитріевна сѣла къ столу, коснувшись колѣнями дашиныхъ ногъ, и съ любопытствомъ глядѣла на нее, снизу вверхъ.

Даша сказала:

— Николай Ивановичъ мнѣ все открылъ.

И не видѣла, какое было лицо у сестры, что съ ней происходило.

Послѣ молчанія, такого долгаго, что можно было умереть, Екатерина Дмитріевна проговорила злымъ голосомъ:

— Что же такое потрясающее сообщилъ про меня Николай Ивановичъ?

— Катя, ты знаешь.

— Нѣтъ, не знаю.

Она сказала это «не знаю» такъ, словно получился ледяной шарикъ.

Даша сейчасъ же опустилась у ея ногъ:

— Такъ, можетъ быть, это неправда? Катя, родная, милая, красивая моя сестра, скажи, — вѣдь это все неправда? — И Даша быстрыми поцѣлуями касалась катиной нѣжной, пахнущей ея духами, руки, съ синеватыми, какъ ручейки, жилками.

— Ну, конечно, направда, — отвѣтила Екатерина

Дмитріевна, устало закрывая глаза, — а ты и плакать сейчасъ же. Завтра глаза будутъ красные, и носикъ распухнетъ.

Она приподняла Дашу и надолго прижалась губами къ ея волосамъ.

— Слушай, я дура! — прошептала Даша въ ея грудь. Въ это время громкій и отчетливый голосъ Николая Ивановича проговорилъ за дверью кабинета:

— Она лжетъ!

Сестры быстро обернулись, но дверь была затворена. Екатерина Дмитріевна сказала:

— Иди-ка ты спать, ребенокъ. А я пойду выяснять отношенія. Вотъ удовольствіе, въ самомъ дѣлѣ, — едва на ногахъ стою.

Она проводила Дашу до ея комнаты, перекрестила, потомъ вернулась въ столовую, гдѣ захватила сумочку, поправила гребень и тихо, пальцемъ, постучала въ дверь кабинета:

— Николай, отвори, пожалуйста.

На это ничего не отвѣтили. Было зловѣщее молчаніе, затѣмъ фыркнулъ носъ, повернули ключъ, и Екатерина Дмитріевна, войдя, увидѣла широкую спину мужа, который, не оборачиваясь, шелъ къ столу, сѣлъ въ кожаное кресло, положилъ локти на подлокотники, взялъ слоновой кости ножъ и рѣзко провелъ имъ вдоль разгиба книги (романъ Вассермана «Сорокалѣтній мужчина»).

Все это дѣлалось такъ, будто Екатерины Дмитріевны въ комнатѣ нѣтъ.

Она же сѣла на диванъ, одернула юбку на ногахъ и, спрятавъ носовой платочекъ въ сумку, щелкнула замкомъ. При этомъ у Николая Ивановича вздрогнулъ клокъ волосъ на макушкѣ.

— Я не понимаю только одного, — сказала она, — ты воленъ думать все, что тебѣ угодно, но прошу Дашу въ свои настроенія не посвящать.

Тогда онъ живо повернулся въ креслѣ, вытянулъ шею и бороду и проговорилъ, не разжимая зубовъ:

— У тебя хватаетъ развязности называть это моимъ настроеніемъ?

— Не понимаю.

— Превосходно! Ты не понимаешь? Ну, а вести себя, какъ уличная женщина, кажется, очень понимаешь?

Екатерина Дмитріевна немного только раскрыла ротъ на эти слова. Глядя въ побагровѣвшее до пота, обезображенное злостью лицо мужа, она проговорила тихо:

— Съ какихъ поръ, скажи, ты началъ говорить со мной неуважительно?

— Покорнѣйше прошу извинить! Но другимъ тономъ я разговаривать не умѣю. Однимъ словомъ, я желаю знать подробности.

— Какія подробности?

— Не лги мнѣ въ глаза.

— Ахъ, вотъ ты о чемъ. — Екатерина Дмитріевна закатила, какъ отъ послѣдней усталости, большіе глаза свои. — Давеча я тебѣ сказала что-то такое... Я и забыла совсѣмъ.

— Я хочу знать — съ кѣмъ это произошло?

— А я не знаю.

— Еще разъ прошу не лгать...

— А я не лгу. Охота тебѣ лгать. Ну, сказала. Мало ли, что я говорю со зла. Сказала и забыла.

Во время этихъ словъ лицо Николая Ивановича было, какъ каменное, но сердце его нырнуло и задрожало отъ радости: «Слава Богу, наврала на себя».

Зато теперь можно было безопасно и шумно ничему не вѣрить, — отвести душу.

Онъ поднялся съ кресла и, шагая по ковру, останавливаясь и разрѣзая воздухъ взмахами костяного ножа, заговорилъ о паденіи семьи, о растлѣніи нравственности, о священныхъ, нынѣ забытыхъ, обязанностяхъ женщины, жены, матери своихъ дѣтей, помощницы мужа. Онъ упрекалъ Екатерину Дмитріевну въ душевной пустотѣ, въ легкомысленной тратѣ денегъ, заработанныхъ кровью («не кровью, а трепаніемъ языка» — поправила Екатерина Дмитріевна). Нѣтъ, больше, чѣмъ кровью, — тратой нервовъ. Онъ попрекалъ ее безпорядочнымъ подборомъ знакомыхъ, безпорядкомъ въ домѣ, пристрастіемъ къ «этой идіоткѣ» Великому Моголу, и даже «омерзительными картинами, отъ которыхъ меня тошнитъ въ вашей мѣщанской гостиной».

Словомъ, Николай Ивановичъ отвелъ душу.

Былъ четвертый часъ утра. Когда мужъ охрипъ и замолчалъ, Екатерина Дмитріевна сказала:

— Ничего не можетъ быть противнѣе толстаго и истерическаго мужчины, — поднялась и ушла въ спальню.

Но Николай Ивановичъ теперь даже не обидѣлся на эти слова. Медленно раздѣвшись, онъ повѣсилъ платье на спинку стула, завелъ часы и съ легкимъ вздохомъ влѣзъ въ свѣжую постель, съ вечера еще постланную на кожаномъ диванѣ.

«Да, живемъ плохо. Надо перестроить всю жизнь. Нехорошо, нехорошо», — подумалъ онъ, раскрывая книгу, чтобы для успокоенія почитать на сонъ грядущій. Но сейчасъ же опустилъ ее и прислушался. Въ домѣ было тихо. Кто-то высморкался, и отъ этого звука забилось сердце: «Плачетъ, —

подумалъ онъ, — ай, ай, ай, кажется я наговорилъ лишняго».

И, когда онъ сталъ вспоминать весь разговоръ и то, какъ Катя сидѣла и слушала, ему стало ее жалко. Онъ приподнялся на локтѣ, уже готовый вылѣзть изъ подъ одѣяла, но по всему тѣлу поползла истома, точно отъ многодневной усталости, онъ уронилъ голову и уснулъ.

Даша, оставшись одна въ своей чистенько прибранной комнатѣ, вынула изъ волосъ гребень, помотала головой такъ, что сразу вылетѣли всѣ шпильки, разбросала по стульямъ платье и бѣлье, влѣзла въ бѣлую постель и, закрывшись до подбородка, зажмурилась. «Господи, все хорошо! Теперь ни о чемъ не думать, спать». Изъ угла глаза выплыла какая-то смѣшная рожица. Даша улыбнулась, подогнула колѣни и обхватила подушку. Темный, сладкій сонъ покрылъ ее, и, вдругъ, явственно, въ памяти раздался катинъ голосъ: «Ну, конечно, не правда». Даша открыла глаза. «Я ни одного звука, ничего не сказала Катѣ, только спросила — правда или не правда. Она же отвѣтила такъ, точно отлично понимала о чемъ идетъ рѣчь». Сознаніе, какъ иглою сквозь все тѣло, прокололо Дашу: — Катя меня обманула! — Затѣмъ, припоминая всѣ мелочи разговора, катины слова и движенія, Даша ясно увидѣла, — да, дѣйствительно, обманъ. Она была потрясена. Катя измѣнила мужу, но, измѣнивъ, согрѣшивъ, налгавъ, стала точно еще очаровательнѣе. Только слѣпой не замѣтилъ-бы въ ней чего-то новаго, какой-то особой, усталой нѣжности. И лжетъ она такъ, что можно съ ума сойти — влюбиться. Но вѣдь она преступница. Господи, ничего не понимаю!

Даша была разволнована и сбита съ толку. Пила воду, зажигала и опять тушила лампочку и до утра ворочалась въ постели, чувствуя, что не можетъ ни осудить Катю, ни понять того, что она сдѣлала.

Екатерина Дмитріевна тоже не могла заснуть въ эту ночь. Она лежала на спинѣ, безъ силъ, протянувъ руки поверхъ шелковаго одѣяла, и, не вытирая слезъ, плакала о томъ, что ей смутно, нехорошо и нечисто, и она ничего не можетъ сдѣлать, чтобы было не такъ, и никогда не будетъ такой, какъ Даша — пылкой и строгой, и еще плакала о томъ, что Николай Ивановичъ назвалъ ее уличной женщиной и сказалъ про гостиную, что это — мѣщанская гостиная. И уже горько заплакала о томъ, что Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ вчера въ полночь завезъ ее на лихомъ извозчикѣ въ загородную гостиницу и тамъ, не зная, не любя, не чувствуя ничего, что было у нея близкаго и родного, омерзительно и не спѣша, овладѣлъ ею такъ, будто она была куклой, розовой куклой, выставленной на Морской, въ магазинѣ парижскихъ модъ мадамъ Дюклэ.

V.

На Васильевскомъ островѣ въ только что отстроенномъ домѣ, по 19-ой линіи, на пятомъ этажѣ, помѣщалась, такъ называемая, «Центральная Станція для борьбы съ бытомъ», въ квартирѣ инженера Ивана Ильича Телѣгина.

Телѣгинъ снялъ эту квартиру подъ «обжитье» на годъ по дешевой цѣнѣ. Себѣ онъ оставилъ

одну комнату, остальныя-же, меблированныя желѣзными кроватями, сосновыми столами и табуретками, сдалъ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы поселились жильцы — тоже холостые и непремѣнно веселые. Такихъ ему сейчасъ же и подыскалъ его бывшій одноклассникъ и пріятель Петръ Петровичъ Сапожковъ.

Это были — студентъ юридическаго факультета Александръ Ивановичъ Жировъ, хроникеръ и журналистъ Антошка Арнольдовъ, художникъ Валетъ и молодая дѣвица Елизавета Расторгуева, не нашедшая еще себѣ въ жизни занятія по вкусу.

Жильцы вставали поздно, когда Телѣгинъ пріѣзжалъ съ завода завтракать, и, не спѣша, принимались каждый за свои занятія. Антошка Арнольдовъ уѣзжалъ на трамваѣ на Невскій, въ кофейню, гдѣ узнавалъ новости и сочинялъ статейки. Валетъ, обычно, садился писать свой автопортретъ. Сапожковъ запирался на ключъ работать, — готовилъ рѣчи и статьи о новомъ искусствѣ. Жировъ пробирался къ Елизаветѣ Кіевнѣ и мягкимъ, мяукающимъ голосомъ обсуждалъ съ ней вопросы жизни. Онъ писалъ стихи, но изъ самолюбія никому ихъ не показывалъ. Елизавета Кіевна считала его геніальнымъ.

Елизавета Кіевна, кромѣ разговоровъ съ Жировымъ и другими жильцами, занималась вязаніемъ изъ разноцвѣтной шерсти квадратовъ, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія, при чемъ пѣла груднымъ, сильнымъ и фальшивымъ голосомъ малороссійскія пѣсни, или устраивала себѣ необыкновенныя прически, или, бросивъ пѣть и распустивъ волосы, ложилась на кроватъ съ книгой, — засасывалась въ чтеніе до головныхъ болей. Елизавета Кіевна была красивая, рослая и румяная дѣвушка,

съ близорукими, точно нарисованными, глазами, и одѣвавшаяся съ такимъ безвкусіемъ, что ее ругали за это даже телѣгинскіе жильцы.

Когда въ домѣ появлялся новый человѣкъ, она зазывала его къ себѣ, и начинался головокружительный разговоръ, весь построенный на остріяхъ и безднахъ, причемъ она выпытывала — нѣтъ-ли у ея собесѣдника жажды къ преступленію? способенъ ли онъ, напримѣръ, изъ-за одного любопытства убить? не ощущаетъ ли въ себѣ «самопровокаціи»? — это свойство она считала признакомъ всякаго замѣчательнаго человѣка.

Телѣгинскіе жильцы даже прибили на дверяхъ у нея таблицу этихъ вопросовъ; она была очень довольна и много хохотала. Въ общемъ, это была неудовлетворенная дѣвушка, и все ждала какихъ-то «переворотовъ», «кошмарныхъ событій», которые сдѣлаютъ жизнь увлекательной, такой, чтобы жить во весь духъ, а не томиться съ распущенными волосами.

Самъ Телѣгинъ не мало потѣшался надъ своими жильцами, считалъ ихъ отличными людьми и чудаками, но за недостаткомъ времени мало принималъ участія въ ихъ развлеченіяхъ.

Однажды, на Рождествѣ, Петръ Петровичъ Сапожковъ собралъ жильцовъ и сказалъ имъ слѣдующее:

— Товарищи, настало время дѣйствовать. Насъ много, но мы распылены. До сихъ поръ мы выступали разрозненно и робко. Мы должны составить фалангу и нанести ударъ буржуазному обществу. Для этого, во-первыхъ, мы фиксируемъ вотъ эту иниціативную группу, затѣмъ выпускаемъ прокламацію, вотъ она: «Мы новые Колумбы! Мы геніаль-

ные возбудители! Мы сѣмена новаго человѣчества! Мы требуемъ отъ заплывшаго жиромъ буржуазнаго общества отмѣны всѣхъ предразсудковъ. Отнынѣ, нѣтъ добродѣтели! Семья, общественныя приличія, браки — отмѣняются. Мы этого требуемъ. Человѣкъ, — мужчина и женщина, — долженъ быть голымъ и свободнымъ. Половыя отношенія есть достояніе общества. Юноши и дѣвушки, мужчины и женщины, вылѣзайте изъ насиженныхъ логовищъ, идите, нагіе и счастливые, въ хороводъ подъ солнце дикаго звѣря»!...

Затѣмъ Сапожковъ сказалъ, что необходимо издавать футуристическій журналъ подъ названіемъ: «Блюдо Боговъ», деньги на который отчасти дастъ Телѣгинъ, остальныя нужно вырвать изъ пасти буржуевъ, — всего три тысячи.

Такъ была создана «Центральная Станція по борьбѣ съ бытомъ», названіе, придуманное Телѣгинымъ, когда, вернувшись съ завода, онъ до слезъ хохоталъ надъ проектомъ Сапожкова. Немедленно было приступлено къ изданію перваго номера «Блюда Боговъ». Нѣсколько богатыхъ меценатовъ, адвокаты и даже самъ Сашка Сакельманъ, съ охотой, словно боясь, что ихъ заподозрятъ въ отсталости, дали требуемую сумму — три тысячи. Были заказаны бланки, на оберточной бумагѣ, съ непонятной надписью — «Центрифуга», и приступлено къ приглашенію ближайшихъ сотрудниковъ и сбору матеріала. Художникъ Валетъ подалъ идею, чтобы комната Сапожкова, превращенная въ редакцію, была обезображена циничными рисунками. Онъ нарисовалъ на стѣнахъ двѣнадцать автопортретовъ. Долго думали о меблировкѣ. Наконецъ, было рѣшено убрать изъ комнаты все, кромѣ большого стола, оклееннаго зо-

лотой бумагой: посѣтители пускай потрудятся стоять.

Послѣ выхода перваго номера, въ городѣ заговорили о «Блюдѣ Боговъ». Одни возмущались, другіе утверждали, что не такъ-то все это просто, и не пришлось бы въ недалекомъ будущемъ Пушкина отослать въ архивъ. Литературный критикъ Чирва растерялся, — въ «Блюдѣ Боговъ» его назвали сволочью. Екатерина Дмитріевна Смоковникова немедленно подписалась на журналъ, на весь годъ, и рѣшила устроить вторникъ съ футуристами.

Ужинать къ Смоковниковымъ былъ посланъ отъ «Центральной Станціи» Петръ Петровичъ. Онъ появился въ грязномъ сюртукѣ изъ зеленой бумазеи, взятомъ на-прокатъ въ театральной парикмахерской изъ пьесы Манонъ Леско. Сапожковъ подчеркнуто много ѣлъ за ужиномъ, смѣялся пронзительно, такъ что самому было непріятно, намѣревался оскорбить Чирву, но подъ дѣйствіемъ «магнетическихъ» глазъ критика поколебался и лишь ограничился непріятностью хозяйкѣ, сказавъ ей: «А рыбка-то у васъ съ душкомъ». Затѣмъ, развалился и курилъ, поправляя пенснэ на мокромъ носу. Въ общемъ, всѣ ожидали большаго.

Послѣ выхода второго номера рѣшено было устраивать вечера подъ названіемъ «Великолѣпныя кощунства». На одно изъ такихъ кощунствъ пришла Даша.

Парадную дверь ей отворилъ Жировъ и сразу засуетился, стаскивая съ Даши ботики, шубку, снялъ даже какую-то ниточку съ суконнаго ея платья. Дашу удивило, что въ прихожей пахнетъ капустой и во всѣхъ углахъ лежитъ, что-то неприбранное. Жи-

ровъ, скользя бочкомъ за ней по корридору, къ мѣсту кощунства, спросилъ:

— Скажите, вы какими духами душитесь? Замѣчательно пріятные духи какіе.

Затѣмъ, удивила Дашу очевидность всего этого, такъ нашумѣвшаго, дерзновенія. Правда, на стѣнахъ были разбросаны глаза, носы, руки, срамныя фигуры, падающіе небоскребы, словомъ, все, что составляло портретъ Василія Веньяминовича Валета, молча стоявшаго здѣсь-же, съ нарисованными зигзагами и запятыми на щекахъ. Правда, хозяева и гости, — а среди нихъ были почти всѣ молодые поэты, посѣщавшіе вторники у Смоковниковыхъ, — сидѣли на неструганныхъ доскахъ, положенныхъ на обрубки дерева, — даръ Телѣгина. Правда, читались преувеличенно страстными голосами стихи про автомобили, ползущіе по небесному своду, про «плевки въ стараго небеснаго сифилитика», про молодыя челюсти, которыми авторъ разгрызалъ, какъ орѣхи, церковные купола, про какого-то до головной боли непонятнаго кузнечика, въ оверкотѣ, съ бедекеромъ и биноклемъ, прыгающаго изъ окна на мостовую. Но Дашѣ, почему-то, всѣ эти ужасы казались убогими и слишкомъ очевидными. По-настоящему понравился ей только Телѣгинъ. Во время перерыва онъ подошелъ къ Дашѣ и спросилъ съ застѣнчивой улыбкой, — не хочетъ-ли она чаю и бутербродовъ:

— И чай и колбаса у насъ обыкновенные, хорошіе.

У него было загорѣлое лицо, бритое и простоватое, и добрые синіе глаза чуть-чуть косили отъ застѣнчивости.

Даша подумала, что доставитъ ему удовольствіе,

если согласится, поднялась и пошла въ столовую. Тамъ, на столѣ, среди грязной посуды, стояло блюдо съ бутербродами и помятый самоваръ. Телѣгинъ сейчасъ-же собралъ тарелки и поставилъ ихъ прямо на полъ въ уголъ комнаты, оглянулся, ища тряпку, вытеръ столъ носовымъ платкомъ, налилъ Дашѣ чаю и выбралъ бутербродъ «наиболѣе деликатный». Все это онъ дѣлалъ, не спѣша, большими своими, очень сильными руками, и приговаривалъ, словно особенно стараясь, чтобы Дашѣ было уютно среди этого мусора:

— Хозяйство у насъ въ безпорядкѣ, это вѣрно, но чай и колбаса первоклассные, отъ Елисѣева. Были конфекты, но съѣдены, хотя, — онъ поджалъ губы и поглядѣлъ на Дашу, въ синихъ глазахъ его появился испугъ, затѣмъ рѣшимость, — если позволите? — и вытащилъ изъ жилетнаго кармана двѣ карамельки.

«Съ такимъ не пропадешь» — подумала Даша, и тоже, чтобы ему было пріятно, сказала:

— Какъ разъ мои любимыя карамельки.

Затѣмъ, Телѣгинъ, бочкомъ присѣвъ напротивъ Даши, принялся внимательно глядѣть на горчичницу. На его большомъ и широкомъ лбу отъ напряженія собрались морщины. Онъ осторожно вытащилъ изъ кармана платокъ и осторожно вытеръ лобъ.

У Даши губы сами растягивались въ улыбку: этотъ большой, красивый человѣкъ до того въ себѣ не увѣренъ и застѣнчивъ, что готовъ спрятаться за горчичницу. У него гдѣ-нибудь въ Арзамасѣ, — такъ ей показалось, — живетъ чистенькая старушка-мать и пишетъ оттуда строгія письма насчетъ бѣлья чтобы не пропадало у столичныхъ прачекъ, насчетъ

его «постоянной манеры давать взаймы денежки разнымъ дуракамъ», насчетъ того, что только «скромностью и прилежаніемъ получишь, другъ мой, уваженіе среди людей». И онъ, очевидно, вздыхаетъ надъ этими письмами, понимая, какъ далеко ему до совершенства. Даша почувствовала нѣжность къ этому человѣку.

— Вы гдѣ служите? — спросила она. Телѣгинъ сейчасъ же поднялъ глаза, увидѣлъ ея улыбку, улыбнулся самъ, — понялъ, — подумала Даша, и отвѣтилъ:

— На Обуховскомъ заводѣ.

— Интересная работа у васъ?

— Не знаю. По-моему — всякая работа интересна.

— Мнѣ кажется, — рабочіе должны васъ очень любить.

— Вотъ, не думалъ никогда объ этомъ. Но по-моему, не должны любить. За что имъ меня любить? Я съ ними строгъ. Хотя, отношенія хорошія, конечно. Товарищескія отношенія.

— Скажите, — вамъ, дѣйствительно, нравится все, что сегодня дѣлалось въ той комнатѣ?

Губы Ивана Ильича раздвинулись въ широкую улыбку, морщины сошли со лба и онъ громко разсмѣялся:

— Мальчишки! Хулиганы отчаянные! Замѣчательные мальчишки! Я своими жильцами очень доволенъ, Дарья Дмитріевна. Иногда въ нашемъ дѣлѣ бываютъ непріятности, вернешься домой разстроеннымъ, а тутъ преподнесутъ чепуху какую-нибудь... На слѣдующій день вспомнишь, — и смѣшно.

— А мнѣ эти кощунства очень не понравились, — сказала Даша строго, — это просто гадко и нечистоплотно.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей въ глаза, она подтвердила, — «очень не понравилось».

— Разумѣется, виноватъ прежде всего я самъ, — проговорилъ Иванъ Ильичъ раздумчиво, — я ихъ къ этому поощрялъ. Дѣйствительно, пригласить гостей и весь вечеръ говорить непристойности... Ужасно, что вамъ все это было такъ непріятно.

Даша съ улыбкою глядѣла ему въ лицо. Она могла бы что угодно сказать этому, почти незнакомому ей, человѣку.

— Мнѣ представляется, Иванъ Ильичъ, что вамъ совсѣмъ другое должно нравиться. Мнѣ кажется — вы очень хорошій человѣкъ. Гораздо лучше, чѣмъ сами о себѣ думаете. Правда, правда.

Даша, облокотясь, подперла подбородокъ и мизинцемъ трогала губы. Глаза ея смѣялись, а ему казались они страшными, — до того были потрясающе прекрасны: сѣрые, большіе, холодноватые. Иванъ Ильичъ, въ величайшемъ смущеніи сгибая и разгибая ложку, пытался отрицать, вообще, самого себя.

На его счастье въ столовую вошла Елизавета Кіевна; на ней была накинута турецкая шаль и на ушахъ бараньими рогами закручены двѣ косы. Дашѣ она подала длинную, мягкую руку, представилась: — Расторгуева, — сѣла и сказала:

— О васъ много, много разсказывалъ Жировъ. Сегодня я изучала ваше лицо. Васъ коробило. Это хорошо.

— Лиза, хотите холоднаго чаю? — поспѣшно спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Нѣтъ, Телѣгинъ, вы знаете, что я никогда не пью чаю... Такъ, вотъ, вы думаете, конечно, что за странное существо говоритъ съ вами? Я — никто. Ничтожество. Бездарна и непріятна въ общежитіи.

Иванъ Ильичъ, стоявшій у стола, въ отчаяніи отвернулся. Даша опустила глаза. Елизавета Кіевна, съ улыбкой разглядывая ее, продолжала:

— Вы изящны, благоустроены и очень хороши собой. Не спорьте, вы это знаете сами. Въ васъ, конечно, влюбляются десятки мужчинъ. Обидно думать, что все это кончится очень просто, — придетъ самецъ, возьметъ васъ, народите ему дѣтей, потомъ умрете. Скука!

У Даши отъ обиды задрожали губы:

— Я и не собираюсь быть необыкновенной, — отвѣтила она, — и не знаю, почему васъ такъ волнуетъ моя будущая жизнь.

Елизавета Кіевна еще веселѣе улыбнулась, глаза же ея продолжали оставаться грустными и кроткими:

— Я же васъ предупредила, что я ничтожная, какъ человѣкъ, и омерзительная, какъ женщина. Переносить меня могутъ очень немногіе, и то изъ жалости, какъ, напримѣръ, Телѣгинъ.

— Чортъ знаетъ, что вы говорите, Лиза, — пробормоталъ онъ, не поднимая головы.

— Я ничего отъ васъ не требую, Телѣгинъ, успокойтесь. — И она опять обратилась къ Дашѣ. — Вы переживали когда-нибудь бурю? Я пережила одну бурю. Былъ человѣкъ, я его любила, онъ меня ненавидѣлъ, конечно. Я жила тогда на Черномъ морѣ. Была буря. Я говорю этому человѣку, — «ѣдемъ»... Отъ злости онъ поѣхалъ со мной... Насъ понесло въ открытое море... Вотъ было весело! Чертовски весело! Онъ сидѣлъ весь зеленый. Я сбрасываю съ себя платье и говорю ему...

— Слушайте, Лиза, — сказалъ Телѣгинъ, морща

губы и носъ, — вы врете. Ничего этого не было, я знаю.

Тогда Елизвета Кіевна съ непонятной улыбкой поглядѣла на него и вдругъ начала смѣяться. Положила локти на столъ, спрятала въ нихъ лицо и, смѣясь, вздрагивала полными плечами. Даша поднялась и сказала Телѣгину, что хочетъ домой и уѣдетъ, если можно, ни съ кѣмъ не прощаясь.

Иванъ Ильичъ подалъ Дашѣ шубку такъ осторожно, точно шубка была тоже частью дашинаго существа, сошелъ внизъ по темной лѣстницѣ, все время зажигая спички и сокрушаясь, что такъ темно, вѣтрено и скользко, довелъ Дашу до угла и посадилъ на извозчика — старичка на старой лошадкѣ, занесенной снѣгомъ. И долго еще стоялъ и смотрѣлъ, безъ шапки и пальто, какъ таяли и расплывались въ желтомъ туманѣ низенькія санки съ сидящей въ нихъ фигурой дѣвушки. Потомъ, не спѣша, вернулся домой, въ столовую. Тамъ, у стола, все такъ же — лицомъ въ руки — сидѣла Елизавета Кіевна. Телѣгинъ почесалъ подбородокъ и проговорилъ, морщась:

— Лиза.

Тогда она быстро, слишкомъ быстро, подняла голову, взглянула прямо въ глаза.

— Лиза, для чего, простите меня, вы всегда заводите такой разговоръ, что всѣмъ дѣлается неловко и стыдно?

— Влюбился, — негромко проговорила Елизавета Кіевна, продолжая глядѣть на него близорукими, грустными, точно нарисованными, глазами, — сразу вижу. Вотъ скука!

— Это совершенная неправда! Мнѣ очень непріятенъ этотъ разговоръ.

— Ну, виновата, — она лѣниво встала и ушла, волоча за собой по полу пыльную турецкую шаль.

Иванъ Ильичъ походилъ нѣкоторое время въ задумчивости, выпилъ холоднаго чаю, потомъ взялъ стулъ, на которомъ сидѣла Дарья Дмитріевна и отнесъ его въ свою комнату. Тамъ примѣрился, поставилъ его въ уголъ и, взявъ себя всей горстью за носъ, громко разсмѣялся:

— Чепуха! Вотъ ерунда то!

Для Даши эта встрѣча была, какъ одна изъ многихъ, — встрѣтила очень славнаго человѣка, и только. Даша была въ томъ еще возрастѣ, когда видятъ и слышатъ плохо: слухъ оглушенъ шумомъ крови, а глаза повсюду, — будь даже это человѣческое лицо, — видятъ, какъ въ зеркалѣ, только свое изображеніе. Въ такое время лишь уродства поражаютъ фантазію, а красивые люди, и обольстительные пейзажи, и скромная красота искусства считаются повседневной свитой королевы въ девятнадцать лѣтъ.

Не такъ было съ Иваномъ Ильичемъ. Теперь, когда съ посѣщенія Даши прошло больше недѣли, ему стало казаться удивительнымъ, какъ могла незамѣтно (онъ съ ней не сразу даже и поздоровался) и просто (вошла, сѣла, положила муфту на колѣни) появиться въ ихъ оголтѣлой квартирѣ эта дѣвушка съ нѣжной, нѣжнорозовой кожей, въ черномъ, суконномъ платьѣ, съ высоко поднятыми, пепельными волосами и гордымъ, дѣтскимъ ртомъ. Непонятно было, какъ рѣшился онъ спокойно говорить съ ней про колбасу отъ Елисѣева. А теплыя карамелечки

вытащилъ изъ кармана, предложилъ съѣсть? Мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ за свою жизнь (ему недавно исполнилось двадцать девять лѣтъ) влюблялся разъ шесть: еще реалистомъ, въ Казани, — въ зрѣлую дѣвицу, Марусю Хвоеву, дочь ветеринарнаго врача, давно уже и безплодно гуляющую, все въ одной и той же плюшевой шубкѣ, по главной улицѣ, въ 4 часа; но Марусѣ Хвоевой было не до шутокъ, Ивана Ильича отвергли, и онъ безъ предварительнаго перехода увлекся гастролершей Адой Тилле, поражавшей казанцевъ тѣмъ, что въ опереттахъ, изъ какой-бы эпохи ни были онѣ, появлялась, по возможности, въ костюмѣ для морского купанья, что и подчеркивалось дирекціей въ афишахъ: «Знаменитая Ада Тилле, получившая золотой призъ за красоту ногъ».

Иванъ Ильичъ дошелъ даже до того, что пробрался къ ней въ домъ и поднесъ букетъ, нарванный въ городскомъ саду. Но Ада Тилле, сунувъ эти цвѣты понюхать какой-то лохматой собаченкѣ, сказала Ивану Ильичу, что отъ мѣстной пищи у нея совершенно испорченъ желудокъ и попросила его сбѣгать въ аптеку.

Затѣмъ, уже студентомъ, въ Петербургѣ, онъ увлекся, было, медичкой Вильбушевичъ и даже ходилъ къ ней на свиданье въ анатомическій театръ, но, какъ-то само собой, изъ этого ничего не вышло, и Вильбушевичъ уѣхала служить въ земство.

Однажды Ивана Ильича полюбила до слезъ, до отчаянія, модисточка изъ большого магазина, Зиночка, и онъ отъ смущенія и душевной мягкости дѣлалъ все, что ей хотѣлось, но, въ общемъ, облегченно вздохнулъ, когда она вмѣстѣ съ отдѣленіемъ фирмы

уѣхала въ Москву, — прошло постоянное ощущеніе какихъ-то неисполненныхъ обязательствъ.

Послѣднее нѣжное чувство было у него въ позапрошломъ году, лѣтомъ, въ іюнѣ. На дворѣ, куда выходила его комната, напротивъ, въ окнѣ, каждый день передъ закатомъ, появлялась худенькая и блѣдная дѣвушка и, отворивъ окно, старательно вытряхивала и чистила щеткой свое, всегда одно и то же, рыженькое платье. Потомъ надѣвала его и выходила посидѣть въ паркъ.

Тамъ, въ паркѣ на Петербургской сторонѣ, Иванъ Ильичъ и разговорился съ ней, — и съ тѣхъ поръ каждый вечеръ они гуляли вмѣстѣ, хвалили петербургскіе закаты и бесѣдовали.

Дѣвушка эта, Оля Комарова, была одинокая, служила въ нотаріальной конторѣ, и все хворала, — кашляла. Они бесѣдовали объ этомъ кашлѣ, о болѣзни, о томъ, что по вечерамъ тоскливо бываетъ одинокому человѣку, и о томъ, что какая-то ея знакомая, Кира, полюбила хорошаго человѣка и уѣхала за нимъ въ Крымъ. Разговоры были скучные. Оля Комарова до того уже не вѣрила въ свое счастье, что, не стѣсняясь, говорила Ивану Ильичу о самыхъ завѣтныхъ мысляхъ, и даже о томъ, что иногда расчитываетъ, — вдругъ онъ полюбитъ ее, сойдется, увезетъ въ Крымъ.

Иванъ Ильичъ очень жалѣлъ ее и уважалъ, но полюбить такъ и не могъ, хотя иногда, послѣ ихъ бесѣды, лежа на диванѣ въ сумеркахъ, думала, — какой онъ эгоистъ, сластолюбецъ, грубый и плохой человѣкъ.

Осенью Оля Комарова простудилась и слегла. Иванъ Ильичъ отвезъ ее въ больницу, а оттуда на кладбище. Передъ смертью она сказала: «Если я

выздоровлю, вы женитесь на мнѣ?» «Честное слово, женюсь», — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

Чувство къ Дашѣ не было похоже на тѣ, прежнія. Елизавета Кіевна сказала: «Влюбился». Но влюбиться можно было во что-то предполагаемое доступнымъ, и невозможно, напримѣръ, влюбиться въ статую, въ облако.

Къ Дашѣ было какое-то особое, незнакомое ему чувство, притомъ мало понятное, потому что и причинъ-то къ нему было мало — нѣсколько минутъ разговора, да стулъ въ углу комнаты.

Чувство это было даже и не особенно острое, но Ивану Ильичу хотѣлось самому теперь стать другимъ, тоже особымъ, начать очень слѣдить за собой. Онъ часто думалъ:

«Мнѣ скоро тридцать лѣтъ, а жилъ я до сихъ поръ, какъ трава росъ. Запустѣніе страшное. Эгоизмъ и безразличіе къ людямъ. Въ общемъ — нечистоплотность. Надо подтянуться, пока не поздно».

Въ концѣ марта, въ одинъ изъ тѣхъ передовыхъ, весеннихъ дней, неожиданно врывающихся въ бѣлый отъ снѣга, тепло закутанный городъ, когда съ утра заблеститъ, зазвенитъ капель съ карнизовъ и крышъ, зажурчитъ вода по водосточнымъ трубамъ, верхомъ потекутъ подъ ними зеленыя кадки, развезетъ на улицахъ снѣгъ, задымится асфальтъ и высохнетъ пятнами, когда тяжелая шуба повиснетъ на плечахъ, глядишь — а ужъ какой-то мужчина, съ острой бородкой, идетъ въ одномъ пиджачкѣ, и всѣ оглядываются на него, улыбаются, а поднимешь голову — небо такое бездонное и синее, словно вымыто водами, — въ такой день, въ половинѣ

четвертаго, Иванъ Ильичъ вышелъ изъ технической конторы Сименсъ и Гальске, что на Невскомъ, разстегнулъ хорьковую шубу и прищурился отъ солнца, подумавъ:

«На свѣтѣ жить, все-таки, недурно».

И въ ту же минуту увидѣлъ Дашу. Она медленно шла, въ синемъ, весеннемъ пальто, съ краю тротуара и махала лѣвой рукой со сверточкомъ; на синей ея шапочкѣ покачивались бѣлыя ромашки; лицо было задумчивое и грустное. Она шла съ той стороны, откуда по лужамъ, по рельсамъ трамваевъ, въ стекла, въ спины прохожимъ, подъ ноги имъ, на спицы и мѣдь экипажей свѣтило изъ синей бездны огромное солнце, косматое, пылающее весенней яростью.

Даша точно вышла изъ этой синевы и свѣта, и прошла, пропала въ толпѣ. Иванъ Ильичъ долго смотрѣлъ въ ту сторону. Сердце медленно, точно кулакъ, било въ грудь. Воздухъ былъ густой, пряный, кружащій голову.

Иванъ Ильичъ медленно дошелъ до угла и, заложивъ за спину руки, долго стоялъ передъ столбомъ съ афишами. «Новыя и интересныя приключенія Джэка потрошителя животовъ, 2400 метровъ», — прочелъ онъ разъ шесть и сообразилъ, что ничего не понимаетъ, и счастливъ такъ, какъ въ жизни съ нимъ еще не бывало.

А, отойдя отъ столба, во второй разъ увидѣлъ Дашу. Она возвращалась, все такъ же — съ ромашками и сверточкомъ, по краю тротуара. Онъ подошелъ къ ней, снялъ шляпу и сказалъ:

— Дарья Дмитріевна, я не помѣшаю, если поздороваюсь?

Она чуть-чуть вздрогнула. Затѣмъ подняла на не-

го холодноватые глаза, въ нихъ отъ свѣта блестѣли зеленыя точки, улыбнулась ласково и подала руку въ бѣлой лайковой перчаткѣ, крѣпко, дружески.

— Вотъ, какъ хорошо, что я васъ встрѣтила. Я даже думала сегодня о васъ... Правда, правда, думала. — Даша кивнула головкой, и на шапочкѣ закивали ромашки.

— У меня, Дарья Дмитріевна, было дѣло на Невскомъ, и теперь весь день свободный... И день какой-то такой... — Иванъ Ильичъ сморщилъ губы, собирая все присутствіе духа, чтобы онѣ не расплылись въ улыбку. Даша спросила:

— Иванъ Ильичъ, вы могли-бы меня проводить до дома?

— Конечно... да...

Они свернули въ боковую улицу и шли теперь въ тѣни.

— Иванъ Ильичъ, вамъ не будетъ странно, если я спрошу васъ объ одной вещи? Нѣтъ, конечно, съ вами-то я и поговорю. Только вы отвѣчайте мнѣ сразу. Говорите, не раздумывая, а прямо, — какъ спрошу, такъ и отвѣтьте.

Лицо ея было озабочено и брови сдвинуты.

— Раньше мнѣ казалось такъ, — она провела рукой по воздуху, — есть воры, лгунишки, убійцы и уличныя женщины. Но они существуютъ такъ же, какъ змѣи, пауки и мыши, — я боюсь мышей, — а люди, всѣ люди — немного смѣшные, со слабостями и чудачествами, но всѣ — добрые и ясные... Вонъ, видите — идетъ барышня — ну, вотъ, какая она есть, такая и есть. Весь свѣтъ мнѣ казался точно нарисованнымъ чудесными красками. Вы понимаете меня?

— Но это прекрасно, Дарья Дмитріевна...

— Подождите. А теперь я точно проваливаюсь въ эту картину, въ темноту, въ духоту . . . Я вижу, — человѣкъ можетъ быть обаятельнымъ, даже какимъ-то особенно трогательнымъ, прямо на-ощупь, и грѣшить, грѣшить ужасно при этомъ. Вы не подумайте, — не пирожки таскать изъ буфета, а грѣхъ настоящій: ложь, — Даша отвернулась, подбородокъ ея дрогнулъ, — человѣкъ этотъ прелюбодѣй. Женщина — замужняя. Значитъ, грѣшить можно? Я спрашиваю, Иванъ Ильичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя.

— Почему нельзя?

— Этого сейчасъ сказать не могу. Но чувствую, что нельзя.

— А вы думаете — я сама этого не чувствую? Съ двухъ часовъ брожу по городу въ тоскѣ. День такой ясный, свѣжій, а мнѣ все представляется, что въ этихъ домахъ, за занавѣсками, попрятались черные, черные люди. И я должна быть съ ними, вы понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю, — быстро отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, должна. И пойду. Потому что вся жизнь тамъ, за занавѣсками, а не здѣсь. Ахъ, какая тоска у меня! Значитъ, просто на просто, я — дѣвчонка. А этотъ городъ не для дѣвчонокъ построенъ, а для взрослыхъ.

Даша остановилась у подъѣзда и носкомъ высокаго башмака стала передвигать взадъ и впередъ по асфальту кѣмъ-то брошенную коробку отъ папиросъ, съ картинкой — зеленая дама, изо рта дымъ. Иванъ Ильичъ, глядя на лакированный носокъ дашиной ноги, чувствовалъ, какъ Даша, словно таетъ, уходитъ туманомъ. Онъ бы хотѣлъ удержать ее, но

какой силой? Есть такая сила, и онъ чувствовалъ, какъ она сжимаетъ ему сердце, стискиваетъ горло. Но для Даши все его чувство, какъ тѣнь на стѣнѣ, потому что и онъ самъ не болѣе, какъ добрый, славный Иванъ Ильичъ.

— Ну, прощайте, спасибо вамъ, Иванъ Ильичъ. Вы очень славный и добрый. Мнѣ легче не стало отъ нашихъ разговоровъ, но, все-же, я вамъ очень, очень благодарна. Вы меня поняли, правда? Вотъ какія дѣла на свѣтѣ. Надо быть взрослой, ничего не подѣлаешь. Заходите къ намъ въ свободный часокъ, пожалуйста. — Она улыбнулась, встряхнула ему руку и вошла въ подъѣздъ, пропала тамъ въ темнотѣ.

VI.

Даша растворила дверь своей комнаты и остановилась въ недоумѣніи: пахло сырыми цвѣтами, и сейчасъ же она увидѣла на туалетномъ столикѣ корзину съ высокой ручкой и синимъ бантомъ, подбѣжала и опустила въ нее лицо. Это были пармскія фіалки, помятыя и влажныя.

Даша была взволнована. Съ утра ей хотѣлось чего-то неопредѣлимаго, а сейчасъ она поняла, что хотѣлось именно фіалокъ. Но кто ихъ прислалъ? Кто думалъ о ней сегодня такъ внимательно, что угадалъ даже то, чего она сама не понимала. Вотъ только бантъ — совсѣмъ ужъ здѣсь не къ мѣсту. Развязывая его, Даша подумала:

«Хоть и безпокойная, но не плохая дѣвушка. Какими бы вы тамъ грѣшками ни занимались — она пойдетъ своей дорогой. Быть можетъ, думаете, что

слишкомъ задираетъ носъ? — Найдутся люди, которые поймутъ задранный носъ и даже оцѣнятъ».

Въ бантѣ оказалась засунутой записка на толстой бумагѣ, два слова незнакомымъ, крупнымъ почеркомъ: «Любите любовь». Съ обратной стороны напечатано: «Цвѣтоводство Ницца». Значитъ, тамъ, въ магазинѣ, кто-то и написалъ: «Любите любовь». Даша съ корзиной въ рукахъ вышла въ корридоръ и крикнула:

— Моголъ, кто мнѣ принесъ эти цвѣты?

Великій Моголъ посмотрѣла на корзину и чистоплотно вздохнула, точно ея эти вещи ни съ какой стороны не касаются:

— Екатеринѣ Дмитріевнѣ мальчишка изъ магазина принесъ. А барыня вамъ велѣла поставить.

— Отъ кого, онъ сказалъ?

— Ничего не говорилъ, только сказалъ, чтобы передали барынѣ.

Даша вернулась къ себѣ и стала у окна, заложивъ руки за спину. Сквозь стекла былъ виденъ закатъ, — слѣва, изъ за кирпичной стѣны сосѣдняго дома онъ разливался по небу, зеленѣлъ и линялъ. Появилась звѣзда въ этой зеленѣющей пустотѣ, переливаясь сверкала, какъ вымытая. Внизу, въ узкой и затуманившейся теперь улицѣ, сразу, во всю ея длину, вспыхнули электрическіе шары, еще не яркіе и не свѣтящіе. Близко прокрякалъ автомобиль, и было видно, какъ покатилъ вдоль улицы въ вечерную мглу.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно, и нѣжно пахли фіалки. Ихъ прислалъ тотъ, съ кѣмъ у Кати былъ грѣхъ. Это ясно. Даша стояла и думала, что вотъ она, какъ муха, попала въ паутину тончайшаго и соблазнительнаго грѣха. Онъ въ этомъ влажномъ

запахѣ цвѣтовъ, въ двухъ словахъ: «любите любовь», жеманныхъ и волнующихъ, и въ кроткомъ очарованіи этого вечера.

И вдругъ ея сердце сильно и часто забилось. Даша почувствовала, точно прикасается пальцами, видитъ, слышитъ, ощущаетъ что-то запретное, скрытое, обжигающее сладостью. Она, внезапно, всѣмъ духомъ словно разрѣшила себѣ, дала волю. И нельзя было понять, какъ случилось, что въ то же мгновеніе она была уже по эту сторону. Строгость, ледяная стѣночка растаяла дымкой, такой-же, какъ та, въ концѣ улицы, куда беззвучно унесся автомобиль съ двумя дамами въ бѣлыхъ шляпахъ.

Только билось сердце, легко кружилась голова, и во всемъ тѣлѣ веселымъ холодкомъ сама собою пѣла какая-то музыка: «Я живу, люблю. Жизнь, весь свѣтъ — мой, мой, мой».

«Послушайте, моя милая, — вслухъ проговорила Даша, открывая глаза, — вы дѣвственница, другъ мой, у васъ просто дурной характеръ».

Она пошла въ дальній уголъ комнаты, сѣла въ большое мягкое кресло и, не спѣша, обдирая бумагу съ шоколадной плитки, стала припоминать все, что произошло за эти двѣ недѣли, послѣ катинаго грѣха.

Въ домѣ ничего не измѣнилось. Катя даже стала особенно нѣжной съ Николаемъ Ивановичемъ. Онъ ходилъ веселый и собирался строить дачу въ Финляндіи. Одна Даша переживала молча эту «трагедію» двухъ ослѣпшихъ людей. Заговорить первая съ сестрой она не рѣшалась, а Катя, всегда такая внимательная къ дашинымъ настроеніямъ, на этотъ разъ точно ничего не замѣчала. Екатерина Дмитріевна заказывала себѣ и Дашѣ весенніе костюмы къ

Пасхѣ, пропадала у портнихъ и модистокъ, принимала участіе въ благотворительныхъ базарахъ, устраивала, по просьбѣ Николая Ивановича, литературный спектакль съ негласной цѣлью сбора въ пользу комитета лѣвой фракціи соціалъ-демократической партіи, такъ называемыхъ большевиковъ, прозябавшихъ въ Парижѣ, собирала гостей, кромѣ вторниковъ, еще и по четвергамъ, — словомъ, у нея не было ни минуты свободной.

«А вы въ это время трусили, ни на что не рѣшались и размышляли надъ вещами, въ которыхъ, какъ овца, ничего не понимали, и не поймете, покуда сами не обожжете крылышки», — подумала Даша, и тихо засмѣялась. Изъ того темнаго озера, куда падали ледяные шарики, и откуда нельзя было ожидать ничего хорошаго, всталъ, какъ часто бывало за эти дни, ѣдкій и злой образъ Безсонова. Она разрѣшила себѣ, и онъ овладѣлъ ея мыслями. Даша притихла. Въ темной комнатѣ тикали часики.

Затѣмъ, далеко въ домѣ хлопнула дверь, и было слышно, какъ голосъ сестры спросилъ:

— Давно вернулась?

Даша поднялась съ кресла и вышла въ прихожую. Екатерина Дмитріевна сейчасъ же сказала:

— Почему ты красная?

Николай Ивановичъ, шибко потеревъ руки, отпустилъ остроту изъ репертуара любовника-резонера. Даша, съ ненавистью поглядѣвъ ему на мягкія, большія губы, пошла за Катей въ ея спальню. Тамъ, присѣвъ у туалета, изящнаго и хрупкаго, какъ все въ комнатѣ сестры, она стала слушать болтовню о знакомыхъ, встрѣченныхъ во время прогулки.

Разсказывая, Екатерина Дмитріевна наводила порядокъ въ зеркальномъ шкафу, гдѣ лежали пер-

чатки, куски кружевъ, вуальки, шелковые башмачки, — множество маленькихъ пустяковъ, пахнущихъ ея духами. Оказывается, что Роза Абрамовна одѣвается «ни у какой ни у мадамъ Дюклэ», а дома и притомъ прескверно, что Ведренскій опять проворонилъ процессъ и сидитъ безъ денегъ, встрѣтила его жену, плачется, — очень трудно стало жить. У Тимирязевыхъ корь. Шейнбергъ опять сошелся со своей истеричкой, передаютъ, что она даже стрѣлялась у него на квартирѣ. Вотъ, — весна-то весна! А день какой сегодня?! Всѣ бродятъ, какъ пьяныя мухи, по улицамъ. Да, еще новость, — встрѣтили Акундина, увѣряетъ, что въ самомъ ближайшемъ времени у насъ будетъ революція. Понимаешь, на заводахъ, въ деревняхъ — повсюду броженіе. Ахъ, поскорѣе-бы! Николай Ивановичъ до того обрадовался, что повелъ меня къ Пивато, и мы выпили бутылку шампанскаго, ни съ того, ни съ сего, за будущую революцію.

Даша, молча слушая сестру, открывала и закрывала крышечки на хрустальныхъ флаконахъ.

— Катя, — сказала она внезапно, — понимаешь, — я такая, какая есть, никому не нужна. — Екатерина Дмитріевна съ шелковымъ чулкомъ, натянутымъ на руку, обернулась и внимательно взглянула на сестру. — Главное, я не нужна самой себѣ, такая. Вродѣ того, если бы человѣкъ рѣшилъ ѣсть одну сырую морковь и считалъ-бы, что это его ставитъ гораздо выше остальныхъ людей.

— Не понимаю тебя, — сказала Екатерина Дмитріевна. Даша поглядѣла на ея спину и вздохнула:

— Всѣ не хороши, всѣхъ я осуждаю. Одинъ глупъ, другой противный, третій грязный. Одна

я хороша. Я здѣсь чужая, мнѣ очень тяжело отъ этого. Я и тебя осуждаю, Катя.

— За что? — не оборачиваясь, тихо спросила Екатерина Дмитріевна.

— Нѣтъ, ты пойми. Хожу съ задраннымъ носомъ, — вотъ и всѣ достоинства. Просто — это глупо, и мнѣ надоѣло быть чужой среди васъ всѣхъ. Однимъ словомъ, — понимаешь, мнѣ очень нравится одинъ человѣкъ.

Даша проговорила это, опустивъ голову; засунула палецъ въ хрустальный флакончикъ и не могла его оттуда вытащить.

— Ну, что же, дѣвочка, слава Богу, если нравится. Будешь счастлива. Кому же и счастье, какъ не тебѣ. — Екатерина Дмитріевна легонько вздохнула.

— Видишь-ли, Катя, это все не такъ просто. По-моему, — я не люблю его.

— Если нравится — полюбишь.

— Въ томъ-то и дѣло, что онъ мнѣ не нравится.

Тогда Екатерина Дмитріевна закрыла дверцу шкафа и остановилась около Даши:

— Ты же только что сказала, что нравится... Вотъ, дѣйствительно.

— Катюша, не придирайся. Помнишь англичанина въ Сестрорѣцкѣ, вотъ тотъ и нравился, была даже влюблена. Но тогда я была сама собой... Злилась, пряталась, по ночамъ ревѣла, и все сошло съ меня, какъ водица. А этотъ... Я даже не знаю — онъ ли это... Нѣтъ, онъ, онъ, онъ... Смутилъ меня... И вся я другая теперь. Точно дыму какого-то нанюхалась... Войди онъ сейчасъ ко мнѣ въ комнату — не пошевелюсь...

— Господи, Даша, что ты говоришь?

— Катя, вѣдь это называется грѣхъ?... Вотъ я такъ понимаю.

Екатерина Дмитріевна присѣла на стулъ къ сестрѣ, привлека ее, взяла ея горячую руку, поцѣловала въ ладонь, но Даша медленно освободилась, вздохнула, подперла голову, и долго глядѣла на синѣющее окно, на звѣзды.

— Даша, какъ его зовутъ?

— Алексѣй Алексѣвичъ Безсоновъ.

Тогда Катя пересѣла на стулъ, рядомъ, положила руку на горло и сидѣла, не двигаясь. Даша не видѣла ея лица, — оно все было въ тѣни, — но чувствовала, что сказала ей что-то ужасное.

«Ну, и тѣмъ лучше», — отворачиваясь, подумала она. И отъ этого «тѣмъ лучше» стало легко и пусто:

— Почему, скажи пожалуйста, другія все могутъ, а я не могу? Два года слышу про шестьсотъ шестьдесятъ шесть соблазновъ, а всего-то за всю жизнь одинъ разъ и цѣловалась съ гимазистомъ на каткѣ, въ теплушкѣ.

Она вздохнула громко и замолчала. Екатерина Дмитріевна сидѣла теперь согнувшись, опустивъ руки на колѣни:

— Безсоновъ очень дурной человѣкъ, — проговорила она, — онъ страшный человѣкъ, Дашенька. Ты слушаешь меня?

— Да.

— Онъ всю тебя сломаетъ.

— Ну, что же теперь подѣлаешь!

— Я не хочу этого! Пусть лучше другія... Пусть лучше я погибну! Но не ты, не ты, милочка!

— Нѣтъ, вороненокъ не хорошъ, онъ черенъ тѣ-

ломъ и душой, — нарочно засмѣявшись, сказала Даша, — чѣмъ же Безсоновъ плохъ, скажи?

— Не могу сказать... Не знаю... Но я содрогаюсь, когда думаю о немъ.

— А вѣдь онъ тебѣ тоже, кажется, нравился немножко?

— Никогда... Ненавижу!... Храни тебя Господь отъ него!

— Вотъ видишь, Катюша... Теперь ужъ я навѣрно попаду къ нему въ сѣти.

— О чемъ ты говоришь?... Мы съ ума сошли обѣ!

Но Дашѣ именно этотъ разговоръ и нравился, точно шла на цыпочкахъ по дощечкѣ. Нравилось, что волуется Катя. О Безсоновѣ она почти уже и не думала, но нарочно принялась разсказывать про свои чувства къ нему, описывала встрѣчи, его лицо. Все это преувеличивала, и выходило такъ, будто она ночи напролетъ томится грѣшными мыслями и чуть ли ни сейчасъ готова бѣжать къ Безсонову. Подъ конецъ ей самой стало смѣшно, захотѣлось схватить Катю за плечи, расцѣловать: «Вотъ, ужъ кто дурочка, такъ это ты, Катюша». Но Екатерина Дмитріевна вдругъ соскользнула со стула на коврикъ, обхватила Дашу, легла лицомъ въ ея колѣни и, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, крикнула какъ-то страшно даже:

— Прости, прости меня!... Даша, прости меня!

Даша перепугалась. Нагнулась къ сестрѣ, и отъ страха и жалости сама заплакала, всхлипывая стала спрашивать — о чемъ она говоритъ, за что ее простить? Но Екатерина Дмитріевна стиснула зубы и только ласкала сестру, цѣловала ей руки.

За обѣдомъ Николай Ивановичъ, взглянувъ на обѣихъ сестеръ, сказалъ:

— Такъ-съ. А нельзя-ли и мнѣ быть посвященнымъ въ причину сихъ слезъ?

— Причина слезъ — мое гнусное настроеніе, — сейчасъ-же отвѣтила Даша, — успокойся, пожалуйста, я и безъ тебя понимаю, что вся, вмѣстѣ съ этой вилкой, не стою мизинчика твоей супруги.

Въ концѣ обѣда, къ кофе, пришли гости. Николай Ивановичъ рѣшилъ, что по случаю семейныхъ настроеній необходимо поѣхать въ кабакъ. Куличекъ сталъ звонить въ гаражи. Катю и Дашу послали переодѣваться. Пришелъ Чирва и, узнавъ, что собираются въ кабакъ, неожиданно разсердился:

— Въ концѣ концовъ отъ этихъ непрерывныхъ кутежей страдаетъ кто? Русская литература-съ. — Но и его взяли въ автомобилъ вмѣстѣ съ другими.

Въ «Сѣверной Пальмирѣ» было полно народомъ и шумно; огромная, низкая зала подъ землею ярко залита бѣлымъ свѣтомъ шести хрустальныхъ люстръ. Люстры, табачный дымъ, поднимающійся къ нимъ изъ партера, тѣсно поставленные столики, люди во фракахъ и голыя плечи женщинъ, цвѣтные парики, — зеленые, лиловые и сѣдые, — пучки снѣжныхъ эспри, драгоцѣнные камни, дрожащіе на шеяхъ и въ ушахъ снопиками оранжевыхъ, синихъ, рубиновыхъ лучей, скользящіе въ тѣснотѣ лакеи, испитой человѣкъ, съ мокрой прядью волосъ на лбу, съ поднятыми руками, и магическая его палочка, рѣжущая воздухъ передъ занавѣсомъ малиноваго бархата, блестящая мѣдь трубъ, — все это повторялось и множилось въ зеркальныхъ стѣнахъ, и, казалось, будто здѣсь, въ безконечныхъ перспективахъ, сидитъ все человѣчество, весь міръ.

Даша, потягивая через соломинку шампанское, наблюдала за столиками. Вотъ, передъ запотѣвшимъ ведромъ и кожурой отъ лангуста, сидитъ бритый человѣкъ съ напудренными щеками. Глаза его полузакрыты, ротъ презрительно сжатъ. Очевидно, сидитъ и думаетъ о томъ, что, въ концѣ концовъ, электричество потухнетъ, а всѣ люди умрутъ, — стоитъ-ли, вообще, радоваться чему-нибудь?

Вотъ, заколыхался и пошелъ въ обѣ стороны занавѣсъ. На эстраду выскочилъ маленькій, какъ ребенокъ, японецъ, съ трагическими морщинами, и замелькали вокругъ него въ воздухѣ пестрые шары тарелки, факелы. Глядя на нихъ, Даша подумала:

«Почему Катя сказала — прости, прости?»

И вдругъ, точно обручемъ стиснуло голову, остановилось сердце. «Неужели?» Но она тряхнула головой, вздохнула глубоко, не дала даже подуматъ себѣ, что — «неужели», и поглядѣла на сестру.

Екатерина Дмитріевна сидѣла на другомъ концѣ стола такая утомленная, печальная и красивая, что у Даши глаза налились слезами. Она поднесла палецъ къ губамъ и незамѣтно дунула на него. Это былъ условный знакъ. Катя увидѣла, поняла и нѣжно, медленно улыбнулась.

Часовъ около двухъ начался споръ — куда ѣхать? Екатерина Дмитріевна попросилась домой. Николай Ивановичъ говорилъ, что, какъ всѣ, такъ и онъ, а «всѣ» рѣшили ѣхать «дальше».

И тогда Даша сквозь порѣдѣвшую толпу увидѣла Безсонова. Онъ сидѣлъ, положивъ локоть далеко на столъ и внимательно слушалъ Акундина, который съ полуизжованной папиросой во рту говорилъ ему что-то, рѣзко чертя ногтемъ по скатерти. На этотъ летающій ноготь Безсоновъ и глядѣлъ. Его

лицо было сосредоточено и блѣдно. Дашѣ показалось, что сквозь шумъ она разслышала: «Конецъ, конецъ всему». Но сейчасъ-же ихъ обоихъ заслонилъ широкобрюхій татаринъ-лакей. Поднялась Катя и Николай Ивановичъ, Дашу окликнули, и она такъ и осталась, уколотая любопытствомъ, взволнованная и растерянная.

Когда вышли на улицу — неожиданно бодро и сладко пахнуло морозцемъ. Въ черно-лиловомъ небѣ пылали созвѣздія. Кто-то за дашиной спиной проговорилъ со смѣшкомъ: «Чертовски шикарная ночь!» Къ тротуару подкатилъ автомобиль, сзади, изъ бензиновой гари, вынырнулъ оборванный человѣкъ, сорвалъ картузъ и, приплясывая, распахнулъ передъ Дашей дверцу мотора. Даша, входя, взглянула, — человѣкъ былъ худой, съ небритой щетиной, съ перекошеннымъ ртомъ, и весь трясся, прижимая локти.

— Съ благополучно проведеннымъ вечеромъ въ храмѣ роскоши и чувственныхъ удовольствій! — бодро крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ, и, живо подхвативъ брошенный кѣмъ-то двугривенный, салютовалъ рваной фуражкой. Даша почувствовала, какъ по ней точно царапнули его черные, свирѣпые глазки.

Домой вернулись поздно. Даша, лежа на спинѣ въ постели, даже не заснула, а забылась, будто все тѣло у нея отнялось, — такая была усталость.

Вдругъ, со стономъ сдергивая съ груди одѣяло, она сѣла, раскрыла глаза. Въ окно на паркетъ свѣтило солнце... «Боже мой, что за ужасъ былъ только что»?! Было такъ страшно, что она едва не заплакала; когда же собралась съ духомъ — оказалось, что за-

была все. Только въ сердцѣ осталась боль отъ какого-то отвратительно-страшнаго сна.

Послѣ завтрака Даша пошла на курсы, записалась держать экзаменъ, купила книгъ и до обѣда, дѣйствительно, вела суровую, трудовую жизнь — зубрила постылый курсъ римскаго права. Но вечеромъ опять пришлось натягивать шелковые чулки (утромъ рѣшено было носить только нитяные), пудрить руки и плечи, перечесываться. «Устроить бы на затылкѣ шишъ, вотъ и хорошо, а то всѣ кричатъ: дѣлай модную прическу, а какъ ее сдѣлаешь, когда волосы сами разсыпаются». Словомъ была мука. На новомъ же, синемъ, шелковомъ платьѣ оказалось спереди пятно отъ шампанскаго.

Дашѣ вдругъ стало до того жалко этого платья, до того жаль своей пропадающей жизни, что, держа въ рукѣ испорченную юбку, она сѣла и расплакалась. Въ дверь сунулся, было, Николай Ивановичъ, но, увидѣвъ, что Даша въ одной рубашкѣ и плачетъ, позвалъ жену. Прибѣжала Катя, схватила платье, воскликнула: «Ну, это сейчасъ отойдетъ!» и кликнула Великаго Могола, которая появилась съ бензиномъ и горячей водой.

Платье отчистили, Дашу одѣли. Николай Ивановичъ чертыхался изъ прихожей: «Вѣдь премьера же, господа, нельзя опаздывать». И, конечно, въ театръ опоздали.

Даша, сидя въ ложѣ рядомъ съ Екатериной Дмитріевной, глядѣла, какъ рослый мужчина, съ наклеенной бородой и неестественно расширенными глазами, стоя подъ плоскимъ деревомъ, говорилъ дѣвушкѣ въ ярко-розовомъ:

«Софья Ивановна, я люблю васъ, люблю васъ», — и держалъ ее за руку. И, хотя пьеса была не жалобная, Дашѣ все время хотѣлось плакать, жалѣть дѣвушку въ ярко-розовомъ, и было досадно, что дѣйствіе не такъ поворачиваетъ. Дѣвушка, какъ выяснялось, и любитъ и не любитъ, на объятіе отвѣтила русалочнымъ хохотомъ и убѣжала къ мерзавцу, бѣлые брюки котораго мелькали на второмъ планѣ, между стволовъ. Мужчина схватился за голову, сказалъ, что уничтожитъ какую-то рукопись — дѣло его жизни, и первое дѣйствіе окончилось.

Въ ложѣ появились знакомые, и начался обычный, торопливо-приподнятый, разговоръ.

Маленькій Шейнбергъ, съ голымъ черепомъ и бритымъ, измятымъ лицомъ, словно все время выпрыгивающимъ изъ жесткаго воротника, сказалъ о пьесѣ, что она захватываетъ:

— Опять проблема пола, но проблема, поставленная остро. Человѣчество должно, наконецъ, покончить съ этимъ проклятымъ вопросомъ.

На это отвѣтилъ угрюмый, большой Буровъ, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ — либералъ, у котораго на Рождествѣ сбѣжала жена съ содержателемъ скаковой конюшни:

— Какъ для кого — для меня вопросъ рѣшеный. Женщина лжетъ самымъ фактомъ своего существованія, мужчина лжетъ при помощи искусства. Половой вопросъ — просто мерзость, а искусство — одинъ изъ видовъ уголовнаго преступленія.

Николай Ивановичъ захохоталъ, глядя на жену. Буровъ продолжалъ мрачно:

— Птицѣ пришло время нести яйца, — самецъ одѣвается въ пестрый хвостъ. Это ложь, потому что природный хвостъ у него сѣрый, а не пестрый. На

деревѣ распускается цвѣтокъ — тоже ложь, приманка, а суть въ безобразныхъ корняхъ подъ землей. А больше всего лжетъ человѣкъ. На немъ цвѣтовъ не растетъ, хвоста у него нѣтъ, приходится пускать въ дѣло языкъ, — ложь сугубая и отвратительная, такъ называемая, любовь и все, что вокругъ нея накручено. Вещи загадочныя для барышень въ нѣжномъ возрастѣ, только, — онъ покосился на Дашу, — въ наше время — полнѣйшаго отупѣнія — этой чепухой занимаются серьезные люди. Да-съ, Россійское государство страдаетъ засореніемъ желудка.

Онъ съ катарральной гримасой нагнулся надъ коробкой конфектъ, покопалъ въ ней пальцемъ, выбралъ шоколадную съ ромомъ, вздохнулъ, положилъ въ ротъ и поднялъ къ глазамъ большой бинокль, висѣвшій у него на ремешкѣ черезъ шею.

Разговоръ перешелъ на застой въ политикѣ и реакцію. Куличекъ, шевеля бровями, взволнованнымъ шопотомъ разсказалъ послѣдній дворцовый скандалъ.

— Кошмаръ, кошмаръ! — быстро проговорилъ Шейнбергъ. Николай Ивановичъ ударилъ себя по колѣнкѣ:

— Революція, господа, революція нужна намъ немедленно! Иначе мы просто задохнемся. У меня есть свѣдѣнія, — онъ понизилъ голосъ, — на заводахъ очень не спокойно.

Всѣ десять пальцевъ Шейнберга взлетѣли отъ возбужденія на воздухъ:

— Но когда же, когда? Невозможно безъ конца ждать!

— Доживемъ, Яковъ Александровичъ, доживемъ, — проговорилъ Николай Ивановичъ весело, — и

вамъ портфельчикъ вручимъ министра юстиціи-съ, ваше превосходительство.

Дашѣ надоѣло слушать объ этихъ проблемахъ, революціяхъ и портфельчикахъ. Облокотясь о бархатъ ложи и другою рукою обнявъ Катю за талію, она глядѣла въ партеръ, иногда съ улыбкой кивая знакомымъ. Даша знала и видѣла, что онѣ съ сестрой нравятся, и эти, уловленные въ толпѣ, взгляды — нѣжные мужскіе и злые женскіе — и обрывки фразъ и улыбки возбуждали ее, какъ пьянитъ весенній воздухъ. Слезливое настроеніе прошло. Щеку около уха щекоталъ завитокъ катиныхъ волосъ.

— Катюша, я тебя люблю, — шопотомъ проговорила Даша.

— И я.

— Ты рада, что я у тебя живу?

— Очень.

Даша раздумывала, что-бы ей еще сказать Катѣ доброе. И вдругъ, внизу увидѣла Телѣгина. Онъ стоялъ въ черномъ сюртукѣ, держа въ рукахъ шапку и афишу и, давно уже, исподлобья, чтобы не замѣтили, глядѣлъ на ложу Смоковниковыхъ. Его загорѣлое, твердое лицо замѣтно выдѣлялось среди остальныхъ лицъ, либо слишкомъ бѣлыхъ, либо испитыхъ. Волосы его были гораздо свѣтлѣе, чѣмъ Даша ихъ представляла, — какъ рожь.

Встрѣтясь глазами съ Дашей, онъ сейчасъ-же поклонился, затѣмъ отвернулся, но у него упала шапка. Нагибаясь, онъ толкнулъ сидѣвшую въ креслахъ толстую даму, началъ извиняться, покосился опять на ложу и, видя, что Даша смѣется, покраснѣлъ, попятился, наступилъ на ногу редактору эстетическаго журнала «Хоръ Музъ» и, махнувъ рукой, пошелъ къ выходу. Даша сказала сестрѣ:

— Катя, это и есть Телѣгинъ.

— Вижу, очень милый.

— Поцѣловала бы, до чего милъ. И, если бы ты знала, до чего онъ умный человѣкъ, Катюша.

— Вотъ, Даша!...

— Что?

Но сестра промолчала. Даша поняла и тоже прiумолкла. У нея опять защемило сердце, — у себя, въ улиточьемъ дому было неблагополучно: на минуту забылась, а заглянула опять туда, — тревожно, темно, душно.

Когда залъ погасъ, и занавѣсъ поплылъ въ обѣ стороны, Дашѣ показалось, что она точно выгнана изъ дому, — некуда отъ самой себя укрыться. Она вздохнула и внимательно стала слушать.

Человѣкъ съ наклеенной бородой продолжалъ грозиться сжечь рукопись, дѣвушка издѣвалась надъ нимъ, сидя у рояля. И было очевидно, что эту дѣвицу поскорѣе нужно выдать замужъ, чѣмъ тянуть еще канитель на три акта. Все это — душевный вывихъ, ни что иное, какъ глупость.

Даша подняла глаза къ плафону зала, — тамъ, среди облаковъ, летѣла прекрасная, полуобнаженная женщина, съ радостной и ясной улыбкой. «Боже, до чего похожа на меня», — подумала Даша. И сейчасъ же увидѣла себя со стороны: сидитъ существо въ ложѣ, ѣстъ шоколадъ, вретъ, путаетъ и ждетъ, чтобы само собою случилось что-то необыкновенное. Но ничего не случится. «И жизни мнѣ нѣтъ, покуда не пойду къ нему, не услышу его голоса, не почувствую его всего. А остальное — ложь. Просто — нужно быть честной».

Съ этого вечера Даша не раздумывала болѣе — любитъ-ли Безсонова, или тянется къ нему отъ грѣховной какой-то размягченности, больного любопытства. Она знала теперь, что пойдетъ къ нему, и боялась этого часа. Одно время она рѣшила, было, уѣхать къ отцу, въ Самару, но подумала, что полторы тысячи верстъ не спасутъ отъ искушенія, и махнула рукой.

Ея здоровая дѣвственность негодовала, но что можно было подѣлать со «вторымъ человѣкомъ», когда ему помогало все на свѣтѣ. И, наконецъ, было невыносимо оскорбительно такъ долго страдать и думать объ этомъ Безсоновѣ, который и знать-то ее не хочетъ, живетъ въ свое удовольствіе гдѣ-то около Каменноостровскаго проспекта, пишетъ стихи объ актрисѣ съ кружевными юбками. А Даша, вся до послѣдней капельки, наполнена имъ, вся въ немъ.

Даша теперь брезговала собой. Нарочно гладко причесывала волосы, закручивая ихъ шишомъ на затылкѣ, носила старое — гимназическое — платье, привезенное еще изъ Самары, съ тоской, упрямо, зубрила римское право, не выходила къ гостямъ и отказывалась отъ развлеченій. Быть честной оказалось не легко. Даша просто трусила.

Въ началѣ апрѣля, въ прохладный вечеръ, когда закатъ уже потухъ, и зеленовато-линялое небо свѣтилось фосфорическимъ свѣтомъ, не бросая тѣней, Даша возвращалась съ острововъ пѣшкомъ.

Дома она сказала, что идетъ на курсы, а вмѣсто этого проѣхала въ трамвайчикѣ до Елагина моста и бродила весь вечеръ по голымъ аллеямъ, переходила мостики, глядѣла на воду, на лиловые сучья, распластанные въ оранжевомъ заревѣ заката, на лица прохожихъ, на плывущія за мшистыми стволами огонь-

ки экипажей. Она не думала ни о чемъ и не торопилась.

Было спокойно на душѣ, и всю ее, словно до костей, пропиталъ весенній, солоноватый воздухъ взморья. Ноги устали, но не хотѣлось возвращаться домой, въ комнату, гдѣ столько было передумано душныхъ мыслей.

По широкому проспекту Каменноостровскаго крупной рысью катили коляски, проносились длинные автомобили, съ шутками и смѣхомъ двигались кучки гуляющихъ. Даша свернула въ боковую улочку.

Здѣсь было совсѣмъ тихо и пустынно. Зеленѣло небо надъ крышами. Изъ каждаго почти дома, изъза опущенныхъ занавѣсей, раздавалась музыка. Вотъ разучиваютъ сонату, вотъ — знакомый, знакомый вальсъ, а вотъ въ тускломъ и красноватомъ отъ заката окнѣ мезонина переливаются четыре хрустальныхъ голоса фуги. Словно въ тишинѣ этого синеватаго вечера пѣлъ самый воздухъ.

И у Даши, насквозь пронизанной звуками, тоже все пѣло и все тосковало. Казалось, тѣло стало легкимъ и чистымъ, безъ пятнышка.

Даша свернула за уголъ, прочла на стѣнѣ дома номеръ, усмыхнулась и, подойдя къ парадной двери, гдѣ надъ мѣдной, львиной головой была прибита визитная карточка: «А. Безсоновъ», сильно позвонила.

VII.

Въ желѣзныя ворота постучали. На каменной тумбѣ, въ тѣни воротной арки, зашевелился тулупъ, поднялась рука со звенящими ключами, шмыгнула

по носу. Тулупъ двинулся, взвизгнулъ замокъ, и тяжелыя ворота пріоткрылись.

На улицу вышли двое, пряча подбородки въ поднятые воротники, — Безсоновъ и Акундинъ. Изъ черной овчины тулупа высунулось подслѣповатое личико ночного сторожа, попросило у нихъ на-чаекъ. Безсоновъ опустилъ ему въ конецъ рукава двугривенный и повернулъ направо по пустынной улицѣ. Акундинъ шелъ немного сзади, затѣмъ догналъ его и взялъ подъ руку:

— Ну, что, Алексѣй Алексѣевичъ, какъ вамъ понравился нашъ пророкъ Елисѣй?

Безсоновъ сразу остановился:

— Послушайте, но вѣдь это бредъ! За воротами, на второмъ дворѣ, на черной лѣстницѣ, въ душной комнатѣ, среди книгъ, табаку, сидѣть и думать... Вы вглядывались въ его лицо?... Безъ кровинки... Какой-то особенный, красный ротъ, точно онъ слова обсасываетъ губами. Но, подумайте, если осуществить все, о чемъ онъ говорилъ?

— Большая будетъ потѣха на свѣтѣ, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Нѣтъ, это бредъ!... На старомъ диванѣ, въ табачномъ дыму зажигать міровой пожаръ!... Что вы мнѣ говорите, — вотъ льетъ дождикъ, такъ и будетъ лить до скончанія вѣка... Камня вы съ мѣста не сдвинете.

Они стояли подъ фонаремъ. Безсоновъ глядѣлъ на пропадающія во мглѣ мелкаго дождя зеленоватыя точки огней. Рѣдкіе прохожіе, отражаясь въ черномъ асфальтѣ, спѣшили по домамъ, — руки въ карманы, носы въ воротники. Акундинъ, въ большой сѣрой шляпѣ, глядѣлъ снизу вверхъ на Безсонова и, усмѣхаясь, пощипывалъ бородку:

— Въ такія іерихонскія трубы затрубимъ, Алексѣй Алексѣевичъ, не то что стѣны — все съ верху до низу рухнетъ. У насъ ухватка ужъ больно хороша. Словечко есть. Важно было словечко найти, — Сезамъ, отворись. И въ нашемъ словечкѣ особенный фокусъ: къ чему его ни приставишь, все въ ту-же минуту гніетъ и разсыпается. А вы говорите — камня не сдвинемъ. Напримѣръ, во имя, скажемъ, процвѣтанія алаунскаго суглинка, необходимо пойти бить нѣмцевъ и городишки ихъ жечь. Ура, ребята, за вѣру, царя и отечество! А вы попробуйте-ка приставить къ этому наше словечко. Товарищи, русскіе, нѣмцы и прочіе, — голь, нищета, послѣдніе людишки, — довольно вашей кровушки попито, на горбѣ поѣзжено, давайте устраивать *міровую справедливость.* На меньшее васъ не зовемъ. Отнынѣ, вы одни люди, остальные паразиты. Въ чемъ дѣло? Какіе паразиты? Какая такая міровая справедливость? Алексѣй Алексѣевичъ понимаете — какой тутъ нуженъ жестъ, — вродѣ того, какимъ было съ горы Іисусу Христу земное царство показано. Повторить необходимо. Объяснить на примѣрѣ, что такое міровая справедливость въ пониманіи Каширскаго уѣзда, села Брюхина, крестьянина Ликсея Иванова Седьмого, работающаго съ двѣнадцати лѣтъ на кирпичномъ заводѣ, за поденную плату пятьдесятъ пять копѣекъ въ сутки, на своихъ харчахъ. Примѣръ: домъ каменный видите? Видимъ. Въ домѣ сидитъ кирпичный фабрикантъ, цѣпочка поперекъ живота, видите? Видимъ. Шкафъ у него полный денегъ, а подъ окнами городовой ходитъ, смотритъ строго, видите? Видимъ. Ну, все это по міровой справедливости ваше, товарищи. Поняли? А вы, Алексѣй Алексѣевичъ, гово-

рите, что мы теоретики. Мы, какъ первые христіане. Они нищему поклонились, и мы униженному и оскорбленному, лохудрѣ, что и на человѣка то не похожъ, — низкій поклонъ отъ пяти материковъ. У нихъ было словечко, и у насъ словечко. У нихъ крестовые походы, и у насъ крестовые походы.

Акундинъ засмѣялся, стараясь разглядѣть лицо Безсонова, затѣненное шляпой. Затѣмъ, взглянувъ на часы, заторопился:

— Побрыкаетесь, а придете, придете къ намъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Такіе, какъ вы, намъ вотъ какъ нужны... Время близко, послѣдніе денёчки доживаемъ... — Онъ хихикнулъ, подавивъ въ себѣ возбужденіе, крѣпко, отрывисто стиснулъ Безсонову руку и свернулъ за уголъ. И долго еще было слышно, какъ увѣренно постукивали его каблуки по тротуару. Безсоновъ крикнулъ извозчика. Гдѣ-то въ дождевой мглѣ зачмокали губами, затарахтѣлъ экипажъ. У фонаря остановилась женщина и тоже стала глядѣть на пропадающіе огоньки. Потомъ проговорила, едва ворочая языкомъ:

— Никогда не прощу.

Безсоновъ, вздрогнувъ, взглянулъ. Лицо ея все смѣялось, морщинистое и пьяное. Подъѣхалъ извозчикъ — высокій мужикъ на маленькой лошадкѣ, сказалъ тонкимъ голосомъ: — «тпру». Садясь въ сырую пролетку, Безсоновъ вспомнилъ, что предстоитъ еще одно свиданіе съ женщиной. Очевидно, будетъ глупо и пошло, — тѣмъ лучше. Онъ сказалъ адресъ, поднялъ воротникъ, и поплыли навстрѣчу смутныя очертанія домовъ, расплывающіеся свѣты изъ оконъ, облачка желтоватаго тумана надъ каждымъ фонаремъ.

Остановившись у ресторана, извозчикъ сказалъ особымъ только для господъ, разбитнымъ голосомъ:

— Васъ четвертаго сюда нынѣ привожу. Пища здѣсь что ли хороша? Одинъ все погонялъ, цѣлковый, говоритъ, подарю, поѣзжай скорѣй, сукинъ сынъ. А лошадешка у меня совсѣмъ не способная.

Безсоновъ, не глядя сколько, сунулъ ему мелочь и взбѣжалъ по широкой лѣстницѣ ресторана. Швейцаръ сказалъ, снимая съ него шубу:

— Алексѣй Алексѣевичъ, васъ дожидаютъ.

— Кто?

— Особа женскаго пола, намъ не извѣстная.

Безсоновъ, высоко поднявъ голову и глядя передъ собой холодными глазами, прошелъ въ дальній уголъ низкаго и сейчасъ наполненнаго народомъ рестораннаго зала, къ своему обычному столику. Метръ-д'отель, Лоскуткинъ, благородный старикъ, сообщилъ, наклонившись надъ скатертью, что сегодня — необыкновенное баранье сѣдло. Безсоновъ сказалъ:

— Ѣсть не хочу. Дадите бѣлаго вина. Моего.

Онъ сидѣлъ строго и прямо, положивъ руки на скатерть. Въ этотъ часъ, въ этомъ мѣстѣ, какъ обычно, нашло на него привычное состояніе мрачнаго вдохновенія. Всѣ впечатлѣнія дня словно сцѣпились въ стройную и осмысленную форму, и въ немъ, въ глубинѣ, волнуемой завываніемъ румынскихъ скрипокъ, запахами женскихъ духовъ, духотой люднаго зала, возника тѣнь этой, вошедшей извнѣ, формы, и эта тѣнь была — вдохновеніе. Онъ чувствовалъ, что будто слѣпымъ, какимъ-то внутреннимъ осязаніемъ постигаетъ таинственный смыслъ вещей и словъ, — смѣющагося лица въ слезахъ у фонаря, и музыки, упоенной похотью въ

эту черную ночь, и бредовой фантазіи публициста-соціолога, къ которому его привелъ сегодня Акундинъ, и всѣхъ этихъ странныхъ сравненій, примѣрчиковъ и подхихикиваній, на углу, у фонаря.

Безсоновъ поднималъ стаканъ и пилъ вино, не разжимая зубовъ. Сердце медленно билось. Было невыразимо пріятно чувствовать всего себя, пронизаннаго звуками и голосами.

Напротивъ, у столика подъ зеркаломъ, ужинали Сапожковъ, Антошка Арнольдовъ, вертлявый человѣкъ съ трагическими глазами, и Елизавета Кіевна. Она вчера написала Безсонову длинное письмо, назначивъ здѣсь свиданіе, и сейчасъ сидѣла красная и взволнованная. На ней было платье изъ полосатой матеріи, черной съ желтымъ, и такой же бантъ въ волосахъ. Когда вошелъ Безсоновъ, ей стало душно.

— Будьте осторожны, — прошепталъ ей Арнольдовъ и, усмѣхаясь, показалъ сразу всѣ свои гнилые и золотые зубы, — онъ бросилъ актрису, сейчасъ безъ женщины и опасенъ, какъ тигръ.

Елизавета Кіевна засмѣялась, тряхнула полосатымъ бантомъ и пошла между столиками къ Безсонову. На нее оглядывались, усмѣхаясь, давали дорогу.

За послѣднее время жизнь Елизаветы Кіевны складывалась совсѣмъ уныло, — день за днемъ, безъ дѣла, безъ надежды на лучшее, — словомъ — тоска. Телѣгинъ явно не взлюбилъ ее, обращался вѣжливо, но разговоровъ и встрѣчъ наединѣ избѣгалъ. Она же съ отчаяніемъ чувствовала, что онъ то, именно, ей и нуженъ. Когда въ прихожей

раздавался его голосъ, Елизавета Кіевна поднимала голову отъ книги и глядѣла на дверь. Онъ шелъ по корридору, какъ всегда, на ципочкахъ. Она ждала, сердце останавливалось, дверь расплывалась въ глазахъ, но онъ опять проходилъ мимо. Хоть бы постучалъ, попросилъ спичекъ. Въ концѣ концовъ, все это было безумно оскорбительно.

На-дняхъ, на зло Жирову, съ кошачьей осторожностью ругавшему все на свѣтѣ, она купила книгу Безсонова, разрѣзала ее щипцами для волосъ, прочла нѣсколько разъ подрядъ, залила кофеемъ, смяла въ постели и, наконецъ, за обѣдомъ объявила, что онъ геній... Телѣгинскіе жильцы возмутились. Сапожковъ назвалъ Безсонова грибкомъ на разлагающемся тѣлѣ буржуазіи. У Жирова вздулась на лбу жила. Художникъ Валетъ швырнулъ вилку. Одинъ Телѣгинъ остался безучастнымъ. Тогда у нея произошелъ такъ называемый «моментъ самопровокаціи», она захохотала, ушла къ себѣ, написала Безсонову восторженное, нелѣпое письмо, съ требованіемъ свиданія, вернулась въ столовую и молча бросила письмо на столъ. Жильцы прочли его вслухъ и долго совѣщались. Телѣгинъ сказалъ:

— Очень смѣло написано.

Тогда Елизавета Кіевна отдала письмо кухаркѣ, чтобы немедленно бросить въ ящикъ, и почувствовала, что летитъ въ пропасть.

Сейчасъ, подойдя къ Безсонову, Елизавета Кіевна проговорила бойко:

— Я вамъ писала. Вы пришли. Спасибо.

И сейчасъ же сѣла напротивъ него, бокомъ къ столу, — нога на ногу, локоть на скатерть, — подперла подбородокъ и стала глядѣть на Алексѣя Алексѣевича нарисованными глазами. Онъ молчалъ.

Лоскуткинъ подалъ второй стаканъ и самъ налилъ вина Елизаветѣ Кіевнѣ. Она сказала:

— Вы спросите, конечно, зачѣмъ я васъ хотѣла видѣть?

— Нѣтъ, этого я спрашивать не стану. Пейте вино.

— Вы правы, мнѣ нечего разсказывать. Вы живете, Безсоновъ, а я нѣтъ. Мнѣ просто — скучно.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Мнѣ предлагали войти въ партію для совершенія террористическихъ актовъ, но я ненавижу дисциплину. Стать кокоткой — не хочу, — брезглива. Что можно сейчасъ дѣлать, когда все гнилое, все гніетъ. Ничего я не дѣлаю. Вамъ странно? Противно? Такъ вотъ, я спрашиваю — куда мнѣ дѣться?

— Я думаю, что такимъ людямъ, какъ вы, нужно подождать немного, — отвѣтилъ Безсоновъ, поднимая стаканъ на свѣтъ, — скоро, скоро будетъ время, когда тысячи такихъ же окаменѣвшихъ химеръ оживутъ и слетятся дѣлить добычу. У васъ глаза химеры. — И онъ медленно вытянулъ вино сквозь зубы.

Елизавета Кіевна не совсѣмъ поняла, о чемъ онъ говоритъ, но отъ удовольствія покраснѣла. Безсоновъ же почувствовалъ въ ней хорошаго слушателя, къ тому же, самъ собою подвернулся «стиль», и онъ разрѣшилъ себѣ наслажденіе поколдовать — напустить на эту замеревшую отъ вниманія женщину чернаго дыма фантазіи. Онъ заговорилъ о томъ, что на Россію опускается ночь для совершенія страшнаго возмездія. Онъ чувствуетъ это по тайнымъ и зловѣщимъ знакамъ. На заборахъ и стѣнахъ домовъ, въ видѣ торговыхъ рекламъ, появились изображенія дьявола. Вчера, напримѣръ, былъ расклеенъ отъ фирмы «Космосъ» огромный

плакать: по безконечной лѣстницѣ, внизъ, на автомобильной шинѣ летитъ хохочущій дьяволъ, огненно-красный, какъ кровь. Въ Денежномъ переулкѣ на заборѣ онъ видѣлъ афишу — изъ облака рука указываетъ пальцемъ внизъ на странную надпись: «въ самомъ ближайшемъ времени».

— Вы понимаете, что это обозначаетъ?... Скоро будетъ большой просторъ для васъ, Елизавета Кіевна.

Разговаривая, онъ подливалъ вино въ стаканы. Елизавета Кіевна глядѣла въ ледяные его глаза, на женственный ротъ, на поднятыя тонкія брови и на то, какъ слегка дрожали его пальцы, державшіе стаканъ, и какъ онъ пилъ, — жаждая, медленно. Голова ея упоительно кружилась. Издали Сапожковъ началъ дѣлать ей знаки. Внезапно Безсоновъ оборвалъ, обернулся и спросилъ, нахмурясь:

— Кто эти люди?

— Это — мои друзья.

— Мнѣ не нравятся ихъ знаки.

Тогда Елизавета Кіевна проговорила, не думая:

— Пойдемте въ другое мѣсто, хотите?

Безсоновъ взглянулъ на нее пристально. Глаза ея слегка косили, ротъ слабо усмѣхался, на вискахъ выступили маленькія капельки пота. И вдругъ онъ почувствовалъ жадность къ этой здоровой, близорукой дѣвушкѣ, взялъ ея большую и горячую руку, лежащую на столѣ, и сказалъ:

— Или уходите сейчасъ-же... Или молчите... Ѣдемъ. Такъ нужно...

Елизавета Кіевна только вздохнула коротко, щеки ея поблѣднѣли. Она не чувствовала, какъ поднялась, какъ взяла Безсонова подъ руку, какъ въ швейцарской надѣли на нее пальто. И когда они садились на извозчика, даже вѣтеръ не охладилъ ея пылаю-

щей кожи. Пролетка тарахтѣла по камнямъ. Безсоновъ, опираясь о трость обѣими руками и положивъ на нихъ подбородокъ, говорилъ:

— Вы сказали, что я живу. Я жилъ. Мнѣ 38 лѣтъ, но жизнь окончена. Меня не обманываетъ больше любовь. Что можетъ быть грустнѣе, когда увидишь вдругъ, что рыцарскій конь — деревянная лошадка. И вотъ еще много, много времени нужно тащиться по этой жизни, какъ трупъ...

Онъ обернулся, верхняя губа его приподнялась съ усмѣшкой.

— Видно, и мнѣ, вмѣстѣ съ вами, нужно подождать, когда затрубятъ іерихонскія трубы. Хорошо, если-бы на этомъ кладбищѣ вдругъ раздалось тра-та-та! И — зарево по всему небу...

Они подъѣхали къ загородной гостиницѣ. Заспанный половой повелъ ихъ по длинному корридору въ единственный, оставшійся не занятымъ, номеръ. Это была низкая комната, съ красными обоями, въ трещинахъ и пятнахъ. У стѣны, подъ выцвѣтшимъ балдахиномъ, стояла большая кровать, въ ногахъ ея — жестяной рукомойникъ. Пахло непровѣтренной сыростью и табачнымъ перегаромъ. Пыльная лампочка тускло горѣла подъ потолкомъ. Елизавета Кіевна, стоя въ дверяхъ, спросила чуть слышно:

— Зачѣмъ вы привезли меня сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь намъ будетъ хорошо, — поспѣшно отвѣтилъ Безсоновъ.

Онъ снялъ съ нея пальто и шляпу и положилъ на сломанное креслице. Половой принесъ бутылку шампанскаго, мелкихъ яблочекъ и кисть винограда съ пробковыми опилками, заглянулъ въ рукомойникъ и скрылся все такъ же хмуро.

Елизавета Кіевна отогнула штору на окнѣ, —

тамъ, среди мокраго пустыря, горѣлъ газовый фонарь и ѣхали огромныя бочки, съ согнувшимися подъ рогожами людьми на козлахъ. Она усмѣхнулась, подошла къ зеркалу и стала поправлять себѣ волосы какими-то новыми, незнакомыми самой себѣ движеніями. «Завтра опомнюсь, — сойду съ ума», — подумала она спокойно и расправила полосатый бантъ. Безсоновъ спросилъ:

— Вина хотите?

— Да, хочу.

Она сѣла на диванъ, онъ опустился у ея ногъ на коврикъ и проговорилъ, словно въ раздумьи:

— У васъ странные глаза: дикіе и кроткіе. Русскіе глаза. Вы любите меня?

Тогда она опять растерялась, но сейчасъ-же подумала: «Нѣтъ. Это и есть безуміе». Взяла изъ его рукъ стаканъ, полный вина, и выпила; и сейчасъ-же голова медленно закружилась, словно опрокидываясь.

— Я васъ боюсь, и должно быть возненавижу, — сказала Елизавета Кіевна, съ усмѣшкой прислушиваясь, какъ словно издалека звучатъ ея и не ея слова, — не смѣйте такъ смотрѣть на меня, слышите?

— Вы странная дѣвушка.

— Безсоновъ, слушайте, вы очень опасный человѣкъ. Я вѣдь изъ раскольничьей семьи, я въ дьявола вѣрю... Ахъ, Боже мой, не смотрите-же такъ на меня. Я знаю, зачѣмъ я вамъ понадобилась... Я васъ боюсь, честное слово...

Она громко засмѣялась, все тѣло ея задрожало отъ смѣха, и въ рукахъ расплескалось вино изъ стакана. Безсоновъ опустилъ ей въ колѣни лицо:

— Любите меня... Умоляю, любите меня, — про-

говорилъ онъ отчаяннымъ голосомъ, словно въ ней было сейчасъ все его спасеніе. — Мнѣ тяжело... Мнѣ страшно... Мнѣ страшно одному... Любите, любите меня...

Елизавета Кіевна положила руку ему на голову, закрыла глаза.

Онъ говорилъ, что каждую ночь находитъ на него ужасъ смерти. Онъ долженъ чувствовать около себя близко, рядомъ, живого человѣка, который-бы жалѣлъ его, согрѣвалъ, отдавалъ-бы ему себя. Это наказаніе, муки... «Да, да, знаю. Но я весь окоченѣлъ. Сердце остановилось. Согрѣйте меня. Мнѣ такъ мало нужно. Сжальтесь, я погибаю. Не оставляйте меня одного. Милая, милая дѣвушка»...

Елизавета Кіевна молчала, испуганная и взволнованная. Безсоновъ цѣловалъ ея ладони все болѣе долгими поцѣлуями. Сталъ цѣловать большія и сильныя ея ноги. Она крѣпче зажмурилась, показалось, что остановилось сердце, — такъ было стыдно.

И вдругъ ее всю словно обвѣялъ огонекъ, побѣжалъ по тѣлу тревогой и радостью. Безсоновъ сталъ казаться милымъ, какъ ребенокъ, несчастный и невинный. Она приподняла его голову и крѣпко, жадно поцѣловала въ губы. Послѣ этого, уже безъ стыда, поспѣшно раздѣлась и легла въ постель.

Когда Безсоновъ заснулъ, положивъ голову на ея голое плечо, Елизавета Кіевна еще долго вглядывалась близорукими глазами въ его желтовато-блѣдное лицо, все въ усталыхъ морщинкахъ, — на вискахъ, подъ вѣками, у сжатаго рта: чужое, не любимое, но теперь на вѣкъ родное лицо.

Глядѣть на спящаго было такъ тяжело, что Елизавета Кіевна заплакала.

Ей казалось, что Безсоновъ проснется, увидитъ ее въ постели, толстую, некрасивую, съ распухшими глазами, и постарается поскорѣе отвязаться; что никогда никто не сможетъ ее полюбить и всѣ будутъ увѣрены, будто она развратная, глупая и пошлая женщина, и она нарочно станетъ дѣлать все, чтобы такъ думали; что она любитъ одного человѣка, а сошлась съ другимъ, и такъ всегда ея жизнь будетъ полна мути, мусора, отчаянныхъ оскорбленій. Елизавета Кіевна осторожно всхлипывала и вытирала глаза угломъ простыни. И такъ, незамѣтно, въ слезахъ, забылась сномъ.

Безсоновъ глубоко втянулъ носомъ воздухъ, повернулся на спину и открылъ глаза. Ни съ чѣмъ не сравнимой кабацкой тоской гудѣло все тѣло. Было противно подумать, что нужно начинать заново день. Онъ долго разсматривалъ металлическій шарикъ кровати, затѣмъ рѣшился и поглядѣлъ налѣво. Рядомъ, тоже на спинѣ, лежала женщина, лицо ея было прикрыто голымъ локтемъ.

«Кто такая?» Онъ напрягъ мутную память, но ничего не вспомнилъ, осторожно вытащилъ изъ-подъ подушки портсигаръ и закурилъ. «Вотъ такъ чортъ! Забылъ, забылъ. Фу, какъ неудобно!»

— Вы, кажется, проснулись, — проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, — доброе утро. — Она промолчала, не отнимая локтя. — Вчера мы были чужими, а сегодня связаны таинственными узами этой ночи. — Онъ поморщился; все это выходило пошловато. И, главное, неизвѣстно, что она сейчасъ начнетъ дѣлать — каяться, плакать, или охва-

титъ ее приливъ родственныхъ чувствъ? Онъ осторожно коснулся ея локтя. Она отодвинулась. Кажется, ее звали Валентина. Онъ сказалъ грустно:

— Валентина, вы сердитесь на меня?

Тогда она сѣла въ подушкахъ и, придерживая на груди падающую рубашку, стала глядѣть на него выпуклыми, близорукими глазами. Вѣки ея припухли, полный ротъ кривился въ усмѣшку. Онъ сейчасъ-же все вспомнилъ и почувствовалъ братскую нѣжность.

— Меня зовутъ не Валентина, а Елизавета Кіевна, — сказала она. — Я васъ ненавижу. Слѣзьте съ постели.

Безсоновъ сейчасъ-же вылѣзъ изъ подъ одѣяла и за пологомъ кровати, около вонючаго рукомойника, одѣлся кое-какъ, затѣмъ поднялъ штору и загасилъ электричество.

— Есть минуты, которыхъ не забываютъ, — пробормоталъ онъ. Елизавета Кіевна продолжала слѣдить за нимъ темными глазами. Когда онъ присѣлъ было съ папиросой на диванъ, она проговорила медленно:

— Пріѣду домой — отравлюсь.

— Я не понимаю вашего настроенія, Елизавета Кіевна.

— Ну, и не понимайте. Убирайтесь изъ комнаты, я хочу одѣваться.

Безсоновъ вышелъ въ коридоръ, гдѣ пахло угаромъ и сильно сквозило. Ждать пришлось долго. Онъ сидѣлъ на подоконникѣ и курилъ; потомъ пошелъ въ самый конецъ коридора, гдѣ изъ маленькой кухоньки слышались негромкіе голоса полового и двухъ горничныхъ, — они пили чай, и половой говорилъ:

— Заладила про свою деревню. Тоже Рассея! Много ты понимаешь. Походи ночью по номерамъ — вотъ тебѣ и Рассея. Всѣ сволочи! Сволочи и охальники.

— Выражайтесь поаккуратнѣе, Кузьма Иванычъ.

— Если я при этихъ номерахъ восемнадцать лѣтъ состою — значитъ могу выражаться.

Безсоновъ вернулся обратно. Дверь въ его номеръ была отворена, комната пуста. На полу валялась его шляпа.

«Ну, что же, тѣмъ лучше», — подумалъ онъ и, зѣвнувъ, потянулся, расправляя кости.

Такъ начался новый день. Онъ отличался отъ вчерашняго тѣмъ, что часамъ къ десяти утра сильный вѣтеръ разорвалъ дождевыя облака, погналъ ихъ на сѣверъ и тамъ свалилъ въ огромныя, побѣлѣвшія груды. Мокрый городъ былъ залитъ свѣжими потоками солнечнаго свѣта. Въ немъ корчились, жарились, валились безъ чувствъ студенистыя чудовища, неуловимыя глазу — насморки, кашли, дурныя хвори, меланхолическія палочки чахотки, и даже полумистическіе микробы черной неврастеніи забивались за занавѣси, въ полумракъ комнатъ и сырыхъ подваловъ. По улицамъ продувалъ теплый вѣтерокъ. Въ домахъ протирали стекла, открывали окна. Дворники въ пестрыхъ рубахахъ чистили и поливали мостовыя. На Невскомъ порочныя дѣвочки, съ зелеными личиками, предлагали прохожимъ букетики подснѣжниковъ, пахнущихъ дешевымъ одеколономъ. Въ магазинахъ спѣшно убирали все зимнее, и, какъ первые цвѣты, появлялись за витринами ве-

сеннія шляпки, легкія матеріи, книги игриваго содержанія, веселенькіе галстучки.

Трехчасовыя газеты вышли всѣ съ заголовками: «Да здравствуетъ Русская Весна». И нѣсколько опубликованныхъ стишковъ были весьма двусмысленны. Словомъ, цензурѣ натянули носъ.

И, наконецъ, по городу, подъ свистъ и улюлюканье толпы мальчишекъ, прошлись футуристы отъ группы «Центральной Станціи». Ихъ было трое: Жировъ, художникъ Валетъ и, никому тогда еще не извѣстный, Аркадій Семисвѣтовъ, огромнаго роста парень, съ лошадинымъ лицомъ и жилистыми руками.

Футуристы были одѣты въ короткія, безъ поясовъ, кофты изъ оранжеваго бархата съ черными зигзагами и въ цилиндры. У каждаго былъ монокль, и на щекѣ нарисованы — рыба, стрѣла и буква «Р». Часамъ къ пяти приставъ литейной части задержалъ ихъ и на извозчикѣ повезъ въ участокъ для выясненія личности.

Весъ городъ былъ на улицахъ. По Морской, по набережнымъ и Каменноостровскому двигались сверкающіе экипажи и потоки людей. Многимъ, очень многимъ казалось, что сегодня должно случиться что-то радостное и необыкновенное: — либо въ Зимнемъ дворцѣ подпишутъ какой-нибудь манифестъ, либо взорвутъ совѣтъ министровъ бомбой, либо, вообще, гдѣ-нибудь что-нибудь «начнется».

Но опустились синія сумерки на городъ, зажглись огни вдоль каналовъ и улицъ, отразились зыбкими иглами въ черной водѣ, и съ мостовъ Невы былъ виденъ за трубами судостроительныхъ заводовъ огромный закатъ, дымный и облачный. И ничего не

случилось. Блеснула въ послѣднiй разъ игла на Петропавловской крѣпости, и день кончился.

Безсоновъ много и хорошо работалъ въ этотъ день. Освѣженный послѣ завтрака сномъ, онъ долго читалъ Гете, и, какъ всегда, чтенiе возбудило его и взволновало.

Онъ ходилъ по комнатѣ, вдоль книжныхъ шкафовъ, курилъ и думалъ вслухъ; время отъ времени подсаживался къ письменному столу и записывалъ слова и строки; чтобы сильнѣе возбудить себя, приказалъ подать чернаго кофе, и старушка-нянька, жившая всегда при его небольшой, холостой квартирѣ, принесла на подносѣ фарфоровый, дымящiйся моккой, кофейникъ.

Безсоновъ писалъ о томъ, что-опускается ночь на Россiю, раздвигается занавѣсъ трагедiи, и народъ-богоносецъ чудесно, какъ въ «Страшной мести» казакъ, превращается въ богоборца, надѣваетъ страшную личину. Готовится всенародное совершенiе черной обѣдни. Бездна раскрыта. Спасенiя нѣтъ. Примемъ грѣхъ.

Закрывая глаза, онъ представлялъ пустынныя поля, кресты на курганахъ, разметанныя вѣтромъ кровли и вдалекѣ, за холмами, зарева пожарищъ. Обхвативъ обѣими руками голову, онъ думалъ, что любитъ именно такою эту страну, которую зналъ только по книгамъ и картинамъ. Лобъ его покрывался глубокими морщинами, сердце было полно ужаса предчувствiй. Потомъ, держа въ пальцахъ дымящуюся папиросу, онъ исписывалъ крупнымъ почеркомъ хрустящiя четвертушки тонкой бумаги.

Въ сумерки, не зажигая огня, Безсоновъ прилегъ на диванъ, весь еще взволнованный, съ горячей

головой и влажными руками. На этомъ кончался его рабочій день.

Понемногу сердце билось ровнѣе и спокойнѣе. Теперь надо было подумать, какъ провести этотъ вечеръ и ночь. Брръ! Никто не звонилъ по телефону и не приходилъ въ гости. Придется одному справляться съ бѣсомъ унынія. Наверху, гдѣ жила англійская семья, играли на рояли, и отъ этой музыки поднимались смутныя и невозможныя желанія.

Вдругъ въ тишинѣ дома раздался звонокъ съ параднаго. Нянька прошлепала туфлями. Сильный женскій голосъ проговорилъ:

— Я хочу его видѣть.

Затѣмъ, легкіе, стремительные шаги замерли у двери. Безсоновъ, не шевелясь, усмѣхнулся! Безъ стука распахнулась дверь, и въ комнату вошла, освѣщенная сзади, изъ прихожей, стройная, высокая дѣвушка, въ большой шляпѣ, съ дыбомъ стоящими ромашками.

Ничего не различая со свѣта, она остановилась посреди комнаты; когда же Безсоновъ молча поднялся съ дивана, — попятилась было, но упрямо тряхнула головой и проговорила тѣмъ же высокимъ, заносчивымъ голосомъ:

— Я пришла къ вамъ по очень важному дѣлу.

Безсоновъ подошелъ къ столу и повернулъ выключатель. Между книгъ и рукописей засвѣтился синій абажуръ, наполнившій всю комнату спокойнымъ полусвѣтомъ.

— Чѣмъ могу быть полезенъ? — спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ; показалъ вошедшей на стулъ, самъ спокойно опустился въ рабочее кресло и положилъ слабыя руки на подлокотники. Лицо его было прозрачно-блѣдное съ синевой подъ вѣками.

Онъ, не спѣша, поднялъ глаза на гостью и вздрогнулъ, пальцы его затрепетали.

— Дарья Дмитріевна! — проговорилъ онъ тихо, — я васъ не узналъ въ первую минуту.

Даша сѣла на стулъ рѣшительно, такъ же, какъ и вошла, сложила на колѣняхъ руки въ лайковыхъ перчаткахъ и сердито насупилась.

— Дарья Дмитріевна, я счастливъ, что вы посѣтили меня. Это большой, большой подарокъ.

Не слушая его, Даша сказала:

— Вы, пожалуйста, не подумайте, что я ваша поклонница. Нѣкоторые ваши стихи мнѣ нравятся, другіе не нравятся, — не понимаю ихъ, просто не люблю. Я пришла вовсе не затѣмъ, чтобы разговаривать о стихахъ.... Я пришла потому, что вы меня измучили...

Она низко нагнула голову, и Безсоновъ увидѣлъ, что у нея покраснѣла шея и руки, между перчатками и рукавами чернаго платья. Онъ молчалъ, не шевелился.

— Вамъ до меня, конечно, нѣтъ никакого дѣла. И я бы тоже очень хотѣла, чтобы мнѣ было все равно. Но, вотъ видите, приходится испытывать очень непріятныя минуты...

Она быстро подняла голову и строгими, ясными глазами взглянула ему въ глаза. Безсоновъ медленно опустилъ рѣсницы.

— Я не могу себя побороть, понимаете? Вы вошли въ меня, какъ болѣзнь. Я постоянно ловлю себя на томъ, что думаю о васъ. Это, наконецъ, выше моихъ силъ. Лучше было прійти и прямо сказать, чѣмъ эта духота. Сегодня — рѣшилась. Вотъ, видите, я вамъ объяснилась въ любви...

Губы ея дрогнули. Она поспѣшно отвернулась

и стала смотрѣть на стѣну, гдѣ, освѣщенная снизу, усмѣхалась стиснутымъ ртомъ и закрытыми вѣками, любимая въ то время всѣми поэтами, маска Петра Перваго. Наверху, въ семействѣ англійскаго пастора, четыре голоса фуги пѣли: «Умремъ». «Нѣтъ, мы улетимъ». «Въ хрустальное небо». «Въ вѣчную, вѣчную, вѣчную радость».

— Если вы станете увѣрять, что испытываете тоже ко мнѣ какія-то чувства — я уйду сію минуту, — торопливо и горячо проговорила Даша. — Вы меня даже не можете уважать — это ясно. Такъ не поступаютъ женщины. Но я ничего не хочу и не прошу отъ васъ. Мнѣ нужно было только сказать, что я васъ любила мучительно и очень сильно... Я разрушилась вся отъ этого чувства... У меня даже гордости нѣтъ...

И она подумала: «Теперь встать, гордо кивнуть головой и выйти». Но продолжала сидѣть, глядя на усмѣхающуюся маску. Ею овладѣла такая слабость, что — не поднять руки, и она чувствовала теперь все свое тѣло, его тяжесть и теплоту. «Отвѣчай-же, отвѣчай», — думала она, какъ сквозь сонъ. Безсоновъ прикрылъ ладонью лицо и сталъ говорить тихо, какъ бесѣдуютъ въ церкви, — немного придушенно:

— Всѣмъ моимъ духомъ я могу только благодарить васъ за это чувство. Такихъ минутъ, такого благоуханія, какимъ вы меня овѣяли, не забываютъ никогда...

— Не требуется, чтобы вы ихъ помнили, — сказала Даша сквозь зубы.

Безсоновъ помолчалъ, поднялся и, отойдя, прислонился спиной къ книжному шкафу.

— Дарья Дмитріевна, я вамъ могу только покло-

ниться низко. Я не достоинъ былъ слушать васъ. Я никогда, быть можетъ, такъ не проклиналъ себя, какъ въ эту минуту. Растратилъ, размоталъ, изжилъ всего себя. Чѣмъ я вамъ отвѣчу? Приглашеніемъ за городъ, въ гостиницу? Дарья Дмитріевна, я честенъ съ вами. Мнѣ нечѣмъ любить. Нѣсколько лѣтъ назадъ я бы повѣрилъ, что могу еще испить вѣчной молодости. Я бы васъ не отпустилъ отъ себя. Я бы прильнулъ къ этой чашѣ...

Даша чувствовала, какъ онъ впускаетъ въ нее иголочки. Въ его словахъ была затягивающая мука...

— Теперь, я только расплескаю драгоцѣнное вино. Вы должны понять, чего мнѣ это стоитъ. Протянуть руку и взять...

— Нѣтъ, нѣтъ, — быстро прошептала Даша.

— Нѣтъ, да... И вы это чувствуете. Нѣтъ слаще грѣха, чѣмъ расточеніе. Расплескать. За этимъ вы и пришли ко мнѣ. Иначе во вѣки вѣковъ хранили бы за бѣлыми занавѣсочками Богомъ данную вамъ чашу съ медомъ. Вы принесли ее мнѣ...

Онъ медленно зажмурился. Даша, не дыша, съ ужасомъ глядѣла въ его лицо.

— Дарья Дмитріевна, позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Вы такъ похожи на вашу сестру, что въ первую минуту...

— Что? — крикнула Даша. — Что вы сказали?

Она сорвалась съ кресла и остановилась передъ нимъ. Безсоновъ не понялъ и не такъ истолковалъ ея волненіе. Онъ чувствовалъ, что теряетъ голову. Его ноздри вдыхали благоуханіе духовъ и тотъ, почти неуловимый, но оглушающій и различный для каждаго, запахъ женской кожи.

— Это сумасшествіе... Я знаю... Я не могу... — прошепталъ онъ, ощупью отыскивая ея руку. Но Даша рванулась и побѣжала. На порогѣ оглянулась дикими глазами и скрылась. Сильно хлопнула парадная дверь. Безсоновъ медленно подошелъ къ столу и застучалъ ногтями по хрустальной коробочкѣ, беря папиросу. Потомъ сжалъ ладонью глаза и со всей ужасающей силой воображенія почувствовалъ, что Бѣлый Орденъ, готовящійся къ рѣшительной борьбѣ, послалъ къ нему эту пылкую, нѣжную и соблазнительную дѣвушку, чтобы привлечь его, обратить и спасти. Но онъ уже безнадежно въ рукахъ черныхъ, и теперь спасенія нѣтъ. Медленно, какъ ядъ, текущій въ крови, разжигали его неутоленная жадность и сожалѣніе.

VIII.

— Даша, это ты? Можно. Войди.

Екатерина Дмитріевна стояла передъ зеркальнымъ шкафомъ, затягивая корсетъ. Дашѣ она улыбнулась разсѣянно, и продолжала дѣловито повертываться, переступая на коврѣ тугими туфельками. На ней было легкое бѣлье, въ ленточкахъ и кружевцахъ, красивыя руки и плечи — напудрены, волосы причесаны пышной короной. Около, на низенькомъ столикѣ стояла чашка съ горячей водой; повсюду — ножницы для ногтей, пилочки, карандаши, пуховки. Сегодня былъ пустой вечеръ, и Екатерина Дмитріевна «чистила перышки», какъ это называлось дома.

— Понимаешь, — говорила она, пристегивая чулокъ, — теперь перестаютъ носить корсеты съ прямой планшеткой. Посмотри, — этотъ — новый, отъ

мадамъ Дюклэ. Животъ гораздо свободнѣе, и даже чуть-чуть обозначенъ. Тебѣ нравится?

— Нѣтъ, не нравится, — отвѣтила Даша. Она остановилась у стѣны, и заложила за спину руки. Екатерина Дмитріевна удивленно подняла брови:

— Правда, не нравится? Какая досада. А въ немъ такъ удобно.

— Что удобно, Катя?

— Можетъ быть, тебѣ кружева не нравятся? Можно положить другія. Какъ, все-таки, странно, — почему не нравится?

И она опять повернулась и правымъ и лѣвымъ бокомъ у зеркала. Даша сказала:

— Ты, пожалуйста, не у меня спрашивай, какъ нравятся твои корсеты.

— Ну, Николай Ивановичъ совсѣмъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ.

— Николай Ивановичъ тоже тутъ не при чемъ.

— Даша, ты что?

Екатерина Дмитріевна даже пріоткрыла ротъ отъ изумленія. Только теперь она замѣтила, что Даша едва сдерживается, говоритъ сквозь зубы, и на щекахъ у нея горячія пятна.

— Мнѣ кажется, Катя, тебѣ бы надо бросить вертѣться у зеркала.

— Но, должна же я привести себя въ порядокъ.

— Для кого?

— Что ты въ самомъ дѣлѣ?.. Для самой себя.

— Врешь!

Долго послѣ этого обѣ сестры молчали. Екатерина Дмитріевна сняла со спинки кресла верблюжій халатикъ на синемъ шелку, надѣла его, и медленно завязала поясъ. Даша внимательно слѣдила за ея движеніями, затѣмъ проговорила:

— Ступай къ Николаю Ивановичу и разскажи ему все, честно.

Екатерина Дмитріевна продолжала стоять, перебирая поясъ. Было видно, какъ у нея по горлу нѣсколько разъ прокатился клубочекъ, точно она проглотила что-то.

— Даша, ты что-нибудь узнала? — спросила она тихо.

— Я сейчасъ была у Безсонова. — Екатерина Дмитріевна взглянула невидящими глазами и вдругъ страшно побѣлѣла, подняла плечи. — Можешь не безпокоиться, — со мной тамъ ничего не случилось. Онъ во-время сообщилъ мнѣ...

Даша переступила съ ноги на ногу:

— Я давно догадывалась, что ты, именно, съ нимъ... Только слишкомъ все это было омерзительно, чтобы вѣрить... Ты трусила и лгала, и, кажется, совсѣмъ успокоилась... Такъ вотъ, я въ этой мерзости жить больше не желаю... Потрудись пойти къ мужу, и все разскажи, и ужъ распутывайся сама, какъ знаешь...

Даша не могла больше говорить, — сестра стояла передъ ней, низко наклонивъ голову. Даша ждала всего, но только не этой повинно и покорно склоненной головы.

— Сейчасъ пойти? — спросила Катя.

— Да. Сію минуту... Я требую... Ты сама должна понять...

Екатерина Дмитріевна коротко вздохнула и пошла къ двери. Тамъ, замедливъ, она сказала еще:

— Я не могу, Даша. — Но Даша молчала. — Хорошо, я скажу.

Николай Ивановичъ сидѣлъ въ гостиной и, поскребывая въ бородѣ костянымъ ножемъ, читалъ статью Акундина въ только-что полученной книжкѣ журнала «Русскія Записки».

Статья была посвящена годовщинѣ смерти Бакунина. Николай Ивановичъ наслаждался. Когда вошла жена, онъ воскликнулъ:

— Катюша, сядь. Послушай, что онъ пишетъ, — вотъ это мѣсто... «Даже не въ образѣ мыслей и не въ преданности до конца своему дѣлу обаяніе этого человѣка, — то есть Бакунина, — а въ томъ паѳосѣ претворенныхъ въ реальную жизнь идей, которымъ было проникнуто каждое его движеніе, — и безсонныя бесѣды съ Прудономъ, и мужество, съ какимъ онъ бросался въ самое пламя борьбы, и даже тотъ романтическій жестъ, когда мимоѣздомъ, онъ наводитъ пушки австрійскихъ повстанцевъ, еще не зная хорошо, съ кѣмъ и за что они дерутся. Паѳосъ Бакунина есть прообразъ той могучей силы, съ какою выступятъ на борьбу новые классы. Матерьялизація идей — вотъ задача наступающаго вѣка. Не извлеченіе ихъ изъ-подъ груды фактовъ, подчиненныхъ слѣпой инерціи жизни, не уводъ ихъ въ идеальный міръ, а процессъ обратный: завоеваніе физическаго міра міромъ идей. Реальность — груда горючаго, идеи — искры. Эти два міра, разъединенные и враждебные, должны слиться въ пламени мірового переворота»... Нѣтъ, подумай, Катюша... Вѣдь, это чернымъ по бѣлому — да здравствуетъ революція! Молодецъ, Акундинъ! Дѣйствительно живемъ: — ни большихъ идей, ни большихъ чувствъ. Правительствомъ руководитъ только одно — безумный страхъ за будущее. Интеллигенція, — обжирается и опивается: — пора открыть форточки. Вѣдь мы только

болтаемъ, болтаемъ, Катюша, и по уши въ болотѣ. Народъ — заживо разлагается. Вся Россія погрязла въ сифилисѣ и водкѣ. Россія сгнила, дунь на нее — разсыпется въ прахъ. Такъ жить нельзя... Намъ нужно какое то самосожженіе, очищеніе въ огнѣ..:

Николай Ивановичъ говорилъ возбужденнымъ и бархатнымъ голосомъ, глаза его стали круглыми, ножъ полосовалъ воздухъ. Екатерина Дмитріевна стояла около, держась за спинку кресла. Когда онъ выговорился и опять принялся разрѣзывать журналъ, она подошла и положила ему руку на волосы:

— Коленька, тебѣ будетъ очень больно то, что я скажу. Я хотѣла скрыть, но вышло такъ, что нужно сказать...

Николай Ивановичъ освободилъ голову отъ ея руки и внимательно вглядѣлся:

— Да, я слушаю, Катя.

— Помнишь, мы, какъ-то, съ тобой повздорили, и я тебѣ сказала со зла, чтобы ты не очень былъ спокоенъ на мой счетъ... А потомъ отрицала это...

— Да, помню. — Онъ отложилъ книгу, и совсѣмъ повернулся въ креслѣ. Глаза его, встрѣтясь съ простымъ и спокойнымъ взоромъ Кати, забѣгали отъ испуга.

— Такъ вотъ... Я тебѣ тогда солгала... Я тебѣ была не вѣрна...

Онъ жалобно сморщился, стараясь улыбнуться. У него пересохло во рту. Когда молчать уже дольше было нельзя, онъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Ты хорошо сдѣлала, что сказала... Спасибо, Катя...

Тогда она взяла его руку, прикоснулась къ ней губами и прижала къ груди. Но рука выскользнула, и она ее не удерживала. Потомъ Екатерина Дмитріев-

на тихо опустилась на коверъ и положила голову на кожаный выступъ кресла:

— Больше тебѣ не нужно ничего говорить?

— Нѣтъ. Уйди, Катя.

Она поднялась и вышла. Въ дверяхъ столовой на нее неожиданно налетѣла Даша, схватила, стиснула и зашептала, цѣлуя въ волосы, въ шею, въ уши:

— Прости, прости!.. Ты дивная, ты изумительная!.. Я все слышала... Простишь ты меня, простишь ты меня, Катя?.. Катя!..

Екатерина Дмитріевна осторожно высвободилась, подошла къ столу, поправила морщину на скатерти и сказала:

— Я исполнила твое приказаніе, Даша.

— Катя, простишь ты меня когда-нибудь?

— Ты была права, Даша. Такъ лучше, какъ вышло.

— Ничего я не была права! Я отъ злости... Я отъ злости... А теперь вижу, что тебя никто не смѣетъ осуждать. Пускай мы всѣ страдаемъ, пускай намъ будетъ больно, но ты — права, я это чувствую, ты права во всемъ. Прости меня, Катя.

У Даши катились крупныя, какъ горохъ, слезы. Она стояла позади, на шагъ отъ сестры и говорила громкимъ шопотомъ:

— Если ты не простишь, — я больше не хочу жить. Я вообще не знаю, какъ мнѣ теперь жить... А если ты еще будешь со мной такая...

Екатерина Дмитріевна быстро повернулась къ ней:

— Какая, Даша? Что ты еще хочешь отъ меня? Тебѣ хочется, чтобы все опять стало благополучно и душевно?.. Такъ я тебѣ скажу... Я потому лгала и молчала, что только этимъ и можно было продлить

еще немного нашу жизнь съ Николаемъ Ивановичемъ... А вотъ теперь — конецъ. Поняла? Я Николая Ивановича давно не люблю и давно ему не вѣрна. А Николай Ивановичъ любитъ меня, или не любитъ — не знаю, но онъ мнѣ не близокъ. Поняла? Можетъ быть, у него семья другая, или ему, вообще, не нужно никакой женщины, или у него острая неврастенія, — не знаю. Поняла? А ты, какъ зябликъ, все голову подъ мышку прячешь, чтобы не видѣть страшныхъ вещей. Я ихъ видѣла и знала, но жила въ этой мерзости, потому что — слабая женщина. Я видѣла, какъ тебя эта жизнь тоже затягиваетъ. Я старалась оберечь тебя, запретила Безсонову пріѣзжать къ намъ... Это было еще до того, какъ онъ... Ну, все равно... Теперь всему этому пришелъ конецъ...

Екатерина Дмитріевна вдругъ подняла голову, прислушиваясь. У Даши со страха похолодѣла спина. Въ дверяхъ, бокомъ, изъ-за портьеры, появлялся Николай Ивановичъ. Руки его были спрятаны за спиной.

— Безсоновъ? — спросилъ онъ, съ улыбкой покачивая головой. И продвинулся въ столовую.

Екатерина Дмитріевна не отвѣтила. На щекахъ ея выступили пятна, глаза высохли. Она стиснула ротъ.

— Ты, кажется, думаешь, Катя, что нашъ разговоръ оконченъ? Напрасно.

Онъ продолжалъ улыбаться: — Даша, оставь насъ однихъ, пожалуйста.

— Нѣтъ, я не уйду. — И Даша стала рядомъ съ сестрой.

— Нѣтъ, ты уйдешь, если я тебя попрошу.

— Нѣтъ, не уйду.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ придется удалиться изъ этого дома.

— Удаляйся, — глядя на него съ ненавистью, отвѣтила Даша.

Николай Ивановичъ побагровѣлъ, но сейчасъ-же въ глазахъ его мелькнуло прежнее выраженіе — веселенькаго сумасшествія.

— Тѣмъ лучше, оставайся. Вотъ въ чемъ дѣло, Катя... Я сейчасъ сидѣлъ тамъ, гдѣ ты меня оставила, и, въ сущности говоря, за нѣсколько минутъ пережилъ то, что трудно, вообще, переживаемо... Я пришелъ къ выводу, что мнѣ нужно тебя убить... Да, да.

При этихъ словахъ Даша быстро прижалась къ сестрѣ, обхвативъ ее обѣими руками. У Екатерины Дмитріевны презрительно задрожали губы...

— У тебя истерика... Тебѣ нужно принять валерьяну, Николай Ивановичъ...

— Нѣтъ, Катя, на этотъ разъ — не истерика...

— Тогда, дѣлай то, за чѣмъ пришелъ, — крикнула она, оттолкнувъ Дашу, и подошла къ Николаю Ивановичу вплоть. — Ну, дѣлай! Въ лицо тебѣ говорю — я тебя не люблю!

Онъ попятился, положилъ на скатерть вытащенный изъ-за спины револьверъ, запустилъ концы пальцевъ въ ротъ, укусилъ ихъ, повернулся и пошелъ къ двери. Катя пронзительно глядѣла ему вслѣдъ. Не оборачиваясь, онъ проговорилъ:

— Мнѣ больно!... Мнѣ больно!...

Тогда она кинулась къ нему, схватила за плечи, повернула къ себѣ его лицо:

— Врешь!... Вѣдь врешь!... Вѣдь ты и сейчасъ врешь!...

Но онъ замоталъ головой и ушелъ. Екатерина Дмитріевна присѣла у стола:

— Вотъ, Дашенька, — сцена изъ третьяго акта, съ выстрѣломъ. Подумай сама — во что должна превратиться женщина отъ этой слякоти... Я уѣду отъ него.

— Катюша!... Господь съ тобой!

— Уѣду, не хочу такъ жить. Черезъ пять лѣтъ — стану старая, будетъ ужъ поздно. Не могу больше такъ жить... Гадость, гадость!

Она закрыла лицо руками, опустила его въ локти на столъ. Даша, присѣвъ рядомъ, быстро и осторожно цѣловала ее въ плечо. Екатерина Дмитріевна подняла голову:

— Ты думаешь — мнѣ его не жалко? Мнѣ всегда его жалко. Но ты, вотъ, подумай, — пойду сейчасъ къ нему, и будетъ у насъ длиннѣйшій разговоръ, весь, насквозь, фальшивый... Точно бѣсъ какой-то всегда между нами кривитъ, фальшивитъ, слова отводитъ... Все равно, какъ играть на разстроенномъ роялѣ, такъ и съ Николаемъ Ивановичемъ разговаривать... Нѣтъ, я уѣду!... Ахъ, Дашенька, если бы ты знала, какая у меня тоска! Всей жизнью, до послѣдняго волоска, хочу любить. Любви хочу такой, чтобы каждымъ помысломъ, всѣмъ тѣломъ моимъ, — любить, любить... А такую я себя ненавижу, — брезгую.

Къ концу вечера Екатерина Дмитріевна, все-же, пошла въ кабинетъ.

Разговоръ съ мужемъ былъ долгій, говорили оба тихо и горестно, старались быть честными, не щадили другъ друга, и все-же, у обоихъ осталось такое чувство, что ничего этимъ разговоромъ не достигнуто, и не понято, и не спаяно.

Николай Ивановичъ, оставшись одинъ, до разсвѣта сидѣлъ у стола и вздыхалъ. За эти часы, какъ впослѣдствіи узнала Катя, онъ продумалъ и пересмотрѣлъ всю свою жизнь. Результатомъ было огромное письмо женѣ, которое кончалось такъ: «Да, Катя, мы всѣ въ нравственномъ тупикѣ. За послѣднія пять лѣтъ у меня не было ни одного сильнаго чувства, ни одного крупнаго движенія. Даже любовь къ тебѣ и женитьба прошли точно впопыхахъ. Существованіе — мелкое и полуистерическое, подъ непрерывнымъ наркозомъ. Выходовъ два — или покончить съ собой, или разорвать эту, лежащую на моихъ мысляхъ, на чувствахъ, на моемъ сознаніи душную пелену. Ни того, ни другого сдѣлать я не въ состояніи...»

Семейное несчастье произошло такъ внезапно и домашній миръ развалился до того легко и окончательно, что Даша была оглушена, и думать о себѣ — ей и въ голову не приходило; какія ужъ тамъ дѣвичьи настроенія, — чепуха, страшная коза на стѣнѣ, вродѣ той, что давнымъ давно нянька Лукерья показывала имъ съ Катей, — зажигала свѣчку, складывала руки, и на стѣнѣ коза ѣла капустку, шевелила рогами.

Нѣсколько разъ на дню Даша подходила къ катиной двери и скреблась пальцемъ. Катя отвѣчала:

— Дашенька, если можешь, — оставь меня одну, пожалуйста.

Николай Ивановичъ въ эти дни долженъ былъ выступать въ судѣ. Онъ уѣзжалъ рано, завтракалъ и обѣдалъ въ ресторанѣ, возвращался ночью. Его рѣчь въ защиту жены акцизнаго чиновника Ладни-

кова, Зои Ивановны, зарѣзавшей въ сонномъ состояніи на Гороховой улицѣ своего любовника, сына петербургскаго домовладѣльца, студента Шлиппэ, потрясла судей и весь залъ. Дамы рыдали. Обвиняемая, Зоя Ивановна, билась головой о загородку, и была оправдана.

Николай Ивановичъ, блѣдный, съ провалившимися глазами, былъ окруженъ при выходѣ изъ суда толпою женщинъ, которыя бросали цвѣты, взвизгивали и цѣловали ему руки. Изъ суда онъ проѣхалъ домой и объяснялся съ Катей съ полной душевной размягченностью.

У Екатерины Дмитріевны оказались сложенными чемоданы. Онъ по чистой совѣсти посовѣтовалъ ей поѣхать на югъ Франціи и далъ на расходы двѣнадцать тысячъ. Самъ же онъ, тоже во время этого разговора, рѣшилъ передать дѣла помощнику и поѣхать въ Крымъ — отдохнуть и собраться съ мыслями.

Въ сущности, было неясно и неопредѣленно, — разъѣзжаются-ли они на-время или навсегда, и кто кого покидаетъ? Эти острые вопросы были старательно заслонены суетой отъѣзда.

О Дашѣ оба они забыли. Екатерина Дмитріевна спохватилась только въ послѣднюю минуту, когда, одѣтая въ сѣрый дорожный костюмъ, въ изящной шапочкѣ, подъ вуалькой, похудѣвшая, грустная и милая, увидѣла Дашу въ прихожей на сундукѣ. Даша болтала ногой и ѣла хлѣбъ съ мармеладомъ, потому что сегодня обѣдъ заказать забыли.

— Родной мой, Данюша, — говорила Екатерина Дмитріевна, цѣлуя ее черезъ вуальку, — а ты то какъ-же? Хочешь, поѣдемъ со мной?

Но Даша сказала, что останется одна въ квартирѣ съ Великимъ Моголомъ, будетъ держать экзамены, и въ концѣ мая поѣдетъ на все лѣто къ отцу.

IX

Даша осталась одна въ домѣ. Большія комнаты казались ей теперь неуютными и вещи въ нихъ — лишними. Даже квадратные портреты въ гостиной, съ отъѣздомъ хозяевъ, перестали пугать и поблекли. Мертвыми складками висѣли портьеры. На обивкѣ креселъ и дивановъ, на еще не убранныхъ коврахъ, на обояхъ выступали съ тоскливымъ однообразіемъ не живыя арабески. И, хотя Великій Моголъ каждое утро, молча, какъ привидѣніе, бродила по комнатамъ, отряхивая пыль метелкой изъ пѣтушиныхъ перьевъ, все-же, словно иная, невидимая пыль все гуще покрывала домъ.

Теперь, въ первый разъ среди этого нагроможденія лишнихъ и непонятно для чего пріобрѣтенныхъ вещей и вещицъ, Дашѣ стало казаться, что сестра и зять словно привязывали себя къ жизни этими предметами, заполняли ими пустыя мѣста, а у самихъ не было ни силы, ни цѣпкости, чтобы держаться.

Въ комнатѣ сестры можно было, какъ по книгѣ, прочесть все, чѣмъ жила Екатерина Дмитріевна. Вотъ, въ углу — маленькій, точенаго дерева, мольбертикъ съ начатой картиночкой, — дѣвушка въ бѣломъ вѣнкѣ и съ глазами въ полъ-лица. За этотъ мольбертикъ Екатерина Дмитріевна уцѣпилась, было, чтобы какъ-нибудь вынырнуть изъ бѣшеной суеты, но, конечно, не удержалась. Вотъ старинный рабочій столикъ, въ безпорядкѣ набитый начатыми руко-

дѣліями, распоротыми шляпками, пестрыми лоскутками, все не окончено и заброшено, — тоже попытка. Такой-же безпорядокъ въ книжномъ шкафу, — видно, что начали прибирать и бросили. И повсюду брошены, засунуты, наполовину разрѣзанныя, книги Іоги, популярныя лекціи по антропософіи, стишки, романы. Сколько попытокъ и безплодныхъ усилій начать добрую жизнь! На туалетномъ столѣ Даша нашла серебряный блокнотикъ, гдѣ было записано: «Рубашекъ 24, лифчиковъ 8, лифчиковъ кружевныхъ 6 . . . Для Ведринскихъ билеты на Дядю Ваню . . .» И затѣмъ, крупнымъ, дѣтскимъ почеркомъ: «Дашѣ купить яблочный тортъ».

Даша вспомнила, — яблочный тортъ такъ никогда и не былъ купленъ. Ей до слезъ стало жалко сестру. Ласковая, добрая, слишкомъ деликатная для этой жизни, она цѣплялась за вещи и вещицы, старалась укрѣпиться, уберечь себя отъ дробленія и разрушенія, но нечѣмъ и некому было помочь.

Даша вставала рано, садилась за книги и сдавала экзамены, почти всѣ — «отлично». Къ телефону, безъ устали звонившему въ кабинетѣ, она посылала Великаго Могола, которая отвѣчала неизмѣнно: «Господа уѣхали, барышня подойти не могутъ».

Цѣлые вечера Даша играла на роялѣ. Музыка не возбуждала ее, какъ прежде, не хотѣлось чего-то неопредѣленнаго, и не замирало мечтательно сердце. Теперь, сидя строго и смирно передъ тетрадью нотъ, озаренная съ боковъ двумя свѣчами, Даша словно очищала себя торжественными звуками, наполнявшими до послѣднихъ закоулковъ весь этотъ грѣшный домъ.

Иногда среди музыки являлись маленькіе враги — непрошенныя воспоминанія. Даша опускала руки

и хмурилась. Тогда въ домѣ становилось такъ тихо, что было слышно, какъ потрескивала свѣча. Затѣмъ, Даша шумно вздыхала, и вновь ея руки съ силой касались холодныхъ клавишъ, а маленькіе враги, точно пыль и листья, гонимые вѣтромъ, летѣли изъ большой комнаты куда-нибудь въ темный корридоръ за шкафы и кардонки... Было навѣкъ покончено съ той Дашей, которая звонила у подъѣзда Безсонова, и говорила беззащитной Катѣ злыя слова. Ополоумѣвшая дѣвчонка чуть было не натворила бѣдъ. Удивительное дѣло! Будто одинъ свѣтъ въ окошкѣ — любовныя настроенія, и любви-то никакой не было, а просто раздраженное всей этой суетой любопытство.

Часовъ въ одиннадцать Даша закрывала рояль, задувала свѣчи и шла спать, — все это дѣлалось безъ колебаній, дѣловито. За это время она рѣшила, какъ можно скорѣе, начать самостоятельную жизнь, — самой зарабатывать, взять Катю къ себѣ, окружить такими заботами, такой любовью, чтобы сестра никогда больше, во всю жизнь, не заплакала отъ горя.

Въ концѣ мая, сдавъ экзамены, Даша поѣхала къ отцу черезъ Рыбинскъ по Волгѣ. Вечеромъ, прямо съ желѣзной дороги, она сѣла на бѣлый, ярко освѣщенный среди ночи и темной воды пароходъ, разобрала въ чистенькой каютѣ вещи, заплела косу, подумала, что самостоятельная жизнь начинается не плохо и, положивъ подъ голову локоть и улыбаясь отъ счастья, заснула подъ мѣрное дрожаніе машины.

Разбудили ее тяжелые шаги и бѣготня по палубѣ.

Сквозь жалюзи лился солнечный свѣтъ, играя на красномъ деревѣ рукомойника жидкими переливами. Вѣтерокъ, отдувавшій чесунчевую штору, пахнулъ медовыми цвѣтами и полынью. Она пріоткрыла жалюзи. Пароходъ стоялъ у пустыннаго берега, гдѣ подъ свѣже обвалившейся, въ корняхъ и комьяхъ, невысокой кручей, стояли возы съ сосновыми ящиками. У воды, разставивъ худыя, съ толстыми колѣнками, ноги, пилъ коричневый жеребенокъ. На кручѣ большимъ краснымъ крестомъ торчала маячная вѣха.

Даша соскочила съ койки, развернула на полу тэбъ и, набравъ полную губку воды, выжала ее на себя. Стало до того свѣжо и боязно, что она, смѣясь, начала поджимать къ животу колѣни. Потомъ надѣла приготовленные съ вечера бѣлые чулки, бѣлое платье и бѣлую шапочку, — все это сидѣло на ней ловко и строго, — и, чувствуя себя независимой, сдержанная, но страшно счастливая, вышла на палубу.

По всему бѣлому пароходу играли жидкіе отсвѣты солнца, на воду больно было смотрѣть, — рѣка сіяла и переливалась. На дальнемъ берегу, гористомъ и кудрявомъ, бѣлѣла, по поясъ въ березахъ, старенькая колокольня.

Когда пароходъ отчалилъ и, описавъ полукругъ, побѣжалъ внизъ, навстрѣчу ему медленно двинулись берега, — луговой — пустынный, и нагорный — въ лѣскахъ и пестро-зеленыхъ или каменистыхъ пролысинахъ. Изъ-за бугровъ, точно завалившись, выглядывали кое-гдѣ потемнѣвшія соломенныя крыши избъ. Въ небѣ стояли кучевыя облака съ синеватыми днищами, и отъ нихъ въ небесно-желтоватую бездну рѣки падали бѣлыя тѣни.

Даша сидѣла въ плетеномъ креслѣ, положивъ ногу на ногу, обхвативъ колѣно, и чувствовала, какъ сіяющіе изгибы рѣки, облака и бѣлыя ихъ отраженія, березовые холмы, луга и струи вѣтра, то пахнущія болотной травой, то сухостью вспаханной земли, медовой кашкой и полынью, — текутъ сквозь нее, и тихимъ восторгомъ ширится средце.

Какой-то человѣкъ медленно подошелъ, остановился сбоку у перилъ и, кажется, поглядывалъ. Даша нѣсколько разъ забывала про него, а онъ все стоялъ. Тогда она твердо рѣшила не оборачиваться, но у нея былъ слишкомъ горячій нравъ, чтобы спокойно переносить такое разглядыванье. Она покраснѣла и быстро, гнѣвно, обернулась. Передъ ней стоялъ Телѣгинъ, держась рукой за столбикъ, и не рѣшался ни подойти, ни заговорить, ни скрыться. Даша неожиданно засмѣялась, — онъ ей напомнилъ что-то неопредѣленно веселое и доброе. Да и весь Иванъ Ильичъ, широкій въ бѣломъ кителѣ, сильный и застѣнчивый, точно необходимымъ завершеніемъ появился изо всего этого рѣчного покоя. Она протянула ему руки. Здороваясь, Телѣгинъ сказалъ:

— Я видѣлъ, какъ вы садились на пароходъ. Въ сущности, мы ѣхали съ вами въ одномъ вагонѣ отъ Петербурга. Но я не рѣшался подойти — вы были очень озабочены... Я вамъ не мѣшаю?

— Садитесь, — она пододвинула ему плетеное кресло, — ѣду къ отцу, а вы куда?

— Я то, въ сущности говоря, еще не знаю. Пока — въ Кинешму, къ роднымъ.

Телѣгинъ сѣлъ рядомъ и снялъ шляпу. Брови его сдвинулись, по лбу пошли морщины. Съуженными глазами онъ глядѣлъ на воду, вогнутой, пѣня-

щейся дорогой выбѣгающую изъ подъ парохода. Надъ ней, какъ комары, за кормой летѣли острокрылые мартыны, падали на воду, взлетали съ хриплыми, жалобными криками и, далеко отставъ, кружились и дрались надъ плывущей хлѣбной коркой.

— Пріятный день, Дарья Дмитріевна, — сказалъ Телѣгинъ.

— Такой день, Иванъ Ильичъ, такой день! Я сижу и думаю: какъ изъ ада на волю вырвалась, честное слово. Помните нашъ разговоръ на улицѣ?

— Помню до послѣдняго слова, Дарья Дмитріевна.

— Послѣ этого такое началось, не дай Богъ! Я вамъ какъ-нибудь разскажу. — Она задумчиво покачала головой. — Вы были единственнымъ человѣкомъ, который не сходилъ съ ума въ Петербургѣ, такъ мнѣ представляется. Поэтому мнѣ съ вами пріятно. — Она нѣжно улыбнулась и положила ему руку на рукавъ. У Ивана Ильича испуганно дрогнули вѣки, поджались губы. — Я вамъ очень довѣряю, Иванъ Ильичъ. Вы очень сильный? Правда?

— Ну, какой-же я сильный.

— И вѣрный человѣкъ. — Даша чувствовала, что всѣ мысли ея — добрыя, ясныя и любовныя, и такія же добрыя, вѣрныя и сильныя мысли были у Ивана Ильича. И особая радость была въ томъ, чтобы говорить — выражать прямо эти свѣтлыя волны чувствъ, подходящія къ сердцу. — Мнѣ представляется, Иванъ Ильичъ, что если вы любите, то мужественно, кротко, увѣренно. А если чего-нибудь захотите, то не отступитесь.

Не отвѣчая, Иванъ Ильичъ медленно полѣзъ въ карманъ, вытащилъ оттуда кусокъ хлѣба и сталъ бросать птицамъ. Цѣлая стая бѣлыхъ мартыновъ

съ тревожными криками кинулась ловить крошки. Даша и Иванъ Ильичъ подошли къ борту.

— Вотъ этому киньте, — сказала Даша, — смотрите, какой голодный.

Телѣгинъ далеко въ воздухъ швырнулъ остатокъ хлѣба. Жирный, головастый мартынъ скользнулъ на недвигающихся, распластанныхъ, какъ ножи, крыльяхъ, налетѣлъ и промахнулся, и сейчасъ-же штукъ десять ихъ понеслось вслѣдъ за падающимъ хлѣбомъ до самой воды, теплой пѣной бьющей изъ-подъ борта. Даша сказала:

— Мнѣ хочется быть, знаете, какой женщиной? Перестать волноваться на свой счетъ. Жить такъ, какъ утромъ по росѣ босикомъ бѣгать. На будущій годъ кончу курсы, начну зарабатывать много денегъ, возьму жить къ себѣ Катю, буду совершенно новымъ человѣкомъ. Увидите, Иванъ Ильичъ, какая стану. Тогда перестанете меня презирать.

Во время этихъ словъ Телѣгинъ морщился, удерживался и, наконецъ, раскрылъ ротъ съ крѣпкимъ, чистымъ рядомъ крупныхъ зубовъ и захохоталъ такъ весело, что взмокли рѣсницы. Даша вспыхнула, оскорбилась, но и у нея запрыгалъ подбородокъ, и не хотѣла, а разсмѣялась, такъ же, какъ и Телѣгинъ, въ сущности говоря, сама не зная чему.

— Дарья Дмитріевна, — проговорилъ онъ наконецъ, — вы замѣчательная... я вначалѣ васъ боялся до смерти... Но вы прямо замѣчательная!

— Ну, вотъ что — идемте завтракать, — сказала Даша сердито.

— Съ удоволствіемъ.

Иванъ Ильичъ велѣлъ вынести столикъ на палубу и, глядя на карточку, озабоченно сталъ скрести чисто выбритый подбородокъ.

— Что вы думаете, Дарья Дмитріевна, относительно бутылки легкаго бѣлаго вина?

— Немного выпью, съ удоволствіемъ.

— Шабли или Барзакъ?

Даша такъ же дѣловито отвѣтила:

— Или то или другое.

— Въ такомъ случаѣ — выпьемъ шипучаго.

Мимо плылъ холмистый берегъ, съ атласно-зелеными полосами пшеницы, зелено-голубыми — ржи, и розоватыми — зацвѣтающей гречихи. За поворотомъ, надъ глинистымъ обрывомъ, на навозѣ, подъ шапками соломы, стояли приземистыя избы, отсвѣчивая окошечками. Подальше — десятокъ крестовъ деревенскаго кладбища, и шестикрылая, какъ игрушечная, мельница съ проломаннымъ бокомъ. Стайка мальчишекъ бѣжала вдоль кручи за пароходомъ, кидая камнями, не долетавшими даже до воды. Пароходъ повернулъ, и на пустынномъ берегу — низкій кустарникъ, и коршуны надъ нимъ.

Теплый вѣтерокъ поддувалъ подъ бѣлую скатерть, подъ платье Даши. Золотистое вино въ граненыхъ большихъ рюмкахъ казалось Божьимъ даромъ. Даша сказала, что завидуетъ Ивану Ильичу, — у него есть свое дѣло, увѣренность въ жизни, а вотъ ей еще полтора года корпѣть надъ книгами, и при томъ такое несчастье, что она — женщина. Телѣгинъ, смѣясь, отвѣтилъ:

— А меня вѣдь съ Обуховскаго-то завода выгнали.

— Что вы говорите!

— Въ двадцать четыре часа, чтобы духу не было. Иначе, зачѣмъ бы я на пароходѣ оказался. Вы развѣ не слышали, какія у насъ дѣла творились?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Я то вотъ дешево отдѣлался. Да... — Онъ по-

молчалъ, положивъ локти на скатерть. — Вотъ, подите же, до чего у насъ все дѣлается глупо и бездарно, — на рѣдкость. И, чортъ знаетъ, какая слава о насъ идетъ, о русскихъ. Обидно и совѣстно. Подумайте, — талантливый народъ, богатѣйшая страна, а какая видимость? — Видимость: наглая, раскосая, писарская рожа. Вмѣсто жизни — бумага и чернила. Вы не можете себѣ представить, сколько у насъ изводится бумаги и чернилъ. Какъ начали отписываться при Петрѣ Великомъ, такъ до сихъ поръ не можемъ остановиться. И вѣдь оказывается, — кровавая вещь — чернила, представьте себѣ.

Иванъ Ильичъ отодвинулъ стаканъ съ виномъ и закурилъ. Ему, видимо, было непріятно разсказывать все дальнѣйшее.

— Ну, да что вспоминать. Думать надо, что и у насъ когда-нибудь хорошо будетъ, не хуже, чѣмъ у людей.

Весъ этотъ день Даша и Иванъ Ильичъ провели на палубѣ. Постороннему наблюдателю показалось бы, что они говорятъ чепуху, но это происходило оттого, что они разговаривали шифромъ. Слова, самыя обычныя, таинственно и непонятно получали двойной смыслъ, и когда Даша, указывая глазами на пухленькую барышню, съ удивленно-круглыми глазами и съ отдувающимся за ея спиной розоволиловымъ шарфомъ, и на сосредоточенно шагающаго рядомъ съ ней второго помощника капитана, говорила: «Смотрите, Иванъ Ильичъ, у нихъ, кажется, дѣло идетъ на ладъ», — нужно было понимать: «Если бы у насъ съ вами что-нибудь слу-

чилось, — было бы совсѣмъ не такъ». Никто изъ нихъ не могъ бы вспомнить по чистой совѣсти, что онъ говорилъ, но Ивану Ильичу казалось, что Даша гораздо умнѣе, тоньше и наблюдательнѣе его, Дашѣ казалось, что Иванъ Ильичъ добрѣе ея, лучше, умнѣе разъ въ тысячу.

Даша собиралась нѣсколько разъ съ духомъ, чтобы разсказать ему о Безсоновѣ, но раздумывала; солнце грѣло колѣни, вѣтеръ касался щеки, плечей, шеи, словно круглыми и ласковыми пальцами, хлопающій флагъ на носу, веревочная рѣшетка борта, сѣрый, блестящій полъ — все это вмѣстѣ съ нею и Иваномъ Ильичемъ медленно плыло между облаками, мимо невысокихъ и кроткихъ береговъ. Даша думала:

«Нѣтъ, разскажу ему завтра. Пойдетъ дождикъ — тогда разскажу».

Даша, любившая наблюдать и наблюдательная, какъ всѣ женщины, знала къ концу дня, приблизительно, всю подноготную про всѣхъ ѣдущихъ на пароходѣ. Ивану Ильичу казалось это почти чудомъ.

Про ректора Петербургскаго Университета, утрюмаго человѣка, въ дымчатыхъ очкахъ и крылаткѣ, Даша рѣшила почему-то, что это очень крупный пароходный шулеръ. И, хотя Иванъ Ильичъ зналъ, что это ректоръ, теперь ему тоже запало подозрѣніе — не шулеръ-ли. Вообще, его представленіе о дѣйствительности пошатнулось за этотъ день. Онъ чувствовалъ не то головокруженіе, не то сонъ въ яви, и, почти не въ силахъ выдерживать время отъ времени подступающую волну любви ко всему, что видитъ и слышитъ, присматривался — хорошо бы сейчасъ, напримѣръ, броситься въ воду вонъ за

той стриженой дѣвочкой, если она упадетъ за бортъ. Вотъ бы упала!

Въ первомъ часу ночи Даша до того сразу и сладко захотѣла спать, что едва дошла до каюты и, прощаясь въ дверяхъ, сказала, зѣвая:

— Прощайте. Смотрите, присматривайте за шулеромъ-то.

Иванъ Ильичъ сейчасъ же пошелъ въ рубку перваго класса, гдѣ ректоръ, страдающій безсонницей, читалъ сочиненія Дюма-отца, поглядѣлъ на него нѣкоторое время, подумалъ, что — это прекрасный человѣкъ, несмотря на то, что шулеръ, затѣмъ вернулся въ ярко освѣщенный корридоръ, гдѣ пахло машиной, лакированнымъ деревомъ и духами Даши, на цыпочкахъ прошелъ мимо ея двери, и у себя въ каютѣ, повалившись на спину на койку и закрывъ глаза, почувствовалъ, что весь потрясенъ, весь полонъ звуками, запахами, жаромъ солнца и острой, заглушающей все это, непонятной грустью.

Въ седьмомъ часу утра его разбудилъ ревъ парохода. Подходили къ Кинешмѣ. Иванъ Ильичъ быстро одѣлся и выглянулъ въ корридоръ. Всѣ двери были закрыты, всѣ еще спали. Спала и Даша. «Мнѣ слѣзть необходимо, иначе получается чортъ знаетъ что», — подумалъ Иванъ Ильичъ и вышелъ на палубу, глядя на эту самую, некстати подоспѣвшую Кинешму на крутомъ и высокомъ берегу, съ деревянными лѣстницами, съ деревянными, точно коекакъ нагороженными, наваленными домишками, заборами, съ яркими, по-утреннему желтовато-зелеными липами городского парка, съ неподвижно висящимъ облакомъ пыли надъ возами, тянущимися по городскому спуску. Широкомордый матросъ, твер-

до ступая по палубѣ пятками босыхъ ногъ, появился съ рыжимъ чемоданомъ Телѣгина...

— Нѣтъ, нѣтъ, я передумалъ, назадъ несите, — взволнованно проговорилъ ему Иванъ Ильичъ, — я, видите-ли, до Нижняго рѣшилъ ѣхать. Въ Кинешму мнѣ и не особенно было нужно. Вотъ сюда ставьте, подъ койку. Благодарю васъ, голубчикъ.

Въ каютѣ Иванъ Ильичъ просидѣлъ часа три, придумывая, какъ объяснить Дашѣ свой, по его пониманію, пошлый и навязчивый поступокъ, и было ясно, что объяснить невозможно: — ни соврать, ни сказать правду.

Въ одиннадцатомъ часу, раскаиваясь, ненавидя и презирая себя, онъ появился на палубѣ, — руки за спиной, походочка какая-то ныряющая, лицо фальшивое, — словомъ, типъ пошляка. Но, обойдя кругомъ палубу и не найдя Даши, Иванъ Ильичъ взволновался, сталъ заглядывать повсюду. Даши не было нигдѣ. У него пересохло во рту. Очевидно, что-то случилось. И вдругъ, онъ прямо наткнулся на нее. Даша сидѣла на вчерашнемъ мѣстѣ, въ плетеномъ креслѣ, грустная и тихая. На колѣняхъ у нея лежали книжка и груша. Она медленно повернула голову къ Ивану Ильичу, глаза ея расширились, точно отъ испуга, залились радостью, на щеки взошелъ румянецъ, груша покатилась съ колѣнъ.

— Вы здѣсь? Не слѣзли?, — проговорила она тихо:

Иванъ Ильичъ проглотилъ волненіе, сѣлъ рядомъ и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Не знаю, какъ вы взглянете на мой поступокъ, но я намѣренно не вылѣзъ въ Кинешмѣ.

— Какъ я посмотрю на вашъ поступокъ? Ну,

этого я не скажу. — Даша засмѣялась, и неожиданно, такъ что у Ивана Ильича снова на весь день, сильнѣе вчерашняго, пошла кружиться голова, положила ему въ ладонь свою руку, просто и нѣжно.

X

На самомъ дѣлѣ, на Обуховскомъ заводѣ произошло слѣдующее. Въ дождливый вечеръ, затянувшій вѣтряными облаками фосфорическое небо, въ узкомъ переулкѣ, вонючемъ и грязномъ, той особенной, угольно желѣзной грязью, какою бываютъ сплошь залиты прилегающія къ большимъ заводамъ улицы, въ толпѣ рабочихъ, идущихъ послѣ свистка по домамъ, появился неизвѣстный человѣкъ, въ резиновомъ плащѣ съ поднятымъ капюшономъ.

Нѣкоторое время онъ шелъ вслѣдъ за всѣми, затѣмъ остановился и направо и налѣво сталъ раздавать листки, говоря сиповатымъ голосомъ:

«Отъ Центральнаго Комитета. Прочтите, товарищъ».

Рабочіе на-ходу брали листки и прятали въ карманы и подъ шапки. За послѣднее время въ мрачную и озлобленную массу рабочихъ, ревниво охраняемую властями, сквозь всѣ щели проникали подобные молодые люди, посылаемые невидимыми друзьями. Они появлялись подъ видомъ служащихъ, чернорабочихъ, продавцовъ, или вотъ такъ — въ плащѣ съ капюшономъ. Они подкидывали листки, раздавали книги; пускали слухи, разъясняли злоупотребленія администраціи, и всѣ повторяли одно: «Если хотите быть людьми, а не скотами, — учитесь ненавидѣть тѣхъ,

на кого работаете». Рабочіе чувствовали и понимали, что на царскую власть, заставлявшую ихъ работать двѣнадцать часовъ въ сутки, отгородившую ихъ отъ богатой и веселой жизни города грязными переулками и постами ночныхъ сторожей, вынуждавшую рабочихъ дурно ѣсть, грязно одѣваться, жить съ неряшливыми и рано старѣющими женщинами, посылать дочерей въ проститутки, а мальчиковъ въ постылую каторгу фабрикъ, — на эту власть нашлась управа — Центральный Комитетъ Рабочей Партіи. Онъ былъ неуловимъ и невидимъ. Рабочіе ненавидѣли власть съ чугунной скукой, Центральный Комитетъ ненавидѣлъ ее дѣятельно и ѣдко. Онъ не уставая повторялъ: — требуйте, кричите, возмущайтесь. Васъ учили — будьте добрыми, — провокація! Добродѣтель пролетарія — ненависть. Вамъ говорили — терпите и прощайте, — издѣвательство! Вы не рабы. Ненавидьте и организуйтесь. Вамъ внушали — любите ближняго. Но ближній пользуется этой любовью, чтобы запречь ее въ ярмо. Вы одурачены. Есть одна достойная человѣка любовь — любовь къ свободѣ. Помните, — Россія построена вашими руками. Вы одни законные хозяева Россійскаго государства.

Когда человѣкъ въ резиновомъ плащѣ роздалъ почти всѣ листочки, около него, сильно протиснувшись плечомъ сквозь толпу, появился ночной сторожъ и, проговоривъ поспѣшно: «Погоди-ка», — схватилъ сзади за плащъ. Но человѣкъ, мокрый и скользкій, вывернулся и, пригибаясь къ землѣ, побѣжалъ. Раздался рѣзкій свистокъ, въ отвѣтъ, издалека, заверещалъ другой. По рѣдѣющей толпѣ пошелъ глухой говоръ. Но дѣло было сдѣлано, и человѣкъ въ плащѣ исчезъ.

Дня черезъ два на Обуховскомъ заводѣ, неожиданно для администраціи, съ утра не всталъ на работу токарный цехъ и предъявилъ требованія, не особенно серьезныя, но рѣшительныя.

По длиннымъ заводскимъ корпусамъ, мутно освѣщеннымъ сквозь грязныя окна и закопченныя, стекляныя крыши полетѣли, какъ искорки, неопредѣленныя фразы, замѣчанія и злыя словечки. Рабочіе, стоя у станковъ, странно взглядывали на проходящее начальство и въ сдержанномъ возбужденіи ждали какихъ-то указаній.

Старшему мастеру Павлову, доносчику и нашептывателю, вертѣвшемуся около гидравлическаго пресса, нечаянно раздавили всю ступню раскаленной болванкой. Онъ дико закричалъ, и тогда по заводу пошелъ слухъ, что кого-то уже убили. Въ девять часовъ на заводскій дворъ, какъ буря, влетѣлъ огромный, черный лимузинъ главнаго инженера.

Иванъ Ильичъ Телѣгинъ, придя въ обычный часъ въ литейную, огромную постройку въ видѣ цирка, съ разбитыми кое-гдѣ стеклами, съ висящими цѣпями передвижныхъ крановъ, съ плавильными горнами у стѣнъ и землянымъ поломъ, остановился въ дверяхъ, передернулъ плечами отъ утренняго холодка, и за руку, весело, поздоровался съ подошедшимъ мастеромъ — Пунько.

Въ литейной былъ полученъ спѣшный заказъ на моторныя станины, и Иванъ Ильичъ заговорилъ съ Пунько о предстоящей работѣ, дѣловито и вдумчиво совѣтуясь съ нимъ о тѣхъ вещахъ, которыя были для нихъ обоихъ несомнѣнны. Эта маленькая хитрость вела къ тому, что Пунько, поступившій въ эту литейную пятнадцать лѣтъ тому назадъ простымъ чернорабочимъ, а теперь — старшій мастеръ,

очень высоко ставившій свои знанія и опытъ, остался вполнѣ довольнымъ бесѣдой, самолюбіе его было удовлетворено, а Телѣгинъ былъ увѣренъ, что, если Пунько доволенъ, то работа пойдетъ споро.

Обойдя литейную, Иванъ Ильичъ поговорилъ съ литейщиками и формовщиками, съ каждымъ тѣмъ полушутливо-товарищескимъ тономъ, который наиболѣе точно опредѣлялъ ихъ взаимоотношенія: мы оба стоимъ на одной работѣ, значитъ — товарищи, но я инженеръ, вы рабочій, и по существу мы — враги, но, такъ какъ мы другъ друга любимъ и уважаемъ, то намъ ничего не остается, какъ подшучивать другъ надъ другомъ.

Къ одному изъ горновъ, стуча спускающейся цѣпью, подкатилъ кранъ. Филиппъ Шубинъ и Иванъ Орѣшниковъ, мускулистые и рослые рабочіе, одинъ похожій на Пугачева, черный, съ просѣдью и въ круглыхъ очкахъ, другой — съ кудрявой бородой, со свѣтлыми, повязанными ремешкомъ, волосами, голубоглазый и атлетически сильный — любимецъ Ивана Ильича, принялись: одинъ — ломомъ отдирать доску съ лицевой стороны горна, другой — наводить на бѣлый отъ жара, высокій тигель клещи. Цѣпь затрещала, тигель подался и, шипя, свѣтясь и роняя корки нагара, поплылъ по воздуху къ серединѣ мастерской.

— Стопъ, — сказалъ Орѣшниковъ, — снижай.

Опять загромыхала лебедка, тигель опустился, и ослѣпительная струя бронзы, раскидывая лопающіяся, зеленыя звѣзды, озаряя оранжевымъ заревомъ шатровый потолокъ мастерской, полилась подъ землю. Запахло гарью приторно сладкой мѣди.

Въ это время двустворчатыя двери, ведущія въ сосѣдній корпусъ, распахнулись, и въ литейную

быстро и рѣшительно вошелъ молодой рабочій, съ блѣднымъ и злымъ лицомъ.

— Кончай работу... Снимайся! — крикнулъ онъ отрывистымъ, жестокимъ голосомъ, и покосился на Телѣгина. — Слышали? Али нѣтъ?

— Слышали, слышали, не кричи, — отвѣтилъ Орѣшниковъ спокойно и поднялъ голову къ лебедкѣ: — Димитрій, не спи, вытравливай.

— Ну, слышали — понимайте сами, второй разъ просить не станемъ, — сказалъ рабочій, сунулъ руки въ карманы и, бойко повернувшись, вышелъ.

Иванъ Ильичъ, присѣвъ надъ свѣжей отливкой, осторожно расковыривалъ землю кускомъ проволоки. Пунько, сидя на высокомъ стулѣ у дверей передъ конторкой, быстро началъ гладить сѣрую, козлиную бородку и сказалъ, бѣгая глазами:

— Хочешь, не хочешь, значитъ, а дѣло бросай. А ребятишекъ чѣмъ кормить, если тебѣ по шапкѣ дадутъ съ завода — объ этомъ молодцы эти думаютъ, али нѣтъ?

— Этихъ дѣловъ ты лучше бы не касался, Василій Степанычъ, — отвѣтилъ Орѣшниковъ густымъ голосомъ.

— То-есть, это какъ же не касаться?

— Такъ, это наша каша. Съ голоду не твои дѣти пузыри станутъ пускать... Ты то ужъ забѣжишь къ начальству, въ глаза взглянешь. По этому случаю — молчи.

— Изъ-за чего забастовка? — спросилъ, наконецъ, Телѣгинъ, — какія требованія?.. — Орѣшниковъ, на котораго онъ взглянулъ, отвелъ глаза. Пунько отвѣтилъ:

— Слесаря забастовали. На прошлой недѣлѣ у

нихъ шестьдесятъ станковъ перевели на сдѣльную работу, для пробы. Ну, вотъ, и получается, что не дорабатываютъ, сверхсрочные часы приходится выстаивать. Да у нихъ цѣлый списокъ въ шестомъ корпусѣ на двери прибитъ, требованія разныя, не большія.

Онъ сердито обмокнулъ перо въ пузырекъ и принялся сводить вѣдомость. Телѣгинъ заложилъ руки за спину, прошелся вдоль горновъ, потомъ сказалъ, глядя въ круглое отверстіе, за которымъ въ бѣломъ, нестерпимомъ огнѣ танцовала, ходила змѣями кипящая бронза.

— Орѣшниковъ, какъ бы штука-то эта у насъ не перестоялась, а?

Орѣшниковъ, не отвѣчая, снялъ кожаный фартукъ, повѣсилъ его на гвоздь, надѣлъ барашковую шапку и длинный, добротный пиджакъ и проговорилъ густымъ, наполнившимъ всю мастерскую, басомъ:

— Снимайтесь, товарищи. Есть желающіе, — приходите въ шестой корпусъ, къ среднимъ дверямъ.

И пошелъ къ выходу. Рабочіе молча побросали инструменты, кто спустился съ лебедки, кто вылѣзъ изъ ямы въ полу, и толпою двинулись за Орѣшниковымъ. И вдругъ, въ дверяхъ что-то произошло, — раздался срывающійся на визгъ, изступленный голосъ:

— Пишешь?... Пишешь, сукинъ сынъ! На, записывай меня!... Доноси начальству!... — Это кричалъ на Пунько формовщикъ, Алексѣй Носовъ; изможденное, давно не бритое лицо его, съ провалившимися, мутными глазами, прыгало и перекашивалось, на тонкой шеѣ надулась жила; крича, онъ билъ чернымъ кулакомъ въ край конторки. — Кро-

вопійцы!.. Мучители!.. Найдемъ и на васъ ножикъ!..

Тогда Орѣшниковъ схватилъ Носова за туловище, легко отодралъ отъ конторки и повелъ къ дверьямъ. Тотъ сразу затихъ. Мастерская опустѣла.

Къ полудню забастовалъ весь заводъ. Ходили слухи, что не спокойно на Балтійскомъ и на Невскомъ Судостроительномъ. Рабочіе большими группами стояли на заводскомъ дворѣ и ждали — къ чему поведутъ переговоры администраціи со стачечнымъ комитетомъ, какъ выяснилось, уже давно существовавшимъ. Забастовка была дѣломъ его рукъ.

Засѣдали въ конторѣ. Администрація шла на уступки. Задержка теперь была только за дверцей въ дощатомъ заборѣ, которую рабочіе требовали открыть, иначе имъ приходится обходомъ мѣсить четверть версты по грязи. Дверца никому, въ сущности, была не нужна, но дѣло пошло на самолюбіе, администрація вдругъ уперлась, и начались длинныя пренія. Стачечный комитетъ поставилъ вопросъ о дверцѣ на соціальную плоскость. И въ это время по телефону изъ министерства выутренних дѣлъ получился приказъ: — отказать стачечному комитету во всѣхъ требованіяхъ и, впредь до особаго распоряженія, ни въ какіе разговоры съ нимъ не вступать.

Приказъ этотъ настолько портилъ все дѣло, что старшій инженеръ немедленно умчался въ городъ для объясненій. Рабочіе недоумѣвали, настроеніе было, скорѣе, мирное. Нѣсколько инженеровъ, выйдя къ толпѣ, объяснялись, разводили руками. Кое-гдѣ раздавался даже смѣхъ. Никто не вѣрилъ, что изъ-за пустой какой-нибудь дверцы остановится цѣлый заводъ. Наконецъ, на крыльцѣ конторы появился

огромный, тучный, сѣдой инженеръ Бульбинъ и прокричалъ на весь дворъ, что переговоры отложены на завтра.

Иванъ Ильичъ, пробывъ въ мастерской до вечера и видя, что горны все равно погаснутъ, плюнулъ и поѣхалъ домой. Въ столовой сидѣли футуристы и, оказывается, живо интересовались тѣмъ, что дѣлается на заводѣ. Но Иванъ Ильичъ ничего разсказывать не сталъ, задумчиво сжевалъ подложенные ему Елизаветой Кіевной бутерброды, и ушелъ къ себѣ, заперся на ключъ и легъ спать.

На слѣдующій день, подъѣзжая къ заводу, онъ еще издали увидалъ, что дѣло не ладно. По всему переулку стояли кучки рабочихъ и совѣщались. Около воротъ собралась огромная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ и гудѣла, какъ потревоженный улей.

Иванъ Ильичъ былъ въ мягкой шляпѣ и штатскомъ пальто, на него не обращали вниманія, и онъ, прислушиваясь къ отдѣльнымъ кучкамъ спорящихъ, узналъ, что ночью былъ арестованъ весь стачечный комитетъ, что и сейчасъ продолжаются аресты среди рабочихъ, что выбранъ новый комитетъ, засѣдающій тайно, гдѣ-то въ пивной, что требованія, предъявленныя ими теперь, — уже политическія, что весь заводскій дворъ полонъ казаками и, говорятъ, былъ данъ приказъ — разгонять толпу, но казаки, будто бы, отказались и что, наконецъ, Балтійскій, Невскій Судостроительный, Французскій и нѣсколько мелкихъ заводовъ присоединились къ забастовкѣ.

Все это было настолько невѣроятно, что Иванъ Ильичъ рѣшилъ пробраться въ контору — узнать новости, но съ величайшимъ трудомъ протискался

только до воротъ. Тамъ, около знакомаго сторожа Бабкина, угрюмаго человѣка въ огромномъ тулупѣ, стояли два рослыхъ казака въ надвинутыхъ на ухо безкозыркахъ и съ русыми бородами на двѣ стороны. Весело и дерзко поглядывали они на невыспавшіяся, нездоровыя лица рабочихъ, были оба румяны, опрятны и, должно быть, ловки драться и зубоскалить.

«Да, эти мужики стѣсняться не станутъ», — подумалъ Иванъ Ильичъ и хотѣлъ было войти во дворъ, но ближайшій къ нему казакъ загородилъ дорогу и, въ упоръ глядя веселыми, ясными глазами, сказалъ:

— Куда? Осади!

— Мнѣ нужно пройти въ контору, я инженеръ.

— Осади, говорятъ!

Тогда изъ толпы послышались голоса:

— Нехристи! Опричники!

— Мало вамъ нашей крови пролито!

— Черти сытые! Помѣщики!

Въ это время въ первые ряды протискался низенькій прыщавый юноша, съ большимъ и кривымъ носомъ, въ огромномъ, не по росту, пальто и неловко надѣтой рыжеватой, высокой шапкѣ на курчавыхъ волосахъ. Помахивая недоразвитой, очень бѣлой ручкой, онъ заговорилъ, картавя:

— Товарищи казаки! Развѣ мы не всѣ русскіе? На кого вы поднимаете оружіе? На своихъ же братьевъ. Развѣ мы ваши враги, чтобы насъ разстрѣливать? Чего мы хотимъ? Мы хотимъ счастья всѣмъ русскимъ. Мы хотимъ, чтобы каждый человѣкъ былъ свободенъ. Мы хотимъ уничтожить произволъ...

Казакъ, поджавъ губы, презрительно оглядѣлъ молодого человѣка съ головы до ногъ, повернулся

и зашагалъ въ воротахъ. Другой отвѣтилъ внушительно, книжнымъ голосомъ:

— Никакихъ бунтовъ допустить мы не можемъ, потому что мы присягу принимали.

Тогда первый, очевидно придумавъ отвѣтъ, крикнулъ курчавому юношѣ:

— Братья, братья... Ты штаны-то подтяни, а то потеряешь.

И оба казака засмѣялись.

Иванъ Ильичъ отодвинулся отъ воротъ, движеніемъ толпы его понесло въ сторону, къ забору, гдѣ валялись заржавленныя, чугунныя шестерни. Онъ попытался было забраться на нихъ, и увидѣлъ Орѣшникова, который, сдвинувъ на затылокъ барашковую шапку, спокойно жевалъ хлѣбъ. Телѣгину онъ кивнулъ бровями и сказалъ басомъ.

— Вотъ, дѣла-то хороши, Иванъ Ильичъ.

— Здравствуйте, Орѣшниковъ. Чѣмъ же это все кончится?

— А вотъ мы покричимъ малое время да и шапку снимемъ. Только и всѣхъ бунтовъ. Пригнали казаковъ. А чѣмъ мы съ ними воевать будемъ? Вотъ этой развѣ луковицей бросить — убить двоихъ. Чудаки.

Въ это время по толпѣ прошелъ ропотъ, и стихъ. Въ тишинѣ у воротъ раздался отрывистый, командный голосъ:

— Господа, прошу васъ расходиться по домамъ. Ваши просьбы будутъ разсмотрѣны. Прошу васъ спокойно разойтись.

Толпа заволновалась, двинулась назадъ, въ сторону. Иные отошли, иные продвинулись. Говоръ усилился. Орѣшниковъ сказалъ:

— Третій разъ честью проситъ.

— Кто это говорилъ?

— Есаулъ.

— Товарищи, товарищи, не расходитесь, — послышался взволнованный голосъ, и сзади Ивана Ильича на шестерни вскочилъ блѣдный, возбужденный человѣкъ въ большой шляпѣ, съ растрепанной черной бородой, подъ которой изящный пиджакъ его былъ заколотъ англійской булавкой на горлѣ.

— Товарищи, ни въ какомъ случаѣ не расходиться, — зычно заговорилъ онъ, протянувъ руки со сжатыми кулаками, — намъ достовѣрно извѣстно, что казаки стрѣлять отказались. Администрація ведетъ переговоры черезъ третьихъ лицъ со стачечнымъ комитетомъ. Мало того, желѣзнодорожники обсуждаютъ сейчасъ всеобщую забастовку. Въ правительствѣ паника.

— Браво! — завопилъ чей-то изступленный голосъ. Толпа загудѣла, ораторъ нырнулъ въ нее и скрылся. Было видно, какъ по переулку подбѣгали люди.

Иванъ Ильичъ поискалъ глазами Орѣшникова, но тотъ стоялъ уже далеко у воротъ. Нѣсколько разъ до слуха долетѣло: «революція, революція».

Иванъ Ильичъ чувствовалъ, какъ все въ немъ дрожитъ испуганно-радостнымъ возбужденіемъ. Взобравшись на шестерни, онъ оглядывалъ огромную теперь толпу, и вдругъ, въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣлъ Акундина, — онъ былъ въ очкахъ, въ картузѣ съ большимъ козырькомъ и въ черной накидкѣ. Нагнувъ голову, онъ упрямо грызъ ноготь на большомъ пальцѣ. Къ нему протиснулся господинъ съ дрожащими губами, въ котелкѣ. Телѣгинъ слышалъ, какъ онъ крикнулъ Акундину:

— Идите, Иванъ Аввакумовичъ, васъ ждутъ.

— Я не приду. — Акундинъ откусилъ ноготь и невидящими глазами глядѣлъ на подошедшаго.

— Собрался весь комитетъ. Безъ васъ, Иванъ Аввакумовичъ, не хотятъ принимать рѣшенія.

— Я остаюсь при особомъ мнѣніи, это извѣстно.

— Вы съ ума сошли. Вы видите, что дѣлается. Я вамъ говорю, что съ минуты на минуту начнется разстрѣлъ... — У господина въ котелкѣ запрыгали губы.

— Во-первыхъ, не кричите, — проговорилъ Акундинъ, — ступайте и выносите компромиссное рѣшеніе. Я своего голоса назадъ не возьму...

— Чортъ знаетъ, чортъ знаетъ, сумасшествіе какое-то! — проговорилъ господинъ въ котелкѣ и протискался въ толпу. Къ Акундину бокомъ пододвинулся вчерашній рабочій, снявшій людей въ мастерской Телѣгина. Акундинъ что-то сказалъ ему, тотъ кивнулъ и скрылся. Затѣмъ то-же самое — короткая фраза и кивокъ головы — произошло съ другимъ, неизвѣстнымъ Телѣгину рабочимъ. Было похоже, что Акундинъ отдаетъ какія-то приказанія. Въ толпѣ, по ту сторону воротъ, опять закричали, заволновались. И вдругъ раздалось три подрядъ короткихъ, сухихъ выстрѣла. Сразу настала тишина. И придушенный голосъ, точно по-нарочному, затянулъ: «а-а-а». Толпа подалась и отхлынула отъ воротъ. На разбитой ногами грязи лежалъ ничкомъ, съ подогнутыми къ животу колѣнями, казакъ. И сейчасъ-же пошелъ крикъ по всему народу: «Не надо, не надо!» Это отворяли ворота. Но, откуда-то сбоку хлопнулъ четвертый револьверный выстрѣлъ, и полетѣло нѣсколько камней, ударившись о желѣзо. Въ эту минуту Телѣгинъ увидѣлъ Орѣшникова, стоявшаго безъ шапки, съ открытымъ ртомъ,

одного, впереди уже безпорядочно бѣгущей толпы. Онъ точно вросъ отъ ужаса въ землю огромными сапогами. И одновременно полоснули, какъ удары бича, длинные, раздирающіе воздухъ, винтовочные выстрѣлы, — одинъ, два и залпъ, — и мягко осѣлъ на колѣни, повалился навзничь Орѣшниковъ.

Черезъ недѣлю было окончено разслѣдованіе происшествія на Обуховскомъ заводѣ. Иванъ Ильичъ попалъ въ списокъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи рабочимъ. Вызванный въ контору, онъ, неожиданно для всѣхъ, наговорилъ рѣзкостей администраціи, и подписалъ отставку.

XI

Докторъ Дмитрій Степановичъ Булавинъ, отецъ Даши, сидѣлъ въ столовой около большого, помятаго и валившаго паромъ самовара и читалъ мѣстную газету — «Самарскій Листокъ». Когда папироса догорала до ваты, докторъ бралъ изъ толсто набитаго портсигара новую, закуривалъ ее объ окурокъ, кашлялъ, весь багровѣя, и почесывалъ подъ раскрытой рубашкой волосатую грудь. Читая, онъ прихлебывалъ съ блюдца жидкій чай и сыпалъ пепломъ на газету, на рубаху, на скатерть.

Когда за дверью послышался скрипъ кровати, затопали ноги и въ столовую вошла Даша, въ накинутомъ на рубашку бѣломъ халатикѣ, вся еще розовая и сонная, Дмитрій Степановичъ посмотрѣлъ на дочь поверхъ треснувшаго пенснэ сѣрыми, холодными, какъ у Даши, насмѣшливыми глазами и подставилъ ей щеку. Даша поцѣловала его и сѣла напротивъ, пододвинувъ хлѣбъ и масло.

— Опять вѣтеръ, вотъ скука, — сказала она. Дѣйствительно, второй день дулъ сильный, горячій вѣтеръ. Известковая пыль тучей висѣла надъ городомъ, заслоняя солнце. Густыя, колючія облака этой пыли порывами проносились вдоль улицъ, и было видно, какъ спиною къ нимъ поворачивались рѣдкіе прохожіе и морщились нестерпимо. Пыль проникала во всѣ щели, сквозь рамы оконъ, лежала на подоконникахъ тонкимъ слоемъ и хрустѣла на зубахъ. Отъ вѣтра дрожали стекла и громыхала желѣзная крыша. При этомъ было жарко, душно и даже въ комнатахъ пахло улицей.

— Эпидемія глазныхъ заболѣваній. Недурно, — сказалъ Дмитрій Степановичъ. Даша не отвѣтила, только вздохнула.

Двѣ недѣли тому назадъ на сходняхъ парохода она простилась съ Телѣгинымъ, проводившимъ ее, въ концѣ концовъ, до Самары, и съ тѣхъ поръ безъ дѣла жила у отца въ новой, ей незнакомой, пустой квартирѣ, гдѣ въ залѣ стояли нераспечатанные ящики съ книгами, до сихъ поръ не были повѣшены занавѣси, ничего нельзя найти, некуда приткнуться, какъ на постояломъ дворѣ.

Помѣшивая чай въ стаканѣ, Даша съ тоской глядѣла, какъ за окномъ летятъ снизу вверхъ клубы сѣрой пыли. Ей казалось, что вотъ — прошли два года, какъ сонъ, и она опять дома, а отъ всѣхъ надеждъ, волненій, людской пестроты, — отъ шумнаго Петербурга, — остались только вотъ эти пыльныя облака.

— Эрцгерцога убили, — сказалъ Дмитрій Степановичъ, переворачивая газету.

— Какого?

— То-есть, какъ какого? Австрійскаго эрцгерцога убили въ Сараевѣ.

— Онъ былъ молодой?

— Не знаю. Налей-ка еще стаканъ.

Дмитрій Степановичъ бросилъ въ ротъ маленькій кусочекъ сахару, — онъ пилъ всегда въ прикуску, — и насмѣшливо оглядѣлъ Дашу:

— Скажи на милость, — спросилъ онъ, поднимая блюдечко, — Екатерина окончательно разошлась съ мужемъ?

— Я же тебѣ разсказывала, папа.

— Ну, ну...

И онъ опять принялся за газету. Даша подошла къ окну. Какое уныніе! И она вспомнила бѣлый пароходъ и, главное, солнце повсюду, — синее небо, рѣка, чистая палуба, и все, все полно солнцемъ, влагой и свѣжестью. Тогда казалось, что этотъ сіяющій путь — широкая, медленно извивающаяся рѣка — ведетъ къ счастью: этотъ просторъ воды и пароходъ «Ѳедоръ Достоевскій», вмѣстѣ съ Дашей и Телѣгинымъ, вольются, войдутъ въ синее, безъ береговъ, море свѣта и радости — счастье.

И Даша тогда не торопилась, хотя понимала, что переживалъ Телѣгинъ и ничего не имѣла противъ этого переживанія. Но къ чему было спѣшить, когда каждая минута этого пути и безъ того хороша, и все равно же приплывутъ къ счастью.

Иванъ Ильичъ, подъѣзжая къ Самарѣ, осунулся въ лицѣ, пересталъ шутить и все что-то путалъ. Даша думала, — плывемъ къ счастью, и чувствовала на себѣ его взглядъ, такой, точно сильнаго, веселаго человѣка переѣхали колесами. Ей было жалко его, но что она могла подѣлать, какъ допустить его до себя, хотя бы немножко, если тогда, —

она это понимала, — сразу начнется то, что должно быть въ концѣ пути. Они не доплывутъ до счастья, а на полъ дорогѣ нетерпѣливо и неумно разворуютъ его. Поэтому она была нѣжна съ Иваномъ Ильичемъ, и только. Ему же казалось, что онъ оскорбитъ Дашу, если хоть словомъ намекнетъ на то, изъ-за чего не спалъ уже четвертую ночь и чувствовалъ себя въ томъ особомъ, на половину призрачномъ, мірѣ, гдѣ все внѣшнее скользило мимо, какъ тѣни въ голубоватомъ туманѣ, гдѣ грозно и тревожно горѣли сѣрые глаза Даши, гдѣ дѣйствительностью были лишь запахи, свѣтъ солнца и неперестающая боль въ сердцѣ.

Въ Самарѣ Иванъ Ильичъ пересѣлъ на другой пароходъ и уѣхалъ обратно. А Дашино сіяющее море, куда она такъ спокойно плыла, исчезло, разсыпалось, поднялось клубами пыли за дребезжащими стеклами.

— А зададутъ австріяки трепку этимъ самымъ сербамъ, — сказалъ Дмитрій Степановичъ, снялъ съ носа пенснэ и бросилъ его на газету. — Ну, а ты что думаешь о славянскомъ вопросѣ, кошка?

— Обѣдать, папа, ты пріѣдешь? — проговорила Даша, возвращаясь къ столу.

— Ни подъ какимъ видомъ. У меня скарлатина-съ на Постниковой дачѣ.

— Въ эту пыль ѣхать на дачу — съ ума надо сойти.

Дмитрій Степановичъ, не спѣша, взялъ со стола, надѣлъ манишку, застегнулъ чесучевый пиджакъ, осмотрѣлъ по карманамъ — все ли на мѣстахъ, и сломаннымъ гребешкомъ началъ начесывать на лобъ сѣдые, кудрявые волосы.

— Ну, такъ какъ же, все-таки, насчетъ славянскаго вопроса, а?

— Ей Богу, не знаю, папа. Что ты, въ самомъ дѣлѣ, пристаешь ко мнѣ.

— А я кое-какое имѣю собственное мнѣніе, Дарья Дмитріевна, — ему, видимо, очень не хотѣлось ѣхать на дачу, да и вообще Дмитрій Степановичъ любилъ поговорить утромъ, за самоваромъ, о политикѣ: — славянскій вопросъ, — ты слушаешь меня, — это гвоздь мировой политики. На этомъ много народу сломаетъ себѣ шею. Вотъ почему мѣсто происхожденія славянъ, Балканы, ни что иное, какъ европейскій апендицитъ. Въ чемъ же дѣло? — ты хочешь меня спросить. Изволь. — И онъ сталъ загибать толстые пальцы. — Первое, славянъ — болѣе двухсотъ милліоновъ, и они плодятся, какъ кролики. Второе, — славянамъ удалось создать такое мощное военное государство, какъ Россійская Имперія. Третье, — мелкія славянскія группы, несмотря на ассимиляцію, организуются въ самостоятельныя единицы и тяготѣютъ къ такъ называемому всеславянскому союзу. Четвертое, — самое главное, — славяне представляютъ изъ себя морально совершенно новый и въ нѣкоторомъ смыслѣ чрезвычайно опасный для европейской цивилизаціи типъ — богоискателя. И богоискательство, — ты слушаешь меня, кошка? — есть отрицаніе и разрушеніе всей современной цивилизаціи. Я ищу Бога, то-есть — правды, въ самомъ себѣ. Для этого я долженъ быть свободенъ, и я разрушаю моральные устои, подъ которыми я погребенъ, разрушаю государство, которое держитъ меня на цѣпи, и я спрашиваю — почему нельзя лгать? нельзя красть? нельзя убивать? Отвѣчай, почему? Ты думаешь, что правда лежитъ только въ добрѣ?

— Папочка, поѣзжай на дачу, — сказала Даша уныло.

— Нѣтъ, ищи правду тамъ, — Дмитрій Степановичъ потыкалъ пальцемъ, словно указывая на подполье, но вдругъ замолчалъ и обернулся къ двери. Въ прихожей трещалъ звонокъ.

— Даша, поди, отвори.

— Не могу, я раздѣта.

— Матрена! — закричалъ Дмитрій Степановичъ, — ахъ, баба проклятая, оторву ей голову, какъ-нибудь. — И самъ пошелъ отворять парадное, и сейчасъ же вернулся, держа въ рукѣ письмо.

— Отъ Катюшки, — сказалъ онъ, — подожди, не хватай изъ рукъ, я сначала доскажу... Такъ вотъ, — богоискательство, прежде всего, начинаетъ съ разрушенія, и этотъ періодъ очень опасенъ и заразителенъ. Какъ разъ этотъ моментъ болѣзни Россія сейчасъ и переживаетъ... Попробуй, выйди вечеромъ на главную улицу — только и слышно орутъ: «Карауууль». По улицѣ шатаются горчишники (слободскіе ребята и фабричные), озорство такое, что полиція съ ногъ сбилась. Эти ребята — безо всякихъ признаковъ морали — хулиганы, мерзавцы, горчишники — богоискатели. Поняла, кошка? Сегодня они озоруютъ на главной улицѣ, завтра начнутъ озоровать во всемъ государствѣ Россійскомъ: безобразничать во имя разрушенія, и только. Никакой другой сознательной цѣли у нихъ нѣтъ. А въ цѣломъ народъ переживаетъ первый фазисъ богоискательства — разрушеніе основъ.

Дмитрій Степановичъ засопѣлъ, закуривая папиросу. Даша вытащила у него изъ кармана катино письмо и ушла къ себѣ. Онъ же нѣкоторое время еще что-то доказывалъ, ходилъ, хлопая дверьми, по

большой, на половину пустой, пыльной квартирѣ съ крашеными полами, затѣмъ уѣхалъ на дачу.

«Данюша, милая, — писала Катя, — до сихъ поръ ничего не знаю ни о тебѣ, ни о Николаѣ. Я живу въ Парижѣ. Здѣсь сезонъ въ разгарѣ. Носятъ очень узкія внизу платья, въ модѣ — шифонъ. Куда поѣду въ концѣ іюня — еще не знаю. Парижъ очень красивъ. И всѣ рѣшительно, — вотъ бы тебѣ посмотрѣть, — весь Парижъ танцуетъ танго. За завтракомъ, между блюдъ — встаютъ и танцуютъ, и въ пять часовъ, и за обѣдомъ, и такъ до утра. Я никуда не могу укрыться отъ этой музыки, она какая-то печальная, мучительная и сладкая. Мнѣ все кажется, что хороню молодость, что-то невозвратное, когда гляжу на этихъ женщинъ съ глубокими вырѣзами платьевъ, съ глазами, подведенными синимъ, и на ихъ кавалеровъ, до того изящныхъ что, право, страшно иногда и грустно. Въ общемъ у меня тоска. Все думается, что кто-то долженъ умереть. Очень боюсь за папу. Онъ вѣдь совсѣмъ не молодъ. Здѣсь полно русскими, все наши знакомые; каждый день собираемся гдѣ-нибудь, — точно и не уѣзжала изъ Петербурга. Кстати, здѣсь мнѣ разсказали о Николаѣ, что онъ былъ близокъ, будтобы, съ одной женщиной. Она — вдова, у нея двое дѣтей и третій маленькій. Понимаешь? Мнѣ было очень больно вначалѣ. А потомъ, почему-то, стало ужасно жалко этого маленькаго... Онъ-то въ чемъ виноватъ?.. Ахъ, Данюша, иногда мнѣ хочется имѣть ребенка. Но вѣдь это можно только отъ любимаго человѣка. Выйдешь замужъ — рожай, слышишь, дѣвочка»...

Даша прочла письмо нѣсколько разъ, прослезилась, въ особенности надъ этимъ, ни въ чемъ неповиннымъ, ребеночкомъ, и сѣла писать отвѣтъ; прописала его до обѣда; обѣдала одна, такъ, только пощипала что-то, — затѣмъ пошла въ кабинетъ и начала рыться въ старыхъ журналахъ, отыскала длиннѣйшій романъ подъ заглавіемъ «Она простила», легла на диванъ посреди разбросанныхъ книгъ и читала до вечера. Наконецъ, пріѣхалъ отецъ, запыленный и усталый; сѣли ужинать, отецъ на всѣ вопросы отвѣчалъ: «угу»; Даша вывѣдала, — оказывается, скарлатинный больной, мальчикъ трехъ лѣтъ у секретаря управы — умеръ. Дмитрій Степановичъ, сообщивъ это, засопѣлъ, спряталъ пенснэ въ футляръ и ушелъ спать. Даша легла въ постель, закрылась съ головой простыней и всласть наплакалась о разныхъ грустныхъ вещахъ.

Прошло два дня. Пыльная буря кончилась грозой и ливнемъ, барабанившимъ по крышѣ всю ночь, и утро воскресенья настало тихое и влажное — вымытое.

Утромъ, какъ Дашѣ встать, зашелъ къ ней старый знакомый, Семенъ Семеновичъ Говядинъ, земскій статистикъ — худой и сутулый, всегда блѣдный мужчина, съ русой бородой и зачесанными за уши волосами. Отъ него пахло сметаной; онъ отвергалъ вино, табакъ и мясо, и былъ на счету у полиціи. Здороваясь съ Дашей, онъ сказалъ, безо всякой причины, насмѣшливымъ голосомъ:

— Я за вами, женщина. Ѣдемъ за Волгу.

Даша подумала: — «Итакъ, все кончилось статистикомъ Говядинымъ», — взяла бѣлый зонтикъ

и пошла за Семеномъ Семеновичемъ внизъ, къ Волгѣ, къ пристанямъ, гдѣ стояли лодки.

Между длинныхъ, досчатыхъ бараковъ съ хлѣбомъ, бунтовъ лѣса и цѣлыхъ горъ изъ тюковъ съ шерстью и хлопкомъ бродили грузчики и крючники, широкоплечіе, широкогрудые мужики и парни, босые, безъ шапокъ, съ голыми шеями. Иные играли въ орлянку, иные спали на мѣшкахъ и доскахъ; вдалекѣ человѣкъ тридцать съ ящиками на плечахъ сбѣгали по зыбкимъ сходнямъ. Между телѣгъ стоялъ пьяный человѣкъ, весь въ грязи и пыли, съ окровавленной щекой, и, придерживая обѣими руками штаны, ругался лѣниво и матерно.

— Этотъ элементъ не знаетъ ни праздниковъ, ни отдыха, — наставительно замѣтилъ Семенъ Семеновичъ, — а вотъ мы съ вами, умные и интеллигентные люди, ѣдемъ праздно любоваться природой. Причина несправедливости лежитъ въ самомъ соціальномъ строѣ.

И онъ, проговоривъ: — «простите, пожалуйста», — перешагнулъ черезъ огромныя, босыя ноги грудастаго и губастаго парня, лежащаго навзничь; другой сидѣлъ на бревнѣ и жевалъ французскую булку. Даша слышала, какъ лежащій сказалъ ей вслѣдъ:

— Филиппъ, вотъ бы намъ такую.

И другой отвѣтилъ лѣниво набитымъ ртомъ:

— Чиста очень. Возни много.

По гладкой, болѣе версты шириной, желтоватой рѣкѣ, въ зыбкихъ и длинныхъ солнечныхъ отсвѣтахъ двигались темные силуэты лодочекъ, направляясь къ дальнему песчаному берегу. Одну изъ такихъ лодокъ нанялъ Говядинъ; попросилъ Дашу править рулемъ, самъ сѣлъ на весла и сталъ

выгребать противъ теченія. Скоро на блѣдномъ лицѣ у него выступилъ потъ.

— Спортъ — великая вещь, — сказалъ Семенъ Семеновичъ и принялся стаскивать съ себя пиджакъ, стыдливо отстегнулъ помочи и сунулъ ихъ подъ носъ лодки. У него были худыя, съ длинными волосами, слабыя руки, какъ червяки, и гутаперчевыя манжеты. Даша раскрыла зонтъ и, прищурясь, глядѣла на воду.

— Простите за нескромный вопросъ, Дарья Дмитріевна, — въ городѣ поговариваютъ, что вы выходите замужъ. Правда это?

— Нѣтъ, не правда.

Тогда онъ широко ухмыльнулся, что было неожиданно для его интеллигентнаго, озабоченнаго лица, и жиденькимъ голоскомъ попробовалъ было запѣть: «Эхъ, да внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», — но застыдился, и со всей силы ударилъ въ весла.

Навстрѣчу проплыла лодка, полная народомъ. Три мѣщанки въ зеленыхъ и пунцовыхъ шерстяныхъ платьяхъ грызли сѣмечки и плевали шелухой себѣ на колѣни. Напротивъ сидѣлъ совершенно пьяный горчишникъ, кудрявый, съ черными усиками, закатывалъ, точно умирая, глаза и игралъ польку на гармоникѣ. Другой шибко гребъ, раскачивая лодку, третій, взмахнувъ кормовымъ весломъ, закричалъ Семену Семеновичу:

— Сворачивай съ дороги, шляпа, тудытъ твою въ душу. — И они съ крикомъ и руганью проплыли совсѣмъ близко, едва не столкнулись.

Наконецъ, лодка съ шорохомъ скользнула по песчаному дну. Даша выпрыгнула на берегъ. Семенъ Семеновичъ опять надѣлъ помочи и пиджакъ.

— Хотя я городской житель, но искренно люблю

природу, — сказалъ онъ, прищурясь, — особенно, когда ее дополняетъ фигура дѣвушки, въ этомъ я нахожу что-то тургеневское. Пойдемте къ лѣсу.

И они побрели по горячему песку, увязая въ немъ по щиколотку. Говядинъ поминутно останавливался, вытиралъ платкомъ лицо и говорилъ:

— Нѣтъ, вы взгляните, что за очаровательный уголокъ!

Наконецъ, песокъ кончился, пришлось взобраться на небольшой обрывъ, откуда начинались луга съ кое-гдѣ уже скошенной травой, вянущей въ рядахъ. Здѣсь горячо пахло медовыми цвѣтами. По берегу узкаго оврага, полнаго воды, росъ кудрявый орѣшникъ. Въ низинкѣ, въ сочной травѣ, журчалъ ручей, переливаясь въ другое озерцо — круглое. На берегу его росли двѣ старыя липы и корявая сосна съ одной, отставленной, какъ рука, вѣткой. Дальше, по узкой гривкѣ, цвѣлъ бѣлый шиповникъ. Это было мѣсто, излюбленное вальдшнепами во время перелетовъ. Даша и Семенъ Семеновичъ сѣли на траву. Подъ ихъ ногами синѣла небомъ, зеленѣла отраженіемъ листвы вода по извилистымъ овражкамъ. Неподалеку отъ Даши въ кусту прыгали, однообразно посвистывая, двѣ сѣрыхъ птички. И со всей грустью покинутаго любовника, гдѣ-то въ чащѣ дерева, ворковалъ, ворковалъ, не уставая, дикій голубь. Даша сидѣла, вытянувъ ноги, сложивъ руки на колѣняхъ и слушала, какъ въ вѣтвяхъ покинутый любовникъ бормоталъ нѣжнымъ голосомъ:

«Дарья Дмитріевна, Дарья Дмитріевна, ахъ, что происходитъ съ вами, — не понимаю, почему вамъ такъ грустно, хочется плакать. Вѣдь ничего еще не случилось, а вы грустите, будто жизнь ужъ кон-

чена, прошла, пролетѣла. Вы просто отъ природы плакса».

— Мнѣ хочется быть съ вами откровеннымъ, Дарья Дмитріевна, — проговорилъ Говядинъ, — позволите мнѣ, такъ сказать, отбросить въ сторону условности?..

— Говорите, мнѣ все равно, — отвѣтила Даша и, закинувъ руки за голову, легла на спину, чтобы видѣть небо, а не бѣгающіе глазки Семена Семеновича, который исподтишка поглядывалъ на ея бѣлые чулки.

— Вы гордая, смѣлая дѣвушка. Вы молоды, красивы, полны кипучей жизни...

— Предположимъ, — сказала Даша.

— Неужто вамъ никогда не хотѣлось разрушить эту условную мораль, привитую воспитаніемъ и средой. Неужто во имя этой, всѣми авторитетами уже отвергнутой, морали вы должны сдерживать свои красивые инстинкты?

— Предположимъ, что я не хочу сдерживать своихъ инстинктовъ — тогда что? — спросила Даша, и съ лѣнивымъ любопытствомъ ждала, что онъ отвѣтитъ. Ее разогрѣло солнце, и было такъ хорошо глядѣть въ небо, въ солнечную пыль, наполнившую всю эту синюю бездну, что не хотѣлось ни думать, ни шевелиться.

Семенъ Семеновичъ молчалъ, ковыряя въ землѣ пальцемъ. Даша знала, что онъ женатъ на акушеркѣ Марьѣ Давыдовнѣ Позернъ. Раза два въ годъ Марья Давыдовна забирала троихъ дѣтей и уходила отъ мужа къ матери, живущей напротивъ, черезъ улицу. Семенъ Семеновичъ въ земской управѣ объяснялъ сослуживцамъ эти семейные разрывы чувственнымъ и безпокойнымъ характеромъ Марьи Давыдовны.

Она же въ земской больницѣ объясняла ихъ тѣмъ, что мужъ каждую минуту готовъ ей измѣнить съ кѣмъ угодно, только объ этомъ и думаетъ, и не измѣняетъ по трусости и вялости, что уже совсѣмъ обидно, и она больше не въ состояніи видѣть его длинную, вегетарьянскую физіономію. Во время этихъ размолвокъ Семенъ Семеновичъ по нѣскольку разъ въ день, безъ шапки, переходилъ улицу. Затѣмъ, супруги мирились, и Марья Давыдовна съ дѣтьми и подушками перебиралась въ свой домъ.

— Когда женщина остается вдвоемъ съ мужчиной, — у нея возникаетъ единственное желаніе принадлежать, у него — овладѣть ея тѣломъ, — покашлявъ, проговорилъ, наконецъ, Семенъ Семеновичъ, — я васъ зову быть честной, открытой. Загляните вглубь себя, и вы увидите, что среди предразсудковъ и лжи въ васъ горитъ естественное желаніе здоровой чувственности.

— А у меня сейчасъ никакого желанія не горитъ, что это значитъ? — спросила Даша. Ей было смѣшно и лѣниво. Надъ головой въ блѣдномъ цвѣткѣ шиповника, въ желтой пыльцѣ, ворочалась пчела. А покинутый любовникъ продолжалъ бормотать въ осинникѣ: «Дарья Дмитріевна, Дарья Дмитріевна, не влюблены ли вы, въ самомъ дѣлѣ. Влюблены, влюблены, честное слово, — оттого и горюете». — Слушая, Даша тихонько начала смѣяться.

— Кажется, у васъ забрался песокъ въ туфельки. Позвольте, я вытряхну, — проговорилъ Семенъ Семеновичъ какимъ-то особеннымъ, глуховатымъ голосомъ, и потянулъ ее за каблукъ. Тогда Даша быстро сѣла, вырвала у него туфлю и шлепнула ею Семена Семеновича по щекѣ.

— Вы негодяй, — сказала она, — я никогда не думала, что вы такой омерзительный человѣкъ.

Она надѣла туфлю, встала, подобрала зонтикъ и, не взглянувъ на Говядина, пошла къ рѣкѣ.

«Вотъ дура, вотъ дура, не спросила даже адреса — куда писать, — думала она, спускаясь съ обрыва, — не то въ Кинешму, не то въ Нижній. Вотъ теперь и сиди съ Говядинымъ. Ахъ, Боже мой!»... — Она обернулась. Семенъ Семеновичъ шагалъ по спуску, по травѣ, подымая ноги, какъ журавль, и глядѣлъ въ сторону. — Напишу Катѣ: «Представь себѣ, кажется, я полюбила, такъ мнѣ кажется». И, прислушиваясь внимательно, Даша повторила въ полъ голоса: «Милый, милый, милый Иванъ Ильичъ»...

Въ это время неподалеку раздался голосъ: — «Не полѣзу и не полѣзу, пусти, юбку оборвешь». По колѣно въ водѣ у берега бѣгалъ голый человѣкъ, пожилой, съ короткой бородой, съ желтыми ребрами, съ чернымъ гайтаномъ креста на впалой груди. Онъ былъ непристоенъ и злобно, молча тащилъ въ воду унылую женщину. Она повторяла: «Пусти, юбку оборвешь».

Тогда Даша изо всей силы побѣжала вдоль берега къ лодкѣ, — стиснуло горло отъ омерзенія и стыда; казалось — пережить этого невозможно. Покуда она сталкивала лодку въ воду, — подбѣжалъ запыхавшійся Говядинъ. Не отвѣчая ему, не глядя, Даша сѣла на корму, прикрылась зонтомъ и молчала всю обратную дорогу.

После этой прогулки у Даши, какимъ-то особымъ, непонятнымъ ей самой, путемъ, началась обида на Телѣгина, точно онъ былъ виноватъ во всемъ этомъ

уныніи пыльнаго, раскаленнаго солнцемъ, провинціальнаго города, съ вонючими заборами и гнусными подворотнями, съ кирпичными, какъ ящики, домишками, съ телефонными и телеграфными столбами вмѣсто деревьевъ, съ тяжелымъ зноемъ въ полдень, когда по сѣроватобѣлой, безъ тѣней, улицѣ бредетъ одурѣвшая баба со связками вяленой рыбы на коромыслѣ и кричитъ, глядя на пыльныя окошки: «Рыбы воблой, рыбы»; но остановится около нея и понюхаетъ рыбу какой-нибудь тоже одурѣвшій и наполовину сбѣсившійся песъ; когда со двора издалека, дунайской, сосущей скукой заиграетъ шарманка.

Телѣгинъ виноватъ былъ въ томъ, что Даша воспринимала сейчасъ съ особенной чувствительностью весь этотъ, окружавшій ее, лѣнивый, утробный покой, не намѣревающійся, видимо, во вѣки-вѣковъ сдвинуться съ мѣста, хоть выбѣги на улицу и закричи дикимъ голосомъ: «Жить хочу, жить»!

Телѣгинъ былъ виноватъ въ томъ, что черезчуръ ужъ былъ скроменъ и застѣнчивъ: не ей же, Дашѣ, въ самомъ дѣлѣ, говорить: «Понимаете, что люблю». Онъ былъ виноватъ въ томъ, что не подавалъ о себѣ вѣстей, точно сквозь землю провалился, а, можетъ быть, даже и думать забылъ о поѣздочкѣ на пароходѣ.

И въ прибавленіе ко всему этому унынію, въ одну изъ знойныхъ, какъ въ печкѣ, черныхъ ночей Даша увидѣла сонъ, тотъ же, что и въ Петербургѣ, когда проснулась въ слезахъ, и такъ же, какъ и тогда, онъ исчезъ изъ памяти, точно дымка изъ запотѣвшаго стекла. Но ей казалось, что этотъ мучительный и страшный сонъ предвѣщаетъ какую-то бѣду. Дмитрій Степановичъ посовѣтовалъ Дашѣ вспрыски-

вать мышьякъ. Затѣмъ было получено второе письмо отъ Кати. Она писала:

«Милая Данюша, я очень тоскую по тебѣ, по своимъ и по Россіи. Мнѣ все сильнѣе думается, что я виновата и въ разрывѣ съ Николаемъ, и въ чемъ-то еще болѣе важномъ. Я просыпаюсь и такъ весь день живу съ этимъ чувствомъ вины и какой-то душевной затхлости. И потомъ — я не помню, писала ли я тебѣ, — меня вотъ ужъ сколько времени преслѣдуетъ одинъ человѣкъ. Выхожу изъ дома, — онъ идетъ навстрѣчу. Поднимаюсь въ лифтѣ, въ большомъ магазинѣ, — онъ по пути впрыгиваетъ въ лифтъ. Вчера была въ Луврѣ, въ музеѣ, устала и сѣла на скамеечку, и вдругъ чувствую, — точно мнѣ провели рукой по спинѣ, — оборачиваюсь — неподалеку сидитъ онъ. Худой, черный, съ сильной просѣдью, борода точно наклеенная на щекахъ. Руки положилъ на трость, глядитъ сурово, глаза ввалившіеся. Я дверь насилу нашла. Онъ ни заговариваетъ, ни пристаетъ ко мнѣ, но я его боюсь. Мнѣ кажется, что онъ какими-то кругами около меня ходитъ»...

Даша показала письмо отцу. Дмитрій Степановичъ на другое утро за газетой сказалъ, между прочимъ:

— Кошка, поѣзжай въ Крымъ.

— Зачѣмъ?

— Разыщи этого Николая Ивановича и скажи ему, что онъ розиня. Пускай отправляется въ Парижъ, къ женѣ. А, впрочемъ, какъ хочетъ... Это ихъ частное дѣло...

Дмитрій Степановичъ разсердился и взволновался, хотя терпѣть не могъ показывать своихъ чувствъ. Даша поняла, что ѣхать надо, и вдругъ обрадовалась: Крымъ ей представился синимъ, шумящимъ

волнами, чудеснымъ просторомъ. Длинная тѣнь отъ пирамидальнаго тополя, каменная скамья, развѣвающійся на головѣ шарфъ и чьи-то безпокойные глаза слѣдятъ за Дашей.

Она быстро собралась и уѣхала въ Евпаторію, гдѣ купался Николай Ивановичъ.

XII

Въ это лѣто въ Крыму былъ необычайный наплывъ пріѣзжихъ съ сѣвера. По всему побережью бродили съ облупленными носами колючіе петербуржцы, съ катаррами и бронхитами, и шумные, растрепанные москвичи съ лѣнивой и поющей рѣчью, и черноглазые кіевляне, не знающіе различія гласныхъ «о» и «а», и презирающіе эту россійскую суету богатые сибиряки; жарились и обгорали дочерна молодыя женщины и голенастые юноши, священники, чиновники, почтенные и семейные люди, живущіе, какъ и все тогда жило въ Россіи, расхлябано, точно съ перебитой поясницей.

Въ серединѣ лѣта отъ соленой воды, жары и загара у всѣхъ этихъ людей пропадало ощущеніе стыда, городскія платья начинали казаться пошлостью, и на прибрежномъ пескѣ появлялись женщины, кое-какъ прикрытыя татарскими полотенцами, и мужчины, похожіе на изображенія на этрусскихъ вазахъ.

Въ этой необычайной обстановкѣ синихъ волнъ, горячаго песка и голаго тѣла, лѣзущаго отовсюду, шатались семейные устои. Здѣсь все казалось легкимъ и возможнымъ. А какова будетъ расплата потомъ, на сѣверѣ, въ скучной квартирѣ, когда за

окнами дождь, а въ прихожей трещитъ телефонъ и всѣ кому-то что-то обязаны, — стоитъ ли думать о расплатѣ. Морская вода съ мягкимъ шорохомъ подходитъ къ берегу, касается ногъ, и вытянутому тѣлу на пескѣ, закинутымъ рукамъ и закрытымъ вѣкамъ — легко, горячо и сладко. Все, все, даже самое опасное, — легко и сладко.

Нынѣшнимъ лѣтомъ легкомысліе и шаткость среди пріѣзжихъ превзошли всякіе размѣры, словно у этихъ сотенъ тысячъ городскихъ обывателей какимъ-то гигантскимъ протуберанцемъ, вылетѣвшимъ въ одно іюньское утро изъ раскаленнаго солнца, отшибло память и благоразуміе.

По всему побережью не было ни одной благополучной дачи. Неожиданно разрывались прочныя связи. И, казалось, самый воздухъ былъ полонъ любовнаго шопота, нѣжнаго смѣха и неописуемой чепухи, которая говорилась на этой горячей землѣ, усѣянной обломками древнихъ городовъ и костями вымершихъ народовъ. Было похоже, что къ осеннимъ дождямъ готовится какая-то всеобщая расплата и горькія слезы.

Даша подъѣзжала къ Евпаторіи послѣ полудня. Незадолго до города, съ дороги, пыльной, бѣлой лентой бѣгущей по ровной степи, мимо солончаковъ, ометовъ соломы и кое-гдѣ, вдали, длинныхъ строеній, она увидѣла противъ солнца большой деревянный корабль. Онъ медленно двигался въ полуверстѣ, по степи, среди полыни, сверху до низу покрытый черными, поставленными бокомъ, парусами. Это было до того удивительно, что Даша ахнула. Сидѣв-

шій рядомъ съ ней въ автомобилѣ старый армянинъ сказалъ, засмѣявшись: — «Сейчасъ море увидишь».

Автомобиль повернулъ мимо квадратныхъ запрудъ солеваренъ на песчаную возвышенность, и съ нея открылось море. Оно лежало выше земли, темно-синее, покрытое бѣлыми, длинными жгутами пѣны. Веселый вѣтеръ засвистѣлъ въ ушахъ. Даша стиснула на колѣняхъ кожаный чемоданчикъ и подумала:

«Вотъ оно. Начинается».

Въ это же время Николай Ивановичъ Смоковниковъ сидѣлъ въ павильонѣ, вынесенномъ на столбахъ въ море, и пилъ кофе съ любовникомъ-резонеромъ. Подходили послѣ обѣденнаго отдыха дачники, садились за столики, перекликались, говорили о пользѣ іодистаго леченія, о морскомъ купаньи и женщинахъ. Въ павильонѣ было прохладно. Вѣтромъ трепало края бѣлыхъ скатертей и женскіе шарфы. Мимо прошла однопарусная яхта, и оттуда крикнули: «Передайте Лелѣ, что мы ждемъ». Толпою появились и заняли большой столъ москвичи, все міровыя знаменитости. Любовникъ-резонеръ поморщился при видѣ нихъ и продолжалъ разсказывать содержаніе драмы, которую задумалъ написать.

— Если бы не этотъ проклятый коньячище, я бы давно кончилъ первый актъ, — говорилъ онъ, вдумчиво и благородно глядя въ лицо Николаю Ивановичу, — у тебя свѣтлая голова, Коля, ты поймешь мою идею: красивая, молодая женщина тоскуетъ, томится, кругомъ нея пошлость. Хорошіе люди, но жизнь засосала, — гнилыя чувства и

пьянство... Словомъ, ты понимаешь... И вдругъ она говоритъ: «я должна уйти, порвать съ этой жизнью, уйти туда, куда-то, къ свѣтлому»... А тутъ — мужъ и другъ... Оба страдаютъ... Коля, ты пойми, — жизнь засосала... Она уходитъ, я не говорю къ кому, — любовника нѣтъ, все на настроеніи... И вотъ двое мужчинъ сидятъ въ кабакѣ, молча, и пьютъ... Глотаютъ слезы вмѣстѣ съ коньякомъ... А вѣтеръ въ каминной трубѣ завываетъ, хоронитъ ихъ... Грустно... Пусто.. Темно...

— Ты хочешь знать мое мнѣніе? — спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да. Ты только скажи: «Миша, брось писать, брось», и я брошу.

— Пьеса твоя замѣчательная. Это — сама жизнь. — Николай Ивановичъ, закрывъ глаза, помоталъ головой. — Да, Миша, мы не умѣли цѣнить своего счастья, и оно ушло, и вотъ мы — безъ надежды, безъ воли — сидимъ и пьемъ. И воетъ вѣтеръ надъ нашимъ кладбищемъ... Твоя пьеса меня чрезвычайно волнуетъ...

У любовника-резонера задрожали большіе мѣшки подъ глазами, онъ потянулся и крѣпко поцѣловалъ Николая Ивановича, стиснулъ ему руку, затѣмъ налилъ по рюмочкѣ. Они чокнулись, положили локти на столъ и продолжали душевную бесѣду.

— Коля, — говорилъ любовникъ-резонеръ, тяжело глядя на собесѣдника, — а знаешь ли ты, что я любилъ твою жену, какъ Бога?

— Да. Мнѣ это казалось.

— Я мучился, Коля, но ты былъ мнѣ другомъ... Сколько разъ я бѣжалъ изъ твоего дома, клянясь не переступать больше порога... Но я приходилъ

опять и разыгрывалъ шута... И ты, Николай, не смѣешь ее винить, — онъ вытянулъ губы и сложилъ ихъ свирѣпо...

— Миша, она жестоко поступила со мною.

— Можетъ быть... Но мы всѣ передъ ней виноваты... Ахъ, Коля, одного я въ тебѣ не могу понять, — какъ ты, живя съ такой женщиной, — вѣдь съ ней нужно на колѣняхъ разговаривать, — а ты, прости меня, путался, вмѣсто этого, съ какой-то вдовой Чимирязевой. Зачѣмъ?

— Это сложный вопросъ.

— Лжешь. Я ее видѣлъ, обыкновенная курица.

— Видишь ли, Миша, теперь дѣло прошлое, конечно... Софья Ивановна Чимирязева была просто добрымъ человѣкомъ. Она давала мнѣ минуты радости и никогда ничего не требовала. А дома все было слишкомъ сложно, трудно, углубленно... На Екатерину Дмитріевну у меня не хватало душевныхъ силъ...

— Коля, но неужели — вотъ мы вернемся въ Петербургъ, вотъ настанетъ вторникъ, и я не приду къ вамъ послѣ спектакля... Какъ мнѣ жить?.. Слушай... Гдѣ жена сейчасъ?

— Въ Парижѣ.

— Переписываешься?

— Нѣтъ.

— Поѣзжай въ Парижъ. Поѣдемъ вмѣстѣ.

— Безполезно...

— Коля, выпьемъ за ея здоровье.

— Выпьемъ.

Въ павильонѣ, между столиками, появилась актриса Чародѣева, въ зеленомъ, прозрачномъ платьѣ, въ большой шляпѣ, худая, какъ змѣя, съ синей тѣнью подъ глазами. Ее, должно быть, плохо держала спи-

на, — такъ она извивалась и клонилась. Ей навстрѣчу поднялся редакторъ эстетическаго журнала «Хоръ Музъ», взялъ за руку и, не спѣша, поцѣловалъ въ сгибъ локтя.

— Изумительная женщина, — проговорилъ Николай Ивановичъ сквозь зубы.

— Нѣтъ, Коля, нѣтъ, Чародѣева — просто падаль. Въ чемъ дѣло?.. Жила три мѣсяца съ Бezсоновымъ, на концертахъ мяукаетъ декадентскіе стихи... Смотри, смотри — ротъ до ушей, на шеѣ жилы. Помеломъ ее со сцены, я давно объ этомъ кричу...

Все-же, когда Чародѣева, кивая шляпой направо и налѣво, улыбаясь большимъ ртомъ съ розовыми зубами, приблизилась къ столику, любовникъ-резонеръ, словно пораженный, медленно поднялся, всплеснулъ руками, сложилъ ихъ подъ подбородкомъ и проговорилъ:

— Милая... Ниночка... Какой туалетъ!.. Не хочу, не хочу... Мнѣ прописанъ глубокій покой, родная моя...

Чародѣева взяла его костлявой рукой за подбородокъ, поджала губы, сморщила носъ:

— А что болталъ вчера про меня въ ресторанѣ?

— А тебя ругалъ вчера въ ресторанѣ? Ниночка!

— Да еще какъ.

— Честное слово, меня оклеветали.

Чародѣева со смѣхомъ положила ладонь ему на губы: — вѣдь знаешь, что не могу на тебя долго сердиться. — И уже другимъ голосомъ, изъ какой-то воображаемой, свѣтской пьесы, обратилась къ Николаю Ивановичу:

— Сейчасъ проходила мимо вашей комнаты; къ вамъ пріѣхала, кажется, родственница, — прелестная дѣвушка.

Николай Ивановичъ быстро взглянулъ на друга, затѣмъ взялъ съ блюдечка окурокъ сигары и такъ принялся его раскуривать, что задымилась вся борода.

— Это неожиданно, — сказалъ онъ, — что бы это могло означать?.. Бѣгу. — Онъ бросилъ сигару въ море и сталъ спускаться по лѣстницѣ на берегъ, вертя серебряной тростью, сдвинувъ шляпу на затылокъ. Въ гостиницу Николай Ивановичъ вошелъ уже запыхавшись...

— Даша, ты зачѣмъ? Что случилось? — спросилъ онъ, притворяя за собой дверь. Даша сидѣла на полу около раскрытаго чемодана и зашивала чулокъ. Когда вошелъ зять, она, не спѣша, поднялась, подставила ему щеку для поцѣлуя и сказала разсѣянно:

— Очень рада тебя видѣть. Мы съ папой рѣшили, чтобы ты ѣхалъ въ Парижъ. Я привезла два письма отъ Кати... Вотъ. Прочти, пожалуйста.

Николай Ивановичъ схватилъ у нея письма и сѣлъ къ окну. Даша ушла въ умывальную комнату, и оттуда, одѣваясь, слушала, какъ зять шуршитъ листочками, вздыхаетъ. Затѣмъ онъ затихъ. Даша насторожилась.

— Ты завтракала? — вдругъ спросилъ онъ, — если голодна — пойдемъ въ павильонъ. Тогда она подумала: — «Разлюбилъ ее совсѣмъ», — обѣими руками надвинула на голову шапочку и рѣшила разговоръ о Парижѣ отложить на завтра.

По дорогѣ къ павильону Николай Ивановичъ молчалъ и глядѣлъ подъ ноги, но когда Даша спросила: — ты купаешься? — онъ весело поднялъ голову и заговорилъ о томъ, что здѣсь у нихъ образовалось

общество борьбы съ купальными костюмами, главнымъ образомъ преслѣдующее гигіеническія цѣли.

— Представь, — за мѣсяцъ купанья на этомъ пляжѣ организмъ поглощаетъ іода больше, нежели за это время можно искусственно ввести его во внутрь. Кромѣ того, ты поглощаешь солнечные лучи и теплоту отъ нагрѣтаго песка. У насъ, мужчинъ, еще терпимо, только небольшой поясъ, но женщины закрываютъ почти двѣ трети тѣла. Мы съ этимъ рѣшительно начали бороться... Въ воскресенье я читаю лекцію по этому вопросу, затѣмъ мы устраиваемъ концертъ.

Они шли вдоль воды по свѣтло-желтому, мягкому, какъ бархатъ, песку изъ плоскихъ, обтертыхъ прибоями, раковинокъ. Неподалеку, тамъ, гдѣ на отмель набѣгали и разбивались кипящей пѣной небольшія волны, покачивались, какъ поплавки, двѣ дѣвушки въ красныхъ чепчикахъ.

— Наши адептки, — сказалъ Николай Ивановичъ дѣловито. У Даши все сильнѣе росло чувство не то возбужденія, не то безпокойства. Это началось съ той минуты, когда она увидѣла въ степи черный корабль.

Даша остановилась, глядя, какъ вода тонкой пеленой взлизываетъ на песокъ и отходитъ, оставляя ручейки, и это прикосновеніе воды къ землѣ было такое радостное и вѣчное, что Даша присѣла и опустила туда руки. Маленькій, плоскій крабъ шарахнулся бокомъ, пустивъ облачко песка, и исчезъ въ глубинѣ. Волной Дашѣ замочило руки выше локтя.

— Какая-то съ тобой перемѣна, — проговорилъ Николай Ивановичъ, прищурясь, — не то ты еще похорошѣла, не то похудѣла, не то замужъ тебѣ пора.

Даша обернулась, взглянула на него странно, точно раскосо; поднялась и, не обтирая рукъ, пошла къ павильону, откуда любовникъ-резонеръ махалъ соломенной шляпой.

Дашу кормили чебуреками и простоквашей, поили шампанскимъ; любовникъ-резонеръ суетился, время отъ времени впадалъ въ столбнякъ, шепча словно про себя: — Боже мой, какъ хороша! — и подводилъ знакомить какихъ-то юношей — учениковъ драматической студіи, говорившихъ придушенными голосами, точно на исповѣди. Николай Ивановичъ былъ польщенъ и взволнованъ такимъ успѣхомъ «своей Дашурки».

Даша пила вино, смѣялась, ѣла, что ей подставляли, протягивала кому-то для поцѣлуевъ руку и, не отрываясь, глядѣла на сіяющее голубымъ свѣтомъ, взволнованное море. «Это счастье» — думала она, и ей хотѣлось плакать.

Послѣ купанья и прогулки пошли ужинать въ гостиницу. Было шумно, свѣтло и нарядно. Любовникъ-резонеръ много и горячо говорилъ о любви. Николай Ивановичъ, глядя на Дашу, подвыпилъ и загрустилъ. А Даша все время сквозь щель въ занавѣси окна видѣла, какъ невдалекѣ появляются, исчезаютъ и скользятъ какіе-то жидкіе блики. Наконецъ, она поднялась и вышла на берегъ. Ясная и круглая луна, совсѣмъ близкая, какъ въ сказкахъ Шехерезады, висѣла въ голубовато-серебряной безднѣ надъ чешуйчатой дорогой черезъ все море. Даша крѣпко засунула пальцы между пальцевъ и хрустнула ими.

Когда послышался голосъ Николая Ивановича, она поспѣшно пошла дальше вдоль воды, сонно

лижущей берегъ. На пескѣ сидѣла женская фигура и другая, мужская, лежала головой у нея на колѣняхъ. Между зыбкими бликами въ черно-лиловой водѣ плавала человѣческая голова, и на Дашу взглянули и долго слѣдили за ней два глаза съ лунными отблесками. Потомъ стояли двое, прижавшись; миновавъ ихъ, Даша услышала вздохъ и поцѣлуй.

Издалека звали: «Даша, Даша!» — Тогда она сѣла на песокъ, положила локти на колѣни и подперла подбородокъ. Если бы сейчасъ подошелъ Телѣгинъ, опустился бы рядомъ, обнялъ рукой за спину и голосомъ суровымъ и тихимъ спросилъ: «Моя?» Отвѣтила бы: «Твоя».

За бугоркомъ песка пошевелилась сѣрая, лежащая ничкомъ, фигура, сѣла, уронивъ голову, долго глядѣла на играющую, точно на забаву дѣтямъ, лунную дорогу, поднялась и побрела мимо Даши, уныло, какъ мертвая. И съ отчаянно бьющимся сердцемъ Даша увидѣла, что это — Безсоновъ.

Такъ начались для Даши эти послѣдніе дни стараго міра. Ихъ осталось немного, насыщенныхъ зноемъ догорающаго лѣта, радостныхъ и безпечныхъ. Но люди, привыкшіе думать, что будущій день такъ же ясенъ, какъ вдалекѣ синеватыя очертанія горъ, даже умные и прозорливые люди не могли ни видѣть, ни знать ничего, лежащаго внѣ мгновенія ихъ жизни. За мгновеніемъ, многоцвѣтнымъ, насыщеннымъ запахами, наполненнымъ біеніемъ всѣхъ соковъ жизни, лежалъ мертвый и непостижимый мракъ... Туда ни на волосокъ не проникали ни взглядъ, ни ощущеніе, ни мысль, и только, быть можетъ, неяснымъ чувствомъ, какое бываетъ у звѣрей передъ грозой, воспринимали иные то, что надвигалось. Это чувство было, какъ необъяснимое без-

покойство. Люди торопились жить. А въ это время на землю опускалось невидимое облако, бѣшено крутящееся какими-то торжествующими и яростными и какими-то падающими и изнемогающими очертаніями. И это было отмѣчено лишь полосою солнечной тѣни, зачеркнувшей съ юго-востока на сѣверо-западъ всю старую, милую и грѣшную жизнь на землѣ.

XIII

Безсоновъ переживалъ сводящую скулы оскомину, когда цѣлыми днями валялся у моря. Разглядывая лица: женскія — смѣющіяся, покрытыя солнечной пылью загара, и мужскія — мѣдно-красныя и взволнованныя, онъ съ уныніемъ чувствовалъ, что сердце его, какъ ледъ, лежитъ въ груди. Глядя на море — думалъ, что вотъ оно тысячи лѣтъ шумитъ волнами о берегъ. И берегъ былъ когда-то пустъ, и вотъ онъ населенъ людьми, и они умрутъ, и берегъ опять опустѣетъ, а море будетъ все такъ-же набѣгать на песокъ. Думая, онъ морщился, сгребалъ пальцемъ раковинки въ кучечку и засовывалъ въ нее потухшую папиросу. Затѣмъ шелъ купаться. Затѣмъ лѣниво обѣдалъ. Затѣмъ уходилъ спать.

Вчера, неподалеку отъ него, быстро сѣла въ песокъ какая-то дѣвушка и долго глядѣла на лунный свѣтъ; отъ нея слабо пахло фіалками. Въ оцѣпенѣвшемъ мозгу прошло воспоминаніе. Безсоновъ заворочался, подумалъ: — «ну, нѣтъ, на этотъ крючокъ не зацѣпишь, не заманишь, къ чорту, спать», — поднялся и побрелъ въ гостиницу.

Даша послѣ этой встрѣчи струсила. Ей казалось,

что петербургская жизнь — всѣ эти воробьиныя ночи — отошли навсегда, и Безсоновъ, непонятно чѣмъ занозившій ея воображеніе, — забытъ.

Но отъ одного взгляда, отъ этой минутки, когда онъ чернымъ силуэтомъ прошелъ передъ свѣтомъ мѣсяца, въ ней все поднялось съ новой силой, и не въ видѣ смутныхъ и неясныхъ переживаній, а теперь было точное желаніе, горячее, какъ полуденный жаръ: она жаждала почувствовать этого человѣка. Ни любить, ни мучиться, ни раздумывать — а только ощутить.

Сидя въ залитой луннымъ свѣтомъ бѣлой комнатѣ, у окна, она повторяла слабымъ голосомъ:

— Ахъ, Боже мой, ахъ, Боже мой, что же это такое?..

Въ седьмомъ часу утра Даша пошла на берегъ, раздѣлась, вошла по колѣно въ воду и заглядѣлась. Море было выцвѣтшее, блѣдно-голубое и только кое-гдѣ вдалекѣ тронутое матовой рябью. Вода, не спѣша, всходила то выше колѣнъ, то опускалась ниже. Даша протянула руки, упала въ эту небесную прохладу и поплыла. Потомъ, освѣженная и вся соленая, закуталась въ мохнатый халатъ и легла на песокъ, уже тепловатый.

«Люблю одного Ивана Ильича, — думала она, лежа щекой на локтѣ, розовомъ и пахнущемъ свѣжестью, — люблю, люблю Ивана Ильича. Съ нимъ чисто, свѣжо, радостно. Слава Богу, что люблю Ивана Ильича. Выйду за него замужъ»...

Она закрыла глаза и заснула, чувствуя, какъ рядомъ, набѣгая, будто дышетъ вода въ ладъ съ ея дыханіемъ.

Этотъ сонъ былъ сладокъ. Она, не переставая, чувствовала, какъ ея тѣлу тепло и легко лежать

на пескѣ. И во снѣ она ужасно любила себя какой-то особой, взволнованной влюбленностью.

На закатѣ, когда солнце сплющеннымъ шаромъ опускалось въ оранжевое, безоблачное зарево, Даша встрѣтила Безсонова, сидѣвшаго на камнѣ у тропинки, вьющейся чрезъ плоское, полынное поле. Даша забрела сюда, гуляя, и сейчасъ, увидѣвъ Безсонова, остановилась, хотѣла повернуть, побѣжать, но давешняя легкость опять исчезла, и ноги, отяжелѣвъ, точно приросли, и она исподлобья глядѣла, какъ онъ подходилъ, почти не удивленный встрѣчей, какъ снялъ соломенную шляпу и поклонился по-монашески — смиреннымъ наклоненіемъ:

— Вчера я не ошибся, Дарья Дмитріевна, — это вы были на берегу?

— Да, я...

Онъ помолчалъ, опустивъ глаза, потомъ взглянулъ мимо Даши въ глубину уже потемнѣвшей степи:

— На этомъ полѣ, во время заката, чувствуешь себя, какъ въ пустынѣ. Сюда рѣдко кто забредетъ. Кругомъ — полынь, камни, и въ сумерки представляется, что на землѣ никого уже не осталось, — я одинъ.

Безсоновъ засмѣялся, медленно открывъ бѣлые зубы. Даша глядѣла на него, какъ дикая птица. Потомъ она пошла рядомъ съ нимъ по тропинкѣ. Съ боковъ и по всему полю росли невысокіе, горько пахнущіе кустики полыни; отъ каждаго ложилась на сухую землю еще не яркая лунная тѣнь. Надъ головами, вверхъ и внизъ, неровно и трепеща, летали двѣ мыши, ясно видимыя въ полосѣ заката.

— Соблазны, соблазны, никуда отъ нихъ не скроешься, — проговорилъ Безсоновъ, — прельщаютъ, заманиваютъ, и снова попадаешся въ

обманъ. Смотрите — до чего лукаво подстроено, — онъ показалъ палкой на невысоко висящій шаръ луны, — всю ночь будетъ ткать сѣти, тропинка прикинется ручьемъ, каждый кустикъ — населеннымъ, даже трупъ покажется красивъ, и женское лицо — таинственно. А, можетъ быть, дѣйствительно, такъ и нужно: вся мудрость въ этомъ обманѣ... Какая вы счастливая, Дарья Дмитріевна, какая вы счастливая...

— Почему же это обманъ? По-моему совсѣмъ не обманъ. Просто — свѣтитъ луна, — сказала Даша упрямо.

— Ну, конечно, Дарья Дмитріевна, конечно... «Будьте, какъ дѣти». Обманъ въ томъ, что я не вѣрю ничему этому. Но — «будьте такъ же, какъ змѣи». А какъ это соединить? Что нужно для этого... Говорятъ, соединяетъ любовь? А вы, какъ думаете?

— Не знаю. Ничего не думаю.

— Изъ какихъ она приходитъ пространствъ? Какъ ее заманить? Какимъ словомъ заклясть? Лечь въ пыль и взывать: о, Господи, пошли на меня любовь!.. Онъ не громко засмѣялся, показалъ зубы.

— Я дальше не пойду, — сказала Даша, — я хочу къ морю.

Они повернули и шли теперь по полыни къ песчаной возвышенности. Неожиданно, Безсоновъ сказалъ мягкимъ и осторожнымъ голосомъ:

— Я до послѣдняго слова помню все, что вы говорили тогда у меня, въ Петербургѣ. Я васъ спугнулъ.

Даша молчала, глядя предъ собой, и шла очень быстро.

— тогда меня потрясло одно ощущеніе... Не ваша

— Но, почему-то, мнѣ всегда казалось, Дарья Дмитріевна, что мы продолжимъ нашу бесѣду. Я помню

особенная красота, нѣтъ... Меня поразила, пронизала всего непередаваемая музыка вашего голоса. Когда-то — очень давно — я слушалъ въ оркестрѣ симфонію — забылъ какую. И вотъ, изъ всѣхъ звуковъ родился одинъ звукъ, — пѣла труба, печальная и чистая; казалось, — ее было слышно во всѣхъ концахъ земли, — таковъ будетъ голосъ архангела въ послѣдній часъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите! — воскликнула Даша, остановившись; взглянула на него и опять пошла.

— Болѣе страшнаго искушенія не было въ моей жизни. Я глядѣлъ тогда на васъ и думалъ — «это мѣсто свято». Здѣсь мое спасеніе: отдать сердце вамъ, стать нищимъ, смиреннымъ, растаять въ вашемъ свѣту... А можетъ быть, взять ваше сердце? Стать безконечно богатымъ?.. Подумайте, Дарья Дмитріевна, вотъ вы пришли, и я долженъ отгадать загадку.

Даша, опередивъ его, взбѣжала на песчаную дюну. Широкая лунная дорога, переливаясь, какъ чешуя, въ тяжелой громадѣ воды, обрывалась на краю моря длинной и ясной полосой, и тамъ надъ этимъ свѣтомъ стояло темное сіяніе. У Даши такъ билось сердце, что пришлось закрыть глаза. «Господи, спаси меня отъ него», — подумала она. Безсоновъ нѣсколько разъ вонзилъ палку въ песокъ:

— Только ужъ нужно рѣшаться, Дарья Дмитріевна... Кто-то долженъ сгорѣть на этомъ огнѣ... Вы ли... Я ли... Подумайте, отвѣтьте...

— Не понимаю, — отрывисто сказала Даша.

— Когда вы станете нищей, опустошенной, сожженной, — тогда только настанетъ для васъ настоящая жизнь, Дарья Дмитріевна... безъ этого лун-

наго свѣта, — соблазна на три копейки. Будетъ страшная жизнь — мудрость. И чувство непомѣрнаго величія — гордость. И всего только и нужно для этого — сбросить платьице дѣвочки...

Безсоновъ ледяной рукой взялъ Дашину руку и заглянулъ ей въ глаза. Даша только и могла, что — медленно зажмурилась. Спустя долгое молчаніе, онъ сказалъ:

— Впрочемъ, пойдемте лучше по домамъ — спать. Поговорили, обсудили вопросъ со всѣхъ сторонъ, — да и часъ поздній...

Онъ довелъ Дашу до гостиницы, простился учтиво, сдвинулъ шляпу на затылокъ и пошелъ вдоль воды, вглядываясь въ неясныя фигуры гуляющихъ. Внезапно остановился, повернулъ и подошелъ къ высокой женщинѣ, стоящей неподвижно, закутавшись въ бѣлую шелковую шаль. Безсоновъ перекинулъ трость черезъ плечи, взялся за ея концы и сказалъ:

— Нина, здравствуй.

— Здравствуй.

— Ты что дѣлаешь одна на берегу?

— Стою.

— Почему ты одна?

— Одна, потому что — одна, — отвѣтила Чародѣева тихо и сердито.

— Неужели все еще сердишься?

— Нѣтъ, голубчикъ, давно успокоилась. Ты-то вотъ не волнуйся на мой счетъ.

— Нина, пойдемъ ко мнѣ.

Тогда она, откинувъ голову, молчала долго, потомъ дрогнувшимъ, неяснымъ голосомъ отвѣтила:

— Съ ума ты сошелъ?

— А ты развѣ этого не знала?

Онъ взялъ ее подъ руку, но она рѣзко выдернула ее и пошла медленно, рядомъ съ нимъ, вдоль лунныхъ отсвѣтовъ, скользящихъ по масляно-черной водѣ вслѣдъ ихъ шагамъ.

На утро Дашу разбудилъ Николай Ивановичъ, осторожно постучавъ въ дверь:

— Данюша, вставай, голубчикъ, идемъ кофе пить.

Даша спустила съ кровати ноги и посмотрѣла на сброшенные вчера чулки и туфельки, — всѣ въ сѣрой пыли. Что-то случилось. Или опять приснился тотъ омерзительный сонъ? Нѣтъ, нѣтъ, было гораздо хуже, не сонъ. Даша кое-какъ одѣлась и побѣжала купаться.

Но вода утомила ее и солнце разожгло. Сидя подъ мохнатымъ халатомъ, обхвативъ голыя колѣнки, она думала, что здѣсь ничего хорошаго случиться не можетъ.

«И не умна, и трусиха, и бездѣльница. Воображеніе преувеличенное. Сама не знаю, чего хочу. Утромъ одно, вечеромъ другое. Какъ разъ тотъ типъ, какой ненавижу».

Склонивъ голову, Даша глядѣла на море, и даже слезы навернулись у нея, — такъ было смутно и грустно.

«Подумаешь — велико сокровище берегу. Кому оно нужно — ни одному человѣку на свѣтѣ. Никого по-настоящему не люблю, себя ненавижу. И выходитъ — онъ правъ: лучше ужъ сжечь все, сгорѣть и стать трезвымъ человѣкомъ. Онъ позвалъ,

и пойти къ нему нынче же вечеромъ, и... Охъ, нѣтъ!»...

Даша опустила лицо въ колѣни, — такъ стало жарко. И было ясно, что дальше жить этой двойной жизнью нельзя. Должно прійти, наконецъ, освобожденіе отъ невыносимаго дольше дѣвичества. Или ужъ — пусть будетъ бѣда.

Такъ, сидя въ унынiи, она раздумывала:

«Предположимъ — уѣду отсюда. Къ отцу. Въ пыль. Къ мухамъ. Дождусь осени. Начнутся занятія. Стану работать по двѣнадцати часовъ въ сутки. Высохну, стану уродомъ. Наизусть выучу международное право. Буду носить бумазейныя юбки: уважаемая юристъ-дѣвица Булавина. Конечно, выходъ очень почтенный... Ахъ, Боже мой, Боже мой!..»

Даша стряхнула прилипшій къ кожѣ песокъ и пошла въ домъ. Николай Ивановичъ лежалъ на террасѣ, въ шелковой пижамѣ, и читалъ запрещенный романъ Анатоля Франса. Даша сѣла къ нему на ручку качалки и, покачивая туфелькой, сказала раздумчиво:

— Вотъ, мы съ тобой хотѣли поговорить насчетъ Кати.

— Да, да.

— Видишь ли, Николай, женская жизнь, вообще, очень трудная. Тутъ въ девятнадцать-то лѣтъ не знаешь, что съ собой дѣлать.

— Въ твои годы, Данюша, надо жить во-всю, не раздумывая. Много будешь думать — останешься на бобахъ. Смотрю на тебя — ужасно ты хороша.

— Такъ и знала, Николай, — съ тобой безполезно разговаривать. Всегда скажешь не то, что нужно, и безтактно. Отъ этого-то и Катя отъ тебя ушла.

Николай Ивановичъ засмѣялся, положилъ романъ

Анатоля Франса на животъ и закинулъ за голову толстыя руки:

— Начнутся дожди, и птичка сама прилетитъ въ домъ. А помнишь, какъ она перышки чистила?.. Я Катюшу, несмотря ни на что, очень люблю. Ну, что-же — оба нагрѣшили, и квиты.

— Ахъ, ты вотъ какъ теперь разговариваешь! А вотъ я на мѣстѣ Кати точно такъ-же бы поступила съ тобой...

— Ого! Это что-то новое у тебя?..

— Да, новое... Дѣйствительно, — уже съ ненавистью глядя на него, проговорила Даша, — любишь, мучаешьс г, мѣста себѣ не находишь, а онъ очень доволенъ и увѣренъ...

И она отошла къ периламъ балкона, разсерженная не то на Николая Ивановича, не то еще на кого-то.

— Станешь постарше и увидишь, что слишкомъ серьезно относиться къ житейскимъ невзгодамъ — вредно и не умно, — проговорилъ Николай Ивановичъ, — это ваша закваска, Булавинская — все усложнять... Проще, нроще надо, — ближе къ природѣ...

Онъ вздохнулъ и замолчалъ, разсматривая ногти. Мимо террасы проѣхалъ потный гимназистъ на велосипедѣ, — привезъ изъ города почту.

— Пойду въ сельскія учительницы, — проговорила Даша мрачно. Николай Ивановичъ переспросилъ сейчасъ-же:

— Куда?

Но она не отвѣтила и ушла къ себѣ. Съ почты принесли письма для Даши: одно было отъ Кати, другое отъ отца. Дмитрій Степановичъ писалъ:

... «Посылаю тебѣ письмо отъ Катюшки. Я его

читалъ и мнѣ оно не понравилось. Хотя — дѣлайте, какъ хотите... У насъ все по-старому. Очень жарко. Кромѣ того, Семена Семеновича Говядина вчера въ городскомъ саду избили горчишники, но за что — онъ скрываетъ. Вотъ и всѣ новости. Да, была тебѣ еще открытка отъ какого-то Телѣгина, но я ее потерялъ. Кажется, онъ тоже въ Крыму, не то еще гдѣ-то...»

Даша внимательно перечла эти послѣднія строчки, и неожиданно шибко забилось сердце. Потомъ, съ досады, она даже топнула ногой; — извольте радоваться: «не то въ Крыму, не то еще гдѣ-то»... Отецъ, дѣйствительно, кошмарный человѣкъ, неряха и эгоистъ. Она скомкала его письмо и долго сидѣла у письменнаго столика, подперевъ подбородокъ. Потомъ стала читать то, что было отъ Кати:

«Помнишь, Данюша, я писала тебѣ о человѣкѣ, который за мной ходитъ. Вчера вечеромъ въ Люксембургскомъ саду онъ подсѣлъ ко мнѣ. Я вначалѣ струсила, но осталась сидѣть. Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Я васъ преслѣдовалъ, я знаю ваше имя, и кто вы такая. Но, затѣмъ, со мной случилось большое несчастье, — я васъ полюбилъ». Я посмотрѣла на него, — сидитъ, какъ въ церкви, важно, лицо строгое, темное какое-то, обтянутое. «Вы не должны бояться меня, — я старикъ, одинокій. У меня грудная жаба, каждую минуту я могу умереть. И вотъ — такое несчастье». У него по щекѣ потекла слеза. Потомъ онъ проговорилъ, покачивая головой: «О, какое милое, какое милое ваше лицо». Я сказала: — «Не преслѣдуйте меня больше». И хотѣла уйти, но мнѣ стало его жалко, я осталась и говорила съ нимъ. Онъ слушалъ и, закрывъ глаза, покачивалъ головой. И, представь себѣ, Данюша, — сегодня

получаю отъ какой-то женщины, кажется, отъ консьержки, гдѣ онъ жилъ, письмо... Она, «по его порученію», сообщаетъ, что онъ умеръ ночью... Охъ, какъ это было страшно... Вотъ и сейчасъ — подошла къ окну, на улицѣ тысячи, тысячи огней, катятся экипажи, люди идутъ между деревьями. Послѣ дождя — туманно. И мнѣ кажется, что все это уже бывшее, все умерло, эти люди — мертвые, будто я вижу то, что кончилось, а того, что присходитъ сейчасъ, когда стою и гляжу, — не вижу, но знаю, что все кончилось. Вотъ — прошелъ человѣкъ, обернулся, посмотрѣлъ на мое окно, и мнѣ ясно, что онъ обернулся и посмотрѣлъ не сейчасъ, а давно, когда-то... Должно быть, мнѣ совсѣмъ плохо. Иногда — лягу и плачу, — жалко жизни, зачѣмъ прошла. Было, какое ни на есть, но, все-таки, счастье, любимые люди, — и слѣда не осталось... И сердце во мнѣ стало сухонькое — высохло. Я знаю, Даша, предстоитъ еще какое-то большое горе, и все это въ расплату за то, что мы всѣ жили дурно. Данюша, Данюша, дай Богъ тебѣ счастья»...

Даша показала это письмо Николаю Ивановичу. Читая, онъ принялся вздыхать, потомъ заговорилъ о томъ, что онъ всегда чувствовалъ вину свою передъ Катей:

— Я видѣлъ, — мы живемъ дурно, эти непрерывныя удовольствія кончатся, когда-нибудь, взрывомъ отчаянія. Но что я могъ подѣлать, если занятіе моей жизни, и Катиной, и всѣхъ, кто насъ окружалъ, — веселиться... Иногда, здѣсь, гляжу на море и думаю: — существуетъ какая-то Россія, пашетъ землю, пасетъ скотъ, долбитъ уголь, ткетъ, куетъ, строитъ, существуютъ люди, которые заставляютъ ее все это дѣлать, а мы, какіе-то третьи,

умственная аристократія страны, интеллигенты — мы ни съ какой стороны этой Россіи не касаемся. Она насъ содержитъ. Мы — папильоны. Это трагедія. Попробуй я, напримѣръ, разводить овощи, или построй заводъ, — ничего не выйдетъ. Я обреченъ до конца дней летать папильономъ. Конечно, мы пишемъ книги, произносимъ рѣчи, дѣлаемъ политику, но это все тоже входитъ въ кругъ времяпрепровожденія, даже тогда, когда гложетъ совѣсть. У Катюши эти непрерывныя удовольствія кончились душевнымъ опустошеніемъ. Иначе и не могло быть... Ахъ, если бы ты знала, — какая это была прелестная, нѣжная и кроткая женщина!.. Я развратилъ ее, опустошилъ... Да, ты права, нужно къ ней ѣхать...

Ѣхать въ Парижъ рѣшено было обоимъ, и немедленно, какъ только получатся заграничные паспорта. Послѣ обѣда Николай Ивановичъ ушелъ въ городъ, а Даша принялась передѣлывать въ дорогу большую соломенную шляпу, но только разорила ее, пришла въ отчаяніе и подарила горничной. Потомъ написала письмо отцу и въ сумерки прилегла на постель, — такая, внезапно, напала усталость, — положила ладони подъ щеку и слушала, какъ шумитъ море, все отдаленнѣе, все пріятнѣе.

Потомъ показалось, что кто-то наклонился надъ ней, отвелъ съ лица прядь волосъ и поцѣловалъ въ глаза, въ щеки, въ уголки губъ, легко — однимъ дыханіемъ. По всему тѣлу разлилась сладость этого поцѣлуя. Даша медленно пробудилась. Въ открытое окно виднѣлись, рѣдкія звѣзды, и вѣтерокъ, залетѣвъ, шелестѣлъ листками письма. Затѣмъ изъ-за

стѣны появилась человѣческая фигура, облокотилась снаружи на подоконникъ и глядѣла на Дашу.

Тогда Даша проснулась совсѣмъ, сѣла и поднесла руку къ груди, гдѣ было разстегнуто платье.

— Что вамъ нужно? — спросила она, едва слышно. Человѣкъ въ окнѣ голосомъ Безсонова проговорилъ:

— Я васъ ждалъ на берегу. Почему вы не пришли? Боитесь?

Даша отвѣтила, помолчавъ:

— Да.

Тогда онъ перелѣзъ черезъ подоконникъ, отодвинулъ столъ и подошелъ къ кровати:

— Я провелъ омерзительную ночь, — еще бы немного и удавился. У васъ есть хоть какое-нибудь чувство ко мнѣ?

Даша покачала головой, но губъ не раскрыла.

— Слушайте, Дарья Дмитріевна, не сегодня, завтра, черезъ годъ, — это должно случиться. Я не могу безъ васъ существовать. Не заставляйте меня терять образъ человѣческій. — Онъ говорилъ тихо и хрипло, и подошелъ къ Дашѣ совсѣмъ близко. Она вдругъ глубоко, коротко вздохнула и продолжала глядѣть ему въ лицо. — Все, что я вчера говорилъ, — вранье... Я жестоко страдаю... У меня нѣтъ силы вытравить память о васъ... Будьте моей женой...

Онъ наклонился къ Дашѣ, вдыхая ея запахъ, положилъ руку сзади ей на шею и прильнулъ къ губамъ. Даша уперлась въ грудь ему, но руки ея согнулись. Тогда въ оцѣпенѣвшемъ сознаніи прошла спокойная мысль: «Это то, чего я боялась и хотѣла, но это похоже на убійство»... Отвернувъ лицо, она слушала, какъ Безсоновъ, дыша виномъ, бормоталъ

ей что то въ ухо. И Даша подумала: «Точно также было у него съ Катей». И тогда уже ясный, разсудительный холодокъ поджалъ все тѣло, и рѣзче сталъ запахъ вина и омерзительнѣе бормотанье.

— Пустите-ка, — проговорила она, съ силой отстранила Безсонова и, отойдя къ двери, застегнула, наконецъ, воротъ на платьѣ.

Тогда Безсоновымъ овладѣло бѣшенство: схвативъ Дашу за руки, онъ притянулъ ее къ себѣ и сталъ цѣловать въ горло. Она, сжавъ губы, молча боролась. Когда же онъ поднялъ ее и понесъ, — Даша проговорила быстрымъ шопотомъ:

— Никогда въ жизни, хоть умрите...

Она съ силой оттолкнула его, освободилась и стала у стѣны. Все еще трудно дыша, онъ опустился на стулъ и сидѣлъ неподвижно. Даша поглаживала руки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были слѣды пальцевъ.

— Не нужно было спѣшить, — сказалъ Безсоновъ. Она отвѣтила:

— Вы мнѣ омерзительны.

Онъ сейчасъ-же положилъ голову бокомъ на спинку стула. Даша сказала:

— Вы съ ума сошли... Уходите же...

И повторила это нѣсколько разъ. Онъ, наконецъ, понялъ, поднялся и тяжело, неловко вылѣзъ черезъ окно. Даша затворила ставни и принялась ходить по темной комнатѣ. Эта ночь была проведена плохо.

Подъ утро Николай Ивановичъ, шлепая, босикомъ, подошелъ къ двери и спросилъ заспаннымъ голосомъ:

— У тебя зубы, что-ли, болятъ, Даша?

— Нѣтъ.

— А что это за шумъ былъ ночью?

— Не знаю.

Онъ, пробормотавъ: «удивительное дѣло», ушелъ. Даша не могла ни присѣсть, ни лечь, — только ходила, ходила отъ окна до двери, чтобы утомить въ себѣ это острое, какъ зубная боль, омерзеніе къ себѣ. Случилось самое отвратительное, чего никогда нельзя было даже предугадать, — словно ночью на погостѣ собаки рвали падаль... И это дѣлала она, Даша. Если бы Безсоновъ совладалъ съ ней, — кажется было бы лучше. И съ отчаянной болью она вспоминала бѣлый, залитый солнцемъ, пароходъ, и еще то, какъ въ осинникѣ ворковалъ, бормоталъ, все лгалъ, все лгалъ покинутый любовникъ, увѣрялъ, что Даша влюблена.

Такъ вотъ это все чѣмъ кончилось? Оглядываясь на бѣлѣвшую въ сумракѣ постель, страшное мѣсто, гдѣ только что лицо человѣческое превращалось въ песью морду, Даша чувствовала, что жить съ этимъ знаніемъ нельзя. Какую-бы угодно взяла муку на себя, — только бы не чувствовать этой брезгливости ко всему живому, къ людямъ, къ землѣ, къ себѣ... Закрывая лицо ладонями, Даша повторяла: — «Отче Нашъ, иже еси на небесахъ, спаси меня»... Но слова не могли дойти до Него... Горѣла голова и хотѣлось точно содрать съ лица, съ шеи, со всего тѣла паутину.

Наконецъ, свѣтъ сквозь ставни сталъ совсѣмъ яркій. Въ домѣ начали хлопать дверьми, чей-то звонкій голосъ позвалъ: — «Матреша, принеси воды»... Проснулся Николай Ивановичъ и за стѣной чистилъ зубы. Даша ополоснула лицо и, надвинувъ

на глаза шапочку, вышла на берегъ. Море было, какъ молоко, песокъ — сыроватый. Пахло водорослями. Даша повернула въ поле и побрела вдоль дороги. Навстрѣчу, поднимая пыльцу колесами, двигалась плетушка объ одну лошадь. На козлахъ сидѣлъ татаринъ, позади него — какой-то широкій человѣкъ, весь въ бѣломъ. Взглянувъ, Даша подумала, какъ сквозь сонъ (отъ солнца, отъ усталости слипались глаза): «вотъ ѣдетъ хорошій, счастливый человѣкъ, ну и пускай его — и хорошій и счастливый», — и она отошла съ дороги. Вдругъ изъ плетушки послышался испуганный голосъ:

— Дарья Дмитріевна!

Кто-то спрыгнулъ на землю и побѣжалъ. Отъ этого голоса у Даши закатилось сердце, упало куда-то вглубь, ослабли ноги. Она обернулась. Къ ней подбѣгалъ Телѣгинъ, загорѣлый, взволнованный, синеглазый, до того неожиданно-родной, что Даша стремительно положила руки ему на грудь, прижалась лицомъ и громко, по-дѣтски, заплакала.

Телѣгинъ твердо держалъ ее за плечи. Когда Даша срывающимся голосомъ попыталась что-то объяснить, онъ сказалъ:

— Пожалуйста, Дарья Дмитріевна, пожалуйста, потомъ. Это не важно...

Парусиновый пиджакъ на груди у него промокъ отъ Дашиныхъ слезъ. И ей стало легче.

— Вы къ намъ ѣхали? — спросила она.

— Да, я проститься пріѣхалъ, Дарья Дмитріевна... Вчера только узналъ, что вы здѣсь, и вотъ... хотѣлъ бы проститься...

— Проститься?

— Призываютъ, ничего не подѣлаешь.

— Призываютъ?

— Развѣ вы ничего не слыхали?

— Нѣтъ.

— Война, оказывается, вотъ въ чемъ дѣло-то. — И, улыбаясь, онъ влюбленно и, какъ-то по-новому, увѣренно глядѣлъ Дашѣ въ лицо.

XIV

Въ кабинетѣ редактора большой либеральной газеты — «Слово Народа» — шло чрезвычайное редакціонное засѣданіе, и такъ какъ вчера закономъ спиртные напитки были запрещены, то къ редакціонному чаю, сверхъ обычая, былъ поданъ коньякъ и ромъ.

Матерые, бородатые либералы сидѣли въ глубокихъ креслахъ, курили табакъ и чувствовали себя сбитыми съ толку. Молодые сотрудники размѣстились на подоконникахъ и на знаменитомъ кожаномъ диванѣ, оплотѣ оппозиціи, про который одинъ извѣстный писатель выразился неосторожно, что тамъ — клопы.

Редакторъ, сѣдой и румяный, англійской повадки мужчина, говорилъ чеканнымъ голосомъ, — слово къ слову, — одну изъ своихъ замѣчательныхъ рѣчей, которая должна была и на самомъ дѣлѣ дала линію поведенія всей либеральной печати.

... «Сложность нашей задачи въ томъ, что, не уступая ни шагу въ оппозиціи царской власти, мы должны передъ лицомъ опасности, грозящей цѣлостности Россійскаго государства, подать руку этой власти. Нашъ жестъ долженъ быть честнымъ и открытымъ. Вопросъ о винѣ царскаго правительства, вовлекшаго Россію въ войну, — есть въ эту

минуту вопросъ второстепенный. Мы должны побѣдить, а затѣмъ судить виновныхъ. Господа, въ то время, какъ мы здѣсь разговариваемъ, подъ Красноставомъ происходитъ кровопролитное сраженіе, куда въ прорывъ нашего фронта брошена наша гвардія. Исходъ сраженія еще не извѣстенъ, но помнить надлежитъ, что опасность грозитъ Кіеву. Нѣтъ сомнѣнія, что война не можетъ продолжиться долѣе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, и каковъ бы ни былъ ея исходъ — мы съ гордо поднятой головой скажемъ царскому правительству: — въ тяжелый часъ мы были съ вами, теперь мы требуемъ васъ къ отвѣту»...

Одинъ изъ старѣйшихъ членовъ редакціи — Бѣлосвѣтовъ — пишущій по земскому вопросу, не выдержавъ, воскликнулъ внѣ себя:

— Воюетъ царское правительство, при чемъ здѣсь мы и протянутая рука? — убейте, не понимаю. Простая логика говоритъ, что мы должны отмежеваться отъ этой авантюры, а, вслѣдъ за нами, и вся интеллигенція. Пускай цари ломаютъ себѣ шеи, — мы только выиграемъ.

— Да ужъ знаете, протягивать руку Николаю Второму, какъ хотите, — противно, господа, — пробормоталъ Альфа, передовикъ, выбирая въ сухарницѣ пирожное, — во снѣ холодный потъ прошибетъ...

Сейчасъ-же заговорило нѣсколько голосовъ:

— Нѣтъ и не можетъ быть такихъ условій, которыя заставили-бы насъ пойти на соглашеніе...

— Что-же это такое — капитуляція? — я спрашиваю.

— Позорный конецъ всему прогрессивному движенію.

— А я, господа, все-таки хотѣлъ-бы, чтобы кто-нибудь объяснилъ мнѣ цѣль этой войны.

— Вотъ, когда нѣмцы намнутъ шею — тогда узнаете.

— Эгэ, батенька, да вы, кажется, націоналистъ!

— Просто — я не желаю быть битымъ.

— Да, вѣдь бить-то будутъ не васъ, а Николая Второго.

— Позвольте... А Польша? а Волынь? а Кіевъ?..

— Чѣмъ больше будемъ биты — тѣмъ скорѣе настанетъ революція.

— А я ни за какую вашу революцію не желаю отдавать Кіева...

— Петръ Петровичъ, стыдитесь, батенька...

Съ трудомъ возстановивъ порядокъ, редакторъ разъяснилъ, что на основаніи циркуляра о военномъ положеніи военная цензура закроетъ газету за малѣйшій выпадъ противъ правительства, и будутъ уничтожены зачатки свободнаго слова, въ борьбѣ за которое положено столько силъ.

... «Поэтому предлагаю уважаемому собранію найти пріемлемую точку зрѣнія. Со своей стороны смѣю высказать, быть можетъ, парадоксальное мнѣніе, что намъ придется принять эту войну цѣликомъ, со всѣми послѣдствіями. Не забывайте, что война чрезвычайно популярна въ обществѣ. Въ Москвѣ ее объявили второй Отечественной, — онъ тонко улыбнулся и опустилъ глаза, — Государь былъ встрѣченъ въ Москвѣ почти горячо. Мобилизація среди простого населенія проходитъ такъ, какъ этого ожидать не могли и не смѣли...

— Василій Васильевичъ, да вы шутите или нѣтъ? — уже совсѣмъ жалобнымъ голосомъ воскликнулъ Бѣлосвѣтовъ, — да вѣдь вы, какъ карточный до-

микъ, цѣлое міровоззрѣніе рушите... Идти, помогать правительству? А десять тысячъ лучшихъ русскихъ людей, гніющихъ въ Сибири?... А разстрѣлы рабочихъ?... Вѣдь еще кровь не обсохла.

Все это были разговоры, прекраснѣйшіе и благороднѣйшіе, но каждому становилось ясно, что соглашенія съ правительствомъ не миновать, и поэтому, когда изъ типографіи принесли корректуру передовой статьи, начинавшейся словами: — «Передъ лицомъ германскаго нашествія мы должны сомкнуть единый фронтъ», — собраніе молча просмотрѣло гранки, кое-кто сдержанно вздохнулъ, кое-кто сказалъ многозначительно: «Дожили-съ». Бѣлосвѣтовъ порывисто застегнулъ на всѣ пуговицы черный сюртукъ, обсыпанный пепломъ, но не ушелъ и опять сѣлъ въ кресло, и очередной номеръ былъ сверстанъ съ заголовкомъ: «Отечество въ опасности. Къ оружію».

Все-же, въ сердцѣ каждаго было смутно и тревожно. Какимъ образомъ прочный европейскій миръ въ двадцать четыре часа взлетѣлъ на воздухъ, и почему гуманная европейская цивилизація, посредствомъ которой «Слово Народа» ежедневно кололо глаза правительству и совѣстило обывателей, оказалась обманомъ, просто — отводомъ глазъ (ужъ, кажется, выдумали и книгопечатаніе, и электричество и даже радій, а насталъ часъ, — и подъ крахмальной грудью фрака объявился все тотъ-же звѣроподобный, волосатый человѣчище съ дубиной) — нѣтъ, это редакціи усвоить было трудно и признать — слишкомъ горько.

Молча и невесело окончилось совѣщаніе. Маститые писатели пошли завтракать къ Кюба, молодежь собралась въ кабинетѣ завѣдующаго хрони-

кой. Было рѣшено произвести подробнѣйшее обслѣдованіе настроенія самыхъ разнообразныхъ сферъ и круговъ. Антошкѣ Арнольдову поручили отдѣлъ военной цензуры. Онъ подъ горячую руку взялъ авансъ и на лихачѣ «запустилъ» по Невскому въ Главный Штабъ.

Завѣдующій отдѣломъ печати, полковникъ генеральнаго штаба, Солнцевъ, принялъ въ своемъ кабинетѣ Антошку Арнольдова и учтиво выслушивалъ его, глядя въ глаза ясными, выпуклыми, веселыми глазами. Антошка приготовился встрѣтить какого-нибудь чудо-богатыря, — багроваго, съ львинымъ лицомъ генерала, — бича свободной прессы, но передъ нимъ сидѣлъ изящный, румяный, воспитанный человѣкъ и не хрипѣлъ, и не рычалъ басомъ, и ничего не готовился давить и пресѣкать, — все это плохо вязалось съ обычнымъ представленіемъ о царскихъ наемникахъ.

— Такъ вотъ, полковникъ, надѣюсь вы не откажете освѣтить вашимъ авторитетнымъ мнѣніемъ означенные у меня вопросы, — сказалъ Арнольдовъ, покосившись на темный, во весь ростъ, портретъ императора Николая I-го, глядѣвшаго неумолимыми глазами на представителя прессы, точно желая ему сказать: — пиджачишко короткій, башмаки желтые, носъ въ поту, видъ гнусный, — боишься, сукинъ сынъ... — Я не сомнѣваюсь, полковникъ, что къ Новому Году русскія войска будутъ въ Берлинѣ, но редакцію интересуютъ, главнымъ образомъ, нѣкоторые частные вопросы...

Полковникъ Солнцевъ учтиво перебилъ:

— Мнѣ кажется, что русское общество недостаточно уясняетъ себѣ размѣры настоящей войны и тѣ послѣдствія, какими она будетъ сопровождаться.

Конечно, я не могу не привѣтствовать ваше прекрасное пожеланіе нашей доблестной арміи войти въ Берлинъ, но опасаюсь, что сдѣлать это труднѣе, чѣмъ вы думаете. Я со своей стороны полагаю, что важнѣйшая задача прессы въ настоящій моментъ должна заключаться въ томъ, чтобы подготовить общество къ мысли объ очень серьезной опасности, грозящей нашему государству, а также о чрезвычайныхъ жертвахъ, которыя мы всѣ должны принести во избѣжаніе нежелательныхъ послѣдствій вторженія врага въ предѣлы Россіи.

Антошка Арнольдовъ опустилъ блокнотъ и съ недоумѣніемъ взглянулъ на полковника. Какъ разъ за спиной его возвышалась темная фигура Николая Перваго. У обоихъ были тѣ же глаза, но у того — грозные, у этого — веселые. Въ огромномъ кабинетѣ было чисто, сурово, монументально и пахло столѣтіемъ. Солнцевъ продолжалъ:

— Мы не искали этой войны, и сейчасъ мы пока только обороняемся. Германцы имѣютъ преимущество передъ нами въ количествѣ артиллеріи, густотѣ пограничной сѣти желѣзныхъ дорогъ и, стало быть, въ быстротѣ передвиженія войскъ. Тѣмъ не менѣе, мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы не допустить врага перейти наши границы. Русскія войска исполнятъ возложенный на нихъ тяжелый долгъ. Общество должно довѣриться высшей власти и арміи. Но было бы весьма желательно, чтобы общество со своей стороны тоже прониклось чувствомъ долга къ отечеству. — Солнцевъ поднялъ брови и на лежащемъ передъ нимъ чистомъ листѣ бумаги нарисовалъ квадратъ. — Я понимаю, что чувство патріотизма среди нѣкоторыхъ круговъ нѣсколько осложнено. Но опасность настолько серьез-

на, что — я увѣренъ — всѣ споры и счеты будутъ отложены до лучшаго времени. Россійская имперія даже въ двѣнадцатомъ году не переживала столь остраго момента. Вотъ все, что я бы хотѣлъ, чтобы вы отмѣтили. Затѣмъ, нужно привести въ извѣстность, что имѣющіеся въ распоряженіи правительства военные лазареты не смогутъ вмѣстить всего количества раненыхъ. Поэтому и съ этой стороны обществу нужно быть готовымъ къ широкой помощи...

— Простите, полковникъ, я не понимаю — какое же можетъ быть количество раненыхъ?

Солнцевъ опять поднялъ брови и нарисовалъ въ квадратѣ кругъ:

— Мнѣ кажется, въ ближайшія недѣли нужно ожидать тысячъ двѣсти пятьдесятъ — триста.

Антошка Арнольдовъ проглотилъ слюну, записалъ цифры и спросилъ совсѣмъ уже почтительно:

— Сколько же нужно считать убитыхъ въ такомъ случаѣ?

— Обычно мы считаемъ десять процентовъ отъ количества раненыхъ.

— Ага, благодарю васъ.

Солнцевъ поднялся. Антошка быстро пожалъ ему руку и, растворяя дубовую дверь, столкнулся съ входившимъ Атлантомъ, чахоточнымъ, взлохмаченнымъ журналистомъ въ помятомъ пиджакѣ, и уже со вчерашняго дня не пившимъ водки.

— Полковникъ, я къ вамъ насчетъ войны, — проговорилъ Атлантъ, прикрывая ладонью грязную грудь рубашки.

— Милости просимъ.

Изъ Главнаго Штаба Арнольдовъ вышелъ на

Дворцовую площадь, надѣлъ шляпу и стоялъ нѣкоторое время, прищурясь. — Война до побѣднаго конца, — пробормоталъ онъ сквозь зубы, — держитесь теперь, старыя калоши, мы вамъ покажемъ «пораженчество».

На огромной, чисто выметенной площади, съ гранитнымъ, грузнымъ столпомъ Александра, повсюду двигались небольшія кучки бородатыхъ, нескладныхъ мужиковъ. Слышались рѣзкіе выкрики команды. Мужики строились, перебѣгали, ложились. Въ одномъ мѣстѣ человѣкъ пятьдесятъ ихъ, поднявшись съ мостовой, закричали нестройно: «уряяя», — и побѣжали спотклиевой рысью... «Стой. Смирно... Сволочи, сукины дѣти!..» — перекричалъ ихъ чей-то осипшій голосъ. Въ другомъ мѣстѣ было слышно: «Добѣгишь — и коли его въ туловище, а штыкъ сломалъ — бей прикладомъ».

Это были тѣ самые корявые мужики съ бородами вѣникомъ, въ лаптяхъ и рубахахъ, съ проступавшей на лопаткахъ солью, которые двѣсти лѣтъ тому назадъ приходили на эти топкіе берега строить городъ. Сейчасъ ихъ снова вызвали — поддержать плечами дрогнувшій столбъ Имперіи.

Антошка повернулъ на Невскій, все время думая о своей статьѣ. Посреди улицы, подъ завывавшій, какъ осенній вѣтеръ, свистъ флейтъ, шли двѣ роты въ полномъ походномъ снаряженіи, съ мѣшками, котелками и лопатами. Широкоскулыя лица солдатъ были усталыя и покрыты пылью. Маленькій офицеръ въ зеленой рубашкѣ, съ новенькими ремнями — крестъ на крестъ — поминутно поднимаясь на цыпочки, оборачивался и выкатывалъ глаза: «Правой. Правой!» Какъ сквозь сонъ, шумѣлъ нарядный, сверкающій экипажами и стеклами, Невскій. «Пра-

вой. Правой. Правой». Мѣрно покачиваясь, вслѣдъ за маленькимъ офицеромъ шли покорные, тяжелоногіе мужики. Ихъ догналъ вороной рысакъ, брызгая пѣной. Широкозадый кучеръ осадилъ его. Въ коляскѣ поднялась красивая дама и глядѣла на проходившихъ солдатъ. Вдругъ рука ея въ бѣлой перчаткѣ стала крестить ихъ, и слезы текли у нея по лицу.

Солдаты прошли, ихъ заслонилъ потокъ экипажей. На тротуарахъ было жарко и тѣсно, и всѣ словно чего-то ожидали. Прохожіе останавливались, слушали какіе-то разговоры и выкрики, протискивались, спрашивали, въ возбужденіи отходили къ другимъ кучкамъ. Повсюду свертывались водовороты людей, начиналась давка.

Безпорядочное движеніе понемногу опредѣлялось, — толпы уходили съ Невскаго на Морскую. Тамъ уже двигались прямо по улицѣ. Пробѣжали, молча и озабоченно, какіе-то мелкорослые парни. На перекресткѣ полетѣли шапки, замахали зонтики. «Урра. Урра!» — загудѣло по Морской. Пронзительно свистѣли мальчишки. Повсюду въ остановленныхъ экипажахъ стояли нарядныя женщины. Толпа валила валомъ къ Исакіевской площади, разливалась по ней, лѣзла черезъ рѣшетку сквера. Всѣ окна и крыши были полны народомъ. Какъ муравейникъ, шевелились головы между колоннами Исакія. И всѣ эти десятки тысячъ людей глядѣли туда, гдѣ изъ верхнихъ оконъ матово-краснаго, тяжелаго зданія германскаго посольства вылетали клубы дыма. За разбитыми стеклами перебѣгали какіе-то люди, швыряли въ толпу пачки бумагъ, и онѣ, разлетаясь въ воздухѣ, медленно падали. Съ каждымъ клубомъ дыма, съ каждой новой вещью, выброшен-

ной изъ оконъ, — по толпѣ проходилъ ревъ. Но вотъ на фронтонѣ дома, гдѣ два бронзовыхъ великана держали подъ уздцы коней, появились тѣ же хлопотливые человѣчки. Толпа затихла, и послышались металлическіе удары молотковъ. Правый изъ великановъ качнулся и рухнулъ на тротуаръ. Толпа завыла, кинулась къ нему, началась давка, бѣжали отовсюду. «Въ Мойку ихъ! Въ Мойку окаянныхъ!» Повалилась и вторая статуя. Антошку Арнольдова схватила за плечо какая-то полная дама въ пенснэ и кричала ему: «Всѣхъ ихъ перетопимъ, молодой человѣкъ!» Толпа двинулась къ Мойкѣ. Послышались пожарные рожки, и вдалекѣ засверкали мѣдные шлемы. Изъ-за угловъ выдвинулась конная полиція. И вдругъ, среди бѣгущихъ и кричащихъ, Арнольдовъ увидѣлъ страшно блѣднаго человѣка, безъ шляпы, съ неподвижно-раскрытыми стеклянными глазами. Онъ узналъ Безсонова и подошелъ къ нему.

— Вы были тамъ? — сказалъ Безсоновъ, — я слышалъ, какъ убивали.

— Развѣ было убійство? Кого убили?

— Не знаю.

Безсоновъ отвернулся и неровной походкой, какъ невидящій, пошелъ по площади. Остатки толпы отдѣльными кучками бѣжали теперь на Невскій, гдѣ начинался погромъ кофейни Рейтера.

Въ тотъ же вечеръ Антошка Арнольдовъ, стоя у конторки въ одной изъ прокуренныхъ комнатъ редакціи, быстро писалъ на узкихъ полосахъ бумаги:

... «Сегодня мы видѣли весь размахъ и красоту народнаго гнѣва. Необходимо отмѣтить, что въ погребахъ германскаго посольства не было выпито

ни одной бутылки вина, — все разбито и вылито въ Мойку. Примиреніе невозможно. Мы будемъ воевать до побѣднаго конца, какихъ бы жертвъ это намъ ни стоило. Нѣмцы расчитывали застать Россію спящей, но при громовыхъ словахъ: — «Отечество въ опасности», — народъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ. Гнѣвъ его будетъ ужасенъ. Отечество, — могучее, но забытое нами, слово. Съ первымъ выстрѣломъ германской пушки оно ожило во всей своей дѣвственной красотѣ и огненными буквами засіяло въ сердцѣ каждаго изъ насъ»...

Антошка зажмурился, мурашки пошли у него по спинѣ. Какія слова приходится писать! Не то, что двѣ недѣли тому назадъ, когда ему было поручено составить обзоръ лѣтнихъ развлеченій. И онъ вспомнилъ, какъ въ Буффѣ выходилъ на эстраду человѣкъ, одѣтый свиньей, и пѣлъ: — «Я поросенокъ, и не стыжусь. Я поросенокъ, и тѣмъ горжусь. Моя маманъ была свинья, похожъ на маму очень я...»

... «Мы вступаемъ въ героическую эпоху. Довольно мы гнили заживо. Война наше очищеніе», — писалъ Антошка, брызгая перомъ.

Несмотря на сопротивленіе пораженцевъ во главѣ съ Бѣлосвѣтовымъ, статья Арнольдова была напечатана. Уступку прежнему сдѣлали только въ томъ, что помѣстили ее на третьей страницѣ и подъ академическимъ заглавіемъ: «Въ дни войны». Сейчасъ же въ редакцію стали приходить письма отъ читателей, — одни выражали восторженное удовлетвореніе по поводу статьи, другіе — горькую иронію. Но первыхъ было гораздо больше. Антошкѣ прибави-

ли построчную плату и, спустя недѣлю, вызвали въ кабинетъ главнаго редактора, гдѣ, сѣдой и румяный, пахнущій англійскимъ одеколономъ, Василій Васильевичъ, предложивъ Антошкѣ кресло, сказалъ:

— Вамъ нужно ѣхать въ деревню.

— Слушаюсь.

— Мы должны знать, что думаютъ и говорятъ мужики. Отъ насъ этого требуютъ. — Онъ ударилъ ладонью по большой пачкѣ писемъ. — Въ интеллигенціи проснулся огромный интересъ къ деревнѣ. Мы должны имъ дать живое, непосредственное впечатлѣніе объ этомъ сфинксѣ.

— Результаты мобилизаціи указываютъ на огромный патріотическій подъемъ, Василій Васильевичъ.

— Знаю. Но откуда онъ, чортъ возьми, у нихъ взялся? Поѣзжайте, куда хотите, послушайте и поспрошайте. Къ субботѣ я жду отъ васъ 500 строкъ деревенскихъ впечатлѣній.

Изъ редакціи Антошка пошелъ на Невскій, гдѣ купилъ дорожный, военнаго фасона, костюмъ, желтыя краги и фляжку, позавтракалъ у Альберта и пришелъ къ рѣшенію, что, проще всего, поѣхать ему въ деревню Хлыбы, гдѣ этимъ лѣтомъ у своего брата Кія гостила Елизавета Кіевна. Вечеромъ онъ занялъ мѣсто въ купэ международнаго вагона, закурилъ сигару и, вытянувъ ноги, подумалъ: «жизнь!»

Деревня Хлыбы, въ шестьдесятъ слишкомъ дворовъ, съ заросшими крыжовникомъ огородами и старыми липами посреди улицы, съ большимъ, на бугоркѣ, зданіемъ школы, передѣланнымъ изъ помѣщичьяго дома, лежала въ низинкѣ, между болотомъ и рѣченкой Свинюхой, и вся вокругъ густо за-

росла крапивой и лопухомъ. Деревенскій надѣлъ былъ небольшой, земля тощая, мужики почти всѣ ходили въ Москву на промыслы.

Когда Арнольдовъ, подъ вечеръ, въѣхалъ на плетушкѣ въ деревню — его удивила тишина. Только кудахтнула глупая курица, выбѣжавъ изъ подъ лошадиныхъ ногъ, зарычала подъ амбаромъ старая собака, да гдѣ-то на рѣчкѣ колотилъ валекъ, да бодались два барана посреди улицы, стучали рогами.

Арнольдовъ вылѣзъ около каменныхъ воротъ, съ облупленными львами, стоящими посреди лужайки, расплатился съ глухимъ старичкомъ, привезшимъ его со станціи, и пошелъ по тропинкѣ туда, гдѣ за прозрачной зеленью березъ виднѣлись бѣлыя колонки школы. Тамъ, на крыльцѣ на полусгнившихъ ступеняхъ, сидѣли Кій Кіевичъ — учитель — и Елизавета Кіевна и, не спѣша, бесѣдовали. Внизу по лугу протянулись отъ огромныхъ ветелъ длинныя тѣни. Переливаясь, летали темнымъ облачкомъ скворцы. Игралъ вдалекѣ рожокъ, собирая стадо. Нѣсколько красныхъ коровъ вышли изъ тростника, и одна, поднявъ морду, заревѣла. Кій Кіевичъ, очень похожій на сестру, съ такими же нарисованными глазами, но не добрыми и въ очкахъ, говорилъ, кусая соломинку:

— Ты, Лиза, ко всему тому чрезвычайно не организована въ области половой сферы. Типы, подобные тебѣ, — суть отвратительные отбросы буржуазной культуры. Для революціонной работы ты совершенно не годна.

Елизавета Кіевна съ лѣнивой улыбкой глядѣла туда, гдѣ на лугу въ свѣтѣ опускающагося солнца желтѣли и теплѣли трава и тѣни.

— Уѣду въ Африку, — сказала она — вотъ увидишь, Кій, уѣду въ Африку. Меня давно туда зовутъ подымать возстаніе у негровъ.

— Не вѣрю, и считаю негритянскую революцію несвоевременной и глупой затѣей.

— Ну, это мы тамъ увидимъ...

— Происходящая сейчасъ европейская война должна окончиться тѣмъ, что международный пролетаріатъ возьметъ въ свои руки инициативу соціальной революціи. Мы должны къ этому готовиться и не тратить силъ на чисто политическія выступленія. Тѣмъ болѣе негры — это вздоръ.

— Удивительно тебя скучно слушать, Кій, все ты наизусть выучилъ, все тебѣ ясно, какъ по книжкѣ.

— Каждый человѣкъ, Лиза, долженъ заботиться о томъ, чтобы привести всѣ свои идеи въ порядокъ и систему, а не о томъ, чтобы скучно, или не скучно разговаривать.

— Ну, и заботься на здоровье.

Подобныя бесѣды братъ и сестра вели, обычно, по цѣлымъ днямъ, — дѣлать обоимъ было нечего. Когда Елизаветѣ Кіевнѣ хотѣлось острыхъ ощущеній, она начинала говорить несправедливыя вещи. Кій Кіевичъ сдерживался, хмурился, затѣмъ кричалъ на сестру глухимъ голосомъ. Она, выслушавъ всѣ упреки, молча плакала, потомъ уходила на рѣчку купаться.

Сегодня вечеръ былъ тихъ. Неподвижно передъ крыльцомъ висѣли зелено-прозрачныя вѣтви плакучихъ березъ. Тыркалъ дергачъ въ травѣ подъ горою. Кій Кіевичъ говорилъ о томъ, что Лизѣ пора остепениться и начать полезную дѣятельность. Она же, глядя близорукими глазами на расплывавшіяся очертанія деревьевъ въ оранжевомъ закатѣ, думала,

какъ она будетъ жить среди освобожденныхъ негровъ, боготворимая ими, и какъ объ этомъ услышитъ Иванъ Ильичъ Телѣгинъ, пріѣдетъ къ ней и скажетъ: «Лиза, я васъ никогда не понималъ. Вы удивительная и обаятельная женщина».

Въ это время Антошка Арнольдовъ, подойдя къ крыльцу, поставилъ чемоданъ и сказалъ:

— Лиза, вотъ и я. Не ждали? Здравствуйте, моя пышная женщина, — онъ поцѣловалъ ее въ щеку, — во-первыхъ я хочу ѣсть, затѣмъ мнѣ нуженъ огромный матерьялъ, — къ субботѣ я долженъ сдать фельетонъ. Это — вашъ братъ? Его-то мнѣ и нужно.

Антошка обѣими руками потрясъ руку Кію Кіевичу, усѣлся на лѣстницѣ, вытянулъ ноги въ желтыхъ крагахъ и закурилъ трубку:

— Скажите, Кій Кіевичъ, что въ вашихъ Хлыбахъ думаютъ и говорятъ о войнѣ?

Кій Кіевичъ, принявшій, на всякій случай, обиженный и скучающій видъ, чтобы какъ-нибудь не заподозрили, будто на него могутъ произвести впечатлѣніе разные авторитеты — столичные писатели, поковырялъ въ зубахъ соломинкой, сморщилъ кожу на лбу:

— Я думаю, — отвѣтилъ онъ, — что война цинично инсценирована международнымъ капиталомъ. Германію отдѣльно винить не въ чемъ. Пролетаріатъ былъ вынужденъ, — временно конечно, — встать на патріотическую платформу.

— Я бы хотѣлъ услышать, Кій Кіевичъ, что говорятъ сами мужики.

— А чортъ ихъ знаетъ. Я имъ старался растолковывать соціально-экономическую подкладку войны, — куда тамъ. Темнота такая, что даже надежды нѣтъ никакой на этотъ классъ.

— Ну, а все-таки что-нибудь да они тамъ говорятъ?

— Подите сами на деревню, послушайте. Для стишковъ, или для новеллы можетъ пригодиться.

Кій Кіевичъ, обидѣвшись, замолчалъ. Солнце садилось въ сизо-лиловую, длинную тучу. Померкли тѣни отъ ветелъ на лугу. И во всей нѣжно задымившейся рѣчной низинѣ, все шире и дружнѣй, застонали, заухали печальные голоса лягушекъ.

— У насъ замѣчательныя лягушки, — сказала Елизавета Кіевна. Кій Кіевичъ покосился на нее и пожалъ плечами. Изъ-за угла вышла стряпуха и позвала ужинать.

Въ сумерки Антошка и Елизавета Кіевна пошли на деревню. Августовскія созвѣздія высыпали по всему холодѣющему небу. Внизу, въ Хлыбахъ, было сыровато, пахло еще не осѣвшей пылью отъ стада и парнымъ молокомъ. Кое-гдѣ у воротъ стояли распряженныя телѣги. Подъ липами, гдѣ было совсѣмъ темно, скрипѣлъ журавель колодца, фыркнула лошадь, и было слышно, какъ пила, отдуваясь. На открытомъ мѣстѣ, у деревянной амбарушки, накрытой, какъ колпакомъ, соломенной крышей, на бревнахъ сидѣли три дѣвки и напѣвали негромко. Елизавета Кіевна и Антошка подошли и тоже сѣли, въ сторонѣ, на бревна.

«Хлыбы то деревня
Всѣмъ она украшена —
Стульями, букетами,
Дѣвченочки патретами»...

Пѣли дѣвки. Одна изъ нихъ, крайняя, обернувшись къ подошедшимъ, сказала тихо:

— Что-же дѣвки, спать, что-ли пора.

И онѣ сидѣли, не двигаясь. Въ амбарушкѣ кто-то возился, потомъ скрипнула дверца и наружу вышелъ небольшого роста лысый мужикъ въ разстегнутомъ полушубкѣ; кряхтя, долго запиралъ висячій замокъ, потомъ подошелъ къ дѣвкамъ, положилъ руки на поясницу и вытянулъ козлиную бороду:

— Соловьи-птицы все поете?

— Поемъ, да не про тебя, дядя Федоръ.

— А вотъ я васъ сейчасъ кнутомъ отсюда ... Каки таки порядки — по ночамъ пѣсни пѣть...

— Я тебѣ завидно?

И другая сказала со вздохомъ:

— Только намъ и осталось, дядя Федоръ, про Хлыбы-то наши пѣть.

— Да, плохо ваше дѣло. Осиротѣли.

Федоръ присѣлъ около дѣвокъ. Ближняя къ нему сказала:

— Народу, нонче Козьмодемьянскія бабы сказывали, народу на войну забрали — полъ свѣта.

— Скоро, дѣвки, и до васъ доберутся.

— Это насъ-то на войну?

— Велѣно всѣхъ бабъ въ солдаты забрить. Только отъ васъ духъ въ походѣ очень чижолый.

Дѣвки засмѣялись, и крайняя опять спросила:

— Дядя Федоръ, съ кѣмъ у нашего царя война?

— Съ европейцемъ.

Дѣвки переглянулись, одна вздохнула, другая поправила полушалку, крайняя проговорила:

— Такъ намъ и Козьмодемьянскія бабы сказывали, что, молъ съ европейцемъ.

— Дядя Федоръ, а гдѣ же онъ обитаетъ?

— Около моря большую частью находится.

Тогда изъ-за бревенъ, изъ травы, поднялась лохматая голова и прохрипѣла, натягивая на себя полушубокъ:

— А ты — будетъ тебѣ молоть. Какой европеецъ, съ Нѣмцемъ у насъ война.

— Все можетъ быть, — отвѣтилъ Федоръ.

Голова опять скрылась. Антошка Арнольдовъ, вынувъ папиросницу, предложилъ Федору папироску и затѣмъ спросилъ осторожно...

— А что, скажите, изъ вашей деревни охотно пошли на войну?

— Охотой многіе пошли, господинъ.

— Былъ, значитъ, подъемъ?

— Да, поднялись. Пища, говорятъ, въ полку сытная. Отчего не пойти. Все-таки посмотритъ — какъ тамъ и что. А убьютъ — все равно и здѣсь помирать. Землишка у насъ совсѣмъ скудная, приработки плохіе, перебиваемся съ хлѣба на квасъ. А тамъ, всѣ говорятъ, — пища очень хорошая, два раза въ день мясо ѣдятъ и сахаръ казенный, и чай, и табакъ, — сколько хочешь кури.

— А развѣ не страшно воевать?

— Какъ не страшно, конечно — страшно.

XV

Телѣги, покрытыя брезентами, воза съ соломой и сѣномъ, санитарныя повозки, огромныя корыта понтоновъ, покачиваясь и скрипя, двигались по широкому, залитому жидкой грязью, шоссе. Не пере-

ставая лилъ дождь, косой и мелкій. Борозды пашенъ и канавы, съ боковъ дороги, были полны водой. Вдали неясными очертаніями стояли деревья и перелѣски. Дулъ рѣзкій вѣтеръ, и надъ разбухшими, бурыми полями летѣли, клубясь, рваныя тучи.

Подъ крики и ругань, щелканье кнутовъ и трескъ осей объ оси, въ грязи и дождѣ, двигались сплошной лавиной обозы наступающей русской арміи. Съ боковъ пути валялись дохлыя и издыхающія лошади, торчали кверху колесами опрокинутыя телѣги. Иногда въ двигающійся этотъ потокъ врывался военный автомобиль. Начинались крики, кряканье, лошади становились на дыбы, валилась подъ откосъ груженая телѣга, горохомъ скатывались вслѣдъ за ней обозные.

Далѣе, гдѣ прерывался потокъ экипажей, шли, растянувшись на далеко, скользили по грязи солдаты въ накинутыхъ на спины мѣшкахъ и палаткахъ. Въ нестройной ихъ толпѣ двигались воза съ поклажей, съ ружьями, торчащими во всѣ стороны, со скорченными наверху денщиками. Время отъ времени съ шоссе на поле сбѣгалъ человѣкъ и, положивъ винтовочку на траву, присаживался на корточки.

Далѣе опять колыхались воза, понтоны, повозки, городскіе экипажи съ промокшими въ нихъ фигурами въ офицерскихъ плащахъ. Этотъ грохочущій потокъ то сваливался въ лощину, тѣснился, оралъ, и дрался на мостахъ, то медленно вытягивался въ гору и пропадалъ за перекатомъ. Сбоковъ въ него вливались новые обозы съ хлѣбомъ, сѣномъ и снарядами. По полю, перегоняя, проходили небольшія кавалерійскія части.

Иногда въ обозы съ трескомъ и желѣзнымъ гро-

хотомъ врѣзалась артиллерія. Огромныя, грудастыя лошади и ѣздовые на нихъ, съ бородатыми, свирѣпыми лицами, хлеща по лошадямъ и по людямъ, какъ плугомъ расчищали шоссе, волоча за собой подпрыгивающія, тупорылыя пушки. Отовсюду бѣжали люди, вставали на возахъ, махали руками. И опять смыкалась рѣка, вливалась въ лѣсъ, остро пахнущій грибами, прѣлыми листьями и весь мягко шумящій отъ дождя.

Далѣе, съ обѣихъ сторонъ дороги, торчали изъ мусора и головешекъ печныя трубы, качался разбитый фонарь, на кирпичной стѣнѣ развороченнаго снарядами дома хлопала пестрая афиша синематографа. И здѣсь же, въ телѣгѣ безъ переднихъ колесъ, лежалъ раненый, въ голубомъ капотѣ, — желтое личико съ кулачекъ, мутные тоскливые глаза.

Верстахъ въ двадцати пяти отъ этихъ мѣстъ глухо перекатывался по дымному горизонту громъ орудій. Туда вливались эти войска и обозы день и ночь. Туда со всей Россіи тянулись поѣзда, груженые хлѣбомъ, людьми и снарядами. Вся страна всколыхнулась отъ грохота пушекъ. Наконецъ, настала воля всему, что, въ запретѣ и духотѣ, копилось въ ней жаднаго, неутоленнаго, грѣшнаго, злого.

Населеніе городовъ, пресыщенное и расхлябанное обезображенной нечистой жизнью, словно очнулось отъ душнаго сна. Въ грохотѣ пушекъ былъ освѣжающій голосъ міровой грозы. Стало казаться, что прежняя жизнь невыносима далѣе. Населеніе со злорадной яростью привѣтствовало войну.

Въ деревняхъ много не спрашивали — съ кѣмъ война и за что, — не все-ли было равно. Уже давно злоба и ненависть кровавымъ туманомъ застилали

глаза. Время страшнымъ дѣламъ приспѣло. Парни и молодые мужики, побросавъ бабъ и дѣвокъ, расторопные и жадные, набивались въ товарные вагоны, со свистомъ и похабными пѣснями проносились мимо городовъ. Кончилось старое житье, — Россію, какъ большой ложкой, начало мѣшать и мутить, все тронулось, сдвинулось и опьянѣло густымъ хмелемъ войны.

Доходя до громыхающей на десятки верстъ полосы боя, обозы и воинскія части разливались и таяли. Здѣсь кончалось все живое и человѣческое. Каждому отводилось мѣсто въ землѣ, въ окопѣ. Здѣсь онъ спалъ, ѣлъ, давилъ вшей, и до одури «хлесталъ» изъ винтовки въ полосу дождевой мглы.

По почамъ по всему горизонту багровыми, высокими заревами медленно мигали пожарища, искряные шнуры ракетъ чертили небо, разсыпались звѣздами, съ настигающимъ воемъ налетали снаряды, били въ землю и взрывались столбами огня, дыма и пыли.

Здѣсь сосало въ животѣ отъ тошнаго страха, съеживалась кожа и поджимались пальцы. Близъ полночи раздавались сигналы. Пробѣгали офицеры съ трясущимися губами. Руганью, крикомъ, побоями поднимали опухшихъ отъ сна и сырости солдатъ. И, спотыкаясь, съ матерной бранью и воемъ, бѣжали нестройныя кучки людей по полю, ложились, вскакивали и, оглушенные, обезумѣвшіе, потерявшіе память отъ ужаса и злобы, врывались въ окопы враговъ.

И потомъ никогда никто не помнилъ, что дѣлалось тамъ, въ этихъ окопахъ. Когда хотѣли похвастаться геройскими подвигами, — какъ всаженъ былъ штыкъ, какъ подъ ударомъ приклада хряснула

голова, вылетѣлъ мозгъ, — приходилось врать. Отъ ночного дѣла оставались трупы, да отобранные у нихъ табакъ, одѣяла и кофей.

Наступалъ новый день, подъѣзжали кухни. Вялые и прозябшіе солдаты ѣли и курили. Потомъ разговаривали о дерьмѣ, о бабахъ, и тоже много врали. Искали вшей и спали. Спали цѣлыми днями въ этой оголенной, загаженной испражненіями и кровью полосѣ грохота и смерти.

Точно такъ же, въ грязи и сырости, не раздѣваясь и по недѣлямъ не снимая сапогъ, жилъ и Телѣгинъ. Армейскій полкъ, куда онъ зачислился прапорщикомъ, наступалъ съ боями. Больше половины офицерскаго и солдатскаго состава было выбито, пополненій они не получали, и всѣ ждали только одного: когда ихъ — полуживыхъ отъ усталости и обносившихся, — отведутъ въ тылъ.

Но высшее командованіе стремилось до наступленія зимы, во что бы то ни стало, вторгнуться черезъ Карпаты въ Венгрію и опустошить ее. Людей не щадили, — человѣческихъ запасовъ было много. Казалось, что этимъ длительнымъ напряженіемъ третій мѣсяцъ непрекращающагося боя будетъ сломлено сопротивленіе отступающихъ въ безпорядкѣ австрійскихъ армій, падутъ Краковъ и Вѣна, и лѣвымъ крыломъ русскіе смогутъ ударить въ незащищенный тылъ Германіи.

Слѣдуя этому плану, русскія войска безостановочно шли на западъ, захватывая десятки тысячъ плѣнныхъ, огромные запасы продовольствія, снарядовъ, оружія и одежды. Въ прежнихъ войнахъ лишь часть подобной добычи, лишь одно изъ этихъ не-

прерывныхъ, кровавыхъ сраженій, гдѣ ложились цѣлые корпуса, рѣшило бы участь кампаніи. И, несмотря даже на то, что въ первыхъ же битвахъ погибли регулярныя арміи, ожесточеніе только росло. Ненависть становилась высшимъ проявленіемъ добродѣтели. На войну, по волѣ и по неволѣ, шли всѣ, отъ дѣтей до стариковъ, весь народъ. Было что то въ этой войнѣ выше человѣческаго пониманія. Казалось, врагъ разгромленъ, изошелъ кровью, еще усиліе и будетъ рѣшительная побѣда. Усиліе совершалось, но на мѣстѣ растаявшихъ армій врага выростали новыя, съ унылымъ упрямствомъ шли на смерть и гибли. Ни татарскія орды, ни полчища персовъ не дрались такъ жестоко и не умирали такъ легко, какъ слабые тѣломъ, изнѣженные европейцы, или хитрые русскіе мужики, видѣвшіе, что они только безсловесный скотъ, — мясо въ этой бойнѣ, затѣянной господами. Это упорство народовъ, разбивавшее всѣ планы высшихъ командованій, заставляло думать, что въ войнѣ была какая-то иная цѣль, чѣмъ побѣда той или иной стороны. Но цѣль эта была до времени скрыта отъ пониманія.

Остатки полка, гдѣ служилъ Телѣгинъ, окопались по берегу узкой и глубокой рѣчки. Позиція была дурная, вся на виду и окопы мелкіе. Въ полку съ часу на часъ ожидали приказа къ наступленію, и пока всѣ были рады выспаться, переобуться, отдохнуть, хотя съ той стороны рѣчки, гдѣ въ траншеяхъ сидѣли австрійскія части, шелъ сильный ружейный обстрѣлъ.

Подъ вечеръ, когда часа на три, какъ обычно, огонь затихъ, Иванъ Ильичъ пошелъ въ штабъ

полка, помѣщавшійся въ покинутомъ замкѣ, верстахъ въ двухъ отъ позиціи.

Бѣлый, лохматый туманъ лежалъ по всей извивающейся въ заросляхъ рѣчкѣ и вился въ прибрежныхъ кустахъ. Было тихо, сыро и пахло мокрыми листьями. Изрѣдка по водѣ глухимъ шаромъ катился одинокій выстрѣлъ.

Иванъ Ильичъ перепрыгнулъ черезъ канаву на шоссе, остановился и закурилъ. Съ боковъ, въ туманѣ, стояли облетѣвшія, огромныя деревья, казавшіяся чудовищно высокими. По сторонамъ ихъ на топкой низинѣ было словно разлито молоко. Въ тишинѣ жалобно свистнула пулька. Иванъ Ильичъ глубоко вздохнулъ и зашагалъ по хрустящему гравію, посматривая вверхъ на призрачныя вершины и вѣти. Отъ этого покоя и отъ того, что онъ одинъ идетъ и думаетъ — въ немъ все отдыхало, отходилъ трескучій шумъ дня, и въ сердце понемногу пробиралась тонкая, пронзительная грусть. Онъ еще разъ вздохнулъ, бросилъ папиросу, заложилъ руки за шею и такъ шелъ, словно въ чудесномъ мірѣ, гдѣ были только призраки деревьевъ, его живое, изнывающее любовью, сердце и незримая, все это пронизывающая прелесть Даши.

Даша была съ нимъ въ этотъ часъ отдыха и тишины. Онъ чувствовалъ ея прикосновеніе каждый разъ, когда затихали желѣзный вой снарядовъ, трескотня ружей, крики, ругань, всѣ эти лишнія въ божественномъ мірозданіи звуки, когда можно было уткнуться гдѣ-нибудь въ углу землянки, закутавъ голову шинелью, и тогда словно непередаваемая прелесть входила въ него, касалась сердца. Даша была съ нимъ всегда, вѣрная и строгая.

Ивану Ильичу казалось, что, если придется уми-

рать, — до послѣдней минуты онъ будетъ испытывать это счастье соединенія, и, освободившись отъ себя, — утонетъ, воскреснетъ въ немъ. Онъ не думалъ о смерти и не боялся ея. Ничто теперь не могло оторвать его отъ изумительнаго состоянія жизни, даже смерть.

Этимъ лѣтомъ, подъѣзжая къ Евпаторіи, чтобы въ послѣдній разъ, какъ ему казалось, взглянуть на Дашу, Иванъ Ильичъ трусилъ, волновался и придумывалъ всевозможныя извиненія. Но встрѣча на дорогѣ, неожиданныя слезы Даши, ея свѣтловолосая голова, прижавшаяся къ нему, ея волосы, руки, плечи, пахнущія моремъ, ея заплаканный ротъ, сказавшій, когда она подняла къ нему лицо съ зажмуренными, мокрыми рѣсницами: — «Иванъ Ильичъ, милый, какъ я ждала васъ», — всѣ эти свалившіяся какъ съ неба, несказанныя вещи, тамъ-же, на дорогѣ у моря, перевернули въ нѣсколько минутъ всю жизнь Ивана Ильича. Вмѣсто всякихъ объясненій онъ сказалъ, спокойно и твердо глядя въ любимое лицо, взволнованно дрогнувшее испугомъ:

— На всю жизнь люблю васъ.

Впослѣдствіи ему даже казалось, что онъ, быть можетъ, и не выговорилъ этихъ словъ, только подумалъ, и она поняла. Даша опустила голову и, снявъ съ его плечъ руки, проговорила:

— Мнѣ нужно очень многое вамъ сообщить. Пойдемте.

Они пошли и сѣли у воды, на пескѣ. Даша взяла горсть камешковъ и, не спѣша, кидала ихъ въ воду.

— Дѣло въ томъ, что еще вопросъ — сможете-ли вы-то ко мнѣ хорошо относиться, когда узнаете

про все, — сказала она и краешкомъ глаза увидѣла, что Иванъ Ильичъ медленно поблѣднѣлъ и сжалъ ротъ. — Хотя все равно, относитесь, какъ хотите. — Она вздохнула и обѣими кулачками подперла подбородокъ. Глаза ея опять налились слезами; съ досадой она вытерла ихъ прямо рукой.

— Безъ васъ я очень не хорошо жила, Иванъ Ильичъ. Если можете — простите меня.

И она начала разсказывать все, честно и подробно, — о Самарѣ и о томъ, какъ пріѣхала сюда и встрѣтила Безсонова и у нея пропала охота жить — такъ стало омерзительно отъ всего этого петербургскаго чада, который снова поднялся, отравилъ кровь, разжегъ любопытствомъ...

— До какихъ еще поръ было топорщиться? Слава Богу, — двадцать лѣтъ, такая же баба, какъ всѣ. Захотѣлось сѣсть въ грязь — туда и дорога. А, вотъ, все-таки, струсила въ послѣднюю минуту... Ненавижу себя... Иванъ Ильичъ, милый... — Даша всплеснула руками. — Помогите мнѣ. Не хочу, не могу больше ненавидѣть себя... Я дурная, нечистая, грѣшная, да, да, да... Но вѣдь не все же во мнѣ погибло... Я любить хочу, милый мой...

Послѣ этого разговора Даша легла на пескѣ и молчала очень долго. Иванъ Ильичъ глядѣлъ, не отрываясь, на сіяющую солнцемъ зеркальную, голубоватую воду, — душа его, наперекоръ всему, заливалась счастьемъ. Когда онъ рѣшился взглянуть на Дашу — она спала, чуть чуть пріоткрывъ ротъ, какъ ребенокъ.

О томъ, что началась война, и Телѣгинъ долженъ ѣхать завтра догонять полкъ, Даша сообразила только потомъ, когда отъ поднявшагося вѣтра волною ей замочило ноги, — она вздохнула, проснулась,

сѣла и, взглянувъ на Ивана Ильича, нѣжно, изумленно улыбнулась.

— Иванъ Ильичъ?

— Да.

— Вы хорошо ко мнѣ относитесь?

— Да.

— Очень?

— Да.

Тогда она подползла къ нему по песку на колѣняхъ, сѣла рядомъ, поворочалась и положила руку ему въ руку, такъ же, какъ тогда на пароходѣ.

— Иванъ Ильичъ, я тоже — да.

Крѣпко сжавъ его задрожавшіе пальцы, она спросила, послѣ молчанія:

— Что вы мнѣ сказали тогда, на дорогѣ?... — Она сморщила лобъ. — Какая война? Съ кѣмъ?

— Съ нѣмцами.

— Ну, а вы?

— Уѣзжаю завтра.

Даша ахнула и замолчала. Издали, по берегу, къ нимъ бѣжалъ въ смятой полосатой пижамѣ, очевидно только что выскочившій изъ кровати, Николай Ивановичъ, останавливался, весь красный, взмахивалъ газетнымъ листомъ и кричалъ что-то.

На Ивана Ильича онъ не обратилъ вниманія. Когда же Даша сказала: — «Николай, это мой самый большой другъ», — Николай Ивановичъ схватилъ Телѣгина за пиджакъ и, потрясая, заоралъ въ лицо:

— Не забывайте, милостивый государь, что я, прежде всего, — патріотъ. Я не уступлю вашимъ нѣмцамъ ни вершка земли...

Весь день Даша не отходила отъ Ивана Ильича, была смирная и задумчивая. Ему же казалось, что

этотъ день, наполненный голубоватымъ свѣтомъ солнца и шумомъ моря, неимовѣрно великъ. Каждая минута будто раздвигалась въ цѣлую жизнь.

Телѣгинъ и Даша бродили по берегу, лежали на пескѣ, сидѣли на террасѣ, и были, какъ отуманенные. И, не отвязываясь, всюду за ними ходилъ Николай Ивановичъ, произнося огромныя рѣчи по поводу войны и нѣмецкаго засилья. Телѣгинъ, слушая его, кивалъ головой и думалъ: «Даша, Даша милая».

— Эхъ, батенька, — кричалъ Николай Ивановичъ, — вы просто размазня. — И обращался къ Дашѣ: — Собственными руками задушилъ бы Вильгельма.

И Даша, глядя ему въ налитые кровью глаза, думала: — «Господи, сохрани мнѣ Ивана Ильича»..

Подъ вечеръ удалось, наконецъ, отвязаться отъ Николая Ивановича. Даша и Телѣгинъ ушли одни далеко по берегу пологаго залива. Шли молча, ступая въ ногу, касаясь локтями другъ друга. И здѣсь Иванъ Ильичъ началъ думать, что нужно, все-таки, сказать Дашѣ какія-то слова. Конечно, она ждетъ отъ него горячаго и, кромѣ того, опредѣленнаго объясненія. А что онъ можетъ пробормотать? Развѣ словами выразить то, чѣмъ онъ полонъ весь, будто солнце этого дня легло ему въ грудь. Нѣтъ, этого не выразишь.

Ивану Ильичу стало грустно. «Нѣтъ, нѣтъ, — думалъ онъ, глядя подъ ноги, — если я и скажу ей эти слова — будетъ безсовѣстно: она не можетъ меня любить, но, какъ честная и добрая дѣвушка, согласится, если я предложу ей руку. Но это будетъ насиліе. И тѣмъ болѣе не имѣю права говорить, что мы разстаемся на неопредѣленное время и, по

всей вѣроятности, съ войны не вернусь... Заставлю напрасно ожидать, держать слово... Нѣтъ и нѣтъ».

Это былъ одинъ изъ приступовъ самоѣдства, свойственнаго Ивану Ильичу. Даша вдругъ остановилась и, оперевшись о его плечо, сняла съ ноги туфельку.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, — проговорила она и стала высыпать песокъ изъ туфли, потомъ надѣла ее, выпрямилась и вздохнула глубоко:

— Я знаю — я очень буду васъ любить, когда вы уѣдете, Иванъ Ильичъ.

Она положила руки ему на шею и, глядя въ глаза ясными, почти суровыми, безъ улыбки, сѣрыми глазами, вздохнула еще разъ, легко:

— Мы и тамъ будемъ вмѣстѣ, да?

Иванъ Ильичъ осторожно привлекъ ее и поцѣловалъ въ нѣжныя, дрогнувшія губы. Даша закрыла глаза. Потомъ, когда имъ обоимъ не хватило больше воздуху, Даша отстранилась, взяла Ивана Ильича подъ руку, и они пошли вдоль тяжелой и темной воды, лижущей багровыми бликами берегъ у ихъ ногъ.

Все это Иванъ Ильичъ вспоминалъ съ неуставаемымъ волненіемъ, всякій разъ въ минуты тишины. Бредя сейчасъ съ закинутыми за шею руками, въ туманѣ, по шоссе, между деревьями, онъ снова видѣлъ внимательный взглядъ Даши, испытывалъ долгій ея поцѣлуй, — дыханіе жизни.

Въ тотъ часъ (и теперь навсегда) онъ пересталъ быть однимъ. Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ поцѣловала его вечеромъ на берегу моря. И вотъ распался

свинцовый обручъ одиночества. Прежній Иванъ Ильичъ Телѣгинъ пересталъ быть. Въ ту удивительную минуту появился новый, весь до послѣдняго волоска — иной Иванъ Ильичъ. Тотъ подлежалъ уничтоженію, этотъ исчезнуть не могъ. Тотъ былъ одинъ, какъ чортъ на пустырѣ, этотъ жаждалъ шириться, множиться, принимать во взволнованное сердце все — людей, звѣрей, всю землю.

— Стой, кто идетъ? — прозябшимъ, грубымъ голосомъ проговорили изъ тумана.

— Свой, свой, — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ, опуская руки въ карманы шинели, и повернулъ подъ дубы къ неясной громадѣ замка, гдѣ въ нѣсколькихъ окнахъ желтѣлъ свѣтъ. На крыльцѣ кто-то, увидѣвъ Телѣгина, бросилъ папироску и вытянулся. «Что, почты не было»? «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ожидаемъ». Иванъ Ильичъ вошелъ въ прихожую. Въ глубинѣ ея, надъ широкой, уходящей изгибомъ вверхъ, дубовой лѣстницей висѣлъ гобеленъ, должно быть, очень старинный: — среди тонкихъ деревцовъ стояли Адамъ и Ева, она держала въ рукѣ яблоко — символъ вѣчной радости жизни, онъ — срѣзанную вѣтвь съ цвѣтами — символъ паденія и искупленія. Ихъ выцвѣтшія лица и удлиненныя тѣла неясно освѣщала свѣча, стоящая въ бутылкѣ на лѣстничной колоннѣ.

Иванъ Ильичъ отворилъ дверь направо и вошелъ въ пустую комнату съ лѣпнымъ потолкомъ, рухнувшимъ въ углу, тамъ, гдѣ вчера въ стѣну ударилъ снарядъ. У горящаго очага, на койкѣ, сидѣли поручикъ князь Бѣльскій и подпоручикъ Мартыновъ. Иванъ Ильичъ поздоровался, спросилъ, когда ожидаютъ изъ штаба автомобиль, и присѣлъ неподалеку на патронныя жестянки, щурясь отъ свѣта.

— Ну что, у васъ все пострѣливаютъ? — спросилъ Мартыновъ, почему-то насмѣшливо.

Иванъ Ильичъ не отвѣтилъ, пожалъ плечами. Князь Бѣльскій продолжалъ говорить вполголоса:

— Главное — это вонь. Я написалъ домой, — мнѣ не страшна смерть. За отечество я готовъ пожертвовать жизнью, для этого я, строго говоря, перевелся въ пѣхоту и сижу въ окопахъ, но вонь меня убиваетъ.

— Вонь — это ерунда, не нравится, не нюхай, — отвѣчалъ Мартыновъ, поправляя аксельбантъ, — а вотъ, что здѣсь нѣтъ женщинъ — это существенно. Это — просто глупо, къ добру не приведетъ. Суди самъ — командующій арміей старая песочница, и намъ здѣсь устроили монастырь, чортъ возьми, — ни водки, ни женщинъ. Развѣ это забота объ арміи, развѣ это война? Дай мнѣ женщину, — плевалъ я на тылъ. Воевать нужно весело.

Мартыновъ поднялся съ койки и сапогомъ сталъ пихать въ полѣнья. Князь задумчиво курилъ, глядя на огонь.

— Пять милліоновъ солдатъ, которые гадятъ, — сказалъ онъ, — кромѣ того, гніютъ трупы и лошади. На всю жизнь у меня останется воспоминаніе объ этой войнѣ, какъ о томъ, что дурно пахнетъ. Брр...

На дворѣ, въ это время, послышалось пыхтѣнье подкатившаго автомобиля.

— Господа, почту привезли! — крикнулъ въ дверь чей-то взволнованный голосъ. Офицеры сейчасъ-же вышли на крыльцо. Около автомобиля двигались темныя фигуры, нѣсколько человѣкъ бѣжало по двору. И чей-то хриплый голосъ повторялъ:

— «Господа, прошу не хватать изъ рукъ».

Наконецъ, мѣшки съ почтой и посылками были

внесены въ прихожую, и на лѣстницѣ, подъ Адамомъ и Евой, ихъ стали распаковывать. Здѣсь было почты за цѣлый мѣсяцъ. Казалось, въ этихъ грязныхъ парусиновыхъ мѣшкахъ было скрыто цѣлое море любви и тоски, — вся покинутая, милая, чистая жизнь.

— Господа, не хватайте изъ рукъ, — хрипѣлъ штабсъ-капитанъ Бабкинъ, тучный, багровый человѣкъ, — прапорщикъ Телѣгинъ, шесть писемъ и посылка... Прапорщикъ Нѣжный, — два письма...

— Нѣжный убитъ, господа...

— Когда?

— Сегодня утромъ...

Иванъ Ильичъ пошелъ къ камину. Всѣ шесть писемъ были отъ Даши. Адресъ на конвертахъ написанъ крупнымъ полудѣтскимъ почеркомъ. Ивана Ильича заливало нѣжностью къ этой милой рукѣ, написавшей такія большія буквы, — чтобы всѣ разобрали, не было-бы ошибки. Нагнувшись къ огню, онъ осторожно разорвалъ первый конвертъ. Оттуда пахнуло на него такимъ воспоминаніемъ, что пришлось на минуту закрыть глаза. Потомъ онъ прочелъ:

«Мы проводили васъ и уѣхали съ Николаемъ Ивановичемъ въ тотъ-же день въ Симферополь и вечеромъ сѣли въ петербургскій поѣздъ. Сейчасъ мы на нашей старой квартирѣ. Николай Ивановичъ очень встревоженъ: — отъ Катюши нѣтъ никакихъ вѣстей, гдѣ она — не знаемъ. То, что у насъ съ вами случилось, — такъ велико и такъ внезапно, что я еще не могу опомниться. Не вините меня, что я вамъ пишу на «вы». Я васъ люблю. Я буду васъ вѣрно и очень сильно любить. А сейчасъ очень смутно, — по улицамъ проходятъ войска съ музы-

кой, до того печально, — точно счастье уходитъ, вмѣстѣ съ трубами, съ этими солдатами. Я знаю, что не должна этого писать, но вы, все-таки, будьте осторожны на войнѣ»...

— Ваше благородіе. Ваше благородіе. — Телѣгинъ съ трудомъ обернулся, въ дверяхъ стоялъ вѣстовой. — Телефонограмма, ваше благородіе... Требуютъ въ роту.

— Кто?

— Подполковникъ Розановъ. Какъ можно, говоритъ, скорѣй просили быть.

Телѣгинъ сложилъ недочитанное письмо, вмѣстѣ съ остальными конвертами засунулъ подъ рубашку, надвинулъ картузъ на глаза и вышелъ.

Туманъ теперь сталъ еще гуще, деревьевъ не было видно, и идти пришлось, какъ въ молокѣ, только по хрусту гравія опредѣляя дорогу. Хрустя гравіемъ Иванъ Ильичъ повторялъ: «Я буду васъ вѣрно и очень сильно любить». Вдругъ онъ остановился, прислушиваясь. Въ туманѣ не было ни звука, только падала иногда тяжелая капля съ дерева. И вотъ, неподалеку, онъ сталъ различать какое-то бульканье и мягкій шорохъ. Онъ двинулся дальше, бульканье стало явственнѣе. И вдругъ его занесенная нога опустилась въ пустоту. Онъ сильно откинулся назадъ, — глыба земли, оторвавшись изъ подъ ногъ его, рухнула съ тяжелымъ плескомъ въ воду.

Очевидно, это было то мѣсто, гдѣ шоссе обрывалось надъ рѣкой у сожженнаго моста. На той сторонѣ, шагахъ въ ста отсюда, онъ это зналъ, къ

самой рѣкѣ подходили австрійскіе окопы. И, дѣйствительно, вслѣдъ за плескомъ воды, какъ кнутомъ, съ той стороны хлестнулъ выстрѣлъ и покатился по рѣкѣ, хлестнулъ второй, третій, затѣмъ словно рвануло желѣзо — раздался длинный залпъ, и въ отвѣтъ ему захлопали отовсюду, заглушенные туманомъ, торопливые выстрѣлы. Все громче, громче загрохотало, заухало, заревѣло по всей рѣкѣ, и въ этомъ окаянномъ шумѣ хлопотливо затарахтѣлъ пулеметъ, точно кололъ орѣхи. Бухъ! — ухнулъ гдѣ-то въ лѣсу разрывъ. Весь дырявый, грохочущій туманъ плотно висѣлъ надъ землей, прикрывая это обычное и омерзительное дѣло. Нѣсколько разъ около Ивана Ильича съ чавканьемъ въ дерево хлопала пуля, валилась вѣтка. Онъ свернулъ съ шоссе на поле и пробирался наугадъ кустами. Стрѣльба такъ же внезапно начала затихать и окончилась. Иванъ Ильичъ снялъ картузъ и вытеръ мокрый лобъ. Снова было тихо, какъ подъ водой, лишь падали капли съ кустовъ. Слава Богу, Дашины письма онъ сегодня прочтетъ. Иванъ Ильичъ засмѣялся и перепрыгнулъ черезъ канавку. Наконецъ, совсѣмъ рядомъ, онъ услышалъ, какъ кто-то, зѣвая проговорилъ:

— Вотъ тебѣ и поспали. Василій, я говорю — вотъ тебѣ и поспали.

— Погоди, — отвѣтили отрывисто. — Идетъ кто-то.

— Кто идетъ?

— Свой, свой, — поспѣшно сказалъ Телѣгинъ и сейчасъ же увидѣлъ земляной брустверъ окопа и запрокинувшіеся изъ-подъ земли два бородатыхъ лица. Онъ спросилъ:

— Какой роты?

— Третьей, ваше благородіе, свои. Что же вы, ваше благородіе, по верху-то ходите? Задѣть могутъ.

Телѣгинъ прыгнулъ въ окопъ и пошелъ по нему до хода сообщенія, ведущаго къ офицерской землянкѣ. Солдаты, разбуженные стрѣльбой, говорили:

— Въ такой туманъ, очень просто, онъ рѣчку гдѣ-нибудь перейдетъ.

— Не допустимъ.

— Вдругъ, — стрѣльба, гулъ — здорово живешь... Напугать что-ли насъ хочетъ, или онъ самъ боится?

— А ты не боишься?

— Такъ вѣдь я то что же. Я ужасъ какой пужливый.

— Ребята, Гаврилѣ палецъ долой оторвало.

— Перевязываться пошелъ?

— Заверезжалъ, палецъ вотъ такъ кверху держитъ. Смѣхъ.

— Вотъ вѣдь кому счастье... Въ Россію отправятъ.

— Что ты. Кабы ему всю руку оторвало — тогда бы увезли. А съ пальцемъ — погніетъ поблизости, и опять пожалуйте въ роту.

— Когда же эта война кончится?

— Ладно тебѣ.

— Кончится, да не мы этого увидимъ.

— Хоть бы Вѣну что-ли бы взяли.

— А тебѣ она на что?

— Такъ, все-таки. Поглядѣли бы.

— Къ веснѣ воевать не кончимъ, — все равно — такъ всѣ разбѣгутся. Землю кому пахать, — бабамъ? Народу накрошили — полную мѣру. А къ чему? Будетъ. Напились, сами отвалимся...

— Ну, енералы скоро воевать не перестанутъ.

— Ты это откуда знаешь? Тебѣ кто говорилъ? Въ зубы вотъ тебѣ дамъ, сукинъ сынъ.

— Енералы воевать не перестанутъ.

— Вѣрно, ребята. Первое дѣло — выгодно, — двойное жалованье идетъ имъ, кресты, ордена. Мнѣ одинъ человѣкъ сказывалъ: за каждаго, говоритъ, рекрута англичане платятъ нашимъ генераламъ по тридцать восемь цѣлковыхъ съ полтиной за душу.

— Ахъ, сволочи! Какъ скотъ продаютъ.

— Будетъ вамъ, ребята, молоть-то, — нехорошо.

— Ладно. Потерпимъ, увидимъ.

Когда Телѣгинъ вошелъ въ землянку, батальонный командиръ, подполковникъ Розановъ, тучный, въ очкахъ, съ рѣдкими вихрами на большомъ черепѣ, лѣнивый и умный человѣкъ, проговорилъ, сидя въ углу подъ еловыми вѣтками, на попонахъ:

— Явился, наконецъ.

— Виноватъ, Федоръ Кузьмичъ, ей Богу, сбился съ дороги — туманъ страшный.

— Ну, ну. Вотъ что, голубчикъ, придется нынче ночью потрудиться.

Онъ положилъ въ ротъ корочку хлѣба, которую все время держалъ въ грязномъ кулакѣ. Телѣгинъ медленно стиснулъ челюсти, подобрался...

— Штука въ томъ, что намъ приказано, милѣйшій Иванъ Ильичъ, батенька мой, перебраться на ту сторону. Хорошо бы это дѣло соорудить какъ-нибудь полегче. Садитесь рядышкомъ. Коньячку желаете? Вотъ я придумалъ, значитъ, такую штуку... Навести мостикъ, какъ разъ противъ большой ракиты. Перекинемъ на ту сторону человѣкъ семьдесятъ... Вы ужъ постарайтесь, Господь съ вами... А на зарѣ и мы тронемся.

XVI

— Сусовъ!

— Здѣсь, ваше благородіе.

— Подкапывай... Тише, не кидай въ воду. Такъ, такъ, такъ... Ребята, подавайте, подавайте впередъ... Зубцовъ!

— Здѣсь, ваше благородіе.

— Помоги-ка... Наставляй, вотъ сюда... Подкопни еще... Опускай... Легче...

— Легче, ребята, плечо оторвешь... Насовывай...

— Ну-ка, посунь...

— Не ори, тише ты, сволочь!

— Упирай другой конецъ... Ваше благородіе, поднимать?

— Концы привязали?

— Готово.

— Поднимай...

Въ облакахъ тумана, насыщеннаго луннымъ свѣтомъ, заскрипѣвъ, поднялись двѣ высокія жерди, соединенныя перекладинами, — перекидной мостъ. На берегу, едва различимыя, двигались фигуры охотниковъ. Говорили и ругались торопливымъ шопотомъ.

— Ну, что — сѣлъ?

— Сидитъ хорошо.

— Спускай... Осторожнѣе...

— Полегоньку, полегоньку, ребята...

Жерди, упертыя концами въ берегъ рѣчки, въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ, медленно начали клониться и повисли въ туманѣ надъ водой.

— Достанетъ до берега?

— Достанетъ, ваше благородіе...

— Тише опускай...

— Чижолъ очень.

— Стой, стой, стой!

Но, все-же, дальній конецъ моста съ громкимъ всплескомъ легъ въ воду. Телѣгинъ махнулъ рукой:

— Ложись.

И неслышно въ травѣ на берегу прилегли, притаились фигуры охотниковъ. Туманъ рѣдѣлъ, но стало темнѣе, и воздухъ жестче передъ развѣтомъ. На той сторонѣ все было тихо. Телѣгинъ позвалъ:

— Зубцовъ!

— Здѣсь.

— Лѣзь, настилай.

Пахнущая ѣдкимъ потомъ и шинелью, рослая фигура охотника Василія Зубцова соскользнула мимо Телѣгина съ берега въ воду. Иванъ Ильичъ увидѣлъ, какъ большая рука, дрожа, ухватилась за траву, отпустила ее и скрылась.

— Глыбко, — зябкимъ шопотомъ проговорилъ Зубцовъ откуда-то снизу. — Ребята, подавай доски...

— Доски, доски давай.

Неслышно и быстро, съ рукъ на руки, стали подавать доски. Прибивать ихъ было нельзя — боялись шума. Наложивъ первые ряды, Зубцовъ вылѣзъ изъ воды на мостикъ и вполголоса приговаривалъ, стуча зубами:

— Живѣй, живѣй подавай... Не спи...

Подъ мостомъ журчала быстрая, студеная вода, жерди колебались. Телѣгинъ различалъ темныя очертанія кустовъ на той сторонѣ, и, хотя это были точно такіе же кусты, какъ и на нашемъ берегу, видъ ихъ казался жуткимъ. Иванъ Ильичъ вернулся на берегъ, гдѣ лежали охотники, и крикнулъ рѣзко:

— Вставай!

Сейчасъ же въ бѣловатыхъ облакахъ поднялись преувеличенно большія, расплывающіяся фигуры.

— По одному, бѣгомъ!..

Телѣгинъ повернулъ къ мосту. Въ ту же минуту, словно лучъ солнца уперся въ переливающееся пылью туманное облако, освѣтились желтыя доски, вскинутая въ испугѣ чернобородая голова Зубцова. Лучъ прожектора метнулся вбокъ, въ кусты, вызвалъ оттуда, изъ небытія корявую вѣтвь съ голыми сучьями, и снова легъ на доски. Телѣгинъ мелко перекрестилъ душу, какъ бывало, передъ купаньемъ, и побѣжалъ черезъ мостъ. И сейчасъ же словно обрушилась вся эта черная тишина, громомъ отдалась въ головѣ. По мосту съ австрійской стороны стали бить ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Телѣгинъ прыгнулъ на берегъ и, присѣвъ, обернулся. Черезъ мостъ бѣжалъ высокій солдатъ, — онъ не разобралъ кто, — винтовку прижалъ къ груди... выронилъ ее, поднялъ руки, точно смѣясь, и опрокинулся вбокъ, въ воду. Пулеметъ хлесталъ по мосту, по водѣ, по берегу... Пробѣжалъ второй, Сусовъ, и легъ около Телѣгина...

— Зубами заѣмъ, туды ихъ въ душу!

Побѣжали второй, и третій, и четвертый, и еще одинъ сорвался и завопилъ, барахтаясь въ водѣ... Перебѣжали всѣ и залегли, наваливъ лопатами земли немного передъ собою. Выстрѣлы изступленно теперь грохотали по всей рѣкѣ. Нельзя было поднять головы, — по мѣсту, гдѣ залегли охотники, такъ и поливало, такъ и поливало пулеметомъ. Вдругъ ширкнуло невысоко — разъ, два, — шесть разъ, и глухо впереди громыхнули шесть разрывовъ. Это съ нашей стороны ударили по пулеметному гнѣзду.

Телѣгинъ и впереди него Василій Зубцовъ вскочили, пробѣжали шаговъ сорокъ и легли. Пулеметъ опять заработалъ, слѣва, изъ темноты. Но было ясно, что съ нашей стороны огонь сильнѣе, — австрійца загоняли подъ землю. Пользуясь перерывами стрѣльбы, охотники подбѣгали къ тому мѣсту, гдѣ еще вчера передъ австрійскими траншеями нашей артиллеріей было раскидано проволочное загражденіе.

Его опять начали, было, заплетать за ночь, — на проволокахъ висѣлъ трупъ. Зубцовъ перерѣзалъ проволоку, и трупъ упалъ мѣшкомъ передъ Телѣгинымъ. Тогда на четверинкахъ, безъ ружья, перегоняя остальныхъ, заскочилъ впередъ охотникъ Лаптевъ и легъ подъ самый брустверъ. Зубцовъ крикнулъ ему:

— Вставай, бросай бомбу!..

Но Лаптевъ молчалъ, не двигаясь, не оборачиваясь, — должно быть закатилось сердце отъ страха. Огонь усилился, и охотники не могли двинуться, — прильнули къ землѣ, зарылись.

— Вставай, бросай, сукинъ сынъ, бомбу! — кричалъ Зубцовъ, — бросай бомбу! — и, вытянувшись, держа винтовку за прикладъ, штыкомъ совалъ Лаптеву въ торчащую коробомъ шинель, въ задъ. Лаптевъ обернулъ ощеренное лицо, отстегнулъ отъ пояса гранату и, вдругъ, кинувшись грудью на брустверъ, бросилъ бомбу, и, вслѣдъ за разрывомъ, прыгнулъ въ окопъ.

— Бей, бей! — закричалъ Зубцовъ не своимъ голосомъ...

Поднялось человѣкъ десять охотниковъ, побѣжало и исчезло подъ землей, — были слышны только рваные, рѣзкіе звуки разрывовъ.

Телѣгинъ метался по брустверу, какъ слѣпой отъ

крови, ударившей въ голову, и все не могъ отстегнуть гранату, и прыгнулъ, наконецъ, въ траншею, и побѣжалъ, задѣвая плечами за липкую глину, споткнулся о мягкое, стиснулъ со всей силой зубы, чтобы перестать кричать неистово... Увидѣлъ бѣлое, какъ маска, лицо человѣка, прижавшагося во впадинѣ окопа, и схватилъ его за плечи, и человѣкъ, будто во снѣ, забормоталъ, забормоталъ, забормоталъ...

— Замолчи, ты, чортъ, не трону, — чуть не плача, закричалъ ему въ бѣлую маску Телѣгинъ и побѣжалъ, перепрыгивая черезъ трупы. Но бой уже кончался. Толпа сѣрыхъ людей, побросавшихъ оружіе, лѣзла изъ траншеи на поле. Ихъ пихали прикладами, швыряли около въ землю гранаты, для страха. А шагахъ въ сорока, въ крытомъ гнѣздѣ, все еще грохоталъ пулеметъ, обстрѣливая переправу. Иванъ Ильичъ, протискиваясь среди охотниковъ и плѣнныхъ кричалъ:

— Что же вы смотрите, что вы смотрите!.. Зубцовъ, гдѣ Зубцовъ?..

— Здѣсь я...

— Что же ты, чортъ окаянный, смотришь!

— Да развѣ къ нему подступишься.

— А въ морду вотъ дамъ!.. Идемъ.

Они побѣжали. Зубцовъ рванулъ Телѣгина за рукавъ:

— Стой!.. Вотъ онъ!

Изъ траншеи узкій ходъ велъ въ пулеметное гнѣздо. Нагнувшись, Телѣгинъ побѣжалъ по нему, вскочилъ въ блиндажъ, гдѣ въ темнотѣ все тряслось отъ нестерпимаго грохота, схватилъ кого-то за локти и потащилъ. Сразу стало тихо, только, борясь, хрипѣлъ тотъ, кого онъ отдиралъ отъ пулемета.

— Сволочь, живучая, не хочетъ, пусти-ка, пробормоталъ сзади Зубцовъ и раза три тяжело прикладомъ ударилъ тому въ черепъ, и тотъ, вздрагивая, заговорилъ: — бу, бу, бу, — и затихъ... Телѣгинъ выпустилъ его и пошелъ изъ блиндажа. Зубцовъ крикнулъ въ догонку:

— Ваше благородіе, онъ прикованный.

Скоро стало совсѣмъ свѣтло. На желтой глинѣ были видны пятна и потеки крови. Валялось нѣсколько ободранныхъ телячьихъ кожъ, жестянки, сковородки, да трупы, уткнувшись, лежали мѣшками. Охотники, разморенные и вялые, — кто прилегъ и похрапывалъ, кто ѣлъ консервы, кто обшаривалъ брошенныя австрійскія сумки.

Плѣнныхъ давно уже угнали за рѣку. Полкъ переправлялся, занималъ позиціи, и артиллерія била по вторымъ австрійскимъ линіямъ, откуда отвѣчали вяло. Моросилъ дождикъ, туманъ развѣяло. Иванъ Ильичъ, облокотившись о край окопа, глядѣлъ на поле, по которому они бѣжали ночью. Поле, какъ поле, — бурое, мокрое, кое-гдѣ — обрывки проволокъ, кое-гдѣ — черные слѣды подкопанной земли, да нѣсколько труповъ охотниковъ. И рѣчка — совсѣмъ близко. И ни вчерашнихъ огромныхъ деревьевъ, ни жуткихъ кустовъ. А сколько было затрачено силы, чтобы пройти эти триста шаговъ.

Австрійцы продолжали отходить, и русскія части, не отдыхая, преслѣдовали ихъ до ночи. Телѣгину было приказано занять со своими охотниками лѣсокъ, синѣвшій на горкѣ, и онъ послѣ короткой перестрѣлки занялъ его къ вечеру. На-спѣхъ окопались, выставили сторожевое охраненіе, связались со своей

частью телефономъ, поѣли, что было въ мѣшкахъ, и подъ мелкимъ дождемъ, въ темнотѣ и лѣсной прѣли, заснули, хотя былъ приказъ поддерживать огонь всю ночь.

Телѣгинъ сидѣлъ на пнѣ, прислонившись къ мягкому отъ мха стволу дерева. За воротъ иногда падала капля, и это было хорошо, — не давало заснуть. Утреннее возбужденіе давно прошло, и прошла даже страшная усталость, когда пришлось идти верстъ десять по разбухшимъ жнивьямъ, перелѣзать черезъ плетни и канавы, когда одеревенѣвшія ноги ступали куда попало и распухала голова отъ боли.

Кто-то подошелъ по листьямъ и голосомъ Зубцова сказалъ тихо:

— Сухарикъ желаете?

— Спасибо.

Иванъ Ильичъ взялъ у него сухарь и сталъ жевать, и онъ былъ сладокъ, такъ и таялъ во рту. Зубцовъ присѣлъ около на корточки:

— Покурить дозволите?

— Осторожнѣе только, смотри.

— У меня трубочка.

— Зубцовъ, ты зря, все-таки, убилъ его, а?

— Пулеметчика-то?

— Да.

— Конечно, зря.

— Спать хочешь?

— Ничего, не посплю.

— Если я задремлю, ты меня толкни.

Медленно, мягко падали капли на прѣлые листья, на руку, на козырекъ картуза. Послѣ шума, криковъ, омерзительной возни, послѣ убійства пулеметчика, — падаютъ капли, какъ стеклянные шари-

ки... Падаютъ въ темноту, въ глубину, гдѣ пахнетъ прѣлыми листьями. Шуршатъ, не даютъ спать... Нельзя, нельзя... Иванъ Ильичъ разлѣплялъ глаза и видѣлъ неясныя, какъ намѣченныя углемъ, очертанія вѣтвей... — Но стрѣлять всю ночь — тоже глупость, — пускай охотники отдохнутъ... Восемь убитыхъ, одиннадцать раненныхъ... Конечно, надо бы поосторожнѣе на войнѣ... Ахъ, Даша, Даша... Стеклянныя капельки все примирятъ, все успокоютъ... О, Господи, Господи...

— Иванъ Ильичъ!..

— Да, да, Зубцовъ, не сплю...

— Развѣ не зря — убить человѣка-то... У него, чай, домишко свой, семейство какое ни на есть, а ты ткнулъ въ него штыкомъ, какъ въ чучело, — сдѣлалъ дѣло. И тебѣ за это медаль. Я въ первый-то разъ запоролъ одного, — потомъ ѣсть не могъ — тошнило... А теперь — десятаго, или девятаго кончаю... Дожили... Вѣдь страхъ-то какой, а? Раньше и въ мысляхъ этого не было... А здѣсь — ничего — по головкѣ за это гладятъ. Значитъ, грѣхъ-то на себя кто-то уже взялъ за это за самое?..

— Какой грѣхъ?

— Да хотя бы мой... Я говорю — грѣхъ-то мой на себя кто-нибудь взялъ, — генералъ какой, или въ Петербургѣ какой-нибудь человѣкъ, который всѣми этими дѣлами распоряжается...

— Какой же твой грѣхъ, когда ты отечество обороняешь.

— Такъ вѣдь, Иванъ Ильичъ, нѣмецъ тоже свое отечество обороняетъ. Онъ тоже, чай, думаетъ, что — правый. А кто же виноватъ оказывается въ этой музыкѣ?

— Опасныя слова говоришь, братецъ мой.

— Зачѣмъ... Я говорю, слушай, Иванъ Ильичъ, — кто-нибудь да окажется виновный, — мы разыщемъ. А, ну, какъ я зря девятерыхъ закололъ?.. Что я съ этимъ человѣкомъ сдѣлаю!.. Горло бы ему перегрызъ!

— Кому?

— Кто виноватъ...

— Нѣмецъ виноватъ.

— А я думаю, — кто эту войну допустилъ, тотъ и виноватъ... Кто мой грѣхъ на себя беретъ — тотъ и отвѣчать будетъ... Жестоко отвѣтитъ...

Въ лѣсу, въ это время, гулко хлопнулъ выстрѣлъ. Телѣгинъ вздрогнулъ. Раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ съ другой стороны.

Это было тѣмъ болѣе удивительно, что съ вечера врагъ не находился въ соприкосновенiи. Телѣгинъ побѣжалъ къ телефону. Телефонистъ высунулся изъ ямы:

— Аппаратъ не работаетъ, ваше благородiе.

По всему лѣсу теперь, кругомъ, слышались частые выстрѣлы, и пули чиркали по сучьямъ. Передовые посты подтягивались, отстрѣливаясь. Около Телѣгина появился охотникъ Климовъ, степнымъ какимъ-то, дурнымъ голосомъ проговорилъ: — Обходятъ, ваше благородье! — быстро схватился за лицо и сѣлъ на землю, — легъ ничкомъ. И еще кто-то закричалъ въ темнотѣ:

— Братцы, помираю!

Телѣгинъ различалъ между стволами рослыя, неподвижныя фигуры охотниковъ. Они всѣ глядѣли въ его сторону, — онъ это чувствовалъ. Онъ приказалъ, чтобы всѣ, разсыпавшись по-одиночкѣ, пробивались къ сѣверной сторонѣ лѣса, должно быть еще не

окруженной. Самъ же онъ съ тѣми, кто захочетъ остаться, задержится, насколько можно, здѣсь въ окопахъ.

— Нужно пять человѣкъ. Живые не вернемся. Кто желающій?

Отъ деревьевъ отдѣлились и подошли къ нему Зубцовъ, Сусовъ и Коловъ — молодой парень. Зубцовъ крикнулъ, обернувшись:

— Еще двоихъ требуется. Рябкинъ, иди.

— Что-жъ, я могу...

— Пятаго, пятаго.

Съ земли поднялся низкорослый солдатъ въ полушубкѣ, въ мохнатой шапкѣ, весь заросшій бородой:

— Ну, вотъ я, что-ли, остаюся.

Шесть человѣкъ залегли шагахъ въ двадцати другъ отъ друга и открыли огонь. Фигуры за деревьями исчезли. Иванъ Ильичъ выпустилъ нѣсколько пачекъ, и вдругъ съ отчетливой ясностью увидѣлъ, какъ завтра поутру люди въ сѣрыхъ капотахъ перевернутъ на спину его оскаленный трупъ, начнутъ обшаривать, и грязная рука залѣзетъ подъ рубаху.

Онъ положилъ винтовку, разгребъ рыхлую, сырую землю и, вынувъ дашины письма, поцѣловавъ ихъ, положилъ въ ямку и засыпалъ, запорошилъ сверху прѣлыми листьями.

— Ой, ой, братцы, — услышалъ онъ голосъ Сусова, лежавшаго слѣва. Оставалось двѣ пачки патроновъ. Иванъ Ильичъ подползъ къ Сусову, уткнувшемуся головой, легъ рядомъ и бралъ пачки изъ его сумки. Теперь срѣляли только Телѣгинъ да еще кто-то направо. Наконецъ, патроны кончились. Иванъ Ильичъ бросилъ виновку, подождалъ, оглядываясь, поднялся и началъ звать по именамъ охотни-

ковъ. Отвѣтилъ одинъ голосъ: — «Здѣсь», — и подошелъ Коловъ, опираясь о винтовку. Иванъ Ильичъ спросилъ:

— Патроновъ нѣтъ?

— Нѣту.

— Остальные не отвѣчаютъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ладно. Идемъ. Бѣги.

Коловъ перекинулъ винтовку черезъ спину и побѣжалъ, хоронясь за стволами. Телѣгинъ же не прошелъ и десяти шаговъ, какъ сзади въ плечо ему ткнулъ тупой желѣзный палецъ.

XVII

Всѣ представленія о войнѣ, какъ о лихихъ кавалерійскихъ набѣгахъ, необыкновенныхъ маршахъ и геройскихъ подвигахъ солдатъ и офицеровъ, — оказались устарѣлыми.

Знаменитая аттака Кавалергардовъ, когда три эскадрона, въ пѣшемъ строю, прошли безъ одного выстрѣла проволочныя загражденія, имѣя во главѣ командира полка, князя Долгорукаго, шагающаго подъ пулеметнымъ огнемъ съ сигарой во рту и, по обычаю, ругающагося по-французски, была сведена къ тому, что Кавалергарды, потерявъ половину состава убитыми и ранеными, взяли двѣ тяжелыхъ пушки, которыя оказались заклепанными и охранялись одними пулеметами.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ выяснилось, что доблесть прежняго солдата, огромнаго, усатаго и геройскаго вида человѣка, умѣющаго скакать, рубить и не кланяться пулямъ, — безполезена. На главное мѣсто въ

этой войнѣ были выдвинуты механика и организація тыла. Отъ солдатъ требовалось упрямо и послушно умирать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ указано на картѣ. Доблесть и лихость были излишни. Понадобился солдатъ безъ традицій, штатскій, умѣющій прятаться, зарываться въ землю, сливаться съ цвѣтомъ пыли. Романтическія постановленія Гаагской Конференціи, — какъ нравственно и какъ безнравственно убивать, — были просто разорваны. И вмѣстѣ съ этимъ клочкомъ бумаги разлетѣлись послѣдніе пережитки никому уже болѣе не нужныхъ моральныхъ законовъ. Отнынѣ былъ одинъ законъ, равный для людей и машинъ, — полезность.

Такъ въ нѣсколько мѣсяцевъ война завершила работу цѣлаго вѣка. До этого времени еще очень многимъ казалось, что въ жизни каждый можетъ найти важнѣйшую цѣль, либо ту, которая увеличитъ счастье, либо ту, которая наиболѣе возвышенна; вѣроятно, это были пережитки средневѣковья; они разслабляли волю и тормозили ходъ цивилизаціи. Теперь, съ войною, стало очевидно, что человѣчество, — лишь муравьиная куча. Въ ней всѣ равноцѣнны. Нѣтъ ни добра ни зла, и нѣтъ даже счастья для того, кто понялъ тяжкій и унылый законъ жизни: — построеніе вѣчнаго кладбища.

Это было время, когда человѣческое счастье закономъ и принужденіемъ было отведено въ разрядъ понятій, не имѣющихъ никакого смысла и значенія, когда цивилизація стала служить не добру и счастью, а злу и истребленію, когда наука дѣлала изумительныя открытія, равныя чудесамъ, когда становилось яснымъ — сколько злой воли въ чистомъ человѣческомъ разумѣ, освобожденномъ отъ моральныхъ стѣсненій.

Механическая цивилизація торжествовала, — война была завершеніемъ ея вѣка. Во всемъ мірѣ теперь былъ одинъ законъ — полезность, и одно чувство — ненависть.

Въ каждомъ домѣ по вечерамъ, у карты, утыканной флажками, собирались хозяева и гости, строили стратегическіе планы и читали газеты, въ которыхъ военные корреспонденты описывали видѣнныя собственными глазами горы вражескихъ труповъ. Даже кроткіе люди и молодыя дѣвушки наслаждались этими описаніями.

Дѣти выростали за эти годы въ сознаніи, что жизнь, это — ожиданіе какихъ-то рѣшительныхъ сраженій, когда Господь Богъ позволитъ, наконецъ, истребить сразу нѣсколько милліоновъ враговъ и выморить цѣлыя страны голодомъ. Убивать было доблестно и свято. Объ этомъ твердили, вопили, взывали ежедневно милліоны газетныхъ листковъ, удесятерившіе тиражъ. Особые знатоки каждое утро предсказывали исходы сраженій и гибель враговъ. Ходили слухомъ предсказанія знаменитой провидицы мадамъ Тэбъ. Появлялись во множествѣ гадальщики, составители гороскоповъ и предсказатели будущаго. Товаровъ не хватало. Цѣны росли. Вывозъ сырья изъ Россіи остановился. Въ три гавани на сѣверѣ и востокѣ, — единственные оставшіеся продухи въ замурованной на смерть странѣ, — ввозились только снаряды и орудія войны. Поля обрабатывались дурно. Милліарды бумажныхъ денегъ уходили въ деревню, и мужики уже съ неохотой продавали хлѣбъ.

Въ Стокгольмѣ на тайномъ съѣздѣ членовъ оккультной ложи антропософовъ основатель ордена говорилъ, что страшная борьба, происходящая въ

высшихъ сферахъ, перенесена сейчасъ на землю, наступаетъ міровая катастрофа, и Россія будетъ принесена въ жертву во искупленіе грѣховъ. Дѣйствительно, всѣ разумныя разсужденія тонули въ океанѣ крови, льющейся на огромной полосѣ въ три тысячи верстъ, опоясавшей Европу. Никакой разумъ не могъ объяснить, почему желѣзомъ, динамитомъ и голодомъ человѣчество упрямо уничтожаетъ само себя. Изливались какіе-то вѣковые гнойники. Переживалось наслѣдіе прошлаго. Но и это ничего не объясняло.

Страны пустѣли. Жизнь повсюду останавливалась, словно людьми правили хаотическія, темныя силы. Силы болѣе могущественныя, чѣмъ инстинктъ, толкали арійскую, владѣющую міромъ, безумную расу къ переходу черезъ бездну, которую люди должны были заполнить своими трупами. Война начинала казаться лишь первымъ дѣйствіемъ трагедіи.

Передъ этимъ зрѣлищемъ каждый человѣкъ, бывшій владыка міра, умалялся, сморщивался, какъ робкій, безпомощный червячокъ. У людей пропадалъ вкусъ къ самимъ себѣ.

Тяжелѣе всего было женщинамъ. Каждая, соразмѣрно своей красотѣ, очарованію и умѣнью, раскидывала паутинку, — нити тонкія и для обычной жизни довольно прочныя. Во всякомъ случаѣ, тотъ, кому назначено, попадался въ нихъ и жужжалъ любовно.

Но война разорвала и эти сѣти. Плести заново, — нечего было и думать въ такое жестокое время. Приходилось ждать лучшихъ временъ. И женщины ждали терпѣливо, а время уходило, и считанные женскіе года шли безплодно и печально.

Мужья, любовники, братья, сыновья, — теперь

нумерованныя и совершенно отвлеченныя единицы, ложились подъ земляные холмики на поляхъ, на опушкахъ лѣсовъ, у дорогъ. И никакими усиліями нельзя было согнать новыхъ и новыхъ морщинокъ съ женскихъ старѣющихъ лицъ.

XVIII

— Я говорю брату, — ты начетчикъ, ненавижу соціалъ-демократовъ, у васъ людей пытать будутъ, если кто въ словѣ одномъ ошибется. Я ему говорю, — ты астральный человѣкъ. Тогда онъ, все-таки, выгналъ меня изъ дома. Теперь — въ Москвѣ, безъ денегъ. Страшно забавно. Пожалуйста, Дарья Дмитріевна, попросите Николая Ивановича. Мнѣ бы все равно какое мѣсто, — лучше всего, конечно, въ санитарномъ поѣздѣ.

— Да, да, я съ нимъ поговорю.

— Здѣсь у меня — никого знакомыхъ. А помните нашу «Центральную станцію»? Василій Веньяминовичъ Валетъ — убитъ. Очень жалко, — былъ замѣчательный талантъ. Сапожковъ тоже гдѣ-то на войнѣ. Жировъ на Кавказѣ, читаетъ лекціи о футуризмѣ. А гдѣ Иванъ Ильичъ Телѣгинъ, — не знаю. Вы, кажется, были съ нимъ знакомы?

Елизавета Кіевна и Даша медленно шли между высокими сугробами по переулку. Падалъ снѣжокъ. Похрустывали ботики. Извозчикъ на низенькихъ санкахъ, высунувъ изъ козелъ заскорузлый валенокъ и закинувшись, протрусилъ мимо и прикрикнулъ ласково:

— Барышни, зашибу!

Снѣга было очень много въ эту зиму. Надъ пе-

реулкомъ низко висѣли вѣтви липъ, покрытыя снѣгомъ. И все бѣлесое, снѣжное небо было полно птицъ. Съ крикомъ, растрепанными стаями, церковныя галки взлетали надъ городомъ, садились на башни, на купола, уносились въ студеную высоту.

Даша остановилась на углу и поправила бѣлую косынку. Котиковая шубка ея и муфта были покрыты снѣжинками. Лицо ея похудѣло, глаза стали больше и строже:

— Иванъ Ильичъ пропалъ безъ вѣсти, — сказала она, — я о немъ ничего не знаю.

Даша подняла глаза и глядѣла на птицъ. Должно быть, голодно было галкамъ въ городѣ, занесенномъ снѣгомъ. Елизавета Кіевна съ застывшей улыбкой очень красныхъ губъ стояла, опустивъ голову въ ушастой шапкѣ. Мужское пальто на ней было тѣсно въ груди, мѣховой воротникъ слишкомъ широкъ и короткіе рукава не прикрывали покраснѣвшихъ рукъ. Ей на желтоватую шею сѣла снѣжинка и растаяла, и длинныя рѣсницы ея залились, наконецъ, слезами. Даша взяла ее за руку:

— Я сегодня же поговорю съ Николаемъ Ивановичемъ, хорошо?

— Вы скажите, что я на всякую работу пойду. Елизавета Кіевна посмотрѣла подъ ноги и покачала головой. — Страшно любила Ивана Ильича, страшно, страшно любила. — Она засмѣялась и опять ея глаза налились слезами. Лучшее, что во мнѣ было, такъ вотъ это. Значитъ, завтра приду. До свиданья.

Она простилась и пошла, широко шагая въ валеныхъ калошахъ и по-мужски засунувъ озябшія руки въ карманы.

Даша упрямо глядѣла ей вслѣдъ, потомъ сдвинула брови и, свернувъ за уголъ, вошла въ подъѣздъ особняка, гдѣ помѣщался городской лазаретъ. Здѣсь, въ высокихъ комнатахъ, отдѣланныхъ дубомъ и кожей, пахло іодоформомъ, на койкахъ лежали и сидѣли стриженые и въ халатахъ, какъ арестанты, подбитые на войнѣ мужики. У окна двое играли въ шашки. Одинъ ходилъ изъ угла въ уголъ, мягко, въ туфляхъ. Когда появилась Даша, онъ живо оглянулся на нее, сморщилъ низенькій лобъ, и легъ на койку, закинувъ за голову руки.

— Сестрица, — позвалъ слабый голосъ. Даша подошла къ одутловатому, большому парню съ толстыми губами. — Поверни, Христа ради, на лѣвый бочокъ, — проговорилъ онъ, охая черезъ каждое слово. — Даша обхватила его, изо всей силы приподняла и повернула, какъ мѣшокъ. — Температуру мнѣ ставить время, сестрица. — Даша стряхнула градусникъ и засунула ему подъ мышку. — Рветъ меня, сестрица, крошку съѣмъ — все долой. Мочи нѣтъ.

Даша покрыла его одѣяломъ и отошла. На сосѣднихъ койкахъ улыбались, одинъ сказалъ:

— Онъ, сестрица, только ради для господскаго дома разсолодѣлъ, а самъ здоровый, какъ боровъ.

— Пускай его, пускай помается, сказалъ другой голосъ, — онъ никому не вредитъ, — сестрицѣ забота и ему томно.

— Сестрица, а вотъ Семенъ васъ что-то спросить хочетъ, робѣетъ.

Даша подошла къ сидящему на койкѣ мужику съ круглыми, какъ у галки, веселыми глазами и медвѣжьимъ, маленькимъ ртомъ; огромная — вѣникомъ — борода его была расчесана. Онъ выставилъ бороду, вытянулъ губы навстрѣчу Дашѣ:

— Смѣются они, сестрица, я всѣмъ доволенъ, благодарю васъ покорно.

Даша улыбнулась. Отъ сердца отлегла давешняя тяжесть. Она присѣла на койку къ Семену и, отогнувъ рукавъ, стала осматривать перевязку. И онъ, стараясь доставить ей удовольствіе, сталъ подробно описывать, какъ и гдѣ у него мозжитъ.

Въ Москву Даша пріѣхала въ октябрѣ, когда Николай Ивановичъ, увлекаемый патріотическими побужденіями, поступилъ въ московскій отдѣлъ Городского союза, работающаго на оборону. Петербургскую квартиру онъ передалъ англичанамъ изъ военной миссіи, и въ Москвѣ жилъ съ Дашей налегкѣ, — ходилъ въ замшевомъ френчѣ, ругалъ мягкотѣлую интеллигенцію и работалъ, по его же выраженію, какъ лошадь. Даша читала уголовное право, вела маленькое хозяйство и каждый день писала Ивану Ильичу. Душа ея была тиха и прикрыта. Прошлое казалось далекимъ, точно изъ чужой жизни, въ него не было охоты заглядывать, — тамъ все было спутано и неясно. И она жила словно въ половину дыханія, наполненная тревогой, ожиданіемъ вѣстей и заботой о томъ, чтобы сохранить себя Ивану Ильичу въ чистоплотности и строгости.

Но это душевное состояніе продолжалось не долго. Въ началѣ ноября, утромъ, за кофе, Даша развернула «Русское Слово», и въ спискахъ пропавшихъ безъ вѣсти прочла имя Телѣгина. Списокъ занималъ два столбца петитомъ. Раненые — такіе то, убитые — такіе то, пропавшіе безъ вѣсти — такіе то, и въ концѣ — Телѣгинъ, Иванъ Ильичъ, прапорщикъ.

Такъ было отмѣчено это, сразу затмившее всю ея жизнь, событіе, — строчкой петита.

Даша почувствовала, какъ эти мелкія буквы, сухія строчечки, столбцы, заголовки — наливаются кровью. Это была минута неописуемаго ужаса, — газетный листъ превращался въ то, о чемъ тамъ было написано — въ зловонное и кровавое мѣсиво. Оттуда дышало смрадомъ, ревѣло беззвучными голосами.

Даша ушла къ себѣ, легла на диванъ и прикрылась шубкой. Ее трясло мелкимъ ознобомъ. Даже то, что случилось съ Иваномъ Ильичемъ, — ея отчаяніе, — тонуло въ животномъ ужасѣ и омерзеніи. Стиснувъ зубы, она лежала долго, до сумерекъ.

Къ обѣду пришелъ Николай Ивановичъ, сѣлъ въ ногахъ Даши и молча гладилъ ея ноги. Тогда она потихоньку начала плакать.

— Ты подожди, главное — подожди, Данюша, — говорилъ Николай Ивановичъ, — онъ пропалъ безъ вѣсти — очевидно, въ плѣну. Я знаю тысячи подобныхъ примѣровъ.

Потомъ Николай Ивановичъ обѣдалъ рядомъ въ комнатѣ, какъ всегда, громко ѣлъ, булькалъ изъ графина и время отъ времени глубоко вздыхалъ. Наконецъ, онъ появился въ дверяхъ, вытирая губы салфеткой:

— Хочешь, — компоту тебѣ принесу? — отличный компотъ.

Даша затрясла головой, стиснула платокъ зубами и уже громко заплакала, закрылась съ головою шубкой.

Ночью ей приснилось: — въ пустой, узкой комнатѣ, съ окномъ, затянутымъ паутиной и пылью, на желѣзной койкѣ сидитъ человѣкъ въ солдатской

рубашкѣ. Сѣрое лицо его обезображено болью. Обѣими руками онъ ковыряетъ свой лысый черепъ, лупитъ его, какъ яйцо, и то, что подъ кожурой, беретъ и ѣстъ, запихиваетъ въ ротъ пальцами.

Даша такъ закричала среди ночи, что Николай Ивановичъ въ накинутомъ на плечи одѣялѣ, очутился около ея постели, и долго не могъ добиться, что случилось. Потомъ накапалъ въ рюмочку валерьяну, и далъ выпить Дашѣ и выпилъ самъ.

Даша, сидя въ постели, ударяла себя въ грудь тремя, сложенными щепоткой, пальцами и говорила тихо и отчаянно:

— Понимаешь, я не могу жить больше. Ты понимаешь, Николай, не могу, не хочу.

Жить, послѣ того, что случилось, было очень трудно, а жить такъ, какъ Даша жила до этого, — нельзя.

Война только коснулась пальцемъ Даши, и въ ней все стало обнажено и растерзано. Отъ этого нельзя было ни убѣжать, ни скрыться. Теперь всѣ смерти и всѣ слезы были такъ же и ея дѣломъ. И, когда прошли первые дни остраго отчаянія, Даша стала дѣлать то единственное, что могла и умѣла: — прошла ускоренный курсъ сестеръ милосердія и работала въ лазаретѣ. Такъ наступили для нея долгіе будни.

Въ началѣ было очень трудно. Съ фронта прибывали раненые, по многу дней не мѣнявшіе перевязокъ; отъ марлевыхъ бинтовъ шелъ такой запахъ, что сестрамъ становилось дурно. Во время операцій Дашѣ приходилось держать почернѣвшія ноги и руки, съ которыхъ кусками отваливалось налипшее на ранахъ, и она узнала, какъ взрослые и сильные люди скрипятъ зубами, и тѣло у нихъ трепещетъ безпомощно и жалко.

Этихъ страданій было столько, что не хватило бы во всемъ свѣтѣ милосѐрдія пожалѣть о нихъ. Дашѣ стало казаться, что она теперь навсегда связана съ этой обезображенной и окровавленной жизнью, и другой жизни нѣтъ, — она вся такова. А то, чѣмъ она жила до сихъ поръ, — ея самолюбивыя переживанія, разладъ съ собой, и даже вѣрное чувство къ Ивану Ильичу, — все лишь воображеніе, выдумка. Ночью въ дежурной комнатѣ горитъ зеленый абажуръ лампочки надъ раскрытой книгой, за стѣной бормочетъ въ бреду солдатъ, отъ проѣхавшаго автомобиля зазвенѣли склянки на некрашенной полочкѣ, по корридору кто-то прошелъ, шлепая туфлями, и на полураскрытой двери заколебалась четвертушка бумаги, приколотая кнопкой. Это уныніе и есть частица истинной жизни, — будни.

Сидя въ ночные часы у стола въ креслѣ, Даша припоминала прошлое и оно все яснѣе казалось ей, какъ сонъ. Жила на огромныхъ высотахъ, откуда не было видно земли; жила, какъ и всѣ тамъ жили, влюбленная въ себя, высокомѣрная и брезгливая. И вотъ пришлось упасть съ этихъ призрачныхъ облаковъ на землю, въ кровь, въ грязь, въ этотъ лазаретъ, гдѣ пахнетъ больнымъ человѣческимъ тѣломъ, — словно — это возмездіе за какой-то грѣхъ.

Но развѣ отношеніе ея къ Ивану Ильичу не было тоже грѣхомъ? Развѣ за любовь она отдала ему любовь? Поцѣловала у моря, да писала письма, да съ упоеніемъ любила свою вѣрность къ нему. А теперь, когда не знаешь — живъ ли онъ даже, нѣтъ больше силъ притворствовать. Здѣсь, въ лазаретѣ, гдѣ храпятъ больные, и умираетъ татаринъ-солдатъ, и черезъ десять минутъ нужно итти вспрыскивать ему морфій, гдѣ позабыты всѣ уже

высоты, — она чувствуетъ, что, быть можетъ, ни одной еще минуты истинно не любила Ивана Ильича. А вотъ себя совсѣмъ разлюбила.

Сегодняшняя встрѣча съ Елизаветой Кiевной разволновала Дашу. День былъ трудный, изъ Галицiи привезли раненыхъ въ такомъ видѣ, что одному пришлось отнимать кисть руки, другому — руку по плечо, двое были въ бреду, несли чепуху и метались на койкахъ. Даша очень устала за день, и все же изъ памяти не выходила Елизавета Кiевна съ красными руками, въ мужскомъ пальто, съ жалкой улыбкой и кроткими глазами, полными слезъ.

Вечеромъ, присѣвъ отдохнуть въ дежурной комнатѣ, Даша глядѣла на зеленый абажуръ и думала, что вотъ бы умѣть такъ плакать на перекресткѣ, говорить постороннему человѣку, — «страшно, страшно люблю Ивана Ильича»... — Вотъ бы научиться забыть себя...

Думая о Елизаветѣ Кiевнѣ, Даша превозносила ее въ мысляхъ; наконецъ, у нея началась тоска; Даша усаживалась въ большомъ креслѣ то бокомъ, то поджавъ ноги, раскрыла было книгу, — отчетъ за три мѣсяца «дѣятельности Городского Союза», — столбцы цифръ и совершенно непонятныхъ словъ — тразитъ, балансъ, — но въ книжкѣ не нашла утѣшенiя, вздохнувъ, положила ее на мѣсто и вышла въ палату.

Раненые спали, воздухъ былъ душный. Высоко, подъ дубовымъ потолкомъ, въ желѣзномъ кругѣ большой люстры горѣла не свѣтлая лампочка. Мо-

лодой солдатъ-татаринъ, съ отрѣзанной рукой, бредилъ, мотаясь бритой головой по подушкѣ. Даша подняла съ пола пузырь со льдомъ, положила ему на багровый лобъ и подоткнула одѣяло. Потомъ обошла всѣ койки и присѣла на табуретѣ, сложивъ руки на колѣняхъ.

«Сердце не наученое, вотъ что, — подумала она, — любило бы только изящное и красивое. А жалѣть, любить не любимое — не учено».

— Что, ко сну моритъ, сестрица? — услышала она ласковый голосъ и обернулась. Съ койки глядѣлъ на нее Семенъ — бородатый. Даша спросила:

— Ты что не спишь?

— Днемъ наспался.

— Рука болитъ?

— Затихла... Сестрица?

— Что?

— Личико у тебя махонькое, — ко сну моритъ? Пошла бы вздремнула. Я присмотрю, — если нужно — позову.

— Нѣтъ, я спать не хочу.

— Свои-то у тебя есть на войнѣ?

— Женихъ.

— Ну, Богъ сохранитъ.

— Пропалъ безъ вѣсти.

— Ай, ай! — Семенъ замоталъ бородой, вздыхая. — У меня брательникъ безъ вѣсти пропалъ, а потомъ письмо отъ него пришло, — въ плѣну. И человѣкъ хорошій твой то?

— Очень, очень хорошій человѣкъ.

— Ахъ, досада. Можетъ я слыхалъ про него. Какъ зовутъ-то?

— Иванъ Ильичъ Телѣгинъ.

— Слыхалъ. Постой, постой. Слыхалъ. Онъ въ плѣну, не сойти мнѣ съ этого мѣста. Какого полка?

— Казанскаго.

— Ну, самый онъ. Въ плѣну. Живъ, слава Богу. Ахъ, хорошій человѣкъ! Ничего, сестрица, потерпи. Скоро мы нѣмца побѣдимъ. Снѣга тронутся — войнѣ конецъ, — замиримся. Потерпи, потерпи. Сыновъ еще ему народишь, ты ужъ мнѣ повѣрь.

Даша слушала, и слезы сами подступали къ горлу, — знала, что Семенъ все выдумываетъ, Ивана Ильича не знаетъ, и была благодарна. Вдругъ она нагнулась низко и заплакала. Семенъ заворочался, сказалъ тихо, съ досадой.

— Вотъ вѣдь какой случай.

Тогда Даша стремительно поднялась, вытащила платочекъ изъ-за фартука, сильно, проведя по одному разу, вытерла глаза и сказала:

— Ложись, Семенъ, спать, спи. Придетъ докторъ, заругается.

Снова сидя въ дежурной комнатѣ, лицомъ къ спинкѣ кресла, Даша чувствовала, словно ее, чужую, приняли съ любовью, — живи съ нами. И ей казалось, что она жалѣетъ сейчасъ всѣхъ больныхъ и спящихъ. И, жалѣя и думая, она вдругъ представила съ потрясающей ясностью, какъ Иванъ Ильичъ тоже, гдѣ-то на узкой койкѣ, такъ же, какъ и эти, — спитъ, дышитъ.... Родной, родной человѣкъ.

Даша застонала, поднялась и начала ходить по комнатѣ. Вдругъ затрещалъ телефонъ. Даша, вздрогнувъ, схватила трубку, — такъ рѣзокъ въ этой сонной тишинѣ и грубъ былъ звонокъ. Должно быть, опять привезли раненыхъ съ ночнымъ поѣздомъ.

— Я слушаю, — сказала она. И въ трубку поспѣшно проговорилъ нѣжный, женскій, взволнованный голосъ:

— Пожалуйста, попросите къ телефону Дарью Дмитріевну Булавину.

— Это я, — отвѣтила Даша, и сердце ея страшно забилось, — Господи, кто это?... Катя?... Катюша!... Ты?... Милая!...

XIX

— Ну, вотъ, дѣвочки, мы и опять вмѣстѣ, — говорилъ Николай Ивановичъ, одергивая на животѣ замшевый френчъ, взялъ Екатерину Дмитріевну за подбородокъ и сочно поцѣловалъ въ щеку, — съ добрымъ утромъ, душенька, какъ спала? — Проходя за стуломъ Даши, поцѣловалъ ее въ волосы. — Насъ съ ней, Катюша, теперь водой не разольешь, молодецъ дѣвушка, — работница.

Онъ сѣлъ за столъ, покрытый свѣжей скатертью, пододвинулъ фарфоровую рюмочку съ яйцомъ, и ножомъ сталъ срѣзать ему верхушку.

— Представь, Катюша, я полюбилъ яйца по-англійски — съ горчицей и масломъ, необыкновенно вкусно, совѣтую тебѣ попробовать. А вотъ у нѣмцевъ-то выдаютъ по одному яйцу на человѣка два раза въ мѣсяцъ. Какъ это тебѣ понравится?

Онъ открылъ большой ротъ и засмѣялся:

— Вотъ этимъ самымъ яйцомъ ухлопаемъ Германію всмятку. У нихъ, говорятъ, уже дѣти безъ кожи начинаютъ рождаться. Бисмаркъ имъ, дуракамъ, говорилъ, что съ Россіей нужно жить въ

мирѣ. Не послушали, пренебрегли нами, — теперь пожалуйте-съ — два яйца въ мѣсяцъ.

— Это ужасно, — сказала Екатерина Дмитріевна, поднявъ брови, — когда дѣти рождаются безъ кожи — это все равно ужасно, у кого рождаются — у насъ, или у нѣмцевъ.

— Прости, Катюша, ты несешь чепуху.

— Я только знаю, когда ежедневно убиваютъ убиваютъ, убиваютъ, — это такъ ужасно, что не хочется жить.

— Что-жъ подѣлаешь, моя милая, приходится на собственной шкурѣ начать понимать, что такое государство. Мы только читали у разныхъ Иловайскихъ, какъ какіе-то тамъ мужики воевали землю на разныхъ Куликовыхъ и Бородинскихъ поляхъ. Мы думали, — государство — очень милая и пріятная вещь. Ахъ, какая Россія большая! — взглянешь на карту. А вотъ теперь потрудитесь дать опредѣленный процентъ жизней для сохраненія цѣлостности того самаго, что на картѣ выкрашено зеленымъ черезъ вся Европу и Азію. Не весело. Вотъ, если ты говоришь, что государственный механизмъ у насъ плохъ, — тутъ я могу согласиться. Теперь, когда я иду умирать за государство, я прежде всего спрашиваю, — а вы, кто посылаете меня на смерть, вы — во всеоружіи государственной мудрости? Могу я спокойно пролить свою кровь за отечество? Да, Катюша, правительство еще продолжаетъ по старой привычкѣ коситься на общественныя организаціи, но уже ясно, — безъ насъ ему теперь не обойтись. А мы сначала за пальчикъ, потомъ и за всю руку схватимся. Я очень оптимистически настроенъ. — Николай Ивановичъ поднялся, взялъ съ камина спички, стоя закурилъ и бросилъ

догорѣвшую спичку въ кожуру отъ яйца. — Кровь не будетъ пролита даромъ. Война кончится тѣмъ, что у государственнаго руля вмѣсто царскаго держиморды встанетъ нашъ братъ, общественный дѣятель. То, чего не могли сдѣлать Земля и Воля, революціонеры и марксисты — сдѣлаетъ война. Прощайте, дѣвочки. — Онъ одернулъ френчъ и вышелъ, со спины похожій на переодѣтую женщину.

Екатерина Дмитріевна вздохнула и сѣла у окна съ вязаньемъ. Даша присѣла къ ней на подлокотникъ кресла и обняла сестру за плечи. Обѣ онѣ были въ черныхъ, закрытыхъ платьяхъ, и теперь, сидя молча и тихо, очень походили другъ на друга. За окномъ медленно падалъ снѣжокъ, и снѣжный, ясный свѣтъ лежалъ на стѣнахъ комнаты. Даша прижалась щекой къ катинымъ волосамъ, чуть-чуть пахнущимъ незнакомыми духами, и сказала:

— Катюша, какъ ты жила это время? Ты ничего не разсказываешь.

— О чемъ же, котикъ, разсказывать? Я тебѣ писала.

— Я, все-таки, Катюша, не понимаю, — ты красивая, прелестная, добрая. Такихъ, какъ ты, — я больше не знаю. Но почему ты несчастлива? Всегда у тебя грустные глаза.

— Сердце, должно быть, несчастливое.

— Нѣтъ, я серьезно спрашиваю.

— Я объ этомъ, дѣвочка, сама думаю все время. Должно быть, когда у человѣка есть все — тогда онъ по настоящему и несчастливъ. У меня — хорошій мужъ, любимая сестра, свобода... А живу, какъ въ миражѣ и сама, какъ призракъ... Помню, въ Парижѣ думала, — вотъ бы жить мнѣ гдѣ-нибудь

сейчасъ въ захолустномъ городишкѣ, ходить за птицей, за огородомъ, по вечерамъ бѣгать къ какому-нибудь пріятелю за рѣчку... Нѣтъ, Даша, моя жизнь кончена.

— Не говори глупостей...

— Знаешь, — Катя потемнѣвшими, пустыми глазами взглянула на сестру, — этотъ день я чувствую... Иногда ясно вижу полосатый тюфякъ, сползшую простыню, тазъ съ желчью... Я лежу мертвая, желтая, сѣдая...

Опустивъ шерстяное вязаніе, Екатерина Дмитріевна глядѣла на падающія въ безвѣтреной тишинѣ снѣжинки. Вдалекѣ надъ островерхой кремлевской башней, надъ раскоряченнымъ золотымъ орломъ, кружились, какъ облачко черныхъ листьевъ, галки.

— Я помню, Дуничка, я встала рано, рано утромъ. Съ балкона былъ виденъ Парижъ весь въ голубоватой дымкѣ и повсюду поднимались бѣлые, сѣрые, синіе дымки. Ночью былъ дождикъ, пахло свѣжестью, зеленью, ванилью. По улицѣ шли дѣти съ книжками, женщины съ корзинками, открывались съѣстныя лавочки. Казалось — это прочно и вѣчно. Мнѣ захотѣлось сойти туда, внизъ, смѣшаться съ толпой, встрѣтить какого-то человѣка съ добрыми глазами, положить ему руки на грудь, — возьми, люби! А, когда я спустилась на большіе бульвары, — весь городъ былъ уже сумасшедшій. Бѣгали газетчики, повсюду — взволнованныя кучки людей. Во всѣхъ глазахъ — страхъ смерти и ненависть. Началась война. Съ этого дня только и слышу — смерть, смерть, смерть... На что же еще надѣяться?...

Помолчавъ, Даша спросила:

— Катюша?

— Что, родненькая?

— А какъ ты съ Николаемъ?

— Не знаю, кажется — мы простили другъ друга. Смотри, ужъ вотъ три дня прошло, — онъ со мной очень нѣженъ. Какіе тамъ женскіе счеты, Дуничка!... Страдай, сойди съ ума. — Кому сейчасъ это нужно? Такъ, пищишь, какъ комаръ, и себя-то едва слышно. Завидую старухамъ, — у нихъ все просто: — скоро смерть, къ ней и готовься.

Даша поворочалась на подлокотникѣ кресла, вздохнула нѣсколько разъ глубоко, и сняла руку съ катиныхъ плечъ. Екатерина Дмитріевна сказала нѣжно:

— Дуничка, Николай Ивановичъ мнѣ сказалъ, что ты невѣста. Правда это? Бѣдненькая. — Она взяла Дашину руку, поцѣловала и, положивъ на грудь, стала гладить. — Я вѣрю, что Иванъ Ильичъ живъ. Если ты его очень любишь — тебѣ больше ничего, ничего на свѣтѣ не нужно.

Сестры опять замолчали, глядя на падающій за окномъ снѣгъ. По улицѣ, среди сугробовъ, скользя сапогами, прошелъ взводъ юнкеровъ съ вѣниками и чистымъ бѣльемъ подъ мышками. Юнкеровъ гнали въ баню. Проходя, они запѣли одной глоткой, съ присвистомъ:

«Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать»...

Пропустивъ нѣсколько дней, Даша снова начала ходить въ лазаретъ. Екатерина Дмитріевна оставалась одна въ квартирѣ, гдѣ все было чужое: — два скучныхъ пейзажа на стѣнѣ, — стогъ сѣна и талая вода между голыми березами; надъ диваномъ

въ гостиной — незнакомая фотографія какой-то некрасивой женщины, двухъ мальчиковъ-кадетовъ и генерала въ пенснэ; въ углу на подставочкѣ — снопъ пыльнаго ковыля, привезеннаго изъ степей, съ кумыса.

Екатерина Дмитріевна пробовала ходить въ театръ, гдѣ старые актеры играли — Островскаго, на выставки картинъ, въ музеи, — все это показалось ей блѣднымъ, выцвѣтшимъ, полуживымъ, и сама она себѣ — тѣнью, бродящей по давно всѣми оставленной жизни.

Цѣлыми часами Екатерина Дмитріевна просиживала у окна, у теплой батареи отопленія, глядѣла на снѣжную, тихую Москву, гдѣ въ мягкомъ воздухѣ, сквозь опускающійся снѣгъ, раздавался печальный колокольный звонъ, — служили панихиду, либо хоронили привезеннаго съ фронта. Книга валилась изъ рукъ, — о чемъ читать? о чемъ мечтать? Мечты и прежнія думы, — какъ все это теперь ничтожно.

Время шло отъ утренней газеты до вечерней. Екатерина Дмитріевна видѣла, какъ всѣ окружающіе ее люди жили только будущимъ, какими-то воображаемыми днями побѣды и мира, — все, что укрѣпляло эти ожиданія, переживалось съ повышенной, сумасшедшей радостью, отъ неудачъ всѣ стискивали зубы. Люди были разсѣянны, какъ маніаки, жадно ловили слухи, отрывки фразъ, невѣроятныя сообщенія и воспламенялись отъ газетной строчки, — и при этомъ можно было расколотить себѣ голову о камни на Театральной площади — никто бы не замѣтилъ.

Екатерина Дмитріевна рѣшилась, наконецъ, и поговорила съ мужемъ, прося пристроить ее на какое-нибудь дѣло. Въ началѣ марта она начала работать въ томъ же лазаретѣ, гдѣ служила и Даша.

Въ первое время у нея, такъ же, какъ и у Даши, было отвращеніе къ грязи и страданію. Но она преодолѣла себя и понемногу втянулась въ работу. Это преодолѣніе было радостно. Впервые она почувствовала близость жизни вокругъ себя, точно въ сухую пустыню побѣжалъ живой ручеекъ. Она полюбила грязную и трудную работу, и жалѣла тѣхъ, для кого работала. Однажды она сказала Дашѣ:

— Почему это выдумано было, что мы должны жить какой-то необыкновенной, утонченной жизнью? Въ сущности, мы съ тобой такія же бабы, — намъ бы мужа попроще, да дѣтей побольше, да къ травкѣ поближе...

На Страстной сестры говѣли у Николы на Курьихъ Ножкахъ, что на Ржевскомъ. Екатерина Дмитріевна возила святить лазаретскія пасхи и разговлялась вмѣстѣ съ Дашей въ лазаретѣ. У Николая Ивановича было въ эту ночь экстренное засѣданіе, и онъ заѣхалъ за сестрами въ третьемъ часу ночи на автомобилѣ. Екатерина Дмитріевна сказала, что онѣ съ Дашей спать не хотятъ, а просятъ везти ихъ кататься. Это было нелѣпо, но шофферу дали стаканъ коньяку и поѣхали на Ходынское поле.

Было чуть-чуть морозно, — холодило щеки. Небо — безоблачно, въ рѣдкихъ, ясныхъ звѣздахъ. Подъ колесами хрустѣлъ ледокъ. Катя и Даша, обѣ въ бѣлыхъ платочкахъ и сѣрыхъ шубкахъ, тѣсно прижались другъ къ другу въ глубокомъ сидѣньи автомобиля. Николай Ивановичъ, сидѣвшій съ шофе-

ромъ, оглядывался на нихъ, — обѣ были темнобровыя, темноглазыя, бѣленькія.

— Ей Богу, не знаю — какая изъ васъ моя жена, — говорилъ онъ тихо. И кто-то изъ нихъ отвѣтилъ:

— Не угадаешь, — и обѣ засмѣялись.

Надъ огромнымъ, смутнымъ полемъ начинало чуть у краевъ зеленѣть небо и вдалекѣ проступали темныя очертанія Серебрянаго Бора.

Даша сказала тихо:

— Катюша, любить очень хочется. — Екатерина Дмитріевна сжала ей руку, глаза ея были полны слезъ. Надъ лѣсомъ, въ зеленоватой влагѣ разсвѣта, сіяла большая звѣзда, переливаясь, точно дыша.

— Я и забылъ сказать, Катюша, — проговорилъ Николай Ивановичъ, поворачиваясь на сидѣньѣ всѣмъ тѣломъ, — только что пріѣхалъ нашъ уполномоченный — Чумаковъ, разсказываетъ, что въ Галиціи, оказывается, положеніе очень серьезное. Нѣмцы лупятъ насъ такимъ ураганнымъ огнемъ, что натло уничтожаютъ цѣлые полки. А у насъ снарядовъ, изволите ли видѣть, не хватаетъ... Чортъ знаетъ, что такое!..

Катя не отвѣтила, только подняла глаза къ звѣздамъ, Даша прижалась лицомъ къ ея плечу. Николай Ивановичъ чертыхнулся еще разъ и велѣлъ шофферу поворачивать домой.

На третій день праздниковъ Екатерина Дмитріевна почувствовала себя плохо, не пошла на дежурство и слегла. У нея оказалось воспаленіе легкихъ, — должно быть простудилась на сквознякахъ.

XX

— Такія у насъ дѣла — сказать страшно.

— Будетъ тебѣ на огонь-то пучиться, иди спать.

— Такія дѣла... Эхъ, братцы мои, пропадаетъ Россія!

У глиняной стѣны сарая, крытаго высокой, какъ ометъ, соломенной крышей, у тлѣющаго костра сидѣли трое солдатъ. Одинъ развѣсилъ на колышкахъ сушить портянки, поглядывалъ, чтобы не задымились, другой подшивалъ заплату на портки, осторожно тянулъ нить; третій, сидя на землѣ, подобравъ ноги и засунувъ глубоко руки въ карманы шинели, рябой и носатый, съ черной, рѣдкой бородкой, глядѣлъ на огонь запавшими, сумасшедшими глазами.

— Все продано, вотъ какія дѣла, — говорилъ онъ негромко. — Чуть наши перевѣсъ начинаютъ брать — сейчасъ приказъ — отойти. Только и знаемъ, что жидовъ на сучкахъ вѣшать, а измѣна, гляди, на самомъ верху гнѣздится.

— Такъ надоѣла мнѣ эта война, ни въ одной газетѣ не опишутъ, — сказалъ солдатъ, сушившій портянки, и осторожно положилъ хворостинку на угли. — Пошли наступать, отступили, опять наступленіе, ахъ, пропасти на нихъ нѣтъ! — и тѣмъ же порядкомъ опять возвращаемся на свое мѣсто. Безрезультатно, — выговорилъ онъ съ удовольствіемъ. — Одно, — всю окрестность дермомъ завалили. Въ окружности всѣ бабы брюхатыя ходятъ. Съ души воротитъ.

— Давеча ко мнѣ подходитъ поручикъ Жадовъ, — съ усмѣшкой, не поднимая головы, проговорилъ солдатъ, штопавшій штаны, — ну, хорошо. Со ску-

ки, что-ли, черти ему покоя не даютъ. Начинаетъ придираться. Отчего дыра на порткахъ? Да — какъ стоишь? Я молчу. И кончился нашъ разговоръ очень просто, — разъ меня въ зубы.

Солдатъ, сушившій портянки, отвѣтилъ:

— Ружьевъ нѣтъ, стрѣлять нечѣмъ. На нашей батареѣ снарядовъ — семь штукъ на орудіе. Такимъ образомъ у нихъ одно остается — по зубамъ щелкать нашего брата...

Штопавшій штаны съ удивленіемъ взглянулъ на него, покачалъ головой, — ну, ну! Черный, страшноглазый солдатъ сказалъ:

— Весь народъ подняли, берутъ теперь до сорока трехъ лѣтъ. Съ такой бы силой свѣтъ можно пройти. Развѣ мы отказываемся? Только ужъ и ты свое исполняй, — мы свое исполнимъ.

Штопавшій штаны кивнулъ, — вѣрно.

— Видѣлъ я поле подъ Варшавой, — говорилъ черный, — лежатъ на немъ тысячъ пять, али шесть сибирскихъ стрѣлковъ. Всѣ побитые, лежатъ, какъ снопы. Я рожь кошу — я ее потомъ соберу. А на военномъ совѣтѣ въ Варшавѣ стали рѣшать, что, молъ, такъ и такъ, и сейчасъ одинъ генералъ тайкомъ выходитъ оттудова и телеграмму въ Берлинъ. Понялъ? Два сибирскихъ корпуса прямымъ маршемъ съ вокзала — прямо на это поле, и попадаютъ подъ пулеметы. Что ты мнѣ говоришь — въ зубы дали. Отецъ мой, бывало, не такъ хомутъ засупонишь, — подойдетъ и бьетъ меня по лицу, и правильно — учись, страхъ знай. А за что сибирскихъ стрѣлковъ, какъ барановъ, положили? Я вамъ говорю, ребята, пропала Россія, продали насъ. И продалъ насъ нашъ же мужикъ, односельчанинъ мой, села Покровскаго, шорникъ. Имени то его и гово-

рить не хочу... Неграмотный онъ, какъ и я, озорникъ, сладкомордый, отбился отъ работы, сталъ лошадей красть, по скитамъ шататься, привыкъ къ бабамъ, къ водкѣ сладкой... А теперь въ Петербургѣ за царя сидитъ, министры, генералы да черти кругомъ его такъ и крутятся. И все у нихъ тамъ бѣсовское. Мнѣ сказывали, — задрали одному попу рясу, а тамъ хвостъ. И въ причастіе они сѣмя бросаютъ. Насъ бьютъ, тысячами въ сырую землю ложимся, а у нихъ въ Петербургѣ во всемъ городѣ электричество такъ и пышитъ. Пьютъ, ѣдятъ, въ каждомъ дому балъ. Бабы по сихъ поръ — голыя... Изъ Германіи туда на трехъ лодкахъ подводныхъ деньги привезены, доподлинно знаю. У меня вотъ рука для крестнаго знаменія не поднимается, какъ каменная...

Онъ вдругъ замолчалъ. Было тихо и сыро, въ сараѣ похрустывали лошади, одна глухо ударила въ стѣну. Изъ-за крыши на огонь скользнула ночная птица и пропала, жалобно крикнувъ. И въ это время вдалекѣ, въ небѣ, возникъ ревъ, надрывающій, приближающійся, точно съ неимовѣрной быстротой летѣлъ звѣрь, разрывая рыломъ темноту, и ткнулся гдѣ-то, и вдалекѣ за сараемъ рванулъ разрывъ, затрепетала земля. Забились лошади, звеня недоуздками. Солдатъ, зашивавшій портки, проговорилъ опасливо:

— Вотъ это такъ двинуло!

— Ну и пушка!

— Подожди.

Всѣ трое подняли головы. Въ беззвѣздномъ небѣ выросталъ второй звукъ, длился, казалось, минуты двѣ, и гдѣ-то совсѣмъ близко, за сараемъ, по эту сторону сарая, громыхнулъ второй разрывъ, вы-

ступили черные конусы елей, и опять затрепетала земля. И сейчасъ же сталъ слышенъ полетъ третьяго снаряда. Звукъ его былъ захлебывающійся, притягивающій... Слушать было такъ нестерпимо, что останавливалось сердце. Черный солдатъ поднялся съ земли и началъ пятиться. И сверху дунуло, — скользнула точно невидимая молнія, и съ рванымъ грохотомъ взвился черно-огненный столбъ.

Когда столбъ опустился, — отъ мѣста, гдѣ былъ костеръ и люди, осталась глубокая воронка. Надъ развороченной стѣной сарая загорѣлась и повалила желтымъ дымомъ соломенная крыша. Изъ пламени, храпя, вылетѣла черная, гривастая лошадь и шарахнулась къ выступившимъ изъ темноты соснамъ. А ужъ за зубчатымъ краемъ равнины мигали зарницы, рычали орудія, поднимались длинными червями ракеты, и огни ихъ, медленно падая, озаряли темную, сырую землю. Небо буравили, рыча и ревя, снаряды. Готовилось наступленіе врага.

XXI.

Этимъ же вечеромъ, неподалеку отъ сарая, въ офицерскомъ убѣжищѣ, по случаю полученія капитаномъ Тетькинымъ сообщенія о рожденіи сына, офицерами одной изъ ротъ Усольскаго полка былъ устроенъ «бомбаусъ». Глубоко подъ землей, подъ тройнымъ накатомъ, въ низкомъ погребѣ, освѣщенномъ пучками вставленныхъ въ стаканы стеариновыхъ свѣчей, сидѣли у стола восемь офицеровъ, докторъ и три сестры милосердія изъ летучаго лазарета.

Выпито было сильно. Счастливый отецъ, капитанъ

Теткинъ, спалъ, уткнувшись лицомъ въ локоть, грязная рука его висѣла надъ лысымъ черепомъ. Отъ духоты, отъ спирту, отъ обильнаго и мягкаго свѣта свѣчей сестры казались очень хорошенькими; были онѣ въ сѣрыхъ платьяхъ и сѣрыхъ косынкахъ. Одну звали Мушка, на вискахъ ея были закручены два черныхъ локона; не переставая, она смѣялась, закидывая голову, показывая бѣленькое горло, въ которое впивались тяжелыми взглядами два ея сосѣда и двое, сидящіе напротивъ. Другая, Марья Ивановна, полная, съ румянцемъ до бровей, необыкновенно пѣла цыганскіе романсы. Слушатели, внѣ себя, стучали по столу, повторяя: — Эхъ, чортъ! Вотъ была жизнь! — Третьей у стола сидѣла Елизавета Кіевна. Въ глазахъ у нея дробились-лучились огоньки свѣчей, лица бѣлѣли, какъ пятна сквозь дымъ, а одно лицо сосѣда, прапорщика Жадова, казалось страшнымъ и прекраснымъ. Онъ былъ широкоплечій, русый, бритый, со свѣтлыми, прозрачными глазами. Сидѣлъ онъ прямо, туго перетянутый ремнемъ, пилъ много и только блѣднѣлъ. Когда разсыпалась смѣшкомъ черноволосая Мушка, когда Марья Ивановна брала привезенную съ собой гитару, скомканнымъ платочкомъ вытирала лицо и, вытянувъ двойной подбородокъ, запѣвала груднымъ басомъ: «Я въ степяхъ Молдавіи родилась», — Жадовъ медленно усмѣхался угломъ прямого и тонкаго рта и подливалъ себѣ спирту.

Елизавета Кіевна глядѣла близко ему въ чистое, безъ морщинъ, какъ фарфоровое лицо. Ей пронзительно было грустно.

Онъ занималъ ее приличнымъ и незначительнымъ разговоромъ, разсказалъ, между прочимъ, что у нихъ въ полку есть штабсъ-капитанъ Мартыновъ, про кото-

раго ходитъ слава, будто онъ фаталистъ; дѣйствительно, когда онъ выпьетъ коньяку, то выходитъ ночью за проволоку, приближается къ непріятельскимъ окопамъ и ругаетъ нѣмцевъ на четырехъ языкахъ; надняхъ онъ поплатился за свое честолюбіе раной въ животъ. Елизавета Кіевна, вздохнувъ, сказала, что, значитъ, штабсъ-капитанъ Мартыновъ — герой. Жадовъ усмѣхнулся:

— Извиняюсь, есть честолюбцы и есть дураки, но героевъ нѣтъ.

— Но когда вы идете въ аттаку — развѣ не геройство?

— Во-первыхъ — въ аттаку не ходятъ, а заставляютъ итти, и тѣ, кто идутъ, трусы. Конечно, есть люди, рискующіе своей жизнью безъ принужденія, но это тѣ, у кого — органическая жажда убивать. — Жадовъ постучалъ пальцами по столу. — Если хотите, — то это люди, стоящіе на высшей ступени человѣческаго сознанія.

Онъ, легко приподнявшись, взялъ съ дальняго края стола большую коробку съ мармеладомъ и предложилъ Елизаветѣ Кіевнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, — сказала она и чувствовала, какъ стучитъ сердце, слабѣетъ тѣло. — Ну, скажите, а вы?

Жадовъ наморщилъ кожу на лбу, лицо его покрылось мелкими, неожиданными морщинами, стало старое.

— Что — а вы? — повторилъ онъ рѣзко. — Вчера я застрѣлилъ жида за сараемъ. Хотите знать — пріятно это, или нѣтъ? Какая чепуха!

Онъ сунулъ въ ротъ папиросу и чиркнулъ спичку, и плоскіе пальцы, державшіе ее, были тверды, но

папироса такъ и не попала въ огонекъ, не закуривалась.

— Да, я пьянъ, извиняюсь, — сказалъ онъ и бросилъ спичку, догорѣвшую до ногтей. — Пойдемте на воздухъ.

Елизавета Кіевна поднялась, какъ во снѣ, и пошла за нимъ къ узкому лазу изъ убѣжища. Вдогонку закричали пьяные, веселые голоса, и Марья Ивановна, рванувъ гитару, затянула басомъ: «Дышала ночь восторгомъ сладострастья»...

На волѣ остро пахло весенней прѣлью, было темно и тихо. Жадовъ быстро шелъ по мокрой травѣ, засунувъ руки въ карманы. Елизавета Кіевна шла немного позади него и, чувствуя, что это отчаянно обидно, не переставала улыбаться. Вдругъ онъ остановился и отрывисто спросилъ:

— Ну, такъ что же?

У нея запылали уши. Сдержавъ спазму въ горлѣ, она отвѣтила едва слышно:

— Не знаю.

— Пойдемте. — Онъ кивнулъ въ сторону темнѣющей крыши сарая. Черезъ нѣсколько шаговъ онъ опять остановился и крѣпко взялъ Елизавету Кіевну за руку ледяной рукой.

— Я сложенъ, какъ богъ, — проговорилъ онъ съ неожиданной горячностью. — Я рву двугривенные. Каждаго человѣка я вижу насквозь, какъ стекляннаго... Ненавижу. — Онъ запнулся, точно вспомнивъ о чемъ-то, и топнулъ ногой. — Эти всѣ хи-хи, ха-ха, пѣнье, трусливые разговоры — мерзость! Они всѣ, какъ червяки въ тепломъ навозѣ... Они видятъ только мои ноги. Я ихъ давлю... Слушайте... Я васъ не люблю, не могу! Не буду васъ любить... Не обольщайтесь... Но вы мнѣ нужны... Мнѣ отвра-

тительно это чувство зависимости... Вы должны понять... — Онъ сунулъ руки свои подъ локти Елизаветы Кіевны, сильно привлекъ ее и прижался къ виску губами сухими и горячими, какъ уголь.

Она рванулась, чтобы освободиться, но онъ такъ стиснулъ ее, что хрустнули кости, и она уронила голову, тяжело повисла на его рукахъ.

— Вы не такая, какъ тѣ, какъ всѣ, — проговорилъ онъ, — я васъ научу... Онъ вдругъ замолчалъ, поднявъ голову. Въ темнотѣ выросталъ рѣзкій, сверлящій звукъ.

— А, чортъ! — сказалъ Жадовъ сквозь зубы.

Сейчасъ же вдалекѣ грохнулъ разрывъ. Елизавета Кіевна опять рванулась, но Жадовъ еще сильнѣе сжалъ ее. Она проговорила отчаянно:

— Пустите же меня.

Разорвался второй снарядъ. Жадовъ продолжалъ что-то бормотать, и вдругъ совсѣмъ рядомъ, за сараемъ, взлетѣлъ черно-огненный столбъ, грохотомъ взрыва швырнуло высоко горящіе пучки соломы.

Елизавета Кіевна вырвалась, упала и, съ трудомъ поднявшись, оглушенная, побѣжала къ убѣжищу.

Оттуда, изъ лаза, поспѣшно выходили младшіе офицеры, оглядываясь на пылающій сарай, рысцою бѣжали по черно-изрытой отъ косого свѣта землѣ — одни налѣво къ лѣску, гдѣ были окопы, другіе — направо — въ ходъ сообщенія, ведущій къ предмостному укрѣпленію.

За рѣкой, далеко за холмами, грохотали нѣмецкія батареи. Обстрѣлъ начался съ двухъ мѣстъ, — били направо по мосту и налѣво по переправѣ, которая вела къ фольверку, недавно занятому на той сторонѣ рѣки шестой ротой Усольскаго полка. Часть

огня была сосредоточена на русскихъ батареяхъ, отвѣчавшихъ слабо.

Елизавета Кіевна видѣла, какъ Жадовъ, безъ шапки, засунувъ руки въ карманы, шагалъ прямо черезъ поле къ пулеметному гнѣзду. И вдругъ на мѣстѣ его высокой фигуры выросъ косматый, огненно-черный кустъ. Елизавета Кіевна закрыла глаза. Когда она опять взглянула, — Жадовъ шелъ лѣвѣе, все такъ же раздвинувъ локти. Капитанъ Тетькинъ, стоявшій съ биноклемъ около Елизаветы Кіевны, крикнулъ сердито:

— Говорилъ я — на какой намъ чортъ этотъ фольверкъ! Теперь пожалуйте, глядите — всю переправу разворочали. Ахъ, сволочи! — И опять уставился въ бинокль. — Ахъ, сволочи, лупятъ прямо по фольверку! Пропала шестая рота. Эхъ! — Онъ отвернулся и шибко поскребъ голый затылокъ. — Шляпкинъ!

— Здѣсь, — быстро отвѣтилъ маленькій, носатый человѣкъ въ папахѣ.

— Говорили съ фольверкомъ?

— Сообщеніе прервано.

— Передайте въ восьмую роту, — чтобы послали подкрѣпленіе на фольверкъ.

— Слушаюсь, — отвѣтилъ Шляпкинъ, отчетливо отнимая руку отъ виска, — отошелъ два шага и остановился.

— Поручикъ Шляпкинъ! — свирѣпымъ голосомъ опять позвалъ капитанъ.

— Здѣсь.

— Потрудитесь исполнить приказаніе.

— Слушаюсь. — Шляпкинъ отошелъ подальше и, нагнувъ голову, сталъ тросточкой ковырять землю.

— Поручикъ Шляпкинъ! — заоралъ капитанъ.

— Здѣсь.

— Вы человѣческій языкъ понимаете, или не понимаете?

— Такъ точно, понимаю.

— Передайте въ восьмую роту приказаніе. Отъ себя скажете, чтобы его не исполняли. Они и сами не идіоты, чтобы посылать туда людей. Пускай пошлютъ человѣкъ пятнадцать къ переправѣ отстрѣливаться. Сейчасъ же сообщите въ дивизію, что восьмая рота молодецкимъ ударомъ форсируетъ переправу. А потери мы покажемъ изъ шестой роты. Идите. Да, убирайтесь вы, барышня, — обернулся онъ къ Елизаветѣ Кіевнѣ, — убирайтесь къ чортовой матери отсюда, сейчасъ начнется обстрѣлъ.

Въ это время съ шипомъ пронесся снарядъ и ударилъ шагахъ въ двадцати позади въ дерево.

XXII.

Жадовъ лежалъ у самой щели пулеметнаго блиндажа и съ жадностью, не отрываясь отъ бинокля, слѣдилъ за боемъ. Блиндажъ былъ вырытъ на скатѣ лѣсистаго холма. У подножья его пологой дугою загибалась рѣка; направо валилъ клубами только что загорѣвшійся мостъ; за нимъ на той сторонѣ въ травяномъ болотѣ виднѣлась изломанная линія окоповъ, гдѣ сидѣла первая рота усольцевъ; лѣвѣе ихъ вился въ камышахъ ручей, впадающій въ рѣчку; еще лѣвѣе, за ручьемъ, пылали три зданія фольверка; за ними въ вынесенныхъ угломъ окопахъ сидѣла шестая рота. Шагахъ въ трехстахъ отъ нея начи-

нались нѣмецкія линіи, идущія, затѣмъ, направо въ даль къ лѣсистымъ холмамъ.

Отъ пламени двухъ пожаровъ рѣка казалась грязно-багровой, и вода въ ней словно кипѣла отъ множества падающихъ снарядовъ, взлетала фонтанами, окутывалась бурыми и желтыми облаками.

Наиболѣе сильный артиллерійскій огонь былъ сосредоточенъ на фольверкѣ. Надъ пылающими зданіями поминутно блистали разрывы шрапнелей, и по сторонамъ угломъ сломанной черты окоповъ взлетали космато-черные столбы. Изъ за ручья, въ тростникахъ и травѣ, кое-гдѣ, вспыхивали иголочки ружейной стрѣльбы.

Рррррахъ, рррррахъ, — сотрясали воздухъ разрывы тяжелыхъ снарядовъ. Ппахъ, ппахъ, ппахъ, — слабо лопалась шрапнель надъ рѣкой, надъ лугами, и на этой сторонѣ надъ окопами 2, 3, и 4 ротъ. Рррруу, ррррyy, — катился громовой грохотъ изъ за холмовъ, гдѣ бѣлыми зарницами вспыхивали двѣнадцать нѣмецкихъ батарей. Ссссыкъ, ссссыкъ, — свистали въ воздухѣ, уносясь за эти холмы, отвѣтные наши снаряды.

Отъ шума ломило уши, давило грудь и злоба клубкомъ подкатывала подъ сердце.

Такъ продолжалось долго, очень долго. Жадовъ взглянулъ на свѣтящіеся часы; показывало половина третьяго, значитъ, — уже свѣтаетъ и надо ждать аттаки.

Дѣйствительно, грохотъ артиллерійской стрѣльбы усилился, еще сильнѣе закипѣла вода въ рѣкѣ, снаряды били по переправамъ и холмамъ по этой сторонѣ. Иногда глухо начинала дрожать земля, и сыпались глина и камушки со стѣнъ и потолка блин-

дажа. Но на площади догоравшаго фольверка стало тихо. И, вдругъ, издалека, наискось къ рѣкѣ, взвились огненными лентами десятки ракетъ, и земля озарилась, какъ солнцемъ. Когда огни потухли, на нѣсколько минутъ стало совсѣмъ темно. Нѣмцы поднялись изъ убѣжищъ и пошли въ аттаку.

Въ неясномъ сумракѣ разсвѣта Жадовъ разглядѣлъ, наконецъ, далеко на лугу двигающіяся фигурки, онѣ то припадали, то перегоняли другъ друга. Навстрѣчу имъ съ фольверка не вспыхнулъ ни одинъ огонекъ. Жадовъ, обернувшись, крикнулъ:

— Ленту!

Пулеметъ задрожалъ, какъ отъ дьявольской ярости, торопливо сталъ выплевывать свинецъ, удушать ѣдкой гарью. Сейчасъ же быстрѣе задвигались фигурки на лугу, иныя припали. Но уже все поле было полно точками наступающихъ. Передніе изъ нихъ подбѣгали къ разрушеннымъ окопамъ шестой роты. Оттуда поднялось десятка два человѣкъ. И около этого мѣста быстро, быстро сбилась толпа.

Этотъ бой за фольверкъ былъ лишь ничтожной частью огромнаго сраженія, разыгравшагося на фронтѣ протяженіемъ въ нѣсколько сотъ верстъ и стоившаго обѣимъ сторонамъ около милліарда рублей и нѣсколько сотъ тысячъ жизней.

Сраженіе не имѣло никакого смысла, потому что убыль въ войскахъ была пополнена, произведена новая мобилизація, наготовлены новые снаряды, выпущены новыя партіи бумажныхъ денегъ. Только оказались разрушенными нѣсколько городовъ, и сгорѣла до-тла сотня деревень. И снова обѣ стороны стали готовиться къ тому, чтобы, какъ въ то время

говорилось, — вырвать инициативу наступленія изъ рукъ противника.

Не имѣлъ никакого смысла и бой за фольверкъ. Русскими фольверкъ былъ занятъ двѣ недѣли тому назадъ для того, чтобы обезпечить себѣ плацдармъ въ случаѣ наступленія черезъ рѣку. Нѣмцы рѣшили занять фольверкъ для того, чтобы вынести ближе къ рѣкѣ наблюдательный пунктъ. Та и другая цѣль была важна только для начальниковъ дивизій — нѣмецкой и русской, входила въ мудрый и обдуманный ими во всѣхъ мелочахъ стратегическій планъ весенней кампаніи.

Командующій русской дивизіей, генералъ Добровъ, полгода тому назадъ съ Высочайшаго соизволенія перемѣнившій на таковую свою прежнюю не русскую фамилію, сидѣлъ за преферансомъ въ то время, когда было получено сообщеніе о наступленіи нѣмцевъ въ секторѣ Усольскаго полка.

Генералъ оставилъ преферансъ и вмѣстѣ съ оберъ-офицерами и двумя адъютантами перешелъ въ залу, гдѣ на столѣ лежали топографическія карты. Съ фронта доносили объ обстрѣлѣ переправы и моста. Генералъ понялъ, что нѣмцы намѣреваются отобрать фольверкъ, то-есть то, именно, мѣсто, на которомъ онъ построилъ свой знаменитый планъ наступленія, одобренный уже штабомъ корпуса и представленный командующему арміей на одобреніе. Нѣмцы аттакой фольверка разбивали весь планъ.

Поминутно телефонограммы подтверждали это опасеніе. Генералъ снялъ съ большого носа пенснэ и, играя имъ, сказалъ спокойно, но твердо:

— Хорошо. Я не отступлю ни на пядь отъ занятыхъ ввѣренными мнѣ войсками позицій.

Тотчасъ была дана телефонограмма о принятіи

соотвѣтствующихъ мѣръ къ оборонѣ фольверка. 238 Кундравинскому третьеочередному полку, стоящему въ резервѣ, приказано двинуться въ составѣ двухъ батальоновъ къ переправѣ на подкрѣпленіе Тетькина. Въ это время отъ командира тяжелой батареи пришло донесеніе, что снарядовъ мало, одно орудіе уже подбито, и отвѣчать въ должной мѣрѣ на ураганный огонь противника нѣтъ возможности.

На это генералъ Добровъ сказалъ, строго взглянувъ на присутствующихъ:

— Хорошо. Когда выйдутъ снаряды — мы будемъ драться холоднымъ оружіемъ. — Вынулъ изъ кармана сѣрой, съ красными отворотами, тужурки бѣлоснѣжный платокъ, встряхнулъ его, протеръ пенснэ и наклонился надъ картой.

Затѣмъ, въ дверяхъ появился младшій адъютантъ, графъ Бобруйскій, корнетъ, облитый, какъ перчаткою, темнокоричневымъ хаки, высоко перетянутый ремнемъ, въ снаряженіи и широкихъ галифэ.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ, чуть замѣтно улыбаясь уголкомъ красиваго, юношескаго рта, — капитанъ Тетькинъ доноситъ, что восьмая рота молодецкимъ ударомъ форсируетъ переправу, не взирая на губительный огонь врага.

Генералъ поверхъ пенснэ взглянулъ на корнета, пожевалъ бритымъ ртомъ и сказалъ:

— Очень хорошо.

Но, несмотря на бодрый тонъ, донесенія съ фронта приходили все болѣе неутѣшительныя. 238 Кундравинскій полкъ дошелъ до переправы, легъ и окопался. Восьмая рота продолжала молодецкіе удары, но не переправлялась. Командиръ мортирнаго дивизіона, капитанъ Исламбековъ, донесъ, что у него подбито два орудія и мало снарядовъ. Командиръ

перваго батальона Усольскаго полка, полковникъ Бороздинъ, доносилъ, что вслѣдствіе открытыхъ позицій вторая, третья и четвертая роты терпятъ большія потери въ людяхъ, и потому онъ проситъ либо разрѣшить ему броситься и опрокинуть дерзкаго врага, либо отойти къ опушкѣ. Донесеній отъ шестой роты, занимающей фольверкъ, не поступало.

Въ половина третьяго по полуночи былъ созванъ военный совѣтъ. Генералъ Добровъ сказалъ, что онъ самъ пойдетъ впереди ввѣренныхъ ему войскъ, но не уступитъ ни вершка занятаго плацдарма. Въ это время пришло донесеніе, что фольверкъ занятъ и шестая рота до послѣдняго человѣка уничтожена. Генералъ стиснулъ въ кулакѣ батистовый платокъ и закрылъ глаза. Начальникъ штаба, полковникъ Свѣчинъ, поднявъ полныя плечи и наливаясь кровью въ мясистомъ, чернобородомъ лицѣ, проговорилъ отчетливымъ хрипомъ:

— Ваше превосходительство, я всегда изволилъ вамъ докладывать, что вынесеніе позицій на правый берегъ — рисковано. Мы уложимъ на этой переправѣ два и три, и четыре батальона и, если даже отобьемъ фольверкъ, удержаніе его будетъ крайне затруднительно. Я рѣшительно противъ дальнѣйшей борьбы за плацдармъ.

— Намъ нуженъ плацдармъ, мы его должны имѣть, мы его будемъ имѣть, господинъ полковникъ, — проговорилъ генералъ Добровъ и на носу его выступилъ потъ, — дѣло идетъ не о пустомъ честолюбіи, а дѣло идетъ о томъ, что съ потерей плацдарма мой планъ наступленія сводится къ нулю.

Полковникъ Свѣчинъ возражалъ, еще болѣе багровѣя:

— Ваше превосходительство, войска физически не

могутъ переходить рѣчку подъ ураганнымъ огнемъ, не будучи въ должной мѣрѣ поддержаны артиллеріей, а, какъ вамъ извѣстно, артиллеріи поддержать ихъ нечѣмъ.

На это генералъ отвѣтилъ:

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ передайте войскамъ, что на той сторонѣ рѣки на проволокахъ висятъ георгіевскіе кресты. Я знаю моихъ солдатъ.

Послѣ этихъ, долженствующихъ войти въ исторію, словъ, генералъ поднялся и, вертя за спиной въ короткихъ пальцахъ золотое пенснэ, сталъ глядѣть въ окно, за которымъ на лугу въ нѣжно-голубомъ утреннемъ туманѣ стояла мокрая береза. Стайка воробьевъ обсѣла ея тонкіе, свѣтлозеленые сучья, зачиликала, торопливо и озабоченно, и вдругъ снялась и улетѣла. И весь туманный лугъ съ неясными очертаніями деревьевъ уже пронизывали косые, золотистые лучи солнца.

На восходѣ солнца бой кончился. Нѣмцы занимали фольверкъ и лѣвый берегъ ручья. Изо всего плацдарма въ рукахъ русскихъ осталась только низина по правую сторону ручья, гдѣ сидѣла первая рота. Весь день черезъ ручей шла лѣнивая перестрѣлка, но было ясно, что первая рота находилась подъ опасностью окруженія, — непосредственной связи у нея съ этимъ берегомъ не было изъ-за сгорѣвшаго моста, и самымъ разумнымъ казалось — очистить болото въ ту же ночь.

Но послѣ полудня командующій первымъ батальономъ полковникъ Бороздинъ получилъ приказаніе готовиться этой ночью къ переходу бродомъ на болото для усиленія позицій первой роты. Капитану

Теткину приказано накапливаться, въ составѣ пятой и седьмой ротъ, ниже фольверка и переправляться на понтонахъ. Третьему батальону усольцевъ, стоящему въ резервѣ, — занять позиціи аттакующихъ. 238 Кундравинскому полку переправляться по мелкому мѣсту сожженной переправы и ударить въ лобъ.

Приказъ былъ серьезный, диспозиція ясная: — фольверкъ обхватывался клещами справа первымъ и слѣва вторымъ батальономъ, запасной Кундравинскій полкъ долженъ привлечь на себя все вниманіе и огонь врага. Аттака была назначена въ полночь.

Въ сумерки Жадовъ пошелъ ставить пулеметы на переправѣ, и одинъ аппаратъ съ величайшими предосторожностями перевезъ на лодкѣ на небольшой, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженей, островокъ, поросшій лознякомъ. Здѣсь Жадовъ и остался. Позиція была опасная, но удобная.

Весь день русскія батареи поддерживали лѣнипереправѣ, и одинъ аппаратъ съ величайшими предосторожностями перевезъ на лодкѣ на небольшой, кое-гдѣ по рѣкѣ хлопали одиночные ружейные выстрѣлы. Въ полночь, въ молчаніи началась переправа войскъ сразу въ трехъ мѣстахъ. Чтобы отвлечь вниманіе врага — части Бѣлоцерковскаго полка, стоящія верстахъ въ пяти выше по теченію, начали оживленную перестрѣлку. Нѣмцы, насторожась, молчали.

Раздвинувъ опутанныя паутиной вѣтви лозняка, Жадовъ слѣдилъ за переправой. Направо желтая, немигающая звѣзда стояла невысоко надъ зубчатыми холмами, и тусклый отсвѣтъ ея дрожалъ въ глянцевито-выпуклой водѣ рѣки. Эту полосу отсвѣта стали пересѣкать темные предметы. На песча-

ныхъ островкахъ и меляхъ появились перебѣгающія фигуры. Недалеко отъ Жадова человѣкъ десять ихъ двигалось съ негромкимъ плескомъ, по грудь въ водѣ, держа въ поднятыхъ рукахъ винтовки и патронныя сумки. Это переправлялись кундравинцы.

Вдругъ, далеко на той сторонѣ, вспыхнули быстрые огни, запѣли, налетая, снаряды, и, — пахъ, пахъ, пахъ, — съ металлическимъ трескомъ залопались шрапнели высоко надъ рѣкой. Каждая вспышка освѣщала поднятыя изъ воды бѣлыя, бородатыя лица. Вся отмель кишѣла бѣгущими людьми. Пахъ, пахъ, пахъ, — разорвалась новая очередь. Раздались крики. Взвились и разсыпались ослѣпительными огнями ракеты по всему небу. Загрохотали русскія батареи. Къ ногамъ Жадова теченіемъ нанесло барахтающагося человѣка. «Голову, голову пробили!» — сдавленнымъ голосомъ повторялъ онъ и цѣплялся за лозы. Жадовъ перебѣжалъ на другую сторону острова. Вдалекѣ черезъ рѣку двигались понтоны, полные людей, и было видно, какъ переправившіяся части перебѣгали по полю. Сейчасъ, какъ и вчера надъ рѣкой, на переправахъ и по холмамъ оглушающе, ослѣпляюще грохотала буря ураганнаго огня. Кипящая вода была точно червивая: — сквозь черные и желтые клубы дыма, межъ водяныхъ столбовъ, лѣзли, орали, барахтались солдаты. Достигшіе той стороны ползли на берегъ, хватали за ноги вылѣзающихъ. Съ тыла хлестали Жадовскіе пулеметы. Рвались впереди русскіе снаряды. Обѣ роты капитана Теткина били перекрестнымъ огнемъ по фольверку. Переднія части кундравинцевъ, какъ оказалось впослѣдствіи, потерявшихъ при переправѣ половину состава, пошли было въ штыки, но не

выдержали и легли подъ проволоку. Изъ за ручья, изъ камышей высыпали густыя цѣпи перваго батальона. Нѣмцы отхлынули изъ окоповъ.

Жадовъ лежалъ у пулемета и, вцѣпившись въ бѣшено дрожащій замокъ, поливалъ настильнымъ огнемъ позади нѣмецкой траншеи травянистый изволокъ, по которому пробѣгали то два, то три, то кучка людей, и, неизмѣнно, всѣ они спотыкались и тыкались ничкомъ, на бокъ.

«Пятьдесятъ восемь. Шестьдесятъ», — считалъ Жадовъ. Вотъ поднялась щуплая фигурка и, держась за голову, поплелась на изволокъ. Жадовъ осторожно повелъ мушкой пулемета, фигурка сѣла на колѣни и легла. «Шестьдесятъ одинъ». Вдругъ нестерпимый, обжигающій свѣтъ возникъ передъ глазами, Жадовъ почувствовалъ, какъ его подняло на воздухъ и острой болью рвануло руку.

Фольверкъ и всѣ прилегающія къ нему линіи окоповъ были заняты; захвачено около двухсотъ человѣкъ нѣмцевъ; на разсвѣтѣ затихъ съ обѣихъ сторонъ артиллерійскій огонь. Началась уборка раненыхъ и убитыхъ. Обыскивая островки, санитары нашли въ поломанномъ лознякѣ опрокинутый пулеметъ, около — уткнувшагося въ песокъ нижняго чина съ оторваннымъ затылкомъ, и саженяхъ въ пяти, на другой сторонѣ островка, лежалъ ногами въ водѣ Жадовъ. Его подняли, онъ застоналъ, изъ запекшагося кровью рукава торчалъ кусокъ розовой кости.

Когда Жадова привезли въ летучку, докторъ крикнулъ Елизаветѣ Кіевнѣ: «Молодчика вашего привезли. На столъ, немедленно рѣзать». Жадовъ былъ

безъ сознанія, съ обострившимся носомъ, съ чернымъ ртомъ. Когда съ него сняли рубашку — Елизавета Кіевна увидѣла на бѣлой, широкой груди его татуировку — обезьяны, сцѣпившіяся хвостами. Во время операціи онъ стиснулъ зубы и лицо его стало сводить судорогой.

Послѣ мученія, перевязанный, онъ открылъ глаза. Елизавета Кіевна нагнулась къ нему.

— Шестьдесятъ одинъ, — сказалъ онъ.

Жадовъ бредилъ до утра и потомъ крѣпко заснулъ. Елизавета Кіевна просила, чтобы ей самой разрѣшили отвезти его въ большой лазаретъ при штабѣ дивизіи.

XXIII

Даша вошла въ столовую и остановилась у стола. Николай Ивановичъ и пріѣхавшій третьяго дня по срочной телеграммѣ изъ Самары — Дмитрій Степановичъ замолчали. Придерживая у подбородка бѣлую шаль, Даша взглянула на красное съ растрепанными волосами лицо отца, сидѣвшаго поджавъ ногу, на перекосившагося, съ воспаленными вѣками Николая Ивановича, опустилась на стулъ и сквозь полившіяся слезы глядѣла, какъ за окномъ въ синеватыхъ сумеркахъ стоялъ ясный и узкій серпъ мѣсяца.

Дмитрій Степановичъ курилъ, сыпля пепломъ на мохнатый жилетъ. Николай Ивановичъ старательно сгребалъ пальцемъ кучечку крошекъ на скатерти. Сидѣли долго, молча. Наконецъ, Николай Ивановичъ проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Почему всѣ оставили ее? — нельзя же такъ.

— Сиди, я пойду, — отвѣтила Даша, поднимаясь. Она уже не чувствовала ни боли во всем тѣлѣ, ни усталости. — Папочка, поди, вспрысни еще, — сказала она, закрывая ротъ шалью. Дмитрій Степановичъ сильно сопнулъ носомъ и черезъ плечо бросилъ догорѣвшую папиросу. Весь полъ вокругъ него былъ забросанъ окурками.

— Папочка, вспрысни еще, я тебя умоляю. — Тогда Николай Ивановичъ раздраженно и тѣмъ же, точно театральнымъ, голосомъ воскликнулъ:

— Не можетъ она жить одной камфорой. Она умираетъ, Даша.

Даша стремительно обернулась къ нему, слезы сразу высохли:

— Ты не смѣешь такъ говорить! — крикнула она, — не смѣешь! Она не умретъ.

Желтое лицо Николая Ивановича передернулось. Онъ обернулся къ окну и тоже увидѣлъ пронзительный, тонкій серпъ мѣсяца въ синеватой пустынѣ.

— Какая тоска, — сказалъ онъ, — если она уйдетъ — я не могу...

Даша на цыпочкахъ прошла по гостиной, еще разъ взглянула на синеватыя окна, — за ними былъ ледяной, вѣчный холодъ, и проскользнула въ катину спальню, едва освѣщенную ночникомъ.

Въ глубинѣ комнаты, на деревянной, желтой постели все такъ же неподвижно на подушкахъ лежало маленькое личико съ закинутыми наверхъ сухими и потемнѣвшими волосами, и пониже — узенькая ладонь. Даша опустилась на колѣни передъ кроватью. Катя едва слышно дышала. Спустя долгое время она проговорила тихимъ, жалобнымъ голосомъ:

— Который часъ?

— Восемь, Катюша.

Подышавъ, Катя опять спросила такъ же, точно жалуясь:

— Который часъ?

Она повторяла это весь день сегодня. Ея полупрозрачное лицо было спокойно, глаза закрыты... Вотъ уже долгое, долгое время она идетъ по мягкому ковру длиннаго, низкаго корридора. Онъ весь желтый — стѣны и потолокъ. Справа, высоко изъ пыльныхъ оконъ, льется жестковатый, мучительный свѣтъ. Налѣво — множество плоскихъ дверей. За ними, — если распахнуть ихъ, — край земли, бездна. Тамъ, въ тьмѣ, глубоко внизу, красноватымъ серпомъ виситъ мѣсяцъ. Катя медленно, такъ медленно, какъ во снѣ, идетъ мимо этихъ дверей и пыльныхъ оконъ. Впереди — длинный, плоскій корридоръ весь въ желтоватомъ свѣту. Душно, и вѣетъ смертной тоской отъ каждой дверцы. Когда же, Господи, конецъ? Тамъ, въ концѣ, она знаетъ, — влажный, зеленоватый лужокъ съ повисшими до земли мокрыми вѣтвями. И, кажется, слышно даже, какъ поетъ птица... Остановиться-бы, прислушаться... Нѣтъ, не слышно... А за дверями въ тьмѣ начинаетъ гудѣть, какъ пружина въ стѣнныхъ часахъ, медленный, низкій звукъ... О, какая тоска! .... Очнуться бы... Сказать что-нибудь простое, человѣческое...

И Катя съ усиліемъ, точно жалуясь, повторяла:

— Который часъ?

— Катюша, ты о чемъ все спрашиваешь?

«Хорошо. Даша здѣсь»... И снова мягкой тошнотою простирался подъ ногами корридорный коверъ, лился жесткій, душный свѣтъ изъ пыль-

ныхъ оконъ, издалека начинала гудѣть часовая пружина...

«Не слышать-бы... Не видѣть, не чувствовать... Лечь, уткнуться... Скорѣе-бы конецъ... Но мѣшаетъ Даша, не даетъ забыться... Держитъ за руку, цѣлуетъ, бормочетъ, бормочетъ... И словно отъ нея въ пустое, легкое тѣло льется что-то живое... Какъ это непріятно... Какъ-бы ей объяснить, что умирать легко, легче, чѣмъ чувствовать въ себѣ это живое... Отпустила-бы».

— Катюша, люблю, люблю тебя, ты слышишь?... «Не отпускаетъ, жалѣетъ... Значитъ — нельзя... Дѣвочка останется одна, осиротѣетъ»...

— Даша!

— Что, что?...

— Я поправлюсь, не умру.

Вотъ, должно быть, подходитъ отецъ, пахнетъ табакомъ. Наклоняется, отгибаетъ одѣяло, и въ грудь острой, сладкой болью входитъ игла. По крови разливается блаженная влага успокоенія. Колеблются, раздвигаются стѣны желтаго корридора, вѣетъ прохладой. Даша гладитъ руку, лежащую поверхъ одѣяла, прижимается къ ней губами, дышитъ тепломъ. Еще минуточка, и тѣло растворится въ сладкой темнотѣ сна. Но снова жесткія, желтенькія черточки выплываютъ сбоку изъ за глазъ, и — чиркъ, чиркъ — самодовольно, сами по себѣ, существуютъ, множатся, строютъ окаянный, душный корридоръ...

— Даша, Даша, я не хочу туда.

Даша обхватываетъ голову, ложится рядомъ на подушку, прижимается, живая и сильная, и точно льется изъ нея грубая, горячая сила, — живи.

А корридоръ ужъ протянулся, нужно подняться

и брести со стопудовой тяжестью на каждой ногѣ. Лечь нельзя. Даша обхватить, подниметъ, скажетъ, — иди.

Такъ, трое сутокъ боролась Катя со смертью. Непрестанно чувствовала она въ себѣ дашину страстную волю, и если-бы не Даша, — давно-бы обезсилѣла, успокоилась.

Весь вечеръ и ночь третьихъ сутокъ Даша не отходила отъ постели. Сестры стали точно однимъ существомъ, съ одной болью, и съ одной волей. И вотъ, подъ утро Катя покрылась, наконецъ, испариной и легла на бокъ. Дыханія ея почти не было слышно. Встревоженная Даша позвала отца. Они рѣшили ждать. Въ седьмомъ часу утра Катя вздохнула и повернулась на другой бокъ. Кризисъ миновалъ, началось возвращеніе къ жизни.

Здѣсь-же у кровати въ большомъ креслѣ заснула и Даша, въ первый разъ за эти дни. Николай Ивановичъ, узнавъ, что Катя спасена, обхватилъ мохнатый жилетъ Дмитрія Степановича и зарыдалъ.

Новый день насталъ радостный, — было тепло и солнечно, всѣ казались другъ другу добрыми. Изъ цвѣточнаго магазина принесли дерево бѣлой сирени и поставили въ гостиной. Даша чувствовала, какъ своими руками вырвала Катю у смерти, и сама была такъ близко къ этому желтому, колючему ходу въ темноту, что, казалось, слышала, какъ въ концѣ его, въ черной безднѣ гудитъ ледяной, безсмертный звукъ. На землѣ ничего не было дороже жизни, — *она это знала* теперь твердо.

Въ концѣ мая Николай Ивановичъ перевезъ Екатерину Дмитріевну подъ Москву, на дачу, въ бревенчатый домикъ съ двумя террасами, — одна выходила въ бѣлый, съ вѣчно двигающейся зеленой тѣнью, березовый лѣсъ, гдѣ бродили пѣгіе телята, другая — на покатое къ западу, волнистое поле.

Каждый вечеръ Даша и Николай Ивановичъ вылѣзали изъ дачнаго поѣзда на полустанкѣ и шли по болотистому лугу. Надъ головой толклись комарики двумя клубочками живой пыли. Потомъ приходилось итти въ гору. Зедсь, обычно, Николай Ивановичъ останавливался, будто-бы для того, чтобы взглянуть на закатъ, и говорилъ, отдуваясь:

— Ахъ, какъ хорошо, чортъ его возьми!

За потемнѣвшей, волнистой равниной, покрытой то полосами хлѣбовъ, то кудрями орѣховыхъ и березовыхъ перелѣсковъ, лежали тучи, тѣ, что бываютъ на закатѣ, — лиловыя, неподвижныя и безплодныя. Въ ихъ длинныхъ щеляхъ тусклымъ свѣтомъ догорало небесное зарево, и неподалеку внизу, въ заводи ручья, отсвѣчивала оранжевая щель. Ухали, охали лягушки. На плоскомъ полѣ темнѣли ометы и крыши деревни. Зажелтѣлъ и разгорѣлся язычкомъ костеръ на берегу плоскаго пруда. Тамъ когда-то за валомъ и высокимъ частоколомъ сидѣлъ Тушинскій воръ. Протяжно свистя, изъ-за лѣса появлялся поѣздъ, увозилъ солдатъ на западъ, въ тусклый закатъ.

Подходя по опушкѣ лѣса къ дачѣ, Даша и Николай Ивановичъ видѣли сквозь стекла террасы накрытый столъ, лампу съ матовымъ шаромъ и катину двигающуюся тѣнь. Навстрѣчу, съ вѣжливымъ лаемъ, прибѣгала дачная собачка — Шарикъ и,

добѣжавъ и вертя хвостомъ, на всякій случай отходила въ полынь и лаяла въ сторону.

Екатерина Дмитріевна барабанила пальцами въ стекла террасы, — въ сумерки ей было еще запрещено выходить. Николай Ивановичъ, затворяя за собой калитку, говорилъ: — «Премилая дачка, я тебѣ скажу». Садились ужинать. Екатерина Дмитріевна разсказывала дачныя новости: — Изъ Тушина прибѣгала бѣшеная собака и покусала у Кишкиныхъ двухъ цыплятъ; сегодня переѣхали на Симовскую дачу Жилкины, и у нихъ сейчасъ-же украли самоваръ; Матрена, кухарка, опять выпорола сына, — мальчишка отбился отъ рукъ, лазаетъ по чужимъ садамъ, рветъ цвѣты.

Даша молча ѣла, — послѣ города она уставала страшно. Николай Ивановичъ вытаскивалъ изъ портфеля пачку газетъ и принимался за чтеніе, поковыривая зубочисткой зубъ; когда онъ доходилъ до непріятныхъ сообщеній, то начиналъ цыкать зубомъ, покуда Катя не говорила, — «Николай, пожалуйста, не цыкай». Даша выходила на крыльцо, садилась, подперевъ подбородокъ, и глядѣла на потемнѣвшую равнину съ огоньками костровъ коегдѣ, на высыпающія мелкія, лѣтнія звѣзды. Изъ садика пахло политыми клумбами.

На террасѣ Николай Ивановичъ, шурша газетами, говорилъ:

— Война уже по одному тому не можетъ долго длиться, что страны согласія и мы — союзники — раззоримся.

Катя спрашивала:

— Хочешь простокваши?

— Если только холодная. Ужасно, ужасно! Мы потеряли Львовъ и Люблинъ. Чортъ знаетъ что!

Какъ можно воевать, когда предатели вонзаютъ ножъ въ спину. Невѣроятно!

— Николай, не цыкай.

— Оставь меня въ покоѣ! Если мы потеряемъ Варшаву — будетъ такой позоръ, что нельзя жить. Право, иногда приходитъ въ голову, — не лучше-ли заключить хоть перемиріе какое-нибудь да и повернуть штыки на Петербургъ.

Издалека доносился свистъ поѣзда, было слышно, какъ онъ стучалъ по мосту черезъ тотъ ручей, гдѣ давеча отражался закатъ, — это везли, должно быть, раненыхъ въ Москву. Николай Ивановичъ опять шуршалъ газетой:

— Эшелоны отправляются на фронтъ безъ ружей. Въ окопахъ сидятъ съ палками. Винтовка — одна на каждаго пятаго человѣка... — Онъ останавливался, задохнувшись. — Идутъ въ аттаку съ тѣми-же палками, въ расчетѣ, когда убьютъ сосѣда, — взять винтовку. Ахъ, Господи!...

Даша сходила съ крыльца и облокачивалась у калитки. Свѣтъ съ террасы падалъ на рваные лопухи у забора, на дорогу съ подсохшей травкой. Мимо, опустивъ голову, загребая босыми ногами пыль, нехотя — съ горя, шелъ Матренинъ сынъ, Петька. Ему ничего болѣе не оставалось, какъ вернуться на кухню, дать себя выпороть, и лечь спать.

Даша выходила за калитку и медленно шла до рѣчки Химки. Тамъ въ темнотѣ, стоя на обрывѣ, она прислушивалась, — гдѣ-то, слышный только ночью, журчалъ ключъ; зашуршала, покатилась и плеснула водою земля съ сухого обрыва. По сторонамъ неподвижно стояли черныя очертанія деревьевъ, вдругъ сонно начинали шумѣть листья, и

опять было тихо, Даша поджимала губы и шла обратно. Подъ ногами, задѣвая за юбку, горько, сухою землей, несбывающейся прелестью пахла полынь.

Въ первыхъ числахъ іюня, въ праздникъ, Даша встала рано и, чтобы не будить Катю, пошла мыться на кухню. На столѣ лежала куча моркови, помидоровъ, цвѣтной капусты, и поверхъ какая-то зеленоватая открытка, должно быть зеленщикъ захватилъ ее на почтѣ вмѣстѣ съ газетами. Петька, Матренинъ сынъ, сидѣлъ на порогѣ открытой въ садъ двери и, сопя, привязывалъ къ палочкѣ куриную ногу. Сама Матрена вѣшала на акаціи кухонныя полотенца.

Даша налила въ глиняный тазъ воды, пахнущей рѣкою, спустила съ плечъ рубашку, и опять поглядѣла, — что за странная открытка? Взяла ее за кончикъ мокрыми пальцами, тамъ было написано: — «Милая Даша, я безпокоюсь, почему ни на одно изъ моихъ писемъ не было отвѣта, неужели они пропали»...

Даша быстро сѣла на стулъ, — такъ потемнѣло въ глазахъ, ослабли ноги... «Рана моя совсѣмъ зажила. Теперь я каждый день занимаюсь гимнастикой, вообще держу себя въ рукахъ. А такъ-же изучаю англійскій и французскій языки. Недавно къ намъ привезли новую партію плѣнныхъ, и, представь, кого я встрѣтилъ, — Акундина, онъ — прапорщикъ, попалъ въ плѣнъ, и веселъ, очень доволенъ. Просидѣлъ въ лагерѣ недѣлю и его куда-то увезли. Очень странно. Обнимаю тебя, Даша, если ты меня еще помнишь. И. Телѣгинъ».

Даша торопливо подняла рубашку на плечи и, низко нагнувшись, прочла письмо во второй разъ: — «Если ты меня еще помнишь!»... Она вскочила и побѣжала къ Катѣ въ спальню, распахнула ситцевую занавѣску на окнѣ:

— Катя, читай вслухъ.

Сѣла на постель къ испуганной Катѣ и, не дожидаясь, прочла сама, и заплакала, нагнувшись до колѣнокъ, но сейчасъ-же вскочила, всплеснула руками:

— Катя, Катя, какъ это ужасно!..

— Но вѣдь, слава Богу, онъ живъ, Данюша.

— Я люблю его!... Господи, что мнѣ дѣлать?.. Я спрашиваю тебя, — когда кончится война?

Даша схватила открытку и побѣжала къ Николаю Ивановичу. Прочтя письмо, въ отчаяніи, она требовала отъ него самаго точнаго отвѣта, — когда кончится война?

— Матушка ты моя, да вѣдь этого никто теперь не знаетъ.

— Что-же ты тогда дѣлаешь въ этомъ дурацкомъ Городскомъ Союзѣ. Только болтаете чепуху съ утра до ночи. Сейчасъ ѣду въ Москву, къ командующему войсками... Я потребую отъ него...

— Что ты отъ него потребуешь?... Ахъ, Даша, Даша, ждать надо, вотъ что.

Нѣсколько дней у Даши было неистовое настроеніе, и, вдругъ, она затихла, точно потускнѣла; по вечерамъ рано уходила въ свою комнату, писала письма Ивану Ильичу, упаковывала, зашивала въ холстъ посылки. Когда Екатерина Дмитріевна заговаривала съ ней о Телѣгинѣ, Даша, обычно, мол-

чала; вечернія прогулки она бросила, сидѣла больше съ Катей, шила, читала, — казалось — какъ можно глубже нужно было загнать въ себя всѣ чувства, покрыться будничной, неуязвимой кожей.

Екатерина Дмитріевна, хотя и совсѣмъ оправилась за лѣто, но такъ-же, какъ и Даша, точно погасла. Часто сестры говорили о томъ, что на нихъ, да и на каждаго теперь человѣка, легла, какъ жерновъ, тяжесть. Тяжело просыпаться, тяжело ходить, тяжело думать, встрѣчаться съ людьми, — не дождешься — когда можно лечь въ постель, и ложишься замученная, одна радость — заснуть, забыться. Вотъ, Жилкины вчера позвали гостей на новое варенье, а за чаемъ приносятъ газету, — въ спискахъ убитыхъ — братъ Жилкина. Погибъ на полѣ славы. Хозяева ушли въ домъ, гости посидѣли на балконѣ въ сумеркахъ и разошлись молча, какъ съ похоронъ. И такъ — повсюду. Жить стало дорого. Впереди — неясно, уныло. А русскія арміи все отступаютъ, таютъ, какъ воскъ. Варшаву отдали. Брестъ-Литовскъ взорванъ и палъ. Всюду шпіоновъ ловятъ. На рѣкѣ Химкѣ, въ оврагѣ, завелись разбойники. Цѣлую недѣлю никто не ходилъ въ лѣсъ, — боялись. Потомъ стражники выбили ихъ изъ оврага, двоихъ взяли, третій ушелъ, перекинулся, говорятъ, въ Звенигородскій уѣздъ — очищать усадьбы.

Утромъ, однажды, на площадку близъ Смоковниковской дачи примчался, стоя на пролеткѣ, извозчикъ. Было видно, какъ со всѣхъ сторонъ побѣжала къ нему бабы, кухарки, ребятишки. Что-то случилось. Кое-кто изъ дачниковъ вышелъ за калитку. Вытирая руки, протрусила черезъ садъ

Матрена. Извозчикъ, красный, горячій, съ жесткой бородкой, говорилъ, стоя въ пролеткѣ:

... — Вытащили его изъ конторы, раскачали — да объ мостовую, да въ Москва-рѣку, а на заводѣ еще пять душъ скрывается — нѣмцевъ... Троихъ нашли, — городовые отбили, а то быть имъ тѣмъ-же порядкомъ въ рѣчкѣ... А по всей по Лубянской площади шелка, бархата такъ и летаютъ. Грабежъ по всему городу... Народу — тучи...

Онъ со всей силой хлестнулъ возжами лихацкаго вороного жеребца, присѣвшаго въ дугой выгнутыхъ оглобляхъ, — шалишь! — хлестнулъ еще, и захрапѣвшій, въ мылѣ, жеребецъ скачками понесъ по улицѣ валкую пролетку, завернулъ къ шинку.

Екатерина Дмитріевна страшно обезпокоилась, — Даша и Николай Ивановичъ были въ Москвѣ. Оттуда въ сѣроватую, раскаленную солнцемъ, мглу неба поднимался черный столбъ дыма и стлался тучей. Пожаръ былъ хорошо виденъ съ деревенской площади, гдѣ стояло кучками простонародье. Когда къ нимъ подходили дачники, — разговоры замолкали: на господъ поглядывали не то съ насмѣшкой, не то со страннымъ какимъ-то выжиданіемъ. Было жарко, словно передъ грозой. Появился какой-то плотный мужикъ, безъ шапки, въ рваной, розовой рубахѣ и, подойдя къ кирпичной часовенкѣ, закричалъ:

— Въ Москвѣ нѣмцевъ рѣжутъ!

И — только крикнулъ — заголосила баба: говорили, что беременная, — испугалась. Народъ сдвинулся къ часовнѣ, побѣжала туда и Екатерина Дмитріевна. Толпа волновалась, гудѣла, ходили слухи:

— Варшавскій вокзалъ горитъ, нѣмцы подожгли.

— Нѣмцевъ двѣ тысячи зарѣзали.

— Не двѣ, а шесть съ половиной, всѣхъ въ рѣку покидали.

— Начали то съ нѣмцевъ, потомъ пошли подрядъ. Кузнецкій мостъ, говорятъ, разнесли на-чисто.

— Такъ имъ и надо. Нажрались на нашемъ на потѣ, разъѣли брюхо, сволочи!

— Развѣ народъ остановишь, народъ остановить нельзя.

— А я тебѣ говорю, — на Неглинномъ войска стоятъ. Три раза въ народъ стрѣляли.

— Конечно, безобразія, — грабежъ, — допускать нельзя.

— Городоначальнику голову разломали.

— Что ты?

— Въ Петровскомъ паркѣ, ей Богу не вру, — сестра сейчасъ оттуда прибѣжала, — въ паркѣ, говорятъ, на одной дачѣ нашли безпроволочный телеграфъ, и при немъ двое шпіоновъ съ привязанными бородами, — убили, конечно, голубчиковъ.

— По всѣмъ-бы дачамъ пойти, вотъ это дѣло.

Затѣмъ, было видно, какъ подъ гору, къ плотинѣ, гдѣ проходила московская дорога, побѣжали дѣвки съ пустыми мѣшками. Имъ стали кричать вдогонку. Онѣ, оборачиваясь, махали мѣшками, смѣялись. Екатерина Дмитріевна спросила у благообразнаго, древняго мужика, стоявшаго около нея съ высокимъ посохомъ.

— Куда это дѣвки побѣжали?

— Грабить, милая барыня.

Наконецъ, въ шестомъ часу на извозчикѣ изъ города пріѣхали Даша и Николай Ивановичъ. Оба были возбуждены и, перебивая другъ друга, разсказывали, что по всей Москвѣ простонародье собирается въ толпы и громятъ квартиры нѣмцевъ и

нѣмецкіе магазины. Нѣсколько домовъ подожжено. Разграбленъ магазинъ готоваго платья Манделя. Мужики и бабы, напяливая на себя грабленное, пѣли: —«Боже, царя храни». Разбитъ весь складъ Беккеровскихъ роялей на Кузнецкомъ, ихъ выкидывали изъ оконъ второго этажа и валили въ костеръ. Лубянская площадь засыпана медикаментами и битымъ стекломъ. Говорятъ — были убійства. Послѣ полудня пошли патрули и начали разгонять народъ. Теперь — все спокойно.

— Конечно, это варварство, — говорилъ Николай Ивановичъ, отъ возбужденія мигая глазами, — но мнѣ нравится этотъ темпераментъ, силища въ народѣ. Сегодня разнесли нѣмецкія лавки, а завтра баррикады, чортъ возьми, начнутъ строить. Правительство нарочно допустило этотъ погромъ. Да, да, я тебя увѣряю, — чтобы выпустить излишекъ озлобленія. Но народъ черезъ такія штуки получитъ вкусъ кое къ чему посерьезнѣе... Хи, хи.

Этой-же ночью у Жилкиныхъ былъ очищенъ весь погребъ, у Свѣчниковыхъ сорвали съ чердака бѣлье. Нѣсколько дачниковъ видѣли своими глазами, какъ въ темнотѣ между деревьями пробирались какія-то бабы съ узлами. Въ шинкѣ до утра горѣлъ свѣтъ. И спустя еще недѣлю на деревнѣ перешептывались, поглядывали непонятно на гуляющихъ дачниковъ.

Въ началѣ августа Смоковниковы переѣхали въ городъ, и Екатерина Дмитріевна опять стала работать въ лазаретѣ. Москва въ эту осень была полна бѣженцами изъ Польши. На Кузнецкомъ, Петровкѣ, Тверской нельзя было протолкаться. Магазины, кофейни, театры — полны, и повсюду слышно новорожденное словечко, — «извиняюсь».

Вся эта суета, роскошь, переполненные театры и гостинницы, шумныя улицы, залитыя электрическимъ свѣтомъ, были прикрыты отъ всѣхъ опасностей живой стѣной четырнадцати милліонной арміи, сочащейся кровью.

А военныя дѣла продолжали быть очень неутѣшительными. Повсюду, на фронтѣ и въ тылу, говорили о злой волѣ Распутина, объ измѣнѣ, о невозможности долѣе бороться, если Никола Угодникъ не выручитъ чудомъ.

И, вотъ, во время унынія и развала генералъ Рузскій остановилъ въ чистомъ полѣ наступленіе германскихъ армій. Россія на этотъ разъ была спасена.

XXIV.

За городомъ на скатѣ холма, посреди заброшеннаго виноградника, стоялъ домъ изъ желтаго камня съ безобразной квадратной башней; мѣсто это называлось — «Шато Кабернэ». Домъ былъ построенъ лѣтъ тридцать тому назадъ Жадовымъ-отцомъ, орловскимъ, раззорившимся помѣщикомъ. Собравъ остатки когда-то большого состоянія, онъ переѣхалъ въ Анапу, купилъ виноградникъ и обстроился. Отъ красавицы казачки, работавшей на виноградникѣ, у него родился сынъ — Аркадій. Года черезъ полтора мать убѣжала съ турками на фелукѣ, говорили, что — въ Трапезундъ. Мальчикъ росъ на дворѣ, потомъ, когда отецъ замѣтилъ въ немъ большое физическое сходство съ собой, — былъ взятъ въ домъ. Сначала Аркадій боялся отца, потомъ просто его не уважалъ. Аркадій любилъ бывать съ

рыбаками, съ охотниками, съ разнымъ бродячимъ, побережнымъ людомъ, безстрашно дрался, хорошо стрѣлялъ, плавалъ, управлялъ парусомъ. Въ пятнадцать лѣтъ, послѣ гимназическихъ экзаменовъ, лѣтомъ, на морскомъ берегу онъ увидѣлъ купающуюся дѣвушку съ виноградника, — она все время ныряла, перевертываясь подъ водой, показывала сильную, бѣлую спину. Когда она вышла изъ моря и сѣла, выжимая темные волосы, краснощекая и полная, — Аркадій почувствовалъ невыносимую боль въ груди, отползъ отъ прибрежнаго кустарника въ горячую выемку песчаной дюны и заплакалъ отъ отчаянія и словно предсмертной тоски. Онъ прослѣдилъ гдѣ живетъ дѣвушка, — ее звали Алена. Онъ укралъ у отца серебряный, кавказскій поясъ, подарилъ ей, и она весело и просто сошлась съ Аркадіемъ. Для него настало мрачное время постоянныхъ мыслей объ овладѣвшей имъ женщинѣ, объ ея женской привлекательности, — въ воображеніи она принимала чудовищные размѣры. Иногда ему хотѣлось избить Алену до потери сознанія, и самому уйти — свободнымъ и сухимъ. Но каждый вечеръ онъ встрѣчался съ ней въ песчаной выемкѣ между дюнъ и мучилъ ее ревнивыми вопросами и исступленной жадностью. Осенью Алена, такъ-же, какъ и мать Аркадія когда-то, — убѣжала на фелукѣ. Онъ почувствовалъ страшное облегченіе, точно сняли съ него душную, сырую тяжесть, но все-же часто во снѣ плакалъ отъ тоски, ненавидѣлъ себя за это и рѣшилъ вырвать съ корнемъ въ себѣ всякую нѣжность.

На слѣдующую весну Аркадій ушелъ изъ гимназіи съ двумя товарищами абхазцами и цѣлый годъ шлялся въ горахъ. Когда онъ вернулся домой, отецъ не обрадовался и не разсердился, а только сказалъ ме-

жду прочимъ: «Э, братецъ, крапивное сѣмя всегда себя скажетъ».

Дѣла отца шли плохо, капиталецъ онъ прожилъ, большая часть виноградняго поля была продана. Аркадій вновь поступилъ въ гимназію и, когда кончалъ ее, отецъ умеръ въ припадкѣ бѣлой горячки. Въ это время настала японская война. Аркадій Жадовъ пошелъ добровольцемъ, былъ раненъ, произведенъ въ прапорщики, и, послѣ окончанія войны, года три шлялся по Сибири и Китаю. Въ дѣлахъ ему не везло. Онъ испробовалъ комиссіонерство, — служилъ въ чайныхъ и мѣховыхъ фирмахъ, былъ страховымъ агентомъ, золотоискателемъ, конторщикомъ, возилъ одно время контрабанду, но всегда ловко обдуманное и рѣшительно начатое дѣло разваливалось, главнымъ образомъ потому, что люди, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, испытывали къ нему чувство недовѣрія, страха и отвращенія. Только женщинамъ онъ нравился чрезвычайно, быстро овладѣвалъ ихъ воображеніемъ, и много разъ онѣ старались вывѣдать, неизвѣстную ему самому, какую-то тайну его жизни. Это дало ему мысль татуироваться, — японецъ въ Мукденѣ трудился надъ его кожей недѣли двѣ и съ изумительнымъ искусствомъ изобразилъ на груди въ видѣ ожерелья семь обезьянокъ красной и черной тушью.

Жадовъ считалъ себя человѣкомъ необыкновеннымъ; женщины, съ которыми онъ сходился, были увѣрены, что онъ преступникъ, хотя онъ никого не ограбилъ и не убилъ. Но все-же онъ чувствовалъ въ себѣ постоянное безпокойство, точно ему нужно было что-то сдѣлать и онъ никакъ не могъ найти, — что именно. Только въ винѣ мерещился ему какой-то дикій разгулъ, гдѣ вотъ-вотъ развер-

нется бьющее густымъ хмелемъ въ голову жадное его безпокойство. Онъ любилъ пить одинъ, затворившись, — бродилъ по комнатѣ, разговаривалъ самъ съ собой, или, бросившись на диванъ, грезилъ. Его любимымъ видѣніемъ было: — осень, по бурнымъ полямъ, безъ дорогъ, скачутъ на телѣгахъ мужики, хлещутъ лошадей, впереди — очертанія города, огромной тучей надъ нимъ виситъ дымъ пожарища, и вѣтеръ, мотая бурьяномъ, несетъ навстрѣчу гулъ набата. — Бунтъ.

Но все это были грезы, чепуха, — молодая кровь. Жадовъ скопилъ кое-какія деньжонки и года за два до европейской войны вернулся домой, въ Анапу, гдѣ и зажилъ пока безъ опредѣленныхъ занятій.

У него появились пріятели, — интеллигентный рабочій изъ ремонтныхъ мастерскихъ — Филька и проживающій частными уроками московскій студентъ — Гвоздевъ. Въ городѣ говорили, что они состоятъ членами какой-то тайной организаціи. Пріятели собирались въ «Шато Кабернэ», гдѣ въ подвалѣ еще стояло нѣсколько отцовскихъ бочекъ съ краснымъ виномъ. Иногда въ осеннія ночи наверху башни они зажигали костеръ. На разсвѣтѣ, обычно, шли купаться, — даже зимою. Полиція заинтересовалась, наконецъ, сборищами въ «Шато Кабернэ», и Жадовъ былъ вызванъ къ уѣздному начальнику, но въ это время началась война.

Ранней весною шестнадцатаго года анапскіе жители снова увидѣли свѣтъ въ окошкахъ заброшеннаго Жадовскаго дома. Разсказывали, что Аркадій Жадовъ вернулся съ войны безъ руки, никуда, кромѣ морского берега, не ходитъ, и живетъ съ нимъ какая-

то красавица. Часто по вечерамъ видѣли, какъ къ «Шато Кабернэ» пробирались дорогой черезъ холмы старые прiятели Жадова, — Гвоздевъ, тоже недавно вернувшiйся калѣкой съ войны, Филька и третiй, новопрiѣзжiй, Александръ Жировъ, — бѣлобилетчикъ. Анапскiе жители были увѣрены, что въ «Шато Кабернэ» происходятъ оргiи.

Однажды въ сумерки сѣверо-восточный вѣтеръ гнулъ дугою голые тополя, потрясалъ рамы въ Жадовскомъ дому, грохоталъ крышей такъ, что казалось — будто ходятъ по желѣзу, дулъ во всѣ щели, подъ двери и въ трубы; сквозь пыльное окно были видны бурые плантажи, на которыхъ мотались голыя лозы; вдалекѣ надъ изрытымъ, косматымъ моремъ торопливо летѣли рваныя тучи; было очень скучно и холодно.

Аркадiй Жадовъ сидѣлъ въ простѣнкѣ на короткомъ и грязномъ диванчикѣ и пилъ красное вино. Пустой рукавъ его когда-то щегольского, теперь измятаго отъ лежанья и прожженнаго фрэнча былъ засунутъ за кушакъ. Лицо — припухшее, но розовато-чистое и выбритое гладко, съ приглаженнымъ и только на маковкѣ взъерошеннымъ проборомъ.

Завалившись на спинку дивана, прищуривъ глазъ отъ дыма папиросы, онъ глядѣлъ молча на Елизавету Кiевну. Она сидѣла напротивъ него и тоже курила, смирно опустивъ лицо. Онъ прiучилъ ее никогда самой не вылѣзать съ разговоромъ, молчать же онъ могъ цѣлыми днями. На Елизаветѣ Кiевнѣ былъ шерстяной коричневый халатъ, сильно открытый на груди, на плечахъ — старая турецкая шаль; огромные волосы ея были обкручены вокругъ головы двумя косами и на вискахъ растрепаны.

— Чортъ знаетъ на кого ты похожа, — проговорилъ, наконецъ, Жадовъ, жуя папиросу — чучело гороховое.

Елизавета Кіевна, повернувъ къ нему голову, усмѣхнулась, потомъ взяла новую папироску и, закуривъ, освѣтила спичкой лицо. Жадовъ увидѣлъ, что по щекѣ у нея ползетъ слеза. Онъ выплюнулъ окурокъ:

— Поди, принеси еще кабернэ.

Елизавета Кіевна медленно поднялась, взяла съ подоконника свѣчу и пошла по пустымъ и холоднымъ комнатамъ къ винтовой лѣстницѣ. Сходя по гнущимся ступенямъ, она зажгла свѣчу и спустилась въ подвалъ, гдѣ тяжело запахло плѣсенью и виномъ. По кирпичнымъ сводамъ бѣгали большіе пауки, которыхъ Елизавета Кіевна боялась до холода въ спинѣ. Присѣвъ надъ бочкой, она глядѣла на красную, какъ кровь, струю вина, бѣгущую въ глиняный кувшинъ, и думала, что Аркадій когда-нибудь убьетъ ее и закопаетъ здѣсь въ подвалѣ, за бочками. При Жадовѣ она не смѣла думать объ этомъ, но когда оставалась одна, — съ жуткимъ наслажденіемъ представляла себѣ, какъ онъ выстрѣлитъ, она упадетъ и умретъ молча, улыбаясь; онъ закопаетъ тѣло, и вотъ такъ же, сидя передъ бочкой, будетъ глядѣть на густую струйку вина, и вдругъ зарыдаетъ отъ смертельной тоски, первый разъ въ жизни. Этими мыслями она искупала всѣ обиды, — въ концѣ-то концовъ не онъ, а она возьметъ верхъ.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ тыловомъ городкѣ, въ лазаретѣ, въ одну изъ дождливыхъ ночей, когда у Жадова ныла несуществующая, отрѣзанная рука, онъ разсказалъ Елизаветѣ Кіевнѣ о тѣхъ удивительныхъ мысляхъ, которыя сложились у него за

время войны: онъ понялъ, что, какъ нѣтъ грѣха, взявъ палку, разворотить муравьиную кучу, такъ-же можно и нужно уничтожать человѣческіе муравейники. Человѣкъ рождается на короткій мигъ жизни, чтобъ свободно раскрыть въ ней всю силу своихъ страстей. Но инстинктъ толпы, — человѣчества, стремится къ противоположному, — обезопасить себя отъ личности, оковать ее цѣпями обязанностей, покрыть всю жизнь ровной поверхностью болота, гдѣ всѣ лягушки равны. Цѣль человѣчества — равенство. Въ жизни два закона — законъ человѣка и законъ человѣчества, свобода и равенство. Соединять эти понятія — нелѣпость, они противоположны и враждебны. Въ происходящей сейчасъ войнѣ, люди легко и безропотно превращаются въ стадо, и, возбужденные слѣпой, глухой, неразумной ненавистью, уничтожаютъ другъ друга только за то, что другой — иной, не равный. Въ этой кровавой бойнѣ они дойдутъ до того, что возненавидятъ всякое неравенство, саму идею свободы.

Вотъ къ какому чудовищному выводу пришла современная культура, — государства пожираютъ сами себя во имя какого-то идеальнаго, всеобщаго рабства — равенства. Выводъ только одинъ — взорвать до основанія міровую культуру, и на освобожденной, опустѣвшей землѣ жить во имя свободы, во имя самого себя.

Такія мысли казались Елизаветѣ Кіевнѣ откровеніемъ. Наконецъ-то она встрѣтила человѣка, оглушившаго ея воображеніе. По цѣлымъ часамъ съ пылающими щеками, не сводя глазъ съ злого, осунувшагося лица Жадова, она слушала его бредъ.

Когда кончился срокъ отпуска Елизаветы Кіевны

и ей нужно было возвращаться въ летучку, Жадовъ сказалъ:

— Будетъ глупо, если вы меня бросите. Намъ нужно повѣнчаться.

Елизавета Кіевна кивнула головой, — хорошо. Въ лазаретѣ ихъ и обвѣнчали. Въ декабрѣ Жадовъ эвакуировался въ Москву, гдѣ ему сдѣлали вторую операцію, а ранней весной они съ Елизаветой Кіевной пріѣхали въ Анапу и поселились въ «Шато Кабернэ». Денегъ у нихъ было мало, прислугу они не держали, при домѣ жилъ только старичокъ-дворникъ, ходившій въ городъ за провизіей.

Здѣсь, въ пустомъ, полуразрушенномъ и холодномъ домѣ настало долгое и безнадежное бездѣлье, разговоры всѣ были переговорены, впереди — скука и нищета. За Жадовыми словно захлопнулась глухая дверь.

Елизавета Кіевна пыталась заполнить собой пустоту этихъ мучительно-долгихъ дней, но ей удавалось это плохо, — въ желаніи нравиться она была смѣшна, неряшлива и неумѣла. Жадовъ дразнилъ ее этимъ, и она съ отчаяніемъ думала, что, несмотря на широту мыслей, ужасно чувствительна, какъ женщина.

Въ послѣднее время онъ сталъ жестокъ и молчалъ цѣлыми днями. Тогда она нашла себѣ утѣшеніе — мечтать, какъ онъ убьетъ ее и отъ безнадежнаго одиночества полюбитъ. И все-же она понимала, что ни на какую другую не отдастъ эту мучительную жизнь, полную волненій, боли, преклоненія передъ мужемъ и рѣдкихъ минутъ сумасшедшаго восторга.

Нацѣдивъ вино, Елизавета Кіевна подняла тяжелый кувшинъ и медленно пошла наверхъ. Въ ком-

натѣ, все еще не освѣщенной, сидѣли на подоконникахъ гости — Александръ Ивановичъ Жировъ и Филька. Гвоздевъ, высокій человѣкъ со слабой спиной, ходилъ отъ двери до окна и сердито говорилъ Жадову:

— Французская революція освободила личность. Въ отвратительномъ чаду романтическаго бреда началась буржуазная культура. Въ концѣ вѣка небольшое количество личностей, десятка два милліардеровъ, дѣйствительно, достигли полнаго освобожденія, для этого имъ пришлось обратить въ рабство весь міръ. Идея личности, вашего царя царей, — лопнула къ чорту, какъ мыльный пузырь. Геній никуда не велъ, его факелъ освѣщалъ подземелья каторжной тюрьмы, гдѣ мы ковали себѣ цѣпи. Мы уже вышибли этотъ проклятый факелъ... Мы должны разрушить самый инстинктъ выдѣленія личности, вотъ этого — «я». Пусть человѣчество обратится въ стадо, хорошо. Мы станемъ его вожаками. Мы уничтожимъ всякаго, кто на вершокъ выше стада. Да, да, да, — онъ тыкалъ костлявой рукой въ сторону Жадова, — тутъ вся идея въ вершкѣ, — мы его срѣжемъ. На страшномъ закатѣ вѣка мы уже тронулись въ путь, насъ охватила ночь. Намъ устроили бойню. Насъ натравили другъ на друга, еще разъ, въ послѣдній разъ попытались дьявольски обмануть... Но я говорю, — насъ много, насъ милліоны, мы вынесемъ эту бойню...

Перегнувшись, онъ вдругъ закашлялся сухимъ, нутрянымъ лаемъ, опустился на стулъ и замоталъ волосатой головой, его легкія были сожжены ядовитыми газами. Филька, сидѣвшій на подоконникѣ, проговорилъ тонкимъ, деликатнымъ голосомъ:

— У насъ на заводѣ только что голые дураки не

понимаютъ, за что народъ кровь проливаетъ, да и мы со сверхурочными часами животы надорвали. Аватюра мірового капитализма! Народъ согнали на бойню, а главные-то коноводы — германскій императоръ, король англійскій, президентъ французскій, Францъ Іосифъ, да и нашъ дуракъ давно другъ съ дружкой сговорились.

— Чепуха, — тяжело дыша, сказалъ Гвоздевъ, — не мели чепуху. А что цѣль у нихъ у всѣхъ одна, это вѣрно.

— Что-же я и говорю, — сговоръ есть.

Гвоздевъ поднялся, налилъ вина въ стаканъ, выпилъ его, двигая кадыкомъ, и опять принялся вышагивать косолапыми ступнями:

— Вы вернулись чужимъ человѣкомъ, Жадовъ, — сказалъ онъ, — мы перестали другъ друга понимать. Выслушайте меня спокойно. Вашъ анализъ вѣренъ: — первое, — капитализму нужно очистить рынокъ отъ залежей товаровъ, второе, — капитализму нужно раздавить однимъ ударомъ рабочую демократію, которая слишкомъ стала страшна. Первой цѣли они добились, и успѣхъ даже превысилъ ожиданія: — потребимость войны въ сто разъ превысила мирную норму. Въ эту печку можно валить товаръ вагонами. Но во второмъ пунктѣ они срѣжутся, червонный тузъ будетъ битъ, побѣдитъ не капиталъ, а народъ, масса, муравьи, соціализмъ. Милліардъ людей находится въ состояніи военнаго дѣйствія и военной соціализаціи промышленности. Пятьдесятъ милліоновъ мужчинъ, въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ, получили оружіе. Разъединеніе рабочихъ массъ Европы искусственное, — рабочіе всѣ научились дѣлать оружіе, и по данному знаку протянутъ другъ другу руки черезъ линію траншей. Война кончится ре-

волюціей, міровымъ пожаромъ, штыки обратятся внутрь странъ... И вотъ здѣсь вы дѣлаете выводъ, какъ разъ обратный, невѣрный, нелѣпый... Причемъ тутъ свобода личности? — анархизмъ, бредъ! Паѳосъ равенства — вотъ выводъ изъ войны... Вы понимаете, что это значитъ: — перестройка всего міра, государства, морали. Земной шаръ придется вывернуть на изнанку, чтобы хоть немного приблизиться къ той истинѣ, которая кровавымъ пламенемъ загорится въ массахъ народа. — Справедливость! На тронъ императора взойдетъ нищій въ гноищѣ и крикнетъ: — «Міръ всѣмъ!» И ему поклонятся, поцѣлуютъ язвы. Изъ подвала, изъ какой-нибудь водосточной трубы, вытащатъ существо, униженное послѣднимъ униженіемъ, едва похожее-то на человѣка, и по нему будетъ сдѣлано всеобщее равненіе. Куда-же вы сунетесь тогда съ вашей личностью? — вамъ просто срѣжутъ голову, чтобы она не торчала слишкомъ высоко.

Завалившись на диванчикѣ, вытянувъ длинныя ноги, Жадовъ перекатывалъ изъ угла въ уголъ рта папироску; огонекъ ея освѣщалъ его насмѣшливыя губы и кончикъ сухого носа. Елизавета Кіевна, глядя на него изъ темнаго угла, думала:

«Пьянаго, усталаго раздѣну, уложу я, всю душу твою пойму только я одна, и, хоть ненавидишь, а предана тебѣ до смерти». — У нея даже сердце забилось.

— Предположимъ, — проговорилъ Жадовъ холоднымъ, какъ ледъ, негромкимъ голосомъ, — предположимъ, что Михрютка-кривоногій съ разбитой на войнѣ рожей завопитъ, наконецъ, о всеобщемъ равенствѣ, переколетъ офицеровъ, разгонитъ парламенты и совѣты министровъ, оторветъ головы всѣмъ

носителямъ носовыхъ платковъ, и такъ далѣе, до конца, покуда на землѣ не станетъ ровно. Согласенъ, что будетъ такъ. Ну, а вотъ вы-то, вожаки, что вы будете дѣлать въ это время? — равняться по Михрюткѣ-сифилитику изъ водосточной трубы? Ну-те-съ?

Гвоздевъ отвѣтилъ поспѣшно:

— Чтобы перейти отъ войны къ военному бунту, отъ бунта къ политической революціи, и далѣе — къ революціи соціальной, — для этого долженъ быть выдвинутъ четвертый классъ, — вооруженный пролетаріатъ, онъ долженъ взять на себя всю отвѣтственность за революцію, взять въ свои руки диктатуру.

— Значитъ ужъ — не равненіе по Михрюткѣ?

— Во время революціи — не равенство, но диктатура. Революціонныя идеи насаждаются огнемъ и кровью, — пора-бы вамъ знать.

— А когда революція кончится, какъ-же вы съ революціоннымъ-то пролетаріатомъ поступите? — поведете равнять его по Михрюткѣ, или ужъ такъ, какъ-нибудь, навсегда и оставите заслуженную, революціонную аристократію?

Гвоздевъ остановился, поскребъ бороду:

— Пролетаріатъ вернется къ станкамъ... Разумѣется, придется и здѣсь столкнуться съ человѣческой природой, но, — что-жъ подѣлаешь... Вершки должны быть срѣзаны.

— Въ одинъ прекрасный день, признавъ революцію законченной, революціонный пролетаріатъ во главѣ съ товарищами диктаторами постановитъ пожрать самъ себя безъ остатка, — сказалъ Жадовъ, — такъ-бы вы меня и предупредили. Ну-съ, а я

думаю вотъ что... Существуетъ прелюбопытнѣйшій законъ природы, — чѣмъ отвлеченнѣе и выше какая-нибудь идея, тѣмъ кровавѣе ея воплощеніе въ жизнь, и воплощается она математически кверху ногами: — по еврейской кабалистикѣ нашъ міръ есть опрокинутая тѣнь бога: — законъ-то очень старинный. Такъ вотъ, идеи — любовь, свобода — кажется ясно къ чему привели: — едва коснись такой идеей человѣчества, — навстрѣчу — фонтанище крови. Теперь время пришло для третьей идейки — равенства. Здѣсь ужъ вы прямо, безъ обиняковъ, утверждаете, что нужна кровь. Согласенъ, — въ этомъ пунктѣ подаю руку: — товарищи. И въ то, что идея приспѣла — вѣрую, и въ кровь вѣрую, и въ диктатуру вашу вѣрую, но о томъ, чѣмъ все это кончится, — лучше сейчасъ помолчать. Михрютку кривоногаго, сукинаго сына, сифилитика, ненавижу и презираю откровеннѣйшимъ образомъ; вмѣстѣ съ вами согласенъ ровнять его подъ гребенку, и бить его по башкѣ, когда онъ зарычитъ. Согласенъ устраивать революцію хоть завтра, съ утра. Но ужъ только, дорогой мой, не во имя моего равенства съ Михрюткой, а во имя михрюткинаго равенства... Хозяиномъ буду хорошимъ, да, да, заранѣе обѣщаю.

Жадовъ, подобравъ ноги, поднялся, залпомъ выпилъ стаканъ вина и началъ ходить по комнатѣ легкой, чуть чуть подпрыгивающей походкой. Елизавета Кіевна съ бьющимся серцемъ слѣдила за нимъ изъ темнаго угла: — «Вотъ, онъ — царь царей, великій человѣкъ, мой мужъ».

Вѣтеръ, усилившись къ ночи, потрясалъ ставней, дулъ во всѣ щели, вылъ дикими голосами на чердакѣ. Пріятели молчали. Филька слѣзъ съ подоконника,

налилъ вина и, вернувшись со стаканомъ на мѣсто, сказалъ вкрадчиво:

— Такихъ-бы намъ, какъ вы, товарищъ Жадовъ, побольше надо. Богъ ее знаетъ, когда революція начнется, когда кончится, а бойцовъ у насъ нѣтъ. Народъ очень сѣрый. Одно только — злоба, а, какъ до дѣла, — за спину другъ дружки хоронятся. Конечно, лихая бѣда начать, да вотъ начинать-то некому.

— А, чортъ, начинать!.. Съ тремя копейками начинать, — проговорилъ Жадовъ, снова бросаясь на диванъ, и вдругъ другимъ совсѣмъ голосомъ спросилъ:

— Александръ Ивановичъ, такъ какъ-же?..

Всѣ повернули головы къ темнѣвшему узкоплечей тѣнью въ окнѣ Александру Жирову. Онъ завозился. Гвоздевъ сказалъ взволнованно:

— Товарищи, у меня нѣтъ разрѣшенія партіи, я участвовать въ дѣлѣ не могу.

— Дѣло беру на личную отвѣтственность, — сказалъ Жадовъ, — это уже рѣшено, партія здѣсь не при чемъ. Васъ это устраиваетъ?

Гвоздевъ молчалъ. Филька проговорилъ еще вкрадчивѣе:

— Дѣло общественное, — мы всей душой, только насчетъ партіи сомнѣваемся.

Гвоздевъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Въ обсужденіи буду участвовать, какъ частное лицо, въ самомъ-же дѣлѣ, еще разъ повторяю, — не могу взять на себя отвѣтственности. Дѣлайте безъ меня. А Филька — какъ хочетъ.

— Деньги-то примете? крикнулъ Жадовъ.

— Приму.

— Ну, тогда — ладно. Лиза, принеси еще вина.

Елизавета Кіевна, захвативъ кувшинъ, быстро вышла. Она знала, что тамъ сейчасъ у нихъ произойдетъ главное, изъ-за чего они совѣщаются вотъ уже пятую ночь.

Началось это съ разсказа Александра Ивановича Жирова объ его новомъ знакомцѣ, комендантѣ анапскаго гарнизона, полковникѣ Брысовѣ, родомъ изъ Владивостока, неожиданномъ любителѣ самоновѣйшей поэзіи. Черезъ нѣсколько дней въ номерѣ греческой гостинницы, въ Анапѣ, состоялось свиданіе съ полковникомъ, — были: Жадовъ, Жировъ и Елизавета Кіевна. Брысовъ угощалъ ихъ настоящей казенной водкой, читалъ футуристическіе стихи и громоподобно хохоталъ, разглаживая полусѣдую бороду на двѣ стороны. У него, казалось, конца не было добродушію и полнѣйшей неорганизованности.

«Я, братецъ мой, послѣдній ланцепупъ, — кричалъ Брысовъ, разстегивая пропотѣвшее хаки, — храню завѣты. Послѣ японской войны пошелъ стиль модернъ, ланцепупы вырождаются. А въ свое время въ городѣ Владивостокѣ былъ клубъ. Привели меня туда мальчишкой, подпоручикомъ. На лѣстницѣ, на каждой ступенькѣ — рюмка водки, — пааатрудитесь взойти. Ха, ха. А ступенекъ-то тридцать восемь».

По всему было видно, что у полковника нѣтъ никакихъ тайнъ. Онъ разсказывалъ про «феноменальное, изволите-ли видѣть, воровство во вновь завоеванныхъ турецкихъ областяхъ», и про какую-то фелуку съ ворованнымъ золотомъ, которая на-дняхъ должна прійти изъ Трапезунда. «Говорятъ, что везутъ рисъ. Ха, ха. Рисъ! Подъ видомъ частнаго груза везутъ, чортъ его возьми, рисъ. Ха, ха! Почему-же, позвольте спросить, я получаю строжайшее распоря-

женіе поставить военный караулъ къ имѣющей прибыть частной посудинѣ съ рисомъ. А?»

Елизавета Кіевна догадывалась, что по поводу, именно, этой фелуки и ведутся въ «Шато Кабернэ» ночныя бесѣды.

Когда она вернулась съ кувшиномъ вина, гости уже ушли. Жадовъ стоялъ у окна.

— Болтать-то всѣ мастера, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, не оборачиваясь, — а вотъ ты перескочи отъ словъ къ дѣлу... Перескочи!.. — Онъ обернулся къ женѣ, лицо его было искажено. — Не въ идеяхъ дѣло, а въ прыжкѣ. Я, можетъ быть, шею сломаю, а прыгну... Считаю, — высшій подвигъ въ прыжкѣ... Идеи, идеи... Гвоздевъ говоритъ, что я анархистъ... Чепуха, онъ болванъ... Жить хочу, — вотъ моя философія... И считаю это совершенно достаточнымъ основаніемъ, чтобы сознательно плюнуть на всѣ ваши божескіе и человѣческіе законы... Что вылупила глаза?.. Да, прыгну, потому что...

Онъ протянулъ руку, чтобы толкнуть Елизавету Кіевну, подошедшую совсѣмъ близко... Она схватила его за ледяные пальцы. Онъ вдругъ опустилъ голову:

— Ну, да, сама видишь — трушу... Да, да, трушу, трушу, какъ это ни странно.

— Что вы придумали? — спросила Елизавета Кіевна, задыхаясь.

— Завтра ночью отправляемся грабить фелуку съ рисомъ.

Онъ повторилъ эту фразу спокойнѣе и съ насмѣшкой, и послѣ этого долго глядѣлъ въ темное окно. Елизавета Кіевна обняла его за плечи, щекой прижалась къ плечу. Онъ сказалъ совсѣмъ ужъ тихо:

— Никакого оправданія этому грабежу нѣтъ, вотъ въ томъ-то вся и сила. Если-бы было оправданіе, — я-бы отказался отъ дѣла. Вся суть въ томъ, что оправданія нѣтъ. Поняла?

— Можно мнѣ съ тобой завтра?

— Можно. Это дѣло будетъ началомъ, Лиза. Если головы завтра не сломаю, — развернусь... Кличъ кликну. Мы найдемъ товарищей... Раскроемъ подвалы, выпустимъ всю ненависть человѣческую. Ну, ладно... Идемъ спать.

Весь день дулъ густой, студеный вѣтеръ. Жадовъ бѣгалъ въ городъ и вернулся къ вечеру, возбужденный и веселый. Въ сумерки онъ и Елизавета Кіевна спустились съ холмовъ къ мутному, шумному, обезображенному морю. У Елизаветы Кіевны постукивали зубы. Берегъ былъ пусть. Сумерки сгущались. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ песчаныя дюны подходили къ самой водѣ, изъ кустарника поднялись двѣ фигуры: Филька и Александръ Ивановичъ Жировъ. Филька сказалъ вполголоса:

— Шлюпку мы около купальни оставили, здѣсь не подъѣхать, мелко.

Жадовъ, не отвѣчая, пошелъ по вязкому песку, на который взлизывали волны. Итти было трудно, вода захлестывала иногда выше колѣнъ. Елизавета Кіевна, оступившись о выброшенную корягу, схватилась за Александра Ивановича, онъ испуганно отшатнулся, — лицо его, съ большимъ ртомъ, было, какъ мѣлъ.

— Сумасшедшая ночь, изумительно, — сказала Елизавета Кіевна. Онъ спросилъ шопотомъ:

— Вамъ не страшно?

— Чепуха какая, — напротивъ.

— А вы знаете, что Филька пригрозился меня зарѣзать.

— За что?

— Если я не пойду съ вами.

— Ну, что-жъ, — онъ и правъ.

— Ну, знаете...

Около покосившейся, пахнущей водорослями и гнилью, скрипящей купальни билась о доски крутобокая шлюпка. Жадовъ вскочилъ въ нее первымъ и сѣлъ у руля.

— Жировъ, на носъ! Лиза, Филька, на весла!

Было очень трудно отдѣлиться отъ берега, — огромнымъ прибоемъ шлюпку швыряло на песокъ. Всѣ сразу вымокли. Александръ Ивановичъ негромко вскрикивалъ, придерживая шляпу, и вдругъ полѣзъ было изъ лодки. Жадовъ, привставъ, сказалъ:

— Филька, ударь его весломъ. — И Александръ Ивановичъ опять скорчился, дрожа, на носу лодки.

Елизавета Кіевна гребла, съ силой упираясь въ ребро шлюпки, откидывая при каждомъ взмахѣ спину. Если-бы не мужъ, она-бы закричала отъ восторга. Лодку взносило на катящіеся съ шумомъ гребни, бросало внизъ между мутныхъ стѣнъ воды.

Жадовъ опять поднялся на кормѣ, вглядываясь. Саженяхъ въ двадцати отъ нихъ качался двухмачтовый, черный остовъ фелуки. Жадовъ повернулъ съ подвѣтреной стороны, и скомандовалъ Жирову:

— Хватайся за канатъ.

Шлюпка подошла вплотную къ пахнущему деревомъ и варомъ остову, со скрипомъ поднимающемуся изъ воды и уходящему въ волны. Въ снастяхъ свистѣлъ вѣтеръ. Александръ Ивановичъ вцѣпился обѣими руками въ канатъ. Филька багромъ поймалъ вере-

вочную лѣстницу. Жадовъ, легкій, какъ кошка, кинулся къ лѣсенкѣ и однимъ прыжкомъ перемахнулъ на палубу. Полѣзъ за нимъ и Филька. Елизавета Кіевна, бросивъ весла, глядѣла наверхъ. Прошла минута, не болѣе, и сухо, рѣзко ударили три выстрѣла. Александръ Ивановичъ сейчасъ-же прильнулъ къ канату, опустивъ голову. На верху послышался протяжный, чужой голосъ:

— Ой, убили...

И сейчасъ-же тамъ началась возня. У борта появились три сцѣпившіяся фигуры. Одна изъ нихъ повисла на бортѣ. Надъ ней поднялась рука и ударила. И черезъ бортъ перевалилось и у самой лодки тяжело шлепнулось въ воду тѣло. Елизавета Кіевна слушала, глядѣла, словно во снѣ. У борта опять появился Жадовъ и громко проговорилъ:

— Александръ Ивановичъ, лѣзь наверхъ.

Жировъ повисъ безъ силъ на веревочной лѣстницѣ. Жадовъ протянулъ ему руку и втащилъ на палубу.

— Лиза, смотри за лодкой, — сказалъ онъ, — мы сейчасъ кончимъ.

Черезъ часъ шлюпка отчалила отъ фелуки, гребъ одинъ Филька. Въ ногахъ у Елизаветы Кіевны, стоялъ небольшой сундучокъ, — его нашли въ мѣшкѣ съ рисомъ. И здѣсь-же на днѣ лодки, спрятавъ лицо въ поднятыя колѣни, сидѣлъ Александръ Ивановичъ.

Шлюпку бросили у купальни, и всѣ четверо пошли въ «Шато Кабернэ» вдоль самой воды, смывающей слѣды ногъ. На полъ-пути, отъ идущихъ появились на пескѣ красноватыя тѣни и пѣна набѣжавшей волны стала, какъ кровь. Елизавета Кіевна обернулась: — вдали, среди клубящихся, летящихъ об-

лаковъ, пылала фелука дымнымъ, круглымъ заревомъ. Жадовъ, пригибаясь, крикнулъ:

— Бѣгомъ, бѣгомъ!...

XXV

Среди всеобщаго унынія и безнадежныхъ ожиданій, въ началѣ зимы 16 года, русскія войска неожиданно взяли штурмомъ крѣпость Эрзерумъ. Это было въ то время, когда англичане терпѣли военныя неудачи въ Месопотаміи и подъ Константинополемъ, когда на западномъ фронтѣ шла упорная борьба за домикъ паромщика на Изерѣ, когда отвоеваніе нѣсколькихъ метровъ земли, густо политой кровью, уже считалось побѣдой, о которой по всему свѣту торопливо бормотали электрическія волны съ Эйфелевой башни.

Русскія войска въ жестокихъ условіяхъ, среди горныхъ мятелей и стужи, прорывая глубокія туннели въ снѣгахъ, карабкаясь по обледенѣвшимъ скаламъ, ворвались въ Эрзерумъ и начали разливаться по оставляемой турками огромной области съ древнѣйшими городами.

Произошелъ международный переполохъ. Въ Англіи спѣшно выпустили книгу о загадочной русской душѣ. Дѣйствительно, противно логическому смыслу, послѣ полутора лѣтъ войны, разгрома, потери восемнадцати губерній, всеобщаго упадка духа, хозяйственнаго раззоренія и политическаго развала, Россія снова устремилась въ наступленіе по всему своему трехъ тысячъ верстному фронту. Поднялась обратная волна свѣжей и точно неистощенной силы. Сотнями тысячъ потянулись плѣнные въ глубь Рос-

сіи. Австріи былъ нанесенъ смертельный ударъ, послѣ котораго она впослѣдствіи легко распалась на части. Германія тайно предлагала миръ. Рубль поднялся. Снова воскресли надежды военнымъ ударомъ окончить міровую войну. «Русская душа» стала чрезвычайно популярна. Русскими дивизіями грузились океанскіе пароходы. Орловскіе, тульскіе, рязанскіе мужики распѣвали «соловья пташечку» на улицахъ Салоникъ, Марселя, Парижа, и съ матерной руганью, какъ полагается, ходили въ аттаки, спасая европейскую цивилизацію.

И тогда уже многимъ запало въ голову, что вотъ, молъ, и хамы и мужепесы и начальство по мордѣ лупитъ, а безъ насъ не обойтись.

Все лѣто шло наступленіе на югъ — въ Месопотамію, Арменію и Азіатскую Турцію и на западъ въ глубь Галиціи. Призывались все новые года запасныхъ. Сорока трехъ лѣтнихъ мужиковъ брали съ поля, съ работъ. По всѣмъ городамъ формировались пополненія. Число мобилизованныхъ подходило къ двадцати четыремъ милліонамъ. Надъ Германіей, надъ всей Европой нависала древнимъ ужасомъ туча азіатскихъ полчищъ.

Москва сильно опустѣла за это лѣто, — война, какъ насосомъ, выкачала мужское населеніе. Николай Ивановичъ еще съ весны уѣхалъ на фронтъ, въ Минскъ. Даша и Катя жили въ городѣ тихо и уединенно, — работы было много. Получались иногда коротенькія и грустныя письма отъ Телѣгина, — онъ, оказывается, пытался бѣжать изъ плѣна, но былъ пойманъ и переведенъ въ крѣпость.

Одно время къ сестрамъ ходилъ очень милый

молодой человѣкъ, Рощинъ, только что выпущенный въ прапорщики. Онъ былъ изъ хорошей, профессорской семьи, и Смоковниковыхъ зналъ еще по Петербургу.

Каждый вечеръ, въ сумерки, раздавался на парадномъ звонокъ. Екатерина Дмитріевна сейчасъ-же осторожно вздыхала и шла къ буфету — положить варенье въ вазочку, или нарѣзать къ чаю лимонъ. Даша замѣтила, что, когда, вслѣдъ за звонкомъ, въ столовой появлялся Рощинъ, — Катя не сразу оборачивала къ нему голову, а минуточку медлила, потомъ на губахъ у нея появлялась обычная, нѣжная и немного грустная, улыбка. Рощинъ молча кланялся. Былъ онъ высокъ ростомъ, съ большими руками и медленными движеніями. Не спѣша, присѣвъ къ столу, онъ спокойнымъ и тихимъ голосомъ разсказывалъ военныя новости. Катя, притихнувъ за самоваромъ, глядѣла ему въ лицо, и по глазамъ ея, мрачнымъ, съ большими зрачками, было видно, что она не слушаетъ словъ. Встрѣчаясь съ ея взглядомъ, Рощинъ сейчасъ-же опускалъ къ стакану большое, бритое лицо, и на скулѣ у него начиналъ кататься желвакъ. Иногда за столомъ наступало долгое молчаніе, и вдругъ Катя вздыхала:

— О, Господи! — и, покраснѣвъ, виновато улыбалась. Часамъ къ одиннадцати Рощинъ поднимался, цѣловалъ руку Катѣ — почтительно, Дашѣ — разсѣянно, и уходилъ, задѣвая плечомъ за дверь. По пустой улицѣ долго слышались его шаги. Катя перетирала чашки, запирала буфетъ, и, все такъ же, не сказавъ ни слова, уходила къ себѣ и поворачивала въ двери ключъ.

Однажды, на закатѣ, Даша сидѣла у раскрытаго

окна. Надъ улицей высоко летали стрижи. Даша слушала ихъ тонкіе, стеклянные голоса и думала, что завтра будетъ жаркій и ясный день, если стрижи — высоко, и что стрижи ничего не знаютъ о войнѣ, — счастливыя птицы.

Солнце закатилось и надъ городомъ стояла золотистая пыль, въ ней все яснѣе проступалъ узенькій серпъ мѣсяца. Въ сумеркахъ у воротъ и подъѣздовъ сидѣли люди. Было пронзительно грустно, и Даша ждала, и, вотъ, невдалекѣ, вѣковѣчной, мѣщанской, вечерней скукой заиграла шарманка. Даша облокотилась о подоконникъ. Высокій, до самыхъ чердаковъ, женскій голосъ пѣлъ: «Сухою корочкой питалась, студеную водицу я пила»...

Сзади, къ дашиному креслу подошла Катя и тоже, должно быть, слушала, не двигаясь.

— Катюша, какъ поетъ хорошо.

— За что? — проговорила вдругъ Катя низкимъ и дикимъ какимъ-то голосомъ. — За что намъ это послано? Чѣмъ я виновата? Когда кончится это, — вѣдь буду старухой, ты поняла? Я не могу больше, не могу, не могу!... Она, задыхаясь, стояла у стѣны, у портьеры, блѣдная, съ выступившими у рта морщинами, глядѣла на Дашу сухими, потемнѣвшими глазами.

— Не могу больше, не могу! — повторяла она тихо и хрипло, — это никогда не кончится!... Мы умираемъ... мы никогда больше не увидимъ радости... Ты слышишь, какъ она воетъ? Заживо хоронитъ...

Даша обхватила сестру, гладила ее, хотѣла успокоить. Но Катя подставляла локти, отстранялась, была, какъ каменная.

— Катюша, Катюша, да скажи ты, что съ тобой?..

Миленькая, успокойся. — И Даша чувствовала, какъ у Кати крѣпко стиснуты челюсти, и руки, какъ ледъ. — Что случилось? Почему ты такая?

Въ прихожей въ это время позвонили. Катя отстранила сестру и глядѣла на дверь. Вошелъ Рощинъ, — голова его была обрита. Криво усмѣхнувшись, онъ поздоровался съ Дашей, подалъ руку Катѣ, и вдругъ удивленно взглянулъ на нее и нахмурился. Даша сейчасъ-же ушла въ столовую. Ставя чайную посуду на столъ, она услышала, какъ Катя сдержанно, но тѣмъ-же низкимъ и хриповатымъ голосомъ спросила у Рощина:

— Вы уѣзжаете?

Покашлявъ, онъ отвѣтилъ сухо:

— Да.

— Завтра?

— Да, завтра утромъ.

— Куда?

— Въ дѣйствующую армію. — И затѣмъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ заговорилъ:

— Дѣло вотъ въ чемъ, Екатерина Дмитріевна, мы видимся, очевидно, въ послѣдній разъ, такъ вотъ я рѣшился сказать...

Катя перебила поспѣшно:

— Нѣтъ, нѣтъ... Я все знаю... И вы тоже знаете обо мнѣ...

— Екатерина Дмитріевна, вы...

Отчаяннымъ голосомъ Катя крикнула:

— Да, видите сами!... Умоляю васъ — уходите..

У Даши въ рукахъ задрожала вазочка съ вареньемъ. Тамъ въ гостиной молчали. Наконецъ, Катя проговорила совсѣмъ тихо:

— Господь васъ сохранитъ... Уходите, Вадимъ Петровичъ...

— Прощайте.

Онъ вздохнулъ коротко. Послышались его шаги и хлопнула парадная дверь. Катя вошла въ столовую, сѣла у стола, закрыла лицо, и между пальцами ея проступили и потекли капли слезъ.

Съ тѣхъ поръ объ уѣхавшемъ она не говорила ни слова, да и говорить то было не о чемъ, — хватило-бы только силы вырвать изъ сердца, забыть эту ненужную муку, возникшую въ сумерки отъ не во время затосковавшаго по любви глупаго сердца.

Катя мужественно переносила боль, хотя по утрамъ вставала съ покраснѣвшими глазами, съ припухшимъ ртомъ. Рощинъ прислалъ съ дороги открытку — поклонъ сестрамъ, — письмецо это положили на каминъ, гдѣ его засидѣли мухи.

Каждый вечеръ сестры ходили на Тверской бульваръ — слушать музыку, садились на скамью и глядѣли, какъ подъ деревьями гуляютъ дѣвушки и подростки, въ бѣлыхъ и розовыхъ платьяхъ, — очень много женщинъ и дѣтей; рѣже проходилъ военный съ подвязанной рукой, или инвалидъ на костылѣ. Духовой оркестръ игралъ вальсъ: — «На сопкахъ Манчжуріи». — Ту, ту, ту, — печально пѣлъ трубный звукъ, улетая въ вечернее небо. Даша брала катину слабую, худую руку и тихонько цѣловала.

— Катюша, Катюша, — говорила она, глядя на свѣтъ заката, проступающій между вѣтвями, — ты помнишь:

«О, любовь моя, незавершенная,
Въ сердцѣ холодѣющая нѣжность»...

Я вѣрю — если мы будемъ мужественны, мы доживемъ до такого времени, когда можно будетъ любить, не думая, не мучаясь... Вѣдь мы знаемъ теперь, — ничего на свѣтѣ нѣтъ выше любви. Мнѣ иногда кажется, пріѣдетъ изъ плѣна Иванъ Ильичъ совсѣмъ иной, новый. Сейчасъ я люблю его одиноко, какъ-то безплотно, но очень, очень вѣрно. Но мы встрѣтимся такъ, точно мы любили другъ друга въ какой-то другой жизни, и вотъ теперь — и родные и дикіе, — понимаешь — страшновато... Что-то будетъ, что-то будетъ?... Я чувствую иногда, какъ у меня все сердце стало прозрачное.

Прижавшись щекой къ ея плечу, Екатерина Дмитріевна говорила:

— А у меня, Данюша, такая горечь, такая темнота на сердцѣ, совсѣмъ оно стало старое. Ты увидишь хорошія времена, а ужъ я не увижу, отцвѣла пустоцвѣтомъ.

— Катюша, стыдно такъ говорить.

— Да, дѣвочка, нужно быть мужественной.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ на скамейку, на другой ея конецъ, сѣлъ какой-то военный. Оркестръ игралъ старый вальсъ. За деревьями зажигались неяркіе огни фонарей. Сосѣдъ по скамейкѣ глядѣлъ такъ пристально, что Дашѣ стало неловко шеѣ. Она обернулась и вдругъ испуганно, негромко воскликнула:

— Нѣтъ!

Рядомъ съ ней сидѣлъ Безсоновъ, тощій, облѣзлый, въ мѣшкомъ висящемъ фрэнчѣ, въ фуражкѣ съ краснымъ крестомъ. Поднявшись, онъ молча поздоровался. Даша сказала: —«Здравствуйте», и поджала губы, Екатерина Дмитріевна отклонилась на спинку скамьи, въ тѣнь дашиной шляпы, и закрыла

глаза. Безсоновъ былъ, точно, не то весь пыльный, не то не мытый — сѣрый.

— Я видѣлъ васъ на бульварѣ вчера и третьяго дня, — сказалъ онъ Дашѣ, поднимая брови, — но подойти не рѣшался... Уѣзжаю воевать. Вотъ видите — и до меня добрались.

— Какъ-же вы ѣдете воевать, вы-же въ Красномъ Крестѣ, — сказала Даша съ внезапнымъ раздраженіемъ.

— Положимъ, опасность, сравнительно, конечно, меньшая. А, впрочемъ, мнѣ глубоко все безразлично, — убьютъ, не убьютъ... Скучно, скучно, Дарья Дмитріевна, — онъ поднялъ голову и поглядѣлъ ей на губы мутнымъ, тусклымъ взглядомъ. — Такъ скучно отъ всѣхъ этихъ труповъ, труповъ, труповъ...

Катя спросила, не открывая глазъ:

— Вамъ скучно отъ этого?

— Да, весьма скучно, Екатерина Дмитріевна. У меня раньше оставалась еще кое-какая надежда ... Ну, а послѣ этихъ труповъ и труповъ все полетѣло къ чорту... Создавалась какая-то культура, — чепуха, бредъ... Дѣйствительность — трупы и кровь, — хаосъ. Такъ вотъ... Дарья Дмитріевна, я, строго говоря, подсѣлъ къ вамъ для того, чтобы попросить пожертвовать мнѣ полъ-часа времени.

— Зачѣмъ? — Даша глядѣла ему въ лицо, чужое, нездоровое, съ злымъ, сквернымъ ртомъ, и вдругъ ей показалось съ такой ясностью, что закружилась голова, — этого человѣка она видитъ въ первый разъ.

— Я много думалъ надъ тѣмъ, что было въ Крыму, — проговорилъ Безсоновъ, морщась, — я-бы

хотѣлъ съ вами побесѣдовать, — онъ медленно полѣзъ въ боковой карманъ фрэнча за портсигаромъ, — я-бы хотѣлъ разсѣять нѣкоторое невыгодное впечатлѣніе...

Даша прищурилась, — ни слѣда на этомъ противномъ лицѣ волшебства. Просто — человѣкъ съ бульвара. И она сказала твердо:

— Мнѣ кажется — намъ не о чемъ говорить съ вами. — И отвернулась. Катина рука задрожала за ея спиной. Даша покраснѣла и нахмурилась:

— Прощайте, Алексѣй Алексѣевичъ.

Безсоновъ скривилъ усмѣшкой желтыя отъ табаку, обвѣтренныя губы, приподнялъ картузъ и отошелъ прочь. Даша глядѣла на его слабую спину, на слишкомъ широкіе панталоны, точно готовые свалиться, на тяжелые, пыльные сапоги, — неужели это былъ тотъ Безсоновъ — демонъ ея дѣвичьихъ ночей?

— Катюша, посиди, я сейчасъ, — проговорила она поспѣшно, и побѣжала за Безсоновымъ. Онъ свернулъ въ боковую аллею. Даша, запыхавшись, догнала его и взяла за рукавъ. Онъ остановился, обернулся, сжалъ ротъ.

— Алексѣй Алексѣевичъ, не сердитесь на меня.

— Я-то не сержусь, вы сами не пожелали со мной разговоривать.

— Нѣтъ-же, нѣтъ... Вы не такъ меня поняли... Я къ вамъ ужасно, ужасно хорошо отношусь, я вамъ хочу всякаго добра... Но о томъ, что было между нами, не стоитъ вспоминать, прежняго ничего не осталось... Только я чувствую себя виноватой, мнѣ васъ жалко...

Онъ поднялъ плечи, съ усмѣшкой поглядѣлъ мимо Даши на гуляющихъ:

— Благодарю васъ за жалость.

Даша вздохнула, — если-бы Безсоновъ былъ маленькимъ мальчикомъ — она-бы повела его къ себѣ, вымыла теплой водицей, накормила-бы конфектами, возилась-бы до тѣхъ поръ, покуда въ глазахъ его не заблестѣла-бы радость. А что она подѣлаетъ съ этимъ, — самъ себѣ выдумалъ муку и мучается, сердится, обижается.

— Алексѣй Алексѣевичъ, если хотите — пишите мнѣ каждый день, я буду аккуратно отвѣчать, — сказала Даша, глядя ему въ лицо, какъ можно добрѣе. Онъ откинулъ голову, захохоталъ деревяннымъ, злымъ смѣхомъ:

— Благодарю... Но у меня вотъ уже больше года отвращеніе къ бумагѣ и черниламъ...

Онъ стиснулъ зубы, сморщился, точно хлебнулъ кислаго:

— Либо вы святая, Дарья Дмитріевна, либо вы дура... Не обижайтесь... Вы адская мука, посланная мнѣ заживо, поняли?... Два года я живу, какъ монахъ... Вотъ вамъ!...

Онъ сдѣлалъ усиліе отойти, но точно не могъ оторвать ногъ. Даша стояла, опустивъ голову, — она все поняла, ей было печально, и на сердцѣ чисто. Безсоновъ глядѣлъ на ея склоненную шею, на нетронутую, нѣжную грудь, видную въ прорѣзѣ бѣлаго платья, и думалъ, что, конечно, это смерть.

— Будьте милосердны, — сказалъ онъ простымъ, тихимъ, человѣческимъ голосомъ. Она, не поднимая головы, прошептала сейчасъ-же: — Да, да. — И прошла между деревьми. Въ послѣдній разъ Безсоновъ отыскалъ пронзительнымъ взглядомъ въ

толпѣ ея свѣтловолосую голову, — она не обернулась. Онъ положилъ руку на дерево, вцѣпился пальцами въ зеленую кору: — земля, послѣднее прибѣжище, уходила изъ подъ ногъ.

XXVI

Тусклымъ шаромъ надъ торфяными, пустынными болотами висѣла луна. Курился туманъ по овражкамъ, по канавамъ брошенныхъ траншей. Повсюду торчали пни, кое-гдѣ чернѣли низкорослыя сосны. Было влажно и тихо. По узкой гати медленно, лошадь за лошадью, двигался санитарный обозъ. Полоса фронта была всего верстахъ въ трехъ за зубчатымъ очертаніемъ лѣса, откуда не доносилось ни звука.

Въ одной изъ телѣгъ въ сѣнѣ, навзничъ, лежалъ Безсоновъ, прикрывшись попоной, пахнущей лошадинымъ потомъ. Каждую ночь съ закатомъ солнца у него начиналась лихорадка, постукивали зубы отъ легонькаго озноба, все тѣло точно высыхало и въ мозгу съ холоднымъ кипѣніемъ проходили ясныя, легкія, пестрыя мысли. Это было дивное ощущеніе потери тѣлесной тяжести.

Натянувъ попону до подбородка, Алексѣй Алексѣевичъ глядѣлъ въ мглистое, лихорадочное небо, — вотъ онъ — конецъ земного пути: — мгла, лунный свѣтъ и, точно колыбель, качающаяся телѣга; такъ обогнувъ кругъ столѣтій, снова скрипятъ скиѳскія колеса. А все что было — сны: огни Петербурга, музыка въ сіяющихъ, теплыхъ залахъ, раскинутыя на подушкѣ волосы женщины, темные зрачки глазъ, смертельная тоска взгляда... Скука, одиночество..

Полусвѣтъ рабочей комнаты, дымокъ табаку, бьющееся отъ больного волненія сердце и упоеніе рождающихся словъ... Дѣвушка съ бѣлыми ромашками, стремительно вошедшая изъ свѣта прихожей въ его темную комнату, въ его жизнь... И тоска, тоска, холодной пылью покрывающая сердце... Все это сны... Качается телѣга... Сбоку идетъ мужикъ съ мочальной бородкой, въ картузѣ, надвинутомъ на глаза; двѣ тысячи лѣтъ онъ шагаетъ сбоку телѣги... Вотъ оно, раскрытое въ лунной мглѣ, безконечное пространство времени... Изъ темноты вѣковъ надвигаются тѣни, слышно, — скрипятъ телѣги, черными колеями бороздятъ міръ. Это Гунны снова проходятъ землю. А тамъ, въ тускломъ туманѣ, — обгорѣвшіе столбы, дымы до самаго неба, и скрипъ и грохотъ колесъ. И скрипъ и грохотъ громче, шире, все небо полно душу потрясающимъ гуломъ...

Вдругъ телѣга остановилась. Сквозь гулъ, наполняющій бѣлесую ночь, слышались испуганные голоса обозныхъ. Безсоновъ приподнялся на локтѣ. Невысоко надъ лѣсомъ пониже луны, плыла длинная, поблескивающая гранями, колонна, — повернулась, блеснула въ лунномъ свѣту, ревя моторами приблизилась, увеличилась, и изъ брюха ея появился узкій мечъ свѣта, побѣжалъ по болоту, по пнямъ, по сваленнымъ деревьямъ, по ельнику, и уперся въ шоссе, въ телѣги.

Сквозь гулъ послышались слабые и нѣжные звуки, — та, та, та, — точно быстро застучалъ метрономъ... Съ телѣгъ посыпались люди. Санитарная двуколка повернула на болото и опрокинулась... И, вотъ, шагахъ въ ста отъ Безсонова на шоссе вспыхнулъ ослѣпительный кустъ свѣта, черной кучей

поднялась на воздухъ лошадь, телѣга, взвился огромный столбъ дыма, и грохотомъ и вихремъ раскидало весь обозъ. Лошади съ передками поскакали по болоту, побѣжали люди. Телѣгу, гдѣ лежалъ Безсоновъ, дернуло, повалило, и Алексѣй Алексѣевичъ покатился подъ шоссе, въ канаву, — въ спину ему ударило тяжелымъ мѣшкомъ, завалило соломой.

Воздушный корабль бросилъ вторую бомбу, затѣмъ гулъ моторовъ его сталъ отдаляться, и затихъ. Тогда Безсоновъ, охая, началъ разгребать солому, съ трудомъ выползъ изъ навалившейся на него поклажи, отряхнулся и взобрался на шоссе. Здѣсь стояло нѣсколько телѣгъ, бокомъ, безъ передковъ; на болотѣ, закинувъ морду, лежала лошадь въ оглобляхъ и, какъ заведеная, дергала задней ногой.

Безсоновъ потрогалъ лицо и голову, — около уха было липко, онъ приложилъ къ царапинѣ платокъ и пошелъ по шоссе къ лѣсу. Отъ испуга и паденія такъ дрожали ноги, что черезъ нѣсколько шаговъ пришлось присѣсть на кучу заскорузлаго щебня. Хотѣлось выпить коньяку, но фляжка осталась съ поклажей въ канавѣ. Безсоновъ съ трудомъ вытянулъ изъ кармана трубочку, спички и закурилъ, — табачный дымъ былъ горекъ и противенъ. Тогда онъ вспомнилъ о лихорадкѣ, — дѣло плохо, во чтобы то ни стало нужно дойти до лѣса, тамъ, ему говорили, стоитъ батарея. Безсоновъ поднялся, но ноги совсѣмъ отнялись, какъ деревянныя едва двигались въ низу живота. Онъ опять опустился на землю и сталъ ихъ растирать, вытягивать, щипать, и когда почувствовалъ боль, — поднялся и побрелъ.

Мѣсяцъ теперь стоялъ высоко, дорога вилась во мглѣ черезъ пустыя болота, казалось — не было ей

конца. Положивъ руки на поясницу, пошатываясь, съ трудомъ поднимая и волоча пудовые сапоги, Безсоновъ говорилъ самъ съ собой:

— Взяли и вышвырнули... Тащись, сукинъ сынъ, тащись, покуда не переѣдутъ колесами... Писалъ стишки, соблазнялъ глупенькихъ женщинъ... Жить было скучно... Но вѣдь это мое личное дѣло... Взяли и вышвырнули, — тащись, вотъ тебѣ на болотѣ точка, тамъ околѣешь... Можешь протестовать, пожалуйста... Протестуй, вой... Попробуй, попробуй, закричи пострашнѣе, завой...

Безсоновъ вдругъ обернулся. Съ шоссе внизъ скользнула сѣрая тѣнь... Холодокъ прошелъ у него по спинѣ. Онъ усмѣхнулся и, громко произнося отрывочныя, безсмысленныя фразы, опять двинулся посрединѣ дороги... Потомъ осторожно оглянулся, — такъ и есть, шагахъ въ пятидесяти за нимъ тащилась большеголовая, голенастая собака.

— Чортъ знаетъ что такое! — пробормоталъ Безсоновъ. И пошелъ быстрѣе, и опять поглядѣлъ черезъ плечо. Собакъ было пять штукъ, онѣ шли гуськомъ, опустивъ морды, — сѣрыя, вислозадыя. Безсоновъ бросилъ въ нихъ камушкомъ:

— Вотъ я васъ!.. Пошли прочь, пакость...

Звѣри молча шарахнулись внизъ, на болото. Безсоновъ набралъ камней въ полу одежды и время отъ времени останавливался и кидалъ ихъ ... Потомъ шелъ дальше, свисталъ, кричалъ, — эй, эй!.. Звѣри вылѣзали изъ подъ шоссе и опять тащились гуськомъ, не приближаясь.

Съ боковъ дороги начался низкорослый ельникъ. И вотъ на поворотѣ Безсоновъ увидалъ впереди себя человѣческую фигуру. Она остановилась, вглядываясь, и медленно ушла въ тѣнь ельника.

— Чортъ! — прошепталъ Безсоновъ и тоже попятился въ тѣнь, и стоялъ долго, стараясь преодолѣть удары сердца. Остановились и звѣри неподалеку. Передній легъ, положилъ морду на лапы. Человѣкъ впереди не двигался. Безсоновъ съ отчетливой ясностью видѣлъ бѣлое, какъ плева, длинное облако, находящее на луну. Затѣмъ раздался звукъ, иглою вошедшій въ мозгъ, — хрустъ сучка подъ ногой, должно быть, того человѣка. Безсоновъ быстро вышелъ на середину дороги и зашагалъ, съ бѣшенствомъ сжимая кулаки. Наконецъ, направо, онъ увидѣлъ его, — это былъ высокій солдатъ, сутулый, въ накинутой шинели, длинное, безбровое лицо его было, какъ неживое, — сѣрое, съ полуоткрытымъ, большимъ ртомъ. Безсоновъ крикнулъ:

— Эй ты, — какого полка?

— Со второй батареи.

— Поди, проводи меня на батарею.

Солдатъ молчалъ, не двигаясь, — глядѣлъ на Безсонова мутнымъ взоромъ, потомъ повернулъ лицо налѣво:

— Это кто-же энти-то?

— Собаки, — отвѣтилъ Безсоновъ нетерпѣливо.

— Ну, нѣтъ, это не собаки.

— Идемъ, поворачивайся, проводи меня.

— Нѣтъ, я не пойду, — сказалъ солдатъ тихо.

— Послушай, у меня лихорадка, пожалуйста, доведи меня, я тебѣ денегъ дамъ.

— Нѣтъ, я туда не пойду, — солдатъ повысилъ голосъ, — я дизиртиръ.

— Дуракъ, тебя-же поймаютъ.

— Все можетъ быть.

Безсоновъ покосился черезъ плечо, — звѣри исчезли, должно быть зашли за ельникъ.

— А далеко до батареи?

Солдатъ не отвѣтилъ. Безсоновъ повернулся, чтобы итти, но солдатъ сейчасъ-же схватилъ его за руку у локтя, крѣпко, точно клещами:

— Нѣтъ, вы туда не пойдете...

— Пусти руку.

— Не пущу! — Не отпуская руки, солдатъ смотрѣлъ въ сторону, повыше ельника. — Я третій день не ѣвши... Давеча задремалъ въ канавѣ, слышу — идутъ... Думаю, значитъ, часть идетъ. Лежу. Они идутъ, множество, — идутъ, идутъ и всѣ въ ногу, гулъ по шоссе... Что за исторія? Выползъ я изъ канавы, гляжу, — они идутъ въ саванахъ, по всему шоссе, конца, краю нѣтъ... Какъ туманъ колыхаются и земля подъ ними дрожитъ...

— Что ты мнѣ говоришь? — закричалъ Безсоновъ дикимъ голосомъ, и рванулся.

— Говорю вѣрно, а ты вѣрь, сволочь!..

Безсоновъ вырвалъ руку и побѣжалъ точно на ватныхъ, не на своихъ ногахъ. Вслѣдъ затопалъ солдатъ сапожищами, тяжело дыша схватилъ за плечо. Безсоновъ упалъ, закрылъ шею и голову руками. Солдатъ, сопя, навалился, просовывалъ жесткіе пальцы къ горлу, — стиснулъ его и замеръ, застылъ.

— Вотъ ты кто, вотъ ты кто оказался! — шепталъ солдатъ сквозь зубы. Когда по тѣлу лежащаго прошла длинная дрожь, оно вытянулось, опустилось, точно расплющилось въ пыли, солдатъ отпустилъ его, всталъ, поднялъ картузъ и, не оборачиваясь на то, что было сдѣлано, пошелъ по дорогѣ. Пошатнулся, мотнулъ головой и сѣлъ, опустивъ ноги въ канаву.

— Охъ, смерть моя! — громко, протяжно проговорилъ солдатъ, — Господи отпусти...

XXVII

Послѣ неудавшагося побѣга изъ концентраціоннаго лагеря, Иванъ Ильичъ Телѣгинъ былъ переведенъ въ крѣпость, въ одиночное заключеніе. Здѣсь онъ замыслилъ второй побѣгъ, и въ продолженіе шести недѣль подпиливалъ оконную рѣшетку. Но въ серединѣ лѣта, неожиданно, всю крѣпость эвакуировали, и Телѣгинъ, какъ штрафной, попалъ въ такъ называемую «Гнилую Яму». Это было страшное и удручающее мѣсто: — въ широкой котловинѣ на торфяномъ полѣ стояли квадратомъ четыре длинныхъ барака, обнесенные колючей проволокой. Вдалекѣ, у холмовъ, гдѣ торчали кирпичныя трубы, начиналась узкоколейка, ржавыя ея рельсы тянулись черезъ все болото и кончались неподалеку отъ бараковъ у глубокой выемки, — мѣстѣ прошлогоднихъ работъ, на которыхъ отъ тифа и дизентеріи погибло болѣе пяти тысячъ русскихъ солдатъ. На другой сторонѣ буро-желтой равнины поднимались неровными зубцами лиловыя Карпаты. На сѣверъ отъ бараковъ, сейчасъ-же за проволокой, далеко по болоту, виднѣлось множество сосновыхъ крестовъ. Въ жаркіе дни надъ равниной поднимались испаренія, жужжали овода, въ лицо липли мошки, солнце стояло красновато-мутное, распаривая, разлагая это безнадежное мѣсто.

Содержаніе здѣсь было суровое и голодное. Половина офицеровъ болѣла желудками, лихорадкой, нарывами, сыпью. Нѣсколько человѣкъ умерло. Но все-же въ лагерѣ было приподнятое настроеніе: — Брусиловъ съ сильными боями шелъ впередъ, французы били нѣмцевъ въ Шампани и подъ Верденомъ,

турки очищали Малую Азію. Конецъ войны, казалось, теперь уже по-настоящему не далекъ. И заключенные въ «Гнилой Ямѣ», стиснувъ зубы, переносили всѣ лишенія; — къ Новому Году всѣ будемъ дома.

Но миновало лѣто, начались дожди, Брусиловъ остановился, не взявъ ни Кракова ни Львова, затихли кровавые бои на французскомъ фронтѣ, — Союзъ и Согласіе зализывали раны. Ясно, что конецъ войны снова откладывался на будущую осень.

Вотъ тогда-то въ «Гнилой Ямѣ» началось отчаяніе. Сосѣдъ Телѣгина по нарамъ, Вискобойниковъ, бросилъ вдругъ бриться и умываться, цѣлыми днями лежалъ на неприбранныхъ нарахъ, полузакрывъ глаза, не отвѣчая на вопросы. Иногда привставалъ и, ощерясь, съ ненавистью, скребъ себя ногтями. На тѣлѣ его то появлялись, то пропадали розоватые лишаи. Ночью, однажды, онъ разбудилъ Ивана Ильича и глухимъ голосомъ проговорилъ:

— Телѣгинъ, ты женатъ?

— Нѣтъ.

— У меня жена и дочь въ Твери. Ты ихъ навѣсти, слышишь.

— Перестань, Яковъ Ивановичъ, спи.

— Я, братецъ мой, крѣпко засну.

Подъ утро, на перекличкѣ, Вискобойниковъ не отозвался. Его нашли въ отхожемъ мѣстѣ, висящимъ на тонкомъ ременномъ поясѣ. Весь баракъ проснулся. Офицеры тѣснились около тѣла, лежащаго навзничь на полу. Фонарь, стоявшій въ головахъ, освѣщалъ изуродованное гадливой мукой, костлявое лицо и на груди подъ разорванной рубашкой слѣды расчесовъ. Свѣтъ фонаря былъ грязный, лица живыхъ, нагнувшіяся надъ трупомъ, — опухшія, желтыя,

искаженныя. Одинъ изъ нихъ, поручикъ Мельшинъ, обернулся въ темноту барака и громко сказалъ:

— Что-же, товарищи, молчать будемъ?

По толпѣ, по нарамъ прошелъ глухой ропотъ. Входная дверь бухнула, появился заспанный австрійскій офицеръ, комендантъ лагеря, толпа раздвинулась, пропустила его къ мертвому тѣлу, и сейчасъ раздались рѣзкіе голоса:

— Молчать не будемъ.

— Замучили человѣка.

— У нихъ система.

— Я самъ заживо гнію.

— Не желаемъ. Требуемъ перевода.

— Мы не каторжники.

— Мало васъ били, окаянныхъ...

Поднявшись на цыпочки, комендантъ крикнулъ:

— Молчать! Всѣ по мѣстамъ. Русскія свиньи!

— Что?.. Что онъ сказалъ?..

— Мы русскія свиньи?!

Сейчасъ-же къ коменданту протиснулся коренастый человѣкъ, заросшій спутанной бородой, штабсъ-капитанъ Жуковъ. Поднеся короткій палецъ къ самому лицу австрійскаго офицера, онъ закричалъ рыдающимъ голосомъ:

— А вотъ палецъ мой видѣлъ, сукинъ ты сынъ, это ты видѣлъ? — И, замотавъ косматой головой, схватилъ коменданта за плечи, бѣшено затрясъ его, повалилъ и навалился.

Офицеры, тѣсно сгрудясь надъ борющимися, молчали. Но вотъ послышались хлопающіе по доскамъ шаги бѣгущихъ солдатъ, и комендантъ закричалъ: — «На помощь!» Тогда Телѣгинъ, бывшій въ это время сзади, растолкалъ товарищей и, говоря: — «Съ ума сошли, онъ-же его задушитъ», — обхватилъ

Жукова за плечи, рванулъ и оттащилъ отъ австрійца. — «Вы негодяй!» — крикнулъ онъ коменданту по-нѣмецки. Жуковъ тяжело дышалъ, разинувъ ротъ. — «Пусти, я ему покажу — свиньи», — проговорилъ онъ тихо. Но комендантъ уже поднялся, надвинулъ на глаза смятую кэпи, быстро и пристально, точно запоминая, взглянулъ въ лицо Жукову, Телѣгину, Мельшину и еще двумъ, тремъ, стоявшимъ около нихъ офицерамъ, и, твердо звякая шпорами, пошелъ прочь изъ барака. Дверь сейчасъже заперли, у входа поставили двухъ часовыхъ.

Въ это утро не было ни переклички, ни барабана, ни желудеваго кофе. Около полудня въ баракъ вошли солдаты съ носилками и вынесли тѣло Вискобойникова. Дверь опять была заперта. Офицеры разбрелись по нарамъ, многіе легли. Въ баракѣ стало совсѣмъ тихо, — дѣло было ясное: — бунтъ, покушеніе, и — военный судъ.

Иванъ Ильичъ началъ этотъ день, какъ обычно, не отступая ни отъ одного изъ имъ самимъ предписанныхъ правилъ, которыя строго соблюдалъ вотъ уже больше года: — въ шесть утра накачалъ въ ведро коричневатую воду, облился, растерся, продѣлалъ сто одно гимнастическое движеніе, слѣдя за тѣмъ, чтобы хрустѣли мускулы, одѣлся, побрился, и, такъ какъ кофе сегодня не было, натощакъ сѣлъ за нѣмецкую грамматику.

Самымъ труднымъ и разрушающимъ въ плѣну было физическое воздержаніе. На этомъ многіе пошатнулись: — одинъ вдругъ начиналъ пудриться, подмазывать глаза и брови, шушукался цѣлыми днями съ такимъ-же напудреннымъ молодцомъ, другой — сторонился товарищей, валялся, завернувшись съ головой въ тряпье, немытый, неприбранный, иной

принимался сквернословить, приставать ко всѣмъ съ чудовищными разсказами, и, наконецъ, выкидывалъ что-нибудь столь непотребное, что его увозили въ лазаретъ.

Ото всего этого было одно спасеніе — суровость. За время плѣна Телѣгинъ сталъ молчаливъ, тѣло его, покрытое броней мускуловъ, подсохло, стало рѣзкимъ въ движеніяхъ, глаза точно выцвѣли, — побѣлѣли, въ нихъ появился холодный, упрямый блескъ, — въ минуту гнѣва, или рѣшимости они были страшны.

Сегодня Телѣгинъ тщательнѣе, чѣмъ обычно, повторилъ выписанныя съ вечера нѣмецкія слова и раскрылъ истрепанный томикъ Шпильгагена. На нары къ нему присѣлъ Жуковъ. Иванъ Ильичъ, не оборачиваясь, продолжалъ читать въ полголоса. Вздохнувъ, Жуковъ проговорилъ:

— Я на судѣ, Иванъ Ильичъ, хочу сказать, что я сумасшедшій.

Телѣгинъ быстро взглянулъ на него. Розовое, добродушное лицо Жукова съ широкимъ носомъ, кудрявой бородой, съ мягкими, теплыми губами, видными сквозь заросли спутанныхъ усовъ, было опущено, виновато; свѣтлыя рѣсницы часто мигали:

— Дернуло съ этимъ пальцемъ проклятымъ соваться, — самъ теперь не пойму, что я и доказать-то хотѣлъ. Иванъ Ильичъ, я понимаю, — виноватъ, конечно... Выскочилъ съ пальцемъ, подвелъ товарищей... Я такъ рѣшилъ, — скажусь сумасшедшимъ... Вы одобряете?

— Слушайте, Жуковъ, — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ, закладывая пальцемъ книгу, — нѣсколько человѣкъ изъ насъ во всякомъ случаѣ разстрѣляютъ... Вы это знаете?

— Да, понимаю.

— Не проще-ли будетъ не валять дурака на судѣ... Какъ вы думаете?..

— Такъ-то оно такъ, конечно.

— Никто изъ товарищей васъ не винитъ. Только цѣна за удовольствіе набить австріяку морду слишкомъ высока.

— Иванъ Ильичъ, а мнѣ-то самому каково, — подвести товарищей подъ военный судъ! — Жуковъ махнулъ стиснутымъ кулачкомъ, замоталъ волосатой головой. — Хоть-бы они, сволочи, меня одного закатали — все-бы легче.

Онъ долго еще говорилъ въ томъ-же родѣ, но Телѣгинъ, уже не слушая его, продолжалъ читать Шпильгагена. Затѣмъ всталъ и, потянувшись, хрустнулъ мускулами. Въ это время съ трескомъ распахнулась наружная дверь и вошли четыре солдата съ примкнутыми штыками, встали по сторонамъ двери, брякнули затворами винтовокъ; минуту спустя, вошелъ фельдфебель, мрачный человѣкъ съ повязкой на глазу, оглянулъ баракъ и глухимъ, свирѣпымъ голосомъ крикнулъ:

— Штабсъ-капитанъ Жуковъ, поручикъ Мельшинъ, подпоручикъ Ивановъ, подпоручикъ Убейко, прапорщикъ Телѣгинъ...

Названные подошли. Фельдфебель внимательно оглянулъ каждаго, солдаты окружили ихъ и повели изъ барака черезъ дворъ къ дощатому домику — комендантской. Здѣсь стоялъ, недавно прибывшій, военный автомобиль. Колючія рогатки, закрывающія проѣздъ черезъ проволоку на дорогу, были раздвинуты. Около полосатой будки неподвижно стоялъ часовой. Въ автомобилѣ, завалившись на сидѣньи у руля, сидѣлъ шофферъ, мальчишка, съ обезьяньимъ

смуглымъ личикомъ, съ надвинутымъ на глаза огромнымъ козырькомъ фуражки. Телѣгинъ тронулъ локтемъ идущаго рядомъ съ нимъ Мельшина.

— Умѣете управлять машиной?

— Умѣю, а что?

— Молчите.

Ихъ ввели въ комендантскую. За сосновымъ столомъ, прикрытымъ розовой промокательной бумагой, сидѣли трое пріѣхавшихъ австрійскихъ оберъ-офицеровъ. Одинъ, изсиня выбритый, съ багровыми пятнами на толстыхъ щекахъ, курилъ сигару. Телѣгинъ замѣтилъ, что онъ не взглянулъ даже на вошедшихъ, — руки его лежали на столѣ, пальцы сунуты въ пальцы, толстые и волосатые, глазъ прищуренъ отъ сигарнаго дыма, воротникъ врѣзался въ шею. «Этотъ уже рѣшилъ», — подумалъ Телѣгинъ.

Другой судья, предсѣдательствующій, былъ худой старикъ съ длиннымъ, грустнымъ лицомъ въ рѣдкихъ и чисто промытыхъ морщинахъ, съ пушисто-бѣлыми усами. Бровь его была приподнята моноклемъ. Онъ внимательно оглядѣлъ обвиняемыхъ, перевелъ большой, сквозь стекло, сѣрый глазъ на Телѣгина, — глазъ былъ ясный, умный и ласковый, — усы у него задрожали, онъ опустилъ лицо.

«Совсѣмъ плохо», — подумалъ Иванъ Ильичъ и взглянулъ на третьяго судью, передъ которымъ лежали черепаховые очки и четвертушка мелко исписанной бумаги. Это былъ приземистый, землисто-желтый человѣкъ, съ жесткими волосами ежикомъ, съ большими, какъ пельмени, ушами. Онъ морщился, точно отъ несваренія желудка. По всему было видно, что это служака изъ неудачниковъ.

Когда подсудимые выстроились передъ столомъ, онъ, не спѣша, надѣлъ круглые очки, разгладилъ

исписанный листокъ сухонькой ладонью, и, неожиданно, широко открывъ желтые, вставные зубы, началъ читать обвинительный актъ.

Сбоку стола, сдвинувъ брови, сжавъ ротъ, сидѣлъ пострадавшій комендантъ. Телѣгинъ напрягалъ вниманіе, чтобы вслушаться въ слова обвиненія, но помимо воли мысль его остро и торопливо работала въ иномъ направленіи.

«... Когда тѣло самоубійцы было внесено въ баракъ, нѣсколько русскихъ воспользовались этимъ, чтобы возбудить своихъ товарищей къ открытому неповиновенію власти и начали выкрикивать бранныя и возмутительныя выраженія, угрожающе потрясая кулаками. Такъ, въ рукахъ у поручика Мельшина оказался раскрытый перочинный ножъ»...

Черезъ окно Иванъ Ильичъ видѣлъ, какъ мальчикъ-шофферъ ковырялъ пальцемъ въ носу, потомъ повернулся бочкомъ на сидѣньи и совсѣмъ надвинулъ на лицо козырекъ. Къ автомобилю подошли два низкорослыхъ солдата въ накинутыхъ на плечи голубыхъ капотахъ, постояли, поглядѣли, одинъ, присѣвъ, потрогалъ пальцемъ шину. Затѣмъ, оба они повернулись, — во дворъ въѣзжала кухня, изъ трубы ея мирно шелъ дымокъ. Кухня повернула къ казармамъ, куда лѣниво побрели и солдаты. Шофферъ не поднялъ головы, не обернулся, — значитъ, заснулъ. Телѣгинъ, кусая отъ нетерпѣнія губы, опять сталъ вслушиваться въ скрипучій голосъ обвинителя.

«... Вышеназванный штабсъ-капитанъ Жуковъ, съ явнымъ намѣреніемъ угрожая жизни господина коменданта, предварительно пытался схватить его пальцами за носъ, что, вполнѣ очевидно, имѣло

цѣлью опорочить честь Императорскаго Королевскаго мундира»...

При этихъ словахъ комендантъ поднялся и, покрывшись багровыми пятнами, подробно началъ объяснять судьямъ мало понятную исторію съ пальцемъ штабсъ-капитана. Самъ Жуковъ, плохо понимая по-нѣмецки, изо всей мочи вслушивался, порывался вставить словечко, съ доброй, виноватой улыбкой оглядывался на товарищей и, не выдержавъ, проговорилъ по-русски, обращаясь къ обвинителю:

— Господинъ полковникъ, позвольте доложить, — я ему говорю: — за что вы насъ, за что?.. По-нѣмецки не знаю какъ выразиться, значитъ пальцемъ ему показываю.

— Молчите, Жуковъ, — сказалъ Иванъ Ильичъ сквозь зубы. Предсѣдатель постучалъ карандашомъ. Обвинитель продолжалъ чтеніе.

Описавъ, какимъ образомъ и за какое именно мѣсто Жуковъ схватилъ коменданта и, «опрокинувъ его навзничь, надавливалъ ему большими пальцами на горло съ цѣлью причинить смерть», полковникъ перешелъ къ наиболѣе щекотливому мѣсту обвиненія: —... «Русскіе толчками и криками подстрекали убійцу; одинъ изъ нихъ, именно — прапорщикъ Іоганъ Телѣгинъ, услышавъ шаги бѣгущихъ солдатъ, бросился къ мѣсту происшествія, отстранилъ Жукова, и только одна секунда отдѣляла господина коменданта отъ смертельной развязки.» — Въ этотъ мѣстѣ обвинитель, пріостановившись самодовольно улыбнулся. — «Но въ эту секунду появились дежурные нижніе чины, — слѣдуютъ имена, — и прапорщикъ Телѣгинъ успѣлъ только крикнуть своей жертвѣ: — негодяй».

За этимъ слѣдовалъ остроумный психологическій

разборъ поступка Телѣгина, «какъ извѣстно, дважды пытавшагося бѣжать изъ плѣна»... Полковникъ безусловно обвинялъ Телѣгина, Жукова и Мельшина, который подстрекалъ къ убійству размахиваніемъ перочиннымъ ножомъ. Чтобы обострить силу обвиненія, полковникъ даже выгородилъ Иванова и Убейко, «дѣйствовавшихъ въ состояніи умоизступленія».

По окончаніи чтенія, комендантъ подтвердилъ, что именно такъ все и было. Допросили солдатъ; они показали, что первые трое обвиняемыхъ, дѣйствительно, виновны, про вторыхъ двухъ — ничего не могутъ знать. Предсѣдательствующій, потеревъ худыя руки, предложилъ Иванова и Убейко отъ обвиненія освободить за недоказанностью уликъ. Багровый офицеръ, докурившій до губъ сигару, кивнулъ головой, обвинитель послѣ нѣкотораго колебанія тоже согласился. Тогда двое изъ конвойныхъ вскинули ружья. Телѣгинъ сказалъ: — «Прощайте, товарищи». — Ивановъ опустилъ голову, Убейко, молча, съ ужасомъ, взглянулъ на Ивана Ильича. Ихъ вывели, и предсѣдательствующій предоставилъ слово обвиняемымъ.

— Считаете вы себя виновнымъ въ подстрекательствѣ къ бунту и покушеніи на жизнь коменданта лагеря? — спросилъ онъ Телѣгина.

— Нѣтъ.

— Что же, именно, вы желаете сказать по этому дѣлу?

— Обвиненіе отъ перваго до послѣдняго слова чистая ложь.

Комендантъ съ бѣшенствомъ вскочилъ, требуя объясненія, предсѣдательствующій знакомъ остановилъ его.

— Больше вы ничего не имѣете прибавить къ вашему заявленію?

— Никакъ нѣтъ.

Телѣгинъ отошелъ отъ стола и пристально посмотрѣлъ на Жукова. Тотъ покраснѣлъ, засопѣлъ, и на вопросы повторилъ слово въ слово все, сказанное уже Телѣгинымъ. Такъ же отвѣчалъ и Мельшинъ. Предсѣдательствующій выслушивалъ отвѣты, устало закрывъ глаза. Наконецъ, судьи поднялись и удалились въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ дверяхъ багровый офицеръ, шедшій послѣднимъ, выплюнулъ сигару и, поднявъ руки, сладко потянулся.

— Разстрѣлъ, — я это понялъ, какъ мы вошли, — сказалъ Телѣгинъ въ полголоса, и обратился къ конвойному: — дайте мнѣ стаканъ воды.

Солдатъ торопливо подошелъ къ столу и, придерживая винтовку, сталъ наливать изъ графина мутную воду. Иванъ Ильичъ быстро, въ самое ухо, прошепталъ Мельшину:

— Когда насъ выведутъ, постарайтесь завести моторъ.

Мельшинъ, шопотомъ же, закрывъ глаза, отвѣтилъ:

— Понялъ.

Черезъ минуту появились судьи и заняли прежнія мѣста. Предсѣдательствующій, не спѣша, снялъ монокль и, близко держа передъ глазами слегка дрожащій клочокъ бумаги, прочелъ краткій приговоръ, по которому Телѣгинъ, Жуковъ и Мельшинъ приговаривались къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Когда были произнесены эти слова, Иванъ Ильичъ, хотя и былъ увѣренъ въ приговорѣ, все-же почувствовалъ, какъ кровь отлила отъ сердца и стало

тошно. Жуковъ уронилъ голову, Мельшинъ, рослый, широкой кости, свѣтлоглазый юноша, медленно облизнулъ губы.

Предсѣдательствующій потеръ уставшіе глаза, затѣмъ, прикрывъ ихъ ладонью, проговорилъ отчетливо, но тихо:

— Господину коменданту поручается привести приговоръ въ исполненіе немедленно.

Судьи встали. Комендантъ одну еще секунду сидѣлъ вытянувшись, блѣдный до зелени въ лицѣ, но всталъ и онъ, одернулъ чистенькій мундиръ и преувеличенно рѣзкимъ голосомъ скомандовалъ двоимъ оставшимся конвойнымъ вывести приговоренныхъ. Въ узкихъ дверяхъ Телѣгинъ замѣшкался и далъ возможность Мельшину выйти первымъ. Мельшинъ, будто теряя силы, схватился конвойному за руку и забормоталъ по-русски заплетающимся языкомъ:

— Пойдемъ, пойдемъ, пожалуйста, недалеко, сюда, вотъ еще немножечко... Животъ болитъ, мочи нѣтъ...

Солдатъ въ недоумѣніи глядѣлъ на него, упирался, испуганно оборачивался, не понимая, какъ ему въ этомъ непредвидѣнномъ случаѣ поступать. Но Мельшинъ уже дотащилъ его до передней части автомобиля и присѣлъ на корточки, гримасничая, причитывая, хватаясь дрожащими пальцами то за пуговицы своей одежды, то за ручку автомобиля. По лицу конвойнаго было видно, что ему жалко и противно.

— Животъ болитъ, ну — садись, — проворчалъ онъ сердито, — живѣе.

Но Мельшинъ, словно отъ боли и коликъ, ощерился и вдругъ съ бѣшеной силой закрутилъ ручку моторнаго завода. Солдатъ испуганно нагнулся къ нему, оттаскивая. Мальчикъ шофферъ проснулся,

крикнулъ что-то злымъ голосомъ, выскочилъ изъ автомобиля. Все дальнѣйшее произошло въ нѣсколько секундъ. Телѣгинъ, стараясь держаться ближе ко второму конвойному, наблюдалъ исподлобья за движеніями Мельшина. Раздалось пыхтѣнье мотора и въ тактъ этимъ рѣзкимъ, изумительнымъ ударамъ страшно забилось сердце.

— Жуковъ, держи винтовку, — крикнулъ Телѣгинъ, обхватилъ своего конвойнаго поперекъ туловища, поднялъ на воздухъ, съ силой швырнулъ его о землю и въ нѣсколько прыжковъ достигъ автомобиля, гдѣ Мельшинъ боролся съ солдатомъ, вырывая винтовку. Иванъ Ильичъ съ налета ударилъ солдата кулакомъ въ шею, — тотъ ахнулъ и сѣлъ. Мельшинъ кинулся къ рулю машины, нажалъ рычаги. Иванъ Ильичъ отчетливо увидѣлъ Жукова, лѣзущаго съ винтовкой въ автомобиль, мальчишку шоффера, крадущагося вдоль стѣны и вдругъ шмыгнувшаго въ дверь комендантской, въ окнѣ длинное, искаженное лицо съ моноклемъ, выскочившую на крыльцо фигурку коменданта, револьверъ, пляшущій у него въ рукѣ... Затѣмъ, — свѣтъ и ударъ, свѣтъ и ударъ... «Мимо. Мимо. Мимо». Сердце остановилось, — показалось, что автомобиль вросъ колесами въ торфъ. Но взвыли шестерни, машина рванулась. Телѣгинъ перевалился на кожаное сидѣнье. Въ лицо все сильнѣе подулъ вѣтеръ, быстро стала приближаться полосатая будка и часовой, взявшій винтовку на прицѣлъ. Пахъ! Какъ буря, промчался мимо него автомобиль. Сзади по всему двору бѣжали солдаты, припадали на колѣно. Пахъ! Пахъ! Пахъ! — раздались слабые выстрѣлы. Жуковъ, обернувшись, грозилъ кулакомъ. Но мрачный квадратъ бараковъ становился все меньше, ниже, и лагерь

скрылся за поворотомъ. Навстрѣчу летѣли, яростно мелькая мимо, — столбы, кусты, нумера на камняхъ.

Мельшинъ обернулся, лобъ его, глазъ и щека были залиты кровью. Онъ крикнулъ Телѣгину:

— Прямо?

— Прямо, и черезъ мостикъ — направо, въ горы.

XXVIII

Пустынны и печальны Карпаты въ осенній, вѣтряный вечеръ. Тревожно и смутно было на душѣ у бѣглецовъ, когда по извилистой, вымытой дождями до камня, бѣловатой дорогѣ они взобрались на перевалъ. Три, четыре оголенныя до вершины, высокія сосны покачивались надъ обрывомъ. Внизу, въ закурившемся туманѣ, почти невидимый, глухо шумѣлъ лѣсъ. Еще глубже, на днѣ пропасти, ворчалъ и плескался многоводный потокъ, грохоталъ каменьями.

За стволами сосенъ, далеко за лѣсистыми, пустынными вершинами горъ, среди свинцовыхъ тучъ свѣтилась длинная, тускло багровая щель заката. Вѣтеръ дулъ вольно и сильно на этой высотѣ, насвистывалъ въ ушахъ забытымъ воспоминаніемъ, хлопалъ кожей автомобильнаго фартука.

Бѣглецы сидѣли молча. Телѣгинъ разсматривалъ карту, Мельшинъ, облокотясь о руль, глядѣлъ въ сторону заката. Голова его была забинтована тряпкой.

— Что-же намъ съ автомобилемъ дѣлать? — спросилъ онъ негромко, — бензина нѣтъ.

— Машину такъ оставлять нельзя, сохрани Богъ, — отвѣтилъ Телѣгинъ.

— Спихнуть ее подъ кручу, только и всего. — Мельшинъ, крякнувъ, спрыгнулъ на дорогу, потопалъ ногами, разминаясь, и сталъ трясти Жукова за плечо. — Эй, капитанъ, будетъ тебѣ спать, пріѣхали.

Жуковъ, не раскрывая глазъ, вылѣзъ на дорогу, споткнулся и сѣлъ на камушекъ, — опять уронилъ голову. Въ него пришлось влить коньяку. Иванъ Ильичъ вытащилъ изъ автомобиля кожаные плащи и погребецъ съ провизіей, приготовленной судьямъ для обѣда въ «Гнилой Ямѣ». Провизію разложили по карманамъ, надѣли плащи и, взявшись за крылья машины, покатили ее къ обрыву.

— Сослужила, матушка, службу, — сказалъ Мельшинъ, — ну-ка — навались. Разомъ. Еще разъ!

Переднія колеса повисли надъ пропастью. Пыльно-сѣрая, длинная машина, обитая кожей, окованная бронзой, послушная, какъ живое существо, осѣла, накренилась и вмѣстѣ съ камнями и щебнемъ рухнула внизъ; на выступѣ скалы зацѣпилась, затрещала, перевернулась и со все увеличивающимся грохотомъ летящихъ каменій и осколковъ желѣза загудѣла внизъ, въ потокъ. Отозвалось эхо и далеко покатилось по туманнымъ ущельямъ.

Бѣглецы свернули въ лѣсъ и пошли вдоль дороги. Говорили мало, шопотомъ. Было теперь совсѣмъ темно. Надъ головами важно шумѣли сосны, и шумъ ихъ былъ подобенъ падающимъ въ отдаленіи водамъ, — суровый и вѣковѣчный.

Время отъ времени Телѣгинъ спускался на шоссе смотрѣть верстовые столбы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ предполагался военный постъ, сдѣлали большой обходъ, перелѣзли черезъ нѣсколько овраговъ, въ темнотѣ натыкались на поваленныя деревья, на гор-

ные ручьи, — промокли и ободрались. Шли всю ночь. Одинъ разъ подъ утро послышался шумъ автомобиля, — тогда они легли въ канаву, автомобиль проѣхалъ неподалеку, были даже слышны голоса.

Утромъ бѣглецы выбрали мѣсто для отдыха въ глухой, лѣсной балкѣ, у ручья. Поѣли, опорожнили до половины фляжку съ коньякомъ, и Жуковъ попросилъ обрить его найденной въ автомобилѣ бритвой. Когда были сняты борода и усы, у него неожиданно оказался дѣтскій подбородокъ и припухшія, большія губы, — кувшинное рыло. Телѣгинъ и Мельшинъ долго хохотали, указывая на него пальцами. Жуковъ былъ въ восторгѣ, мычалъ и моталъ губами, — онъ просто оказался пьянъ. Его завалили листьями и велѣли спать.

Послѣ этого Телѣгинъ и Мельшинъ, разложивъ на травѣ карту, срисовали каждый для себя маленькій топографическій снимокъ. На завтра рѣшено было раздѣлиться: — Мельшинъ съ Жуковымъ пойдутъ на Румынію, Телѣгинъ свернетъ на Галицію. Большую карту зарыли въ землю. Нагребли листьевъ, зарылись въ нихъ и сейчасъ-же уснули.

Это было въ третій часъ пополудни. Надъ балкой, высоко на скалѣ, стоялъ человѣкъ, опершись на ружье, — часовой, охраняющій мостъ. Вокругъ, у ногъ его, въ лѣсной пустынѣ было тихо, лишь тяжелый тетеревъ пролеталъ черезъ поляну, задѣвая крыльями объ ельникъ, да гдѣ-то однообразно, не спѣша, падала вода. Часовой постоялъ и отошелъ, вскинувъ ружье.

Когда Иванъ Ильичъ открылъ глаза — была ночь; между черныхъ, неподвижныхъ вѣтвей свѣтились звѣзды, — онѣ были большія и ясныя, переливающіяся небесной влагой.

Онъ привсталъ, оглянулся и вновь легъ на спину. Ночь была тихая, булькалъ въ темнотѣ ручеекъ. Иванъ Ильичъ началъ припоминать вчерашній день, но ощущеніе душевнаго напряженія на судѣ и во время побѣга было столь болѣзненно, что онъ отогналъ отъ себя эти мысли, и опять сталъ смотрѣть въ небо.

Надъ головой его въ небольшомъ созвѣздіи сіяла голубымъ свѣтомъ звѣзда. Тысячу лѣтъ тому назадъ побѣжалъ отъ нея этотъ голубой лучикъ, и вотъ упалъ въ глаза, коснулся сердца Ивана Ильича. И эта звѣзда, и млечный путь, и безчисленныя созвѣздія — лишь песчинка въ небесномъ океанѣ; а тамъ, гдѣ-то, еще есть черные, угольные мѣшки, провалы въ вѣчность. И всѣ эти звѣзды и черныя бездны — въ немъ, въ горячемъ сердцѣ Ивана Ильича, бьющемся, — такъ-такъ, такъ-такъ, — среди сухихъ листьевъ.

Должно-быть нужна была звѣздная пыль съ милліона міровъ, чтобы создать этотъ живой комочекъ сердца, и живетъ оно оттого, что хочетъ любить. И такъ-же, какъ таинственный, неощутимый свѣтъ звѣздъ льется на землю, такъ сердце шлетъ навстрѣчу имъ свой незримый свѣтъ, — тоску по любви, и не хочетъ вѣрить, что оно — мало, смертно. Это была минута божественной важности.

— Вы не спите, Иванъ Ильичъ? — спросилъ тихій голосъ Мельшина.

— Нѣтъ, давно не сплю. Вставайте, будите капитана. Надо собираться.

Черезъ часъ Иванъ Ильичъ шагалъ одинъ вдоль бѣлѣющей въ темнотѣ дороги.

XXIX

На десятыя сутки Телѣгинъ достигъ прифронтовой полосы. Все это время онъ шелъ только по ночамъ, съ началомъ дня забирался въ лѣсъ, а когда пришлось спуститься на равнину, выбиралъ для ночлега мѣстечко подальше отъ жилья. Питался овощами, таскалъ ихъ съ огродовъ.

Ночь была дождливая и студеная. Иванъ Ильичъ пробирался по шоссе между идущими на западъ санитарными фурами, полными раненыхъ, телѣгами съ домашнимъ добромъ, толпами женщинъ и стариковъ, тащившими на рукахъ дѣтей, узлы и утварь.

На встрѣчу, на востокъ, двигались военные обозы и воинскія части. Было странно подумать, что прошелъ четырнадцатый и пятнадцатый и кончается шестнадцатый годъ, а все такъ-же по разбитымъ дорогамъ скрипятъ обозы, бредутъ въ покорномъ отчаяніи жители изъ сожженныхъ деревень. Лишь теперь огромныя воинскія лошади — едва волочатъ ноги, солдаты — ободрались и помельчали, толпы бездомныхъ людей — молчаливы и равнодушны. А тамъ, на востокѣ, откуда рѣзкій вѣтеръ гонитъ низкія облака, все еще бьютъ и бьютъ люди людей, переставшихъ уже быть врагами, и не могутъ истребить другъ друга.

На топкой низинѣ, на мосту, черезъ вздувшуюся рѣчку шевелилось въ темнотѣ огромное скопище людей и телѣгъ. Громыхали колеса, щелкали бичи, раздавались крики команды, двигалось множество фонарей, и свѣтъ ихъ падалъ на крутящуюся между сваями, мутную воду.

Скользя по скату шоссе, Иванъ Ильичъ добрался до моста. По нему проходилъ военный обозъ. Раньше дня нечего было и думать пробраться на ту сторону.

При въѣздѣ на мостъ лошади присѣдали въ оглобляхъ, цѣплялись копытами о размокшія доски, едва выворачивали груженые воза. Съ краю, у въѣзда, стоялъ всадникъ въ развѣваемомъ вѣтромъ плащѣ, держалъ въ рукѣ фонарь и кричалъ хрипло. Къ нему подошелъ старикъ, сдернулъ картузикъ, — что-то, видимо, просилъ. Всадникъ, вмѣсто отвѣта, ударилъ его въ лицо рукоятью сабли, и старикъ повалился подъ колеса.

Дальній конецъ моста тонулъ въ темнотѣ, но по пятнамъ фонарей казалось, что тамъ — тысячи бѣглецовъ. Обозъ продолжалъ медленно двигаться. Иванъ Ильичъ стоялъ прижатый къ телѣгѣ, — въ ней въ накинутомъ одѣялѣ сидѣла худая женщина съ висящими на глазахъ волосами. Одною рукой она обхватила птичью клѣтку, въ другой держала вожжи. Вдругъ обозъ сталъ. Женщина съ ужасомъ обернула голову. Съ той стороны моста выросталъ гулъ голосовъ, быстрѣе двигались фонари. Что-то случилось. Дико, по-звѣриному, завизжала лошадь. Чей-то протяжный голосъ крикнулъ по-польски: «Спасайся»! И сейчасъ-же ружейный залпъ рванулъ воздухъ. Шарахнулись лошади, затрещали телѣги, завыли, завизжали женскіе, дѣтскіе голоса.

Направо, издалека, мелькнули рѣдкія искорки, донеслись отвѣтные выстрѣлы. Иванъ Ильичъ влѣзъ на колесо, всматриваясь. Сердце колотилось, какъ молотокъ. Стрѣляли, казалось, отовсюду, по всей рѣкѣ. Женщина съ клѣткой полѣзла съ воза, задралась юбкой и упала: «Ой, ратуйте!», — басомъ

закричала она. Клѣтка съ птицей покатилась подъ откосъ.

Съ криками и трескомъ обозъ снова двинулся черезъ мостъ на рысяхъ. «Стой, стой»! — донеслись сейчасъ-же надрывающіеся голоса. Иванъ Ильичъ увидѣлъ, какъ большая повозка накренилась къ краю моста, перевалилась черезъ перила и рухнула въ рѣку. Тогда онъ соскочилъ съ колеса, перепрыгивая черезъ брошенные узлы, догналъ обозъ и бросился ничкомъ на идущую телѣгу. Сейчасъ-же въ голову ему ударилъ сладкій запахъ печенаго хлѣба. Иванъ Ильичъ просунулъ руку подъ брезентъ, отломилъ отъ каравая горбушку и, задыхаясь отъ жадности, сталъ ѣсть.

Въ суматохѣ, среди выстрѣловъ, обозъ перешелъ, наконецъ, на ту сторону моста. Иванъ Ильичъ спрыгнулъ съ телѣги, пробрался между экипажами бѣглецовъ на поле и пошелъ вдоль дороги. Изъ отрывочныхъ фразъ, уловленныхъ изъ темноты, онъ понялъ, что стрѣльба была по непріятельскому, то-есть русскому, разъѣзду. Стало-быть, линія фронта верстахъ въ десяти, не дальше, отъ этихъ мѣстъ.

Нѣсколько разъ Иванъ Ильичъ останавливался — перевести духъ. Итти было трудно противъ вѣтра и дождя. Ноги ломило въ колѣняхъ, лицо горѣло, глаза воспалились и припухли. Наконецъ, онъ сѣлъ на бугоръ канавы и опустилъ голову въ руки. За шею текли ледяныя капли дождя, все тѣло болѣло, какъ переѣханное колесами.

Въ это время до слуха его дошелъ круглый, глухой звукъ, точно гдѣ-то далеко провалилась земля. Черезъ минуту возникъ второй такой-же вздохъ ночи. Иванъ Ильичъ поднялъ голову, вслушиваясь. Онъ различилъ между этими глубокими вздохами

глухое ворчаніе, то затихающее, то выростающее въ сердитые перекаты. Звуки доносились не съ той стороны, куда Иванъ Ильичъ шелъ, а слѣва, почти со стороны противоположной.

Онъ пересѣлъ на другую сторону канавы; теперь ясно были видны низкія, рваныя облака, летящія въ небѣ, грязномъ и желѣзномъ. Это былъ разсвѣтъ. Это былъ востокъ. Тамъ была Россія.

Иванъ Ильичъ поднялся, затянулъ поясъ и, разъѣзжаясь ногами по грязи, пошелъ въ ту сторону черезъ мокрыя жнивья, канавы и полузавалившіеся остатки прошлогоднихъ окоповъ.

Когда совсѣмъ разъяснѣло, Иванъ Ильичъ опять увидѣлъ въ концѣ поля шоссейную дорогу, полную людей и экипажей. Онъ остановился, оглядываясь. Въ сторонѣ, подъ огромнымъ, наполовину облетѣвшимъ деревомъ, стояла бѣлая часовенка. Дверь была сорвана, на круглой крышѣ и на землѣ валялись вялые листья.

Иванъ Ильичъ рѣшилъ здѣсь подождать сумерекъ, зашелъ въ часовенку и легъ на зеленый отъ мха полъ, лицомъ къ стѣнѣ. Нѣжный и томительный запахъ листьевъ туманилъ голову. Издалека доносились громыханіе колесъ и удары бичей. Эти шумы казались удивительно пріятными, и вдругъ провалились. На глаза точно надавили пальцами. Въ свинцовой тяжести сна понемногу появилось живое пятнышко. Оно словно силилось стать сновидѣніемъ, но не могло. Усталость была такъ велика, что Иванъ Ильичъ мычалъ, крутя головой, и поглубже зарывался въ мягкую бездну сна. Но пятнышко появлялось снова, тревожило, будто что-то случилось, — душа заливалась слезами. Сонъ становился

все тоньше, и опять загромыхали вдалекѣ колеса. Иванъ Ильичъ сѣлъ, оглядываясь. Въ дверь были видны плотныя, плоскія тучи; солнце, склонившись къ закату, протянуло широкіе лучи подъ ихъ свинцово-мокрыми днищами. Жидкое пятно свѣта легло на ветхую стѣну часовенки, освѣтило склоненное лицо деревянной, полинявшей отъ времени, Божьей Матери въ золотомъ вѣнчикѣ; Младенецъ, одѣтый въ ветхія ризки, лежалъ у Нея на колѣняхъ, благословляющая рука Его была отломана.

Иванъ Ильичъ перекрестился мелкимъ крестикомъ и вышелъ изъ часовни. На порогѣ ея, на каменной ступени, сидѣла молодая, свѣтловолосая женщина съ ребенкомъ на колѣняхъ. Она была одѣта въ бѣлую, забрызганную грязью, свитку. Одна рука ея подпирала щеку, другая лежала на пестромъ одѣяльцѣ младенца. Она медленно подняла голову, взглянула на Ивана Ильича, — взглядъ былъ свѣтлый и странный, исплаканное лицо ея дрогнуло, точно улыбнулось, и тихимъ голосомъ, просто, она сказала по-руссински:

— Умеръ мальчикъ-то.

И опять склонила лицо на ладонь. Телѣгинъ нагнулся къ ней, погладилъ по головѣ, — она порывисто вздохнула, и слезы полились по ея лицу.

— Пойдемте. Я его понесу, — сказалъ онъ ласково. Женщина качнула головой:

— Куда я пойду. Идите съ Богомъ одни, панъ добрый.

Иванъ Ильичъ постоялъ еще съ минуту, дернулъ картузъ на глаза и отошелъ. Въ это время изъ-за часовни рысью выѣхали два австрійскихъ полевыхъ жандарма, въ мокрыхъ и грязныхъ капотахъ, усатые и сизые. Проѣзжая, они оглянулись на Ивана

Ильича, сдержали лошадей, и тотъ изъ нихъ, кто былъ впереди, крикнулъ хрипло: — Подойди!

Иванъ Ильичъ приблизился. Жандармъ, нагнувшись съ сѣдла, внимательно ощупалъ его карими глазами, воспаленными отъ вѣтра и безсонницы, — вдругъ они блеснули радостно:

— Русскій! — крикнулъ онъ, хватая Телѣгина за воротникъ. Иванъ Ильичъ не вырывался, только усмѣхнулся криво.

Телѣгина отвели версты за три и заперли въ сараѣ. Была уже ночь. Явственно доносился гулъ орудійной стрѣльбы. Сквозь щели былъ виденъ тускло-красный свѣтъ зарева на востокѣ. Иванъ Ильичъ доѣлъ остатокъ хлѣба, взятаго давеча съ воза, походилъ вдоль досчатыхъ стѣнъ, осматривая — нѣтъ-ли гдѣ лаза, споткнулся на тюкъ пресованнаго сѣна, зѣвнулъ и легъ. Но заснуть ему не пришлось, — послѣ полуночи гдѣ-то неподалеку начали бухать четыре орудія. Красноватыя вспышки проникали сквозь щели сарая. Иванъ Ильичъ привсталъ, прислушиваясь. Промежутки между очередями уменьшались, дрожали стѣны сарая, и вдругъ совсѣмъ близко затрещали частые ружейные выстрѣлы.

Ясно, что бой приближался. За стѣной послышались встревоженные голоса, запыхтѣлъ автомобиль. Протопало множество ногъ. Чье-то тяжелое тѣло ударилось снаружи о доски сарая. И тогда только Иванъ Ильичъ различилъ, какъ въ стѣну точно бьютъ горохомъ. Онъ сейчасъ-же легъ на землю, за тюкъ сѣна.

Даже здѣсь, въ сараѣ, пахло пороховымъ дымомъ.

Стрѣляли безъ перерыва, очевидно — русскіе наступали со страшной быстротой. Но эта буря раздирающихъ душу звуковъ продолжалась недолго. Послышались лопающіеся удары, — разрывы ручныхъ гранатъ, точно давили орѣхи. Иванъ Ильичъ вскочилъ, заметался вдоль стѣны. Неужели отобьютъ? И, наконецъ, раздался хрипло-пронзительный ревъ, визгъ, топотъ. Сразу стихли выстрѣлы. Рванулось нѣсколько гранатъ. Въ долгую секунду тишины были слышны только удары въ мягкое, желѣзный лязгъ. Затѣмъ испуганно закричали голоса: — «Сдаемся, русъ, русъ!..»

Отодравъ въ двери щепу, Иванъ Ильичъ увидѣлъ бѣгущія фигуры, — онѣ закрывали головы руками. Справа на нихъ налетѣли огромныя тѣни всадниковъ, врѣзались въ толпу, закрутились. — Стой, стой, сдаемся! — кричали бѣгущіе... Трое пѣшихъ повернули къ сараю. Вслѣдъ имъ рванулся всадникъ, безъ шапки, со взвившимся за спиною башлыкомъ. Лошадь — огромный звѣрь — храпя, тяжело поднялась на дыбы. Всадникъ, какъ пьяный, размахивалъ шашкой, ротъ его былъ широко разинутъ. И, когда лошадь опустила передъ, онъ со свистомъ ударилъ шашкой, и лезвіе, врѣзавшись, сломалось.

— Выпустите меня! — не своимъ голосомъ закричалъ Телѣгинъ, стуча въ дверь. Всадникъ осадилъ лошадь:

— Кто кричитъ?

— Плѣнный. Русскій офицеръ.

— Сейчасъ. — Всадникъ швырнулъ рукоять шашки, нагнулся и отодвинулъ засовъ. Иванъ Ильичъ вышелъ, и тотъ, кто выпустилъ его, офицеръ дикой дивизіи, сказалъ насмѣшливо:

— Вотъ такъ встрѣча!

Иванъ Ильичъ всмотрѣлся:

— Не узнаю.

— Да — Сапожковъ, Сергѣй Сергѣевичъ. — И онъ захохоталъ рѣзкимъ, хриплымъ смѣхомъ. — А хорошее было дѣло, чортъ возьми! Жаль — шашку сломалъ.

XXX

Послѣдній часъ до Москвы поѣздъ съ протяжнымъ свистомъ катилъ мимо опустѣвшихъ дачъ; бѣлый дымъ его путался въ осенней листвѣ, въ прозрачно-желтомъ березнякѣ, въ пурпуровомъ осинникѣ, откуда пахло грибами. Иногда, къ самому полотну свисала багровая, лапчатая вѣтвь клена. Сквозь порѣдѣвшій кустарникъ виднѣлись кое-гдѣ стеклянные шары на клумбахъ, въ дачныхъ домикахъ — забитыя ставни, на дорожкахъ, на ступеняхъ — покровъ изъ листьевъ.

Вотъ пролетѣлъ мимо полустанокъ, гдѣ два солдата съ котомками, разинувъ рты, глядѣли на окна поѣзда, и на скамьѣ въ клѣтчатомъ пальтишкѣ сидѣла грустная, забытая Богомъ, барышня, чертя концомъ зонтика узоръ на мокрыхъ доскахъ платформы. Вотъ, за поворотомъ, изъ-за деревьевъ появился деревянный щитъ съ нарисованной бутылкой, — «Несравненная Рябиновая Шустова». Вотъ, кончился лѣсъ, и направо и налѣво потянулись длинныя гряды бѣло-зеленой капусты, у шлагбаума — возъ съ соломой и баба въ мужицкомъ полушубкѣ держитъ подъ уздцы упирающуюся сивую лошаденку. А вдали подъ длинной тучей уже видны были острые

верхи башенъ и высоко надъ городомъ — пять сіяющихъ луковицъ Христа Спасителя.

Телѣгинъ лежалъ въ вагонномъ окошкѣ, вдыхая густой запахъ октября, запахъ листьевъ, прѣлыхъ грибовъ, дымка отъ горящей гдѣ-то соломы, и земли, на разсвѣтѣ хваченной морозцемъ.

Онъ чувствовалъ, какъ позади осталась трудная дорога двухъ мучительныхъ лѣтъ, и конецъ ея — въ этомъ чудесномъ, долгомъ часѣ ожиданія. Иванъ Ильичъ разсчиталъ: ровно въ половинѣ третьяго онъ нажметъ пуговку звонка въ той единственной двери, — она ему представлялась свѣтло-дубовой, съ двумя окошечками наверху, — куда онъ притащился-бы и мертвый.

Огороды кончились, и съ боковъ дороги замелькали забрызганные грязью домишки предмѣстій, грубо мощеныя улицы съ грохочущими ломовыми, заборы и за ними сады съ древними липами, протянувшими вѣтви до середины переулковъ, пестрыя вывѣски, прохожіе, идущіе по своимъ пустяковымъ дѣламъ, не замѣчая ни гремящаго поѣзда, ни его — Ивана Ильича — въ вагонномъ окошкѣ; внизу, въ глубину улицы побѣжалъ, какъ игрушечный, трамвай; изъ-за дома выдвинулся куполъ церковки, — Иванъ Ильичъ быстро перекрестился, — колеса застучали по стрѣлкамъ. Наконецъ, наконецъ, послѣ двухъ долгихъ лѣтъ, — поплылъ вдоль оконъ асфальтовый перронъ московскаго вокзала. Въ вагоны полѣзли чистенькіе и равнодушные старички въ бѣлыхъ фартукахъ. Иванъ Ильичъ далеко высунулъ голову, вглядываясь. Глупости, онъ же не извѣщалъ о пріѣздѣ.

Держа въ рукѣ плохонькій, купленный на-спѣхъ въ Кіевѣ, чемоданчикъ, Иванъ Ильичъ вышелъ съ вокзала и не могъ — разсмѣялся: — шагахъ въ пятидесяти на площади стоялъ длинный рядъ извозчиковъ. Махая съ козелъ рукавицами, они кричали:

— Я подаю! Я подаю! Я подаю!

— Ваше здоровье, куда-же вы на пѣгую лѣзете, вотъ на вороной!

— Пожалуйте, пожалуйте, я васъ катаю!

— Куда прешь, чортъ паршивый, осади!

— Вотъ, на рѣзвой, на дудкахъ!

Лошади, осаженныя вожжами, топотали, храпѣли, взвизгивали. Крикъ стоялъ по всей площади. Казалось, еще немного, — и весь рядъ извозчиковъ налетитъ на вокзалъ.

Иванъ Ильичъ взобрался на очень высокую пролетку съ узкимъ сидѣньемъ; наглый, красивый мужикъ — лихачъ — съ ласковой снисходительностью спросилъ у него адресъ и для шику, сидя бокомъ и держа въ лѣвой рукѣ свободно брошенныя вожжи, запустилъ рысака, — дутыя шины запрыгали по булыжнику.

— Съ войны, ваше здоровье? — спросилъ лихачъ Ивана Ильича.

— Изъ плѣна, бѣжалъ.

— Да неужто? Ну, что, какъ у нихъ? Говорятъ — совсѣмъ ѣсть нечего. Эй, поберегись, бабушка.. Національный герой... Много бѣгутъ оттуда нашего брата, все отъ голода. Ломовой, берегись... Ахъ, невѣжа, нажрался ханжи... Ивана Трифоныча не знаете?

— Какого?

— Съ Разгуляя, карболовкой онъ, не то сѣрой

торгуетъ. Вчера ѣздилъ на мнѣ, плачетъ. Ахъ, исторія!.. Нажился на поставкахъ, денегъ дѣвать некуда, а жена его возьми — съ полячишкомъ третьяго дня и убѣжала. И убѣжала-то недалеко — въ Петровскій паркъ, къ Жану. На другой день наши извозчики всю Москву оповѣстили о происшествіи, Ивану-то Трифонычу хоть на улицу не выходи, всѣ смѣются... Вотъ тебѣ и нажился, наворовалъ...

— Голубчикъ, скорѣе, пожалуйста, — проговорилъ Иванъ Ильичъ, хотя лихацкій высокій жеребецъ и безъ того, какъ вѣтеръ, летѣлъ по переулку, задирая отъ дурной привычки злую морду.

— Пріѣхали, ваше здоровье, второй подъѣздъ. Тпру, Вася...

Иванъ Ильичъ быстро, съ трепетомъ, взглянулъ на шесть оконъ бѣлаго особнячка, гдѣ покойно и чисто висѣли кружевныя шторы, и спрыгнулъ у подъѣзда. Дверь была старая, рѣзная съ львиной головой на ручкѣ, и звонокъ не электрическій, а колокольчикъ. Нѣсколько секундъ Иванъ Ильичъ простоялъ, не въ силахъ поднять руки къ звонку, сердце билось рѣдко и больно. «Въ сущности говоря, ничего еще не извѣстно, — можетъ — дома никого нѣтъ, можетъ и не примутъ», — подумалъ онъ, и потянулъ мѣдную пуговку. Въ глубинѣ звякнулъ колокольчикъ. «Конечно, никого нѣту дома». И сейчасъ же послышались быстрые женскіе шаги. Иванъ Ильичъ растерянно оглянулся, — чернобородая, веселая рожа лихача подмигнула. Затѣмъ, звякнула цѣпочка, дверь пріоткрылась и высунулось рябенькое лицо горничной.

— Здѣсь проживаетъ Дарья Дмитріевна Булавина? — кашлянувъ, проговорилъ Телѣгинъ.

— Дома, дома, пожалуйте, — ласково, нараспѣвъ, отвѣтила рябенькая дѣвушка, — и барыня и барышня дома.

Иванъ Ильичъ, какъ во снѣ, прошелъ черезъ сѣни-галерейку со стеклянной стѣной, гдѣ стояли корзины и пахло шубами. Горничная отворила направо вторую дверь, обитую черной клеенкой, — въ полутемной, маленькой прихожей висѣли женскія пальто, передъ зеркаломъ лежали перчатки, косынка съ краснымъ крестомъ и пуховый платокъ. Знакомый, едва замѣтный, запахъ изумительныхъ духовъ исходилъ ото всѣхъ этихъ невинныхъ вещей.

Горничная, не спросивъ имени гостя, пошла докладывать. Иванъ Ильичъ коснулся пальцами пуховаго платка и вдругъ почувствовалъ, что связи нѣтъ между этой чистой, прелестной жизнью и имъ, вылѣзшимъ изъ кровавой каши. «Барышня, васъ спрашиваютъ», — услышалъ онъ въ глубинѣ дома голосъ горничной. Иванъ Ильичъ закрылъ глаза, — сейчасъ раздастся громъ небесный, и, затрепетавъ съ головы до ногъ, услышалъ голосъ быстрый и ясный:

— Спрашиваютъ меня? Кто?

По комнатамъ зазвучали шаги. Они летѣли изъ бездны двухъ лѣтъ ожиданія. Въ дверяхъ прихожей изъ свѣта оконъ появилась Даша. Легкіе волосы ея золотились. Она казалась выше ростомъ и тоньше. На ней была вязаная кофточка и синяя юбка.

— Вы ко мнѣ?

Даша запнулась, ея лицо задрожало, брови взлетѣли, ротъ пріоткрылся, но сейчасъ-же тѣнь мгновеннаго испуга сошла съ лица, и глаза засвѣтились изумленіемъ и радостью.

— Это вы? — чуть слышно проговорила она,

закинувъ локоть, стремительно обхватила шею Ивана Ильича и нѣжно-дрожащими губами поцѣловала его. Потомъ отстранилась и пальцемъ тронула глаза:

— Иванъ Ильичъ, идите сюда, — и Даша побѣжала въ гостиную, сѣла въ кресло, закрыла лицо руками и, пригнувшись къ колѣнямъ, заплакала:

— Ну, глупо, глупо, конечно... Сейчасъ пройдетъ, — прошептала она, изо всей силы вытирая глаза. Иванъ Ильичъ стоялъ передъ ней, прижимая къ груди картузъ. Вдругъ Даша, схватившись за ручки креселъ, подняла голову:

— Иванъ Ильичъ, вы бѣжали?

— Убѣжалъ.

— Господи, ну?

— Ну, вотъ и... прямо сюда.

Онъ сѣлъ напротивъ въ кресло, картузъ положилъ на столъ и глядѣлъ подъ ноги.

— Какъ-же это произошло? — съ запинкой спросила Даша.

— Въ общемъ, — обыкновенно.

— Было опасно?

— Да... То есть — не особенно.

Понемногу обоихъ начала опутывать застѣнчивость, какъ паутина; Даша тоже теперь опустила глаза:

— А сюда, въ Москву, давно пріѣхали?

— Только что съ вокзала.

— Я сейчасъ скажу кофе...

— Нѣтъ, не безпокойтесь... Я — сейчасъ въ гостиницу.

Тогда Даша чуть слышно спросила:

— Вечеромъ придете?

Поджавъ губы, Иванъ Ильичъ кивнулъ. Ему нечѣмъ было дышать. Онъ поднялся.

— Значитъ, я поѣду. Вечеромъ пріѣду.

Даша протянула ему руку. Онъ взялъ ея нѣжную и сильную руку и отъ этого прикосновенія стало горячо, кровь хлынула въ лицо. Онъ стиснулъ ея пальцы и пошелъ въ прихожую, но въ дверяхъ оглянулся. Даша стояла спиной къ свѣту и глядѣла исподлобья, странно, не ласково.

— Часовъ въ семь можно прійти, Дарья Дмитріевна? — Она кивнула. Иванъ Ильичъ выскочилъ на крыльцо и сказалъ лихачу:

— Въ гостиницу, въ хорошую, въ самую лучшую!

Сидя, откинувшись, въ пролеткѣ, засунувъ руки въ рукава пальто, онъ широко улыбался. Какія-то голубоватыя тѣни — людей, деревьевъ, экипажей — летѣли передъ глазами. Студеный, пахнущій русскимъ городомъ, вѣтерокъ холодилъ лицо. Иванъ Ильичъ поднесъ къ носу ладонь, еще горѣвшую отъ дашинаго прикосновенія, и засмѣялся: «колдовство!»

Въ это-же время Даша, проводивъ Ивана Ильича, стояла у окна въ гостиной. Въ головѣ звенѣло, никакими силами нельзя было собраться съ духомъ, сообразить, — что-же случилось? Она крѣпко зажмурилась и вдругъ ахнула, побѣжала въ спальню къ сестрѣ.

Екатерина Дмитріевна сидѣла у окна, шила и думала. Услышавъ дашины шаги, она спросила, не поднимая головы:

— Даша, кто былъ у тебя?

— Онъ.

Катя вглядѣлась, лицо ея дрогнуло.

— Кто?

— Онъ... Не понимаешь, что ли... Онъ... Иванъ Ильичъ.

Катя опустила шитье и медленно всплеснула руками.

— Катя, ты пойми, я даже не рада, мнѣ только страшно, — проговорила Даша глухимъ голосомъ.

XXXI.

Когда наступили сумерки, Даша начала вздрагивать отъ каждаго шороха, бѣжала въ гостиную и прислушивалась. Нѣсколько разъ раскрывала какую-то книжку, — приложеніе къ «Нивѣ», — все на одной и той-же страницѣ: ... «Маруся любила шоколадъ, который мужъ привозилъ ей отъ Крафта»... Кинувъ книжку, Даша подходила къ окну. Въ морозныхъ сумеркахъ вспыхнули два окна напротивъ въ домѣ, гдѣ жила актриса Чародѣева, — тамъ горничная въ чепчикѣ беззвучно накрывала на столъ; появилась худая, какъ скелетъ, Чародѣева въ накинутой на плечи бархатной шубкѣ, сѣла къ столу и зѣвнула, — должно-быть спала на диванѣ; налила себѣ супу и вдругъ задумалась, уставилась стеклянными глазами на вазочку съ увядшей розой. «Маруся любила шоколадъ», — сквозь зубы повторила Даша. Вдругъ — позвонили. У Даши кровь отлила отъ сердца. Но это принесли вечернюю газету. «Не придетъ», подумала Даша и пошла въ столовую, гдѣ горѣла одна лампочка надъ бѣлой скатертью и тикали часы. Даша сѣла у стола: — «Вотъ такъ съ каждой секундой уходитъ жизнь»... .

Въ парадномъ опять позвонили. Задохнувшись, Даша опять вскочила и выбѣжала въ прихожую...

Пришелъ сторожъ изъ лазарета, принесъ пакетъ съ бумагами. Тогда Даша ушла къ себѣ и легла на диванчикъ.

Иванъ Ильичъ не придетъ, конечно, и правъ: — ждала два года, а дождалась — слова не нашла сказать. Вмѣсто любви — пустое мѣсто.

Даша вытащила изъ-подъ шелковой подушечки носовой платокъ и стала надрывать его съ уголка. «Чувствовала, вѣдь, знала, что, именно такъ это все и случится. За два года забыла Ивана Ильича, — любила своего какого-то, выдуманнаго, а пришелъ новый, чужой, живой».

«Ужасно, ужасно», — думала Даша. Бросила платокъ и спустила ноги съ дивана. «Онъ ничего не долженъ знать, и сама не смѣешь ни о чемъ думать. Люби. Не можешь, — все равно — люби. Воли моей больше нѣтъ. Теперь — вся его»...

И вдругъ ей стало спокойно: — «буду покорна, пусть любитъ какая есть». Даша вздохнула, поднялась съ дивана и, присѣвъ у зеркала, поправила волосы, припудрилась, чтобы не было замѣтно слезъ. Потомъ облокотилась и стала глядѣть на себя въ зеркало. Изъ овальной рамы смотрѣла на нее очень хорошенькая дѣвушка съ легкими волосами, съ грустнымъ личикомъ, съ дѣтскимъ, чуть-чуть припухшимъ ртомъ. Носикъ — тоненькій, вѣтряный. Глаза — большіе, ясные. Слишкомъ ужъ что-то ясные. Вглядываясь, Даша придвинулась ближе... «Такъ-таки ничего и не случилось, все ясно, благополучно. Ангелъ, чистый ангелъ... Ни въ чемъ не виновата... — Даша усмѣхнулась, зеркало подернулось дымкой. — Послѣднюю минутку доживаете, прощайте, выведутъ васъ на свѣжую воду... Глазки-то потемнѣютъ...»

Даша прислушалась, какъ словно медленный, горячій потокъ пошелъ по ея тѣлу. Ей было горячо и покойно. Она не замѣтила, какъ пріотворилась дверь и появилась рябенькая Лиза:

— Барышня, къ вамъ пришли.

Даша глубоко вздохнула, поднялась, — легко, точно не касаясь ногами пола, — и вошла въ столовую. Катя увидѣла Дашу первая и улыбнулась ей. Иванъ Ильичъ вскочилъ, мигнулъ точно отъ яркаго свѣта и выпрямился.

Одѣтъ онъ былъ въ новую, суконную рубаху, съ новенькимъ, черезъ одно плечо, снаряженіемъ, чисто выбритъ и подстриженъ. Теперь особенно было замѣтно, какъ онъ высокъ ростомъ, подтянутъ и широкъ въ плечахъ. Конечно, это былъ совсѣмъ новый человѣкъ. Взглядъ свѣтлыхъ глазъ его — твердъ, по сторонамъ прямого, чистаго рта — двѣ морщинки, двѣ черточки, — у Даши забилось сердце, она поняла, что это — слѣдъ смерти, ужаса и страданія. Его рука была сильна и холодна, какъ ледъ. Даша коротко вздохнула:

— Садитесь, Иванъ Ильичъ, — сказала она, подходя къ столу, — разсказывайте...

Она взяла стулъ и сѣла рядомъ съ Телѣгинымъ. Онъ положилъ руки на скатерть, стиснулъ ихъ и, поглядывая на Дашу, быстро, мелькомъ, началъ разсказывать о плѣнѣ и о побѣгѣ изъ плѣна. Даша, сидя совсѣмъ близко, глядѣла ему въ лицо, ротъ ея пріоткрылся.

Разсказывая, Иванъ Ильичъ слушалъ, какъ голосъ его звучитъ точно издалека, — чужой, и сами складываются слова, а онъ весь потрясенъ и взволнованъ тѣмъ, что рядомъ, касаясь его колѣна платьемъ, сидитъ невыразимое никакими словами

существо, — дѣвушка, родная, жуткая, непонятная совершенно, и пахнетъ отъ нея не то лѣсной полянкой, не то цвѣтами, — чѣмъ-то теплымъ, кружащимъ голову.

Иванъ Ильичъ разсказывалъ весь вечеръ. Даша переспрашивала, перебивала его, всплескивала руками, оглядывалась на сестру:

— Катюша, понимаешь, — приговорили его къ разстрѣлу, ты только вдумайся!..

Когда Телѣгинъ описывалъ борьбу за автомобиль, секундочку, отдѣлявшую отъ смерти, рванувшуюся, наконецъ, машину, и вѣтеръ, кинувшійся въ лицо, — свобода, жизнь! — Даша страшно поблѣднѣла, схватила его за руку:

— Мы васъ никуда больше не отпустимъ.

Телѣгинъ засмѣялся:

— Призовутъ опять, ничего не подѣлаешь. Я только надѣюсь, что меня отчислятъ куда-нибудь на военный заводъ.

Онъ осторожно сжалъ ея руку. Даша стала смотрѣть ему въ глаза, вглядѣлась внимательно, на щеки ея взошелъ легкій румянецъ, она освободила руку:

— Почему вы не курите? Я вамъ принесу спичекъ.

Она быстро вышла и сейчасъ-же вернулась съ коробкой спичекъ, остановилась передъ Иваномъ Ильичемъ и начала чиркать спички, держа ихъ за самый кончикъ, онѣ ломались, — ну-ужъ и спички наша Лиза покупаетъ! — наконецъ, спичка зажглась, Даша осторожно поднесла къ папиросѣ Ивана Ильича огонекъ, освѣтившій снизу ея нѣжный подбородокъ. Телѣгинъ закурилъ, жмурясь. Онъ не зналъ, что можно испытать такое счастье, закуривая папиросу.

Катя за все это время молча слѣдила за Дашей и Телѣгинымъ. Ей было невыносимо грустно и она сдерживалась, чтобы не заплакать. Изъ памяти ея не выходилъ, не забытый, какъ она надѣялась, совсѣмъ не забытый милый Вадимъ Петровичъ Рощинъ: — онъ такъ-же сидѣлъ съ ними за столомъ и такъ-же, однажды, она принесла ему спичекъ и сама зажгла, не сломавъ ни одной.

Въ полночь Телѣгинъ ушелъ. Даша крѣпко, обнявъ, поцѣловала сестру и заперлась у себя. Лежа въ постели, закинувъ руки за голову, она думала, что вотъ, вынырнула, наконецъ, изъ душнаго тумана, — кругомъ еще дико и пусто, и жутковато, но все — синее, но это — счастье.

XXXII.

На пятый день пріѣзда, Иванъ Ильичъ получилъ изъ Петрограда казенный пакетъ съ назначеніемъ немедленно явиться на Обуховскій заводъ въ распоряженіе главнаго инженера.

Радость по поводу этого, остатокъ дня, проведенный съ Дашей въ суетѣ по городу, торопливое прощанье на Николаевскомъ вокзалѣ, затѣмъ — купэ второго класса съ сухимъ тепломъ и пощелкивающимъ отопленіемъ, и неожиданно найденный въ карманѣ пакетикъ, перевязанный ленточкой, и въ немъ — два яблока, шоколадъ и пирожки, — все это было, какъ во снѣ. Иванъ Ильичъ разстегнулъ пуговки на воротникѣ суконной рубахи, вытянулъ ноги, и, не въ силахъ согнать съ лица глупѣйшей улыбки, глядѣлъ на сосѣда напротивъ, — неизвѣстнаго, строгаго старичка въ очкахъ.

— Изъ Москвы изволите ѣхать? — спросилъ старичекъ.

— Да, изъ Москвы. — Боже, какое это было чудесное, любовное слово — Москва!.. переулки, залитые осеннимъ солнцемъ, сухіе листья подъ ногами, легкая, тонкая Даша, идущая по этимъ листьямъ, ея умный, ясный голосъ, — словъ онъ не помнилъ никакихъ, — и постоянный запахъ яблока, когда онъ наклонялся къ ней или цѣловалъ ея руку.

— Содомъ, содомскій городъ, — сказалъ старичекъ, — три дня прожилъ у васъ на Кокоромъ подворьи... Насмотрѣлся... — Онъ раздвинулъ ноги, обутыя въ сапоги и высокія калоши, и плюнулъ. — На улицу выйдешь: люди — туда-сюда, — что такое?.. По лавкамъ бѣгаютъ, на извозчикахъ гоняютъ, торопятся... Какая причина? А ночью: свѣтъ, шумъ, вывѣски, все это вертится, крутится... Народъ валитъ валомъ... Чепуха, безсмыслица!.. Господи, да это Москва!.. Отсюда земля пошла... А вижу я что: бѣсовская, безсмысленная бѣготня. Вы, молодой человѣкъ, въ сраженіяхъ бывали, ранены?.. Это я сразу вижу... Скажите мнѣ, старику, — неужели за эту суету окаянную у насъ тамъ кровь льется? Гдѣ отечество? Гдѣ вѣра? Гдѣ царь? Укажите мнѣ. Я, вотъ, за нитками сейчасъ въ Петроградъ ѣду... Да провались онѣ, эти нитки!.. Тфу!.. Глаза бы не глядѣли... Съ чѣмъ я въ Тюмень вернусь, что привезу — нитки?.. Нѣтъ, я не нитки привезу, а пріѣду, скажу: люди, пропали мы всѣ, вотъ что я привезу... Попомните мое слово, молодой человѣкъ, — поплатимся, за то именно, что тамъ, гдѣ человѣку нужно тихо пройти, онъ разъ тридцать пробѣжитъ... За эту безсмыслицу отвѣчать придется... — Старичекъ, опираясь о колѣни, поднялся

и опустилъ шторку на окнѣ, за которымъ въ темнотѣ летѣли паровозныя искры огненными линіями. — Бога забыли, и Богъ насъ забылъ... Вотъ что я вамъ скажу... Будетъ расплата, охъ, будетъ расплата жестокая...

— Что-же вы думаете: нѣмцы насъ, что-ли, завоюютъ? — спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Кто ихъ знаетъ. Кого Господь пошлетъ карателемъ — отъ того и примемъ муку... Послушайте, — у меня, скажемъ, въ лавкѣ молодцы начали безобразничать... Потерплю, потерплю, да, вѣдь, одному — по затылку, другого — въ зашею, третьяго мордой ткну... А Россія развѣ лавочка? Господь милосердъ, но когда люди къ нему дорогу загадили, — надо дорогу чистить, или нѣтъ, а? Вотъ про что я говорю... Не въ томъ дѣло, молодой человѣкъ, чтобы по средамъ, пятницамъ мясного не жрать, а — посерьезнѣе... Я говорю: Богъ отъ міра отошелъ... Страшнѣе этого быть ничего не можетъ...

Старичекъ сложилъ руки на животѣ, закрылъ глаза и, строго поблескивая очками, потряхивался въ углу сѣрой койки. Иванъ Ильичъ вышелъ изъ купэ и сталъ въ проходѣ у окна, почти касаясь стекла лицомъ. Сквозь щелку проникалъ свѣжій, острый воздухъ. За окномъ, въ темнотѣ, летѣли, перекрещивались, припадали къ землѣ огненныя линіи. Проносилось, иногда, сѣрое облако дыма. Постукивали послушно колеса вагоновъ. Вотъ, завылъ протяжно паровозъ, заворачивая, освѣтилъ огнемъ изъ топки черные конуса елей, — онѣ выступили изъ темноты и пропали. Простучала стрѣлка, мягко колыхнулся вагонъ, мелькнулъ зеленый щитокъ фонаря, и снова огненнымъ дождемъ понеслись вдоль окна длинныя линіи.

Глядя на нихъ, Иванъ Ильичъ съ внезапной, потрясающей радостью почувствовалъ во всю силу все, что случилось съ нимъ за эти пять дней. Если-бы онъ могъ разсказать кому-нибудь это свое чувство, — его-бы сочли сумасшедшимъ. Но для него не было въ этомъ ничего ни страннаго, ни безумнаго: все необыкновенно ясно.

Онъ чувствовалъ: въ ночной темнотѣ движутся, мучаются, умираютъ милліоны милліоновъ людей. Всѣмъ этимъ милліонамъ милліоновъ кажется, будто они живые люди. Но они живы лишь условно, и все, что происходитъ сейчасъ на землѣ, — условно, почти кажущееся. Настолько почти кажущееся, что, если-бы онъ, Иванъ Ильичъ, сдѣлалъ-бы еще одно усиліе, все-бы измѣнилось, стало инымъ. И вотъ, среди этого кажущагося существуетъ живая сердцевина: это его, Ивана Ильича, пригнувшаяся къ окну фигура. Это — возлюбленное существо. Оно вышло изъ міра тѣней, и въ огненномъ дождѣ мчится надъ темнымъ міромъ. Въ немъ сильно, въ божественной радости, бьется сердце, бѣжитъ сокъ любви, — живая кровь.

Это необыкновенное чувство любви къ себѣ продолжалось нѣсколько секундъ. Онъ вошелъ въ купэ, влѣзъ на верхнюю койку, поглядѣлъ, раздѣваясь, на свои большія руки, и въ первый разъ въ жизни подумалъ, что они красивы. Онъ закинулъ ихъ за голову, закрылъ глаза и сейчасъ-же увидѣлъ Дашу. Она взволнованно, влюбленно глядѣла ему въ глаза. (Это было сегодня, въ столовой; Даша заворачивала пирожки, Иванъ Ильичъ, обогнувъ столъ, подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее въ теплое плечо, она быстро обернулась, онъ спросилъ: «Даша, вы будете моей женой?» Она не отвѣтила и только взглянула.)

Сейчасъ, на койкѣ, видя дашино лицо и не насы-

щаясь этимъ видѣніемъ, Иванъ Ильичъ, такъ-же въ первый разъ въ жизни, почувствовалъ ликованіе, восторгъ отъ того, что Даша любитъ его, — того, у кого большія и красивыя руки. Сердце его отчаянно билось.

По пріѣздѣ въ Петроградъ, Иванъ Ильичъ въ тотъ-же день явился на Обуховскій заводъ и былъ зачисленъ въ мастерскія, въ ночную смѣну.

На заводѣ многое измѣнилось за эти три года: рабочихъ увеличилось втрое, часть была молодежь, часть переведена съ Урала, часть взята изъ дѣйствующей арміи. Прежняго рабочаго — полуголоднаго, полупьяненькаго, озлобленнаго и робкаго — не осталось и въ поминѣ. Рабочіе зарабатывали хорошія деньги, читали газеты, ругали войну, царя, царицу, Распутина и генераловъ, были злы и всѣ увѣрены, что послѣ войны «грянетъ революція».

Въ особенности злы были всѣ на то, что въ городскихъ пекарняхъ въ хлѣбъ начали примѣшивать труху, и на то, что на рынкахъ по нѣскольку дней, иногда, не бывало мяса, а бывало, такъ — вонючее, картошку привозили мерзлую, сахаръ — съ грязью, и къ тому-же — продукты всѣ вздорожали, а лавочники, скоробогачи и спекулянты, нажившіе на поставкахъ, платили въ это время по пятьдесятъ рублей за коробку конфектъ, по сотнѣ за бутылку шампанскаго, и слышать не хотѣли замиряться съ нѣмцемъ.

Зачислясь на заводъ, Иванъ Ильичъ получилъ для устройства личныхъ дѣлъ трехдневный отпускъ, и все это время бѣгалъ по городу въ поискахъ кварти-

ры. Отчетливо онъ не представлялъ себѣ — для чего ему нужна квартира, но тогда, лежа въ купэ, онъ сообразилъ, что необходимо снять изящную квартиру съ бѣлыми комнатами, съ синими занавѣсками, съ чисто вымытыми окнами.

Онъ пересмотрѣлъ десятки домовъ, — ему ничто не нравилось: то была стѣна напротивъ, то обстановка слишкомъ аляповата, то черезчуръ мрачно. Но въ послѣднiй день, неожиданно, онъ нашелъ именно то, что представилось ему тогда въ вагонѣ: пять не большихъ, бѣлыхъ комнатъ, съ чисто вымытыми окнами, обращенными на закатъ. Квартира эта, въ концѣ Каменноостровскаго, была дороговата для Ивана Ильича, но онъ ее сейчасъ-же снялъ, и написалъ объ этомъ Дашѣ.

На четвертую ночь онъ поѣхалъ на заводъ. На черномъ отъ угольной грязи дворѣ горѣли на высокихъ столбахъ фонари. Дымъ изъ кирпичныхъ трубъ сыростью и вѣтромъ сбивало къ землѣ, жетоватой и душной гарью былъ насыщенъ воздухъ. Сквозь полукруглыя, огромныя и пыльныя окна заводскихъ корпусовъ было видно, какъ крутились безчисленные шкивы и ремни трансмиссiй, двигались чугунныя станины станковъ, сверля, стругая, обтачивая сталь и бронзу. Вертѣлись вертикальные диски штамповальныхъ машинъ. Въ вышинѣ бѣгали, улетали въ темноту каретки подъемныхъ крановъ. Розовымъ и бѣлымъ свѣтомъ пылали горны. Потрясая землю короткими ударами, ходила гигантская крестовина парового молота. Изъ низкихъ трубъ вырывались въ темноту сырого неба столбы пламени. Человѣческiя фигуры не спѣша двигались среди этого скрежета, грохота станковъ...

Иванъ Ильичъ вошелъ въ мастерскую, гдѣ работа-

ли прессы, формуя шрапнельные стаканы. Инженеръ Струковъ, старый знакомый, повелъ его по мастерской, объясняя нѣкоторыя, неизвѣстныя Телѣгину, особенности работы. Затѣмъ, вошелъ съ нимъ въ досчатую конторку, въ углу мастерской, гдѣ показалъ книги, вѣдомости, передалъ ключи, и, надѣвая пальто, сказалъ: «Мастерская даетъ двадцать три процента браку, этой цифры вы и держитесь».

Въ его словахъ и въ томъ, какъ онъ сдавалъ мастерскую, Иванъ Ильичъ почувствовалъ равнодушіе къ дѣлу, а Струковъ, какимъ онъ его зналъ раньше, былъ отличный инженеръ и горячій человѣкъ. Это его огорчило, онъ спросилъ:

— Понизить процентъ брака, вы думаете, — невозможно?

Струковъ, зѣвая, помоталъ головой, надвинулъ глубоко на нечесанную голову фуражку и вернулся съ Иваномъ Ильичемъ къ станкамъ:

— Плюньте, батюшка. Не все-ли вамъ равно, — ну, на двадцать три процента убьемъ меньше людей на фронтѣ. Къ тому-же, ничего сдѣлать нельзя, — станки износились, ну ихъ къ чорту!

Онъ остановился около пресса. Старый, коротконогій рабочій, въ кожаномъ фартукѣ, наставилъ подъ штампъ раскаленную болванку, рама опустилась, стержень штампа вошелъ, какъ въ масло, въ розовую сталь, выпыхнуло горючее пламя, рама поднялась и на земляной подъ упалъ трехдюймовый шрапнельный стаканъ. И сейчасъ-же старичекъ поднесъ новую болванку. Другой, молодой, высокій рабочій, съ закрученными, черными усиками, возился у горна. Струковъ, обращаясь къ старичку, сказалъ:

— Что, Рублевъ, стаканчики-то все бракованные?

Старичекъ усмѣхнулся, — мотнулъ въ сторону рѣдкой бородкой, и хитро, щелками глазъ, покосился на Телѣгина.

— Это вѣрно, что бракованные. Видите, какъ она работаетъ. — Онъ положилъ руку на зеленый отъ жира столбикъ, по которому скользила рама пресса. — Въ ней дрожь обозначается. Эту-бы чертовину выкинуть давно пора.

Молодой рабочій у горна, сынъ Ивана Рублева, Васька, засмѣялся:

— Много-бы надо отсюда повыкидать. Заржавѣла машина.

— Ну, ты, Васька, полегче, — сказалъ Струковъ весело.

— Вотъ, то-то, что легче. — Васька тряхнулъ кудрявой головой, и красивое, слегка скуластое, лицо его, съ черными усиками и злыми, пристальными глазами, осклабилось не добро и самоувѣренно.

— Лучщіе рабочіе въ мастерской, — отходя, негромко сказалъ Струковъ Ивану Ильичу. — Прощайте. Сегодня ѣду въ «Красные Бубенцы». Никогда тамъ не бывали? Замѣчательный кабачекъ, и вино даютъ.

Телѣгинъ съ любопытствомъ началъ приглядываться къ отцу и сыну Рублевымъ. Его поразилъ тогда въ разговорѣ почти условный языкъ словъ, усмѣшекъ и взглядовъ, какими обмѣнялся съ ними Струковъ, и то, какъ они втроемъ словно испытывали Телѣгина: нашъ онъ, или врагъ? По особенной легкости, съ какою въ послѣдующіе дни Рублевы вступали съ нимъ въ бесѣду, онъ понялъ, что онъ — «нашъ».

Это «нашъ» относилось не къ политическимъ взглядамъ Ивана Ильича, которые были у него чрезвычайно неопредѣленными, и не къ его прошлому на заводѣ, а скорѣе къ тому сильному ощущенію счастья, какое испытывалъ всякій въ его присутствіи: источникъ какого-то огромнаго, всѣмъ доступнаго счастья былъ заключенъ въ Иванѣ Ильичѣ, и, поэтому, для всякаго онъ былъ «нашъ».

Въ ночныя дежурства Иванъ Ильичъ часто, подходя къ Рублевымъ, слушалъ, какъ отецъ и сынъ заводили споры.

Васька Рублевъ былъ соціалистъ, начитанъ и золъ, и только и могъ говорить, что о классовой борьбѣ и о диктатурѣ пролетаріата, причемъ выражался книжно и лихо. Иванъ Рублевъ былъ старообрядецъ, хитрый, вѣрующій, но совсѣмъ не богобоязненный старичекъ. Онъ говаривалъ:

— У насъ, въ Пермскихъ лѣсахъ, по скитамъ, въ книгахъ, — все прописано: и эта самая война, и какъ отъ войны будетъ намъ раззореніе, — вся земля наша раззорится, и сколько останется народу, а народу останется самая малость... И какъ выйдетъ изъ лѣсовъ, изъ одного скита, человѣкъ и станетъ землей править, и править будетъ страшнымъ божьимъ словомъ.

— Мистика, — говорилъ Васька, подмигивая.

— Ахъ ты, подлецъ, невѣжа, словъ нахватался... Соціалистомъ себя кличетъ!.. Какой ты соціалистъ, — станичникъ, сукинъ сынъ. Я самъ такой былъ. Ему-бы, вѣдь, только дорваться: шапку на ухо, рубашку на себѣ изодрать, въ глазахъ все дыбомъ лѣзетъ, пѣсни оретъ, — «Вставай на борьбу»... Съ кѣмъ, за что?.. Баклушка осиновая!

— Видите, какъ старичекъ выражается, — указы-

вая на отца большимъ пальцемъ, говорилъ Васька, — анархистъ самый вредный, въ соціализмѣ ни уха ни рыла не смыслитъ, а мнѣ въ порядкѣ возраженія кажный разъ лѣзетъ въ зубы.

— Нѣтъ, — перебивалъ Иванъ Рублевъ, выхватывая изъ горна брызжущую искрами болванку, — нѣтъ, господа, — и, описавъ ею полукругъ, ловко подставлялъ подъ опускающійся стержень пресса, — книги вы читаете, а не тѣ читаете, какія нужно... Вотъ, Васька заладилъ одно — свобода!.. Свобода ему нужна... А ты возьми ее: схвати дымъ рукой, — вотъ, то-то. А смиренства нѣтъ ни у кого, объ этомъ они не думаютъ... Понятія нѣтъ у нихъ, что каждый человѣкъ долженъ быть духомъ нищій по нашему времени.

— Фу, ты — путаница у тебя въ головѣ, батя, — съ досадой сказалъ Васька, — а давеча кричалъ: я, говоритъ, революціонеръ.

— Да, кричалъ. А тебѣ что? Я, братъ, если что, — первый эти вилы-то схвачу. Мнѣ зачѣмъ за царя держаться? — я мужикъ. Я сохой за тридцать лѣтъ знаешь сколько земли исковырялъ? Съ кашей я стану ѣсть твою свободу? Мнѣ земля нужна, а не эти твои чортовы орѣшки — онъ пхнулъ сапогомъ въ кучу шрапнелей на полу, — революціонеръ!.. Конечно, я революціонеръ: мнѣ, чай, спасеніе души дорого, али нѣтъ?..

Васька только плюнулъ на это. Иванъ Ильичъ, засмѣявшись, поднялся и потянулся. Ночь подходила къ концу.

Телѣгинъ писалъ Дашѣ каждый день, она отвѣчала ему рѣже. Ея письма были странныя, точно

подернутыя ледкомъ, и Иванъ Ильичъ испытывалъ чувство легонькаго озноба, читая ихъ. Обычно, онъ садился къ окну и нѣсколько разъ прочитывалъ листокъ дашинаго письма, исписанный крупными, загибающимися внизъ, строчками. Потомъ глядѣлъ на лилово-сѣрый лѣсъ на островахъ, на облачное небо, такое-же мутное, какъ вода въ каналѣ, — опирался подбородкомъ о подоконникъ, глядѣлъ и думалъ, что такъ, именно, и нужно, чтобы дашины письма не были нѣжными, какъ ему по неразумію хочется, что Даша пишетъ ихъ честно и внимательно, на душѣ ея — честно, тихо и строго, точно Великимъ Постомъ передъ отпущеніемъ грѣховъ.

«Милый другъ мой, — писала она, — вы сняли квартиру въ цѣлыхъ пять комнатъ. Подумайте — въ какіе вы вгоняете себя расходы. Вѣдь, если даже придется вамъ жить не одному, — то и это много: пять комнатъ! А прислуга, — нужно держать двухъ женщинъ, это по нашему-то времени! Кажется, — залѣзть-бы въ щелку и сидѣть тамъ — не дышать... У насъ, въ Москвѣ — осень, холодно, дожди — просвѣта нѣтъ... Подождемъ весны»...

Какъ тогда, въ день отъѣзда Ивана Ильича, Даша отвѣтила только взглядомъ на вопросъ его — будетъ-ли она его женой, такъ и въ письмахъ она никогда прямо не упоминала ни о свадьбѣ, ни о будущей жизни вдвоемъ. Нужно было ждать весны.

Это ожиданіе весны и смутной, отчаянной надежды на какое-то чудо было теперь у всѣхъ. Жизнь останавливалась, заваливалась на зиму — сосать лапу. На-яву, казалось, не было больше силъ пережить это новое ожиданіе кровавой весны.

Однажды Даша написала:

... «Я не хотѣла ни говорить вамъ, ни писать о смерти Безсонова. Но вчера мнѣ опять разсказывали подробности его ужасной гибели. Иванъ Ильичъ, незадолго до его отъѣзда на фронтъ, я встрѣтила его на Тверскомъ бульварѣ. Онъ былъ очень жалокъ, и, мнѣ кажется, — если-бы я его тогда не оттолкнула, онъ-бы не погибъ. Но я оттолкнула его. Я не могла сдѣлать иначе, и я-бы такъ-же сдѣлала, если-бы пришлось повторить прошлое. Его смерть лежитъ на мнѣ, я принимаю это. Нужно, чтобы и вы это поняли».

Телѣгинъ просидѣлъ полъ дня надъ отвѣтомъ на это письмо... «Какъ можно думать, что я не приму всего, что съ вами, — писалъ онъ очень медленно, вдумываясь, чтобы не покривить ни въ одномъ словѣ. — Я иногда провѣряю себя, — если-бы вы даже полюбили другого человѣка, то есть случилось-бы самое страшное, — то что со мной?.. Я принялъ-бы и это... Я бы не примирился, нѣтъ: мое-бы солнце потемнѣло... Но развѣ любовь моя къ вамъ въ одной радости? Я знаю чувство, когда хочется умереть, потому что слишкомъ глубоко любишь... Такъ, очевидно, чувствовалъ Безсоновъ, когда уѣзжалъ на фронтъ... Пусть его имя будетъ свято... И вы, Даша, должны чувствовать, что вы безконечно свободны... Я ничего не прошу у васъ, даже любви... Я это понялъ за послѣднее время... Мнѣ-бы хотѣлось, дѣйствительно, стать нищимъ духомъ... Боже мой, Боже мой, въ какое тяжелое время мы любимъ!»...

Черезъ два дня Иванъ Ильичъ вернулся на расвѣтѣ съ завода, принялъ ванну и легъ въ постель, но его сейчасъ-же разбудили, — подали телеграмму:

«Все хорошо. Люблю страшно. Твоя Даша»...

Вечеромъ, въ одно изъ воскресеній, инженеръ Струковъ заѣхалъ за Иваномъ Ильичемъ и повезъ его въ «Красные Бубенцы».

Кабачекъ помѣщался въ подвалѣ, пропахшемъ табакомъ, винными и человѣческими испареніями. Сводчатый потолокъ и стѣны были расписаны пестрыми птицами, голыми, ненатуральнаго цвѣта и сложенія, женщинами, младенцами съ развращенными личиками и многозначительными завитушками. Было шумно и дымно. На эстрадѣ сидѣлъ маленькій лысый человѣкъ съ дряблыми и нарумяненымн щеками и перебиралъ клавиши рояля. Столики были заполнены. Нѣсколько офицеровъ пили крѣпкій крюшонъ и оборачивались на проходившихъ женщинъ. Кричали,спорили присяжные повѣренные, причастные къ искусству. Громко хохотала царица подвала, черноволосая красавица, съ припухшими глазами. На краю одного изъ столиковъ Антошка Арнольдовъ, крутя прядь волосъ, писалъ корреспонденцію съ фронта. У стѣны, на возвышеніи, уронивъ пьяную голову, дремалъ родоначальникъ футуризма — ветеринарный врачъ, съ перекошеннымъ, чахоточнымъ лицомъ. Въ углу три молодыхъ поэта кричали черезъ весь подвалъ: «Спой, Костя, спой!»... Накрашеный старичекъ у рояля, не оборачиваясь, пробовалъ что-то запѣть дребезжащимъ голосомъ, но его не было слышно. Хозяинъ подвала, бывшій актеръ, длинноволосый и растерзанный, появлялся иногда въ боковой дверцѣ, глядѣлъ сумасшедшими глазами на гостей и скрывался. Третьяго дня, подъ утро, его жена уѣхала изъ подвала съ молодымъ геніемъ-композиторомъ прямо на Финляндскій вокзалъ, — онъ пилъ и не спалъ третьи сутки.

Струковъ, захмелѣвшій отъ крюшона, говорилъ Ивану Ильичу:

— Я почему люблю этотъ кабакъ? Такой гнили нигдѣ не найдешь, — наслажденіе... Посмотри — вонъ въ углу сидитъ, одна, — худа, страшна, пошевелиться даже не можетъ: истерія въ послѣднемъ градусѣ, — пользуется страшнымъ успѣхомъ... А вонъ тотъ, съ лошадиной челюстью, — знаменитый Семисвѣтовъ, выдернулъ себѣ передніе зубы, чтобы не ходить воевать, и пишетъ стихи... «Не раньше кончить намъ войну, какъ вытремъ русскій штыкъ о шелковыя вѣнскихъ проститутокъ панталоны»... Эти стишки у него печатанные, а есть и непечатанные... «Чавкай желѣзной челюстью, лопай человѣчье мясо, буржуй. Жирное брюхо лихо распоретъ нашъ пролетарскій штыкъ».

Струковъ хохотнулъ, опрокинулъ въ горло стаканъ съ крюшономъ и, не вытирая нѣжныхъ, оттѣненныхъ татарскими усиками, губъ, продолжалъ называть Ивану Ильичу имена гостей, указывать пальцемъ на непроспанныя, болѣзненныя, полусумасшедшія лица:

— Здѣсь самая сердцевинка, зараза, ракъ, — онъ съ удовольствіемъ выговаривалъ слова, — отсюда гниль по всей нашей матушкѣ ползетъ. Вы, вѣдь, Иванъ Ильичъ, патріотъ, я знаю... Народникъ, интеллигентъ... А вотъ, брызнуть-бы на эту гниль кровушкой, окропить, ха, ха... Разбѣгутся по всей землѣ, кусаться станутъ, какъ бѣшеные... Погодите, дайте срокъ, лизнетъ кровушки, оживетъ эта сволочь, мертвецы, силу почуютъ, въ право свое повѣрятъ... Какъ бѣшеные кинутся разворачивать все, на-чисто... Вотъ тогда матушка наша, проклятая,

лопнетъ, весь міръ гнилью окатитъ... Будь ты проклята!

Струковъ сильно пьянѣлъ. Глаза его сухо, весело, странно поблескивали, и ругательства онъ произносилъ съ той-же, почти нѣжной, улыбкой. Телѣгинъ сидѣлъ, насупившись. У него кружилась голова отъ шума и пестроты подвала, отъ непонятнаго богохульства Струкова.

Онъ видѣлъ, какъ сначала нѣсколько человѣкъ, а затѣмъ и всѣ въ подвалѣ повернулись къ входной двери; разлѣпилъ желтые глаза ветеринарный врачъ; высунулось изъ-за стѣны сумасшедшее лицо хозяина; полумертвая женщина, сидѣвшая сбоку Ивана Ильича, подняла сонный вѣки, и вдругъ глаза ея ожили, съ непонятной живостью она выпрямилась, глядя туда-же, куда и всѣ... Зазвенѣлъ упавшій стаканчикъ...

Во входной двери стоялъ средняго роста пожилой человѣкъ, слегка выставивъ впередъ плечо, засунувъ руки въ карманы. Узкое лицо его съ висящей бородой было веселое и улыбалось двумя глубокими, привычными морщинами, и впереди всего лица горѣли сѣрымъ свѣтомъ внимательные, умные, пронзительные глаза. Такъ продолжалось минуту. Изъ темноты двери къ нему приблизилось другое лицо, чиновника, съ тревожной усмѣшкой и прошептало что-то на ухо. Человѣкъ, нехотя, сморщилъ большой носъ и сказалъ:

— Опять ты со своей глупостью... Ахъ, надоѣлъ. — Онъ еще веселѣе оглянулъ гостей въ подвалѣ, мотнулъ снизу вверхъ черной бородой и сказалъ громко, развалистымъ голосомъ. — Ну, прощайте, дружки веселые.

И сейчасъ-же скрылся. Хлопнула дверь. Весь

подвалъ загудѣлъ, какъ улей. Струковъ впился ногтями въ руку Ивана Ильича:

— Видѣлъ? Видѣлъ? — проговорилъ онъ, задыхаясь, — это Распутинъ.

XXXIII

Въ четвертомъ часу утра Иванъ Ильичъ шелъ пѣшкомъ съ завода. Была морозная, декабрьская ночь. Извозчика не попадалось, — теперь ихъ трудно было доставать даже въ центрѣ города въ такой часъ. Телѣгинъ быстро шелъ посреди пустынной улицы, дыша паромъ въ поднятый воротникъ. Въ свѣтѣ рѣдкихъ фонарей было видно, какъ воздухъ весь пронизанъ падающими морозными иглами. Громко похрустывалъ подъ ногами, поскрипывалъ снѣгъ. Впереди, на желтомъ и плоскомъ фасадѣ дома, мерцали красноватые отблески. Свернувъ за уголъ, Телѣгинъ увидѣлъ пламя костра въ рѣшетчатой жаровнѣ и кругомъ закутанныя, въ облакахъ пара, обмерзшія фигуры. Подальше на тротуарѣ стояли, вытянувшись въ линію, неподвижно, человѣкъ сто — женщины, старики и подростки: очередь у продовольственной лавки. Сбоку потоптывалъ валенками, похлопывалъ рукавицами ночной сторожъ.

Иванъ Ильичъ шелъ вдоль очереди, глядя на приникшія къ стѣнѣ, закутанныя въ платки, въ одѣяла, скорченныя фигуры.

— Вчерась на Выборгской три лавки разнесли, начисто, — сказалъ одинъ голосъ.

— Только и остается.

Третій голосъ проговорилъ:

— Я вчерась спрашиваю керосину полъ фунта, — нѣтъ, говоритъ, керосину, больше совсѣмъ не будетъ, а Дементьевыхъ кухарка тутъ-же приходитъ и при мнѣ пять фунтовъ взяла по вольной цѣнѣ.

— Почемъ?

— По два съ полтиной за фунтъ, дѣвушка.

— Это за керосинъ-то?

— Такъ это не пройдетъ этому лавошнику, припомнимъ, будетъ время.

— Сестра моя сказывала: на Охтѣ такъ-же вотъ лавошника за такія дѣла взяли и въ бочку съ разсоломъ головой его засунули, — утопъ онъ, милыя, а ужъ какъ просился отпустить.

— Мало мучили, — ихъ хуже надо мучить.

— А пока что — мы мерзни.

— А онъ въ это время чаемъ надувается.

— Кто это чаемъ надувается? — спросилъ хриплый голосъ.

— Да всѣ они чаемъ надуваются. Моя генеральша встанетъ въ двѣнадцать часовъ и до самой до ночи — трескаетъ, — какъ ее, идола, не разорветъ.

— А ты мерзни, чахотку получай.

— Это вы совершенно вѣрно говорите, я ужъ кашляю.

— А моя барыня, милыя мои, — кокотка. Я, вотъ, вернусь съ рынка, а у нея — полна столовая мущинъ, и всѣ они въ подштанникахъ, пьяные. Сейчасъ потребуютъ яишницу, хлѣба чернаго, водки, — словомъ, что погрубѣе...

— Англійскія деньги пропиваютъ, — проговорилъ чей-то голосъ увѣренно.

— Что вы, въ самомъ дѣлѣ, говорите?

— Все продано, — ужъ я вамъ говорю — вѣрьте: вы тутъ стоите, ничего не знаете, а васъ всѣхъ

продали, на пятьдесятъ лѣтъ впередъ, въ кабалу. И армія вся продана.

— Господи! Дожили до чего!

— Не Господи, а надо сознательно относиться: почему вы тутъ мерзнете, а они на перинахъ валяются? Кого больше: васъ, или ихъ? Идите, вытащите ихъ изъ перинъ, да сами на ихъ мѣсто лягте, а они пускай въ очереди стоятъ...

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ тѣмъ-же мужскимъ, увѣреннымъ голосомъ, наступило молчаніе. Затѣмъ, кто-то спросилъ, стукая зубами:

— Господинъ сторожъ, а, господинъ сторожъ?

— Что случилось?

— Соль выдавать будутъ нынче?

— По всей вѣроятности, соли выдавать не будутъ.

— Для чего же я тутъ жду, легкія простудила?

— Ахъ, проклятые!

— Пятый день соли нѣтъ.

— Кровь народную пьютъ, сволочи.

— Ладно вамъ, бабы, орать — горло застудите, — сказалъ сторожъ густымъ басомъ.

Телѣгинъ миновалъ очередь. Затихъ злой гулъ голосовъ, и опять прямыя улицы были пустынны, тонули въ тяжелой, морозной мглѣ.

Иванъ Ильичъ дошелъ до набережной, свернулъ на мостъ, и, когда вѣтеръ рванулъ полы его пальто, — вспомнилъ, что надо-бы найти, все-таки, извозчика, но сейчасъ-же забылъ объ этомъ. Далеко, на томъ берегу, едва замѣтныя, мерцали точки фонарей. Линія тусклыхъ огоньковъ пѣшаго перехода тянулась наискось черезъ ледъ. По всей темной,

широкой пустынѣ Невы летѣлъ студеный вѣтеръ, звенѣлъ снѣгомъ, жалобно посвистывалъ въ трамвайныхъ проводахъ, въ прорѣзи чугунныхъ перилъ моста.

Иванъ Ильичъ останавливался, глядѣлъ въ эту мрачную темноту и снова шелъ, думая, какъ часто онъ думалъ теперь, все объ одномъ и томъ-же: о той минутѣ въ вагонѣ, когда весь онъ, словно огнемъ извнутри, былъ охваченъ счастьемъ, ощущеніемъ самого себя.

Это чувство счастья было словно огонекъ въ темнотѣ: кругомъ все — неясно, смутно, противорѣчиво, враждебно этому счастью. Каждый разъ приходилось дѣлать усиліе, чтобы спокойно сказать: я живъ, счастливъ, моя жизнь будетъ свѣтла и прекрасна. Тогда, у окна, среди искръ летящаго вагона, сказать это было легко, сейчасъ нужно было огромное усиліе, чтобы отдѣлить себя отъ тѣхъ полузастывшихъ фигуръ въ очередяхъ, отъ воющаго смертной тоской декабрьскаго вѣтра, отъ осязанія всеобщей убыли, нависающей гибели.

Иванъ Ильичъ былъ увѣренъ въ одномъ: любовь его къ Дашѣ, дашина прелесть и радостное ощущеніе самого себя, стоявшаго тогда у вагоннаго окна и любимаго Дашей, — въ этомъ было добро, выше ничего не было въ жизни. Уютный, старый, быть-можетъ, слишкомъ тѣсный, но дивный храмъ жизни содрогнулся и затрещалъ отъ ударовъ войны, заколебались колонны, во всю ширину треснулъ куполъ, посыпались старые камни, и вотъ, среди пыли, летящаго праха и грохота рушащагося храма, два человѣка, Иванъ Ильичъ и Даша, въ радостномъ безуміи любви, наперекоръ всему, пожелали быть счастливы. Вѣрно ли это?

Вглядываясь въ мрачную темноту ночи, въ мерцающіе огоньки, слушая, какъ надрывающей тоской посвистываетъ вѣтеръ, Иванъ Ильичъ думалъ: «Не грѣхъ, нѣтъ, нѣтъ, — но выше всего желаніе счастья. Я созданъ по образу и подобію Божьему, я не желаю разрушенія моего образа, но я хочу преображенія его, — счастья. Я хочу наперекоръ всему, — пусть. Могу я уничтожить очереди, накормить голодныхъ, остановить войну? — нѣтъ. Но, если не могу, то долженъ-ли и я такъ-же исчезнуть въ этомъ мракѣ, отказаться отъ счастья? — нѣтъ, не долженъ. Но могу-ли я, буду-ли счастливъ?...»

Иванъ Ильичъ перешелъ мостъ, и, уже совсѣмъ не замѣчая дороги, шагалъ по набережной. Здѣсь ярко горѣли высокіе, качаемые вѣтромъ, электрическіе фонари. По оголеннымъ торцамъ летѣла съ сухимъ шорохомъ снѣжная пыль. Окна Зимняго дворца были темны и пустынны. У полосатой будки, гдѣ нанесло сугробъ, стоялъ великанъ-часовой въ тулупѣ и съ винтовкой, прижатой скрещенными руками къ груди.

На-ходу, вдругъ, Иванъ Ильичъ остановился, поглядѣлъ на окна, и еще быстрѣе зашагалъ, сначала борясь съ вѣтромъ, потомъ подгоняемый имъ въ спину. Ему казалось, что онъ могъ бы сказать сейчасъ всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ людямъ ясную, простую истину, и всѣ-бы повѣрили въ нее. Онъ-бы сказалъ: «Вы видите, — такъ жить дальше нельзя: на ненависти построены государства, ненавистью проведены границы, каждый изъ васъ — маленькій клубокъ ненависти, — крѣпость съ наведенными во всѣ стороны орудіями. Жить — тѣсно и страшно. Весь міръ задохнулся въ ненависти, — люди истребляютъ

другъ друга, текутъ рѣки крови. Вамъ этого мало? Вы еще не прозрѣли? Вамъ нужно, чтобы и здѣсь, въ каждомъ домѣ, человѣкъ рѣзалъ человѣка? Опомнитесь, бросьте оружіе, разрушьте границы, раскройте двери и окна вольному вѣтру. Пусть крестный ходъ пройдетъ по всей землѣ и окропитъ ее живой водой во Имя Духа Святого, — Имъ только мы живемъ. Много земли для хлѣба, луговъ для стадъ, горныхъ склоновъ для виноградниковъ . . . Неисчерпаемы нѣдра земли, — всѣмъ достанетъ мѣста . . . Развѣ не видите, что вы все еще во тьмѣ отжитыхъ вѣковъ» . . .

Извозщика и въ этой части города не оказалось. Иванъ Ильичъ опять перешелъ Неву и углубился въ кривыя улички Петербургской стороны. Думая, разговаривая вслухъ, онъ, наконецъ, потерялъ дорогу и брелъ наугадъ по темноватымъ и пустыннымъ улицамъ, покуда не вышелъ на набережную какого-то канала. Ну, и прогулочка! — Иванъ Ильичъ, переводя духъ, остановился, разсмѣялся и взглянулъ на часы. Было ровно пять. Изъ-за ближняго угла, скрипя снѣгомъ вывернулъ большой, открытый автомобилъ съ потушенными фонарями. На рулѣ сидѣлъ офицеръ въ разстегнутой шинели, — узкое, бритое лицо его было блѣдно, и глаза, какъ у сильно пьянаго, — стеклянные. Позади него второй офицеръ въ съѣхавшей на затылокъ фуражкѣ, — лица его не было видно, — обѣими руками придерживалъ длинный рогожный свертокъ. Третій въ автомобилѣ былъ штатскій, съ поднятымъ воротникомъ пальто и въ высокой каракулевой шапкѣ. Онъ привсталъ и схватилъ за плечо сидѣвшаго у руля. Автомобиль

остановился неподалеку у мостика. Иванъ Ильичъ видѣлъ, какъ всѣ трое соскочили на снѣгъ, вытащили свертокъ, проволокли его нѣсколько шаговъ по снѣгу, затѣмъ, съ усиліемъ подняли, донесли до середины моста, перевалили черезъ перила и сбросили подъ мостъ. Офицеры сейчасъ-же вернулись къ машинѣ, штатскій-же нѣкоторое время, перегнувшись, глядѣлъ внизъ, затѣмъ, оттибая воротникъ, рысью догналъ товарищей. Автомобиль рванулся полнымъ ходомъ и исчезъ.

«Фу ты, пакость какая», — проговорилъ Иванъ Ильичъ, всѣ эти минуты стоявшій, затаивъ дыханіе. Онъ пошелъ къ мостику, но сколько не вглядывался съ него, — въ черной, большой полыньѣ подъ мостомъ ничего не было видно, только булькала вонючая и теплая вода изъ сточной трубы.

«Фу ты, пакость какая», — пробормоталъ опять Иванъ Ильичъ, и, морщась, пошелъ по тротуару вдоль чугунной рѣшетки канала. На углу онъ нашелъ, наконецъ, извозчика, — обмерзшаго, древняго старичка, на губастой лошади, и, когда, сѣвъ въ санки и застегнувъ мерзлую полость, закрылъ глаза, — все тѣло его загудѣло отъ усталости. «Я люблю, — вотъ это важно, это истинно, — подумалъ онъ, — какъ-бы я ни поступалъ, если это отъ любви, — это хорошо».

XXXIV

Свертокъ въ рогожѣ, сброшенный тремя людьми съ моста въ полынью, былъ тѣломъ убитаго Распутина. Чтобы умертвить этого не по-человѣчески живучаго и сильнаго мужика, пришлось напоить

его виномъ, къ которому было подмѣшано ціанистое кали, затѣмъ, — выстрѣлить ему въ грудь, въ спину и въ затылокъ, и, наконецъ, раздробить голову кастетомъ. И все-же, когда черезъ сутки его тѣло было найдено и вытащено изъ полыньи, врачъ установилъ, что Распутинъ пересталъ дышать только сброшенный подъ ледъ.

Это убійство было, словно, разрѣшеніемъ для всего того, что началось спустя два мѣсяца: разрѣшеніемъ крови. Распутинъ не разъ говорилъ, что съ его смертью рухнетъ тронъ и погибнетъ династія Романовыхъ. Очевидно, въ этомъ дикомъ и яростномъ человѣкѣ было то смутное предчувствіе бѣды, какое бываетъ у собакъ передъ смертью въ домѣ, и онъ умеръ съ ужаснымъ трудомъ, — послѣдній защитникъ трона, мужикъ, конокрадъ, изступленный изувѣръ.

Съ его смертью во дворцѣ наступило зловѣщее уныніе, а по всей землѣ ликованіе; люди поздравляли другъ друга. Николай Ивановичъ писалъ женѣ изъ Минска: «Въ ночь полученія извѣстія офицеры штаба главнокомандующаго потребовали въ общежитіе восемь дюжинъ шампанскаго. Солдаты по всему фронту кричатъ — «ура»...

Черезъ нѣсколько дней въ Россіи забыли объ этомъ убійствѣ, но не забыли во дворцѣ: тамъ вѣрили пророчеству и съ мрачнымъ отчаяніемъ готовились къ революціи. Тайно, Петроградъ былъ разбитъ на секторы, у великаго князя Сергѣя Михайловича были затребованы пулеметы, когда-же онъ въ пулеметахъ отказалъ, то ихъ выписали изъ Архангельска, и въ количествѣ четырехсотъ двадцати штукъ размѣстили на чердакахъ, на скрещеніяхъ улицъ. Было усилено давленіе на печать, газеты

выходили наполовину съ бѣлыми столбцами. Императрица писала мужу отчаянныя письма, стараясь пробудить въ немъ волю и твердость духа. Но государь, какъ зачарованный, сидѣлъ въ Могилевѣ среди вѣрныхъ, — въ этомъ не было сомнѣнія, — десяти милліоновъ штыковъ. Бабьи бунты и вопли въ петроградскихъ очердяхъ казались ему менѣе страшными, чѣмъ арміи трехъ имперій, давившія на русскій фронтъ. Въ это-же время, тайно отъ государя, въ Могилевѣ начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго, умница и страстный патріотъ, генералъ Алексѣевъ, готовилъ планъ ареста царицы и уничтоженія нѣмецкой партіи.

Въ январѣ, въ предупрежденіи весенней кампаніи, было подписано наступленіе на сѣверномъ фронтѣ. Бой начался подъ Ригой, студеной ночью. Вмѣстѣ съ открытіемъ артиллерійскаго огня — поднялась снѣжная буря. Солдаты двигались въ глубокомъ снѣгу, среди воя мятели и пламени ураганомъ рвущихся снарядовъ. Десятки аэроплановъ, вылетѣвшихъ въ бой, на подмогу наступавшимъ частямъ, вѣтромъ прибивало къ землѣ, и они во мглѣ снѣжной бури косили изъ пулеметовъ враговъ и своихъ. Въ послѣдній разъ Россія пыталась разорвать сдавившее ее желѣзное кольцо, въ послѣдній разъ русскіе мужики, одѣтые въ бѣлые саваны, гонимые полярной вьюгой, дрались за Имперію, охватившую шестую часть свѣта, за самодержавіе, нѣкогда построившее землю и грозное міру и нынѣ ставшее лишь идеей, смыслъ которой былъ утерянъ и непонятенъ, и враждебенъ.

Десять дней длился свирѣпый бой, тысячи жизней легли подъ сугробами. Наступленіе было остановлено и замерло. Фронтъ снова застылъ въ снѣгахъ.

XXXV

Иванъ Ильичъ расчитывалъ на праздники съѣздить въ Москву, но, вмѣсто этого, получилъ заводскую командировку въ Швецію, и вернулся оттуда только въ февралѣ; сейчасъ-же исхлопоталъ себѣ трехнедѣльный отпускъ и телеграфировалъ Дашѣ, что выѣзжаетъ двадцать шестого.

Передъ отъѣздомъ пришлось цѣлую недѣлю отдежурить въ мастерскихъ. Ивана Ильича поразила перемѣна, происшедшая за его отсутствіе: заводское начальство стало, какъ никогда, вѣжливое и заботливое, рабочіе-же скалили зубы, и до того всѣ были злы, что — вотъ-вотъ — казалось, — кинетъ кто-нибудь о землю ключомъ и крикнетъ: «Бросай работу, ломай станки!»

Особенно возбуждали рабочихъ въ эти дни отчеты Государственной Думы, гдѣ шли пренія по продовольственному вопросу. По этимъ отчетамъ было ясно видно, что правительство, едва сохраняя присутствіе духа и достоинство, изъ послѣднихъ силъ отбивается отъ нападенія, и что царскіе министры разговариваютъ уже не какъ чудо-богатыри, а на человѣческомъ языкѣ, и что рѣчи министровъ и то, что говоритъ Дума, — не правда, а настоящая правда на устахъ у всѣхъ: зловѣщіе и темные слухи о всеобщей, и въ самомъ близкомъ времени, гибели фронта и тыла отъ голода и разрухи.

Во время послѣдняго дежурства Иванъ Ильичъ замѣтилъ особенную тревогу у рабочихъ. Они поминутно бросали станки и совѣщались, видимо ждали какихъ-то вѣстей. Когда онъ спросилъ у Василія Рублева — о чемъ совѣщаются рабочіе, Васька

вдругъ со злобой накинулъ на плечо ватный пиджакъ и вышелъ изъ мастерской, — хлопнулъ дверью.

— Ужасный, сволочь, злой сталъ Василій, — сказалъ Иванъ Рублевъ, — револьверъ гдѣ-то раздобылъ, въ карманѣ прячетъ.

Но Василій скоро появился опять, и въ глубинѣ мастерской его окружили рабочіе, сбѣжались отъ всѣхъ станковъ. «Командующаго войсками Петербургскаго Военнаго Округа генералъ-лейтенанта Хабалова объявленіе», — громко, съ удареніями началъ читать Васька бѣлую афишку, — «Въ послѣдніе дни отпускъ муки въ пекарняхъ и выпечка хлѣба производится въ томъ-же количествѣ, что и прежде»...

— Вретъ, вретъ! — сейчасъ-же крикнули голоса, — третій день хлѣба не выдаютъ...

— «Недостатка въ продажѣ хлѣба не должно быть»...

— Приказалъ, распорядился!

— «Если-же въ нѣкоторыхъ лавкахъ хлѣба не хватило, то потому, что многіе, опасаясь недостатка хлѣба, скупали его въ запасъ на сухари»...

— Кто это сухари печетъ? Покажи эти сухари, — уже источно завопилъ чей-то голосъ. — Ему самому въ глотку сухарь заткнуть!...

— Молчите, товарищи, — перекрикнулъ Васька, — пусть намъ Хабаловъ эти сухари покажетъ. Товарищи, мы должны выйти на улицу... Съ Балтійскаго завода четыре тысячи рабочихъ идутъ на Невскій... И съ Выборгской бабы идутъ... Довольно насъ объявленіями кормили!...

— Вѣрно! Пускай хлѣбъ покажутъ! Хлѣба хотимъ!..

— Хлѣба вамъ не покажутъ, товарищи. Въ городѣ только на три дня муки, и больше хлѣба и

муки не будетъ. Поѣзда всѣ за Ураломъ стоятъ... За Ураломъ элеваторы хлѣбомъ забиты... Въ Челябинскѣ три милліона пудовъ мяса на станціи гніетъ... Въ Сибири свѣчи топятъ изъ сливочнаго масла...

Изъ толпы, окружавшей Рублева, отдѣлился кривоплечій парень и, зажмурясь, сталъ бить себя въ грудь:

— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь?..

— Снимайся!.. Бросай работу!.. Гаси горны!.. — заговорили рабочіе, разбѣгаясь по мастерской.

Къ Ивану Ильичу подошелъ Васька Рублевъ. Усики у него вздрагивали.

— Уходи, — проговорилъ онъ внятно, — уходи, покуда цѣлъ!

Иванъ Ильичъ дурно спалъ остатокъ этой ночи и проснулся отъ безпокойства во всемъ тѣлѣ. Утро было посмурное; снаружи на желѣзный карнизъ падали капли... Иванъ Ильичъ лежалъ, собираясь съ мыслями, — нѣтъ, безпокойство его не покидало, и раздражительно, словно въ самый мозгъ, падали капли. «Надо не ждать двадцать шестого, а ѣхать завтра», — подумалъ онъ, скинулъ рубаху и голый пошелъ въ ванну, пустилъ душъ и сталъ подъ ледяныя, сѣкущія струи.

До отъѣзда было много дѣлъ. Иванъ Ильичъ наспѣхъ выпилъ кофе, вышелъ на улицу и вскочилъ въ трамвай, полный народа, и здѣсь опять почувствовалъ ту-же тревогу. Какъ и всегда, ѣдущіе хмуро молчали, поджимали ноги, со злобой выдергивали полу одежи изъ-подъ сосѣда, подъ ногами было липко, по окнамъ текли капли, раздражительно дре-

безжалъ звонокъ на передней площадкѣ. Напротивъ Ивана Ильича сидѣлъ военный чиновникъ съ подтечнымъ, желтымъ лицомъ; бритый ротъ его застылъ въ кривой усмѣшкѣ, глаза съ явно не свойственной имъ живостью глядѣли вопросительно. Приглядѣвшись, Иванъ Ильичъ замѣтилъ, что всѣ ѣдущіе именно такъ, — недоумѣвая и вопросительно, — поглядываютъ другъ на друга.

На углу Большого проспекта вагонъ остановился. Пассажиры зашевелились, стали оглядываться, нѣсколько человѣкъ спрыгнуло съ площадки. Вагоновожатый снялъ ключъ, сунулъ его за пазуху синяго тулупа и, пріоткрывъ переднюю дверцу, сказалъ со злой тревогой:

— Дальше вагонъ не пойдетъ.

На Каменноостровскомъ и по всему Большому проспекту, куда хваталъ только глазъ, стояли трамвайные вагоны. На тротуарахъ было черно, — шевелился народъ. Бѣгали — порожденіе войны — оголтѣлые мальчишки. Иногда съ грохотомъ опускалась желѣзная ставня на магазинномъ окнѣ. Падалъ рѣдкій, мокрый снѣжокъ.

На крышѣ одного вагона появился человѣкъ въ длинномъ, черномъ, разстегнутомъ пальто, сорвалъ шапку и, видимо, что-то закричалъ. По толпѣ прошелъ вздохъ, — о-о-о-о-о... Человѣкъ началъ привязывать веревку къ крышѣ трамвая; опять выпрямился и опять сорвалъ шапку. — О-о-о-о, — прокатилось по толпѣ. Человѣкъ спрыгнулъ на мостовую. Толпа отхлынула, и тогда стало видно, какъ плотная кучка людей, разъѣзжаясь по желто-грязному снѣгу, тянетъ за веревку, привязанную къ трамваю. Вагонъ началъ крениться. Толпа отодвинулась, засвистали мальчишки. Но вагонъ покачался

и сталъ на мѣсто, слышно было, какъ стукнули колеса. Тогда къ кучкѣ тянущихъ побѣжали со всѣхъ сторонъ люди, озабоченно и молча стали хвататься за веревку. Вагонъ опять накренился и, вдругъ, рухнулъ, — зазвенѣли стекла. Толпа, продолжая молчать, двинулась къ опрокинутому вагону.

— Пошла писать губернія! — весело проговорилъ кто-то сзади Ивана Ильича. И сейчасъ-же нѣсколько несмѣлыхъ голосовъ затянули:

«Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой»...

По пути къ Невскому Иванъ Ильичъ видѣлъ тѣже недоумѣвающіе взгляды, встревоженныя лица. Повсюду, какъ маленькіе водовороты, вокругъ вѣстниковъ новостей собирались жадные слушатели. Въ подъѣздахъ стояли раскормленные швейцары, высовывала носъ горничная, оглядывала улицу. Какой то господинъ съ портфелемъ, съ холеной бородой, въ разстегнутой хорьковой шубѣ, спрашивалъ у дворника:

— Скажите, мой дорогой, что тамъ за толпа? что тамъ, собственно, происходитъ?

— Хлѣба требуютъ, бунтуютъ, баринъ.

— Ага!

На перекресткѣ, стояла блѣдная, съ исплаканнымъ лицомъ дама, держа на рукѣ склерозную собачку, съ висящимъ, дрожащимъ задомъ; у всѣхъ проходящихъ дама спрашивала:

— Что тамъ за толпа?.. Что они хотятъ?

— Революціей пахнетъ, сударыня, — проходя, уже весело воскликнулъ господинъ въ хорьковой шубѣ.

Вдоль тротуара, шибко размахивая полами полушубка, шелъ рабочій, — нездоровое, рысье лицо его подергивалось:

— Товарищи, — вдругъ обернувшись, крикнулъ онъ надорваннымъ, плачущимъ голосомъ, — долго будутъ кровь нашу пить?..

Вотъ, толстощекій офицеръ-мальчикъ остановилъ извозчика и, придерживаясь за его кушакъ, глядѣлъ на волнующіяся кучки народа, какъ на затменіе солнца.

— Погляди, погляди! — рыданулъ, проходя мимо него, рабочій.

Толпа увеличивалась, занимала теперь всю улицу, тревожно гудѣла, и двинулась по направленію къ мосту. Въ трехъ мѣстахъ выкинули бѣлые флажки. Прохожіе, какъ щепки по пути, увлекались этимъ потокомъ. Иванъ Ильичъ перешелъ вмѣстѣ съ толпою мостъ. По туманному, снѣжному и рябому отъ слѣдовъ Марсову полю проскакивало нѣсколько всадниковъ. Увидѣвъ толпу, они повернули лошадей и шагомъ приблизились. Одинъ изъ нихъ, румяный полковникъ съ раздвоенной бородкой, смѣясь, взялъ подъ козырекъ. Въ толпѣ грузно и уныло запѣли. Изъ мглы Лѣтняго сада, съ темныхъ, голыхъ вѣтвей поднялись, какъ тряпки, вороны, пугавшія, нѣкогда, убійцъ Императора Павла.

Иванъ Ильичъ шелъ впереди, горло его было стиснуто спазмой. Онъ прокашливался, но снова и снова поднималось въ немъ волненіе, готовы были брызнуть слезы. Дойдя до Инженернаго замка, онъ свернулъ налѣво и пошелъ къ Литейному.

На Литейный проспектъ съ Петербургской стороны вливалась вторая толпа, далеко растянувшись по мосту. По пути ея всѣ ворота были набиты любопытными, во всѣхъ окнахъ виднѣлись возбужденныя лица.

Иванъ Ильичъ остановился у воротъ рядомъ со старымъ чиновникомъ, у котораго тряслись собачьи щеки. Направо, вдалекѣ, поперекъ улицы, стояла цѣпь солдатъ, неподвижно, опираясь на ружья.

Толпа подходила, ходъ ея замедлялся. Въ глубину полетѣли испуганные голоса: — Стойте, стойте!.. — И сейчасъ-же начался вой тысячи высокихъ, женскихъ голосовъ: — Хлѣба, хлѣба, хлѣба!..

— Нельзя допускать, — проговорилъ чиновникъ и строго, поверхъ очковъ, взглянулъ на Ивана Ильича. Въ это время изъ воротъ вышли два дворника и плечами налегли на любопытныхъ. Чиновникъ затрясъ щеками, какая-то барышня въ пенснэ воскликнула: — Не смѣешь, дуракъ! — Но ворота закрыли. По всей улицѣ начали закрывать подъѣзды и ворота. — Не надо, не надо! — раздавались испуганные голоса.

Воющая толпа надвигалась. Впереди нея выскочилъ юноша съ бабьимъ, прыщавымъ лицомъ, въ широкополой шляпѣ.

— Знамя впередъ, знамя впередъ! — пошли голоса.

Въ это-же время передъ цѣпью солдатъ появился рослый, тонкій въ таліи, офицеръ въ заломленной папахѣ. Придерживая у бедра кобуръ, онъ кричалъ, и можно было разобрать: «Данъ приказъ стрѣлять... Не хочу кровопролитія... Разойдитесь...»

— Хлѣба, хлѣба, хлѣба! — закричали голоса... И толпа двинулась на солдатъ... Мимо Ивана

Ильича начали протискиваться люди съ обезумѣвшими глазами... — Хлѣба!.. Долой!.. Сволочи!.. — Одинъ упалъ, и, задирая сморщенное, жалкое личико, вскрикивалъ безъ памяти: — Ненавижу... ненавижу!

Вдругъ, точно рванули коленкоръ вдоль улицы. Сразу все стихло. Какой-то гимназистъ обхватилъ фуражку и нырнулъ въ толпу... Чиновникъ поднялъ узловатую руку для крестнаго знаменія.

Залпъ данъ былъ въ воздухъ, второго залпа не послѣдовало, но толпа отступила, частью разсѣялась, часть ея съ флагомъ двинулась къ Заменской площади. На желтомъ снѣгу улицы осталось нѣсколько шапокъ и калошъ. Выйдя на Невскій, Иванъ Ильичъ опять услышалъ гулъ множества голосовъ. Это двигалась третья толпа, перешедшая Неву съ Васильевскаго острова. Тротуары были полны нарядныхъ женщинъ, военныхъ, студентовъ, незнакомцевъ иностраннаго вида. Столбомъ стоялъ англійскій офицеръ съ розово-дѣтскимъ лицомъ. Къ стекламъ магазинныхъ дверей липли напудренныя, съ черными бантами, продавщицы. А посреди улицы, удаляясь въ туманную ея ширину, шла оборванная, грязная, злая толпа работницъ и рабочихъ, завывая: — Хлѣба, хлѣба, хлѣба!..

Сбоку тротуара извозчикъ, бокомъ навалившись на передокъ саней, весело говорилъ багровой, испуганной барынѣ:

— Куда-же я, сами посудите, поѣду, — муху здѣсь не пропускаютъ.

— Поѣзжай, дуракъ, не смѣй со мной разговаривать!..

— Нѣтъ, нынче я ужъ не дуракъ... Слѣзайте съ саней...

Прохожіе на тротуарѣ толкались, просовывали головы, слушали, спрашивали взволнованно:

— Сто человѣкъ убито на Литейномъ...

— Врутъ... Женщину беременную застрѣлили и старика...

— Господа, старика-то за что-же убили...

— Протопоповъ всѣмъ распоряжается. Онъ сумасшедшій...

— Совершенно вѣрно — прогрессивный параличъ.

— Господа, — новость... Невѣроятно!

— Что?.. Что?..

— Всеобщая забастовка...

— Какъ, — и вода и электричество?..

— Вотъ бы далъ Богъ, наконецъ...

— Молодцы рабочіе!..

— Не радуйтесь, — задавятъ...

— Смотрите — васъ-бы раньше не задавили съ вашимъ выраженіемъ лица...

Иванъ Ильичъ, досадуя, что потерялъ много времени, выбрался изъ толпы, зашелъ было по тремъ адресамъ, но никого изъ нужныхъ ему людей не засталъ дома, и, разсерженный, медленно побрелъ по Невскому.

По улицѣ снова катили санки, дворники вышли сгребать снѣгъ, на перекресткѣ появился великій человѣкъ въ черной, длинной шинели, и поднималъ надъ возбужденными головами, надъ растрепанными мыслями обывателей магическій жезлъ порядка — бѣлую дубинку. Перебѣгающій улицу злорадный прохожій, оборачиваясь на городового, думалъ: — «Погоди, голубчикъ, дай срокъ». Но никому и въ голову не могло войти, что срокъ уже

насталъ, и этотъ колоннообразный усачъ съ дубинкой былъ уже не болѣе, какъ призракъ, и что на завтра онъ исчезнетъ съ перекрестка, изъ бытія, изъ памяти...

— Телѣгинъ, Телѣгинъ. Остановись, глухой тетеревъ!..

Иванъ Ильичъ обернулся, — къ нему подбѣгалъ инженеръ Струковъ въ картузѣ на затылкѣ, съ яростно веселыми глазами...

— Куда ты идешь? — надулся... Идемъ въ кофейню...

Онъ подхватилъ подъ руку Ивана Ильича и втащилъ во второй этажъ, въ кофейню. Здѣсь отъ сигарнаго дыма ѣло глаза. Люди въ котелкахъ, въ котиковыхъ шапкахъ, въ раскинутыхъ шубахъ, спорили, кричали, вскакивали. Струковъ протолкался къ окну и, смѣясь, сѣлъ напротивъ Ивана Ильича:

— Рубль падаетъ! — воскликнулъ онъ, хватаясь обѣими руками за столикъ, — бумаги всѣ къ чорту летятъ! Вотъ гдѣ сила!.. Разсказывай, что видѣлъ...

— Былъ на Литейномъ, тамъ стрѣляли, но, кажется, въ воздухъ...

— Что же ты на все это скажешь?

— Не знаю. По моему правительство серьезно теперь должно взяться за подвозку продовольствія.

— Поздно! — закричалъ Струковъ, ударяя ладонью по стеклянной доскѣ столика. — Поздно!.. Мы сами свои собственныя кишки сожрали... Войнѣ конецъ, баста!.. Всему конецъ!.. Все къ чертямъ!.. Знаешь, что на заводахъ кричатъ? Созывъ совѣта рабочихъ депутатовъ, — вотъ, что они кричатъ. И никому, кромѣ совѣтовъ, не вѣрить! Немедленно — демобилизацію...

— Просто ты пьянъ, — проговорилъ Иванъ Ильичъ, — ночью я былъ на заводѣ и ничего такого не слышалъ... А если кто и кричалъ объ этомъ, такъ это ты самъ и кричалъ...

Струковъ, закинувъ голову, началъ смѣяться, глаза его не отрывались отъ Телѣгина...

— Хорошо-бы всю машину въ дрызгъ разворочать? — самое время. А?..

— Не думаю... Не нахожу ничего хорошаго разворачивать.

— Ни государства, ни войска, ни городовыхъ, ни всей этой сволочи въ котелкахъ... Устроить хаосъ первоначальный. — Струковъ вдругъ сжалъ прокуренные зубы, и зрачки его стали, какъ точки. — Ужасъ нагнать, такого напустить ужасу, чтобъ страшнѣе войны... Все проклято, заплевано, загажено, гнусно... Разворочать, какъ Садомъ и Гоморру, — оставить ровное мѣсто. — На лбу его подъ каплями пота надулась, вкось, жила. — Всѣ этого хотятъ, и ты этого хочешь. Только я смѣю говорить, а ты не смѣешь.

— Ты всю войну въ тылу просидѣлъ, — сказалъ Телѣгинъ, съ удивленіемъ глядя на Струкова, — а я воевалъ, и знаю: — въ четырнадцатомъ году намъ тоже нравилось драться и разрушать. Теперь намъ это не нравится. А вотъ вы, тыловые люди, только теперь и входите во вкусъ войны. И вся психологія у васъ мародерская, обозная: — грабь, жги!.. Я давно къ вамъ присматриваюсь, — у васъ идея — разрушать, самимъ дорваться до крови... Ужасно!..

— Маленькій ты человѣкъ, Телѣгинъ, мѣщанинъ.

— Можетъ быть, можетъ быть...

Иванъ Ильичъ вернулся домой рано, и сейчасъ-же легъ спать. Но забылся сномъ лишь на минуту, — вздохнулъ, легъ на спину, и уже спокойно и безсонно открылъ глаза. Въ спальнѣ на потолкѣ лежалъ отсвѣтъ уличнаго фонаря. Пахло кожей чемодана, стоявшаго раскрытымъ на стулѣ. Въ этомъ чемоданѣ, купленномъ въ Стокгольмѣ, лежалъ чудесной кожи серебряный несессеръ — подарокъ для Даши. Иванъ Ильичъ чувствовалъ къ нему нѣжность, и каждый день разворачивалъ его изъ шелковистой бумаги и разсматривалъ. Онъ даже ясно представлялъ себѣ купэ вагона съ длиннымъ, какъ не въ русскихъ поѣздахъ, окномъ, и на койкѣ — Дашу въ дорожномъ платьѣ; на колѣняхъ у нея эта пахнущая духами и кожей вещица — знакъ беззаботнаго счастья, чудесныхъ странствій; за окномъ — незнакомыя страны.

... «Ахъ, что-то сегодня случилось непоправимое», — думалъ Иванъ Ильичъ, и память его, подведя счетъ всему видѣнному, отвѣтила увѣренно: — «Въ городѣ — лѣнивое и злое непротивленіе всему, что-бы ни случилось: бунтъ, такъ бунтъ, разстрѣлъ, такъ разстрѣлъ. Разбили трамвайный вагонъ — хорошо, рабочіе ворвались на Невскій — хорошо, разогнали рабочихъ залпомъ — хорошо, — все лучше, чѣмъ удушающій смрадъ безнадежной войны».

Иванъ Ильичъ оперся о локоть и глядѣлъ, какъ за окномъ въ мглистомъ небѣ разливалось грязно-лиловымъ свѣтомъ отраженіе города. И онъ ясно почувствовалъ, съ какою тоскливой ненавистью должны смотрѣть на этотъ свѣтъ тѣ, кто завывалъ сегодня о хлѣбѣ. Не любимый, тяжкій, постылый городъ...

Иванъ Ильичъ вышелъ изъ дома часовъ въ двѣнадцать. Туманный и широкій проспектъ былъ пустыненъ. Падалъ снѣжокъ. За слегка запотѣвшимъ окномъ цвѣточнаго магазина стоялъ въ хрустальной вазѣ пышный букетъ красныхъ розъ, осыпанныхъ большими каплями воды. Иванъ Ильичъ съ нѣжностью взглянулъ на него сквозь падающій снѣгъ.
— О Господи, Господи!..

Изъ боковой улицы появился казачій разъѣздъ, — пять человѣкъ. Крайній изъ нихъ повернулъ лошадь и рысью подъѣхалъ къ тротуару, гдѣ шли, тихо и взволнованно разговаривая, трое людей въ кэпкахъ и въ рваныхъ пальто, подпоясанныхъ веревками. Люди эти остановились, и одинъ, что-то весело говоря, взялъ подъ уздцы казачью лошадь. Движеніе это было такъ необычно, что у Ивана Ильича дрогнуло сердце. Казакъ-же засмѣялся, вскинулъ головой и, пустивъ топотавшую, зобастую лошадь, догналъ товарищей, и они крупной рысью ушли во мглу проспекта.

Подходя къ набережной, Иванъ Ильичъ началъ встрѣчать кучки взволнованныхъ обывателей, — видимо послѣ вчерашняго никто не могъ успокоиться: совѣщались, передавали слухи и новости, — много народа бѣжало къ Невѣ. Тамъ, вдоль гранитнаго парапета, черным муравейникомъ двигалось на снѣгу нѣсколько тысячъ любопытствующихъ. У самаго моста шумѣла кучка горлановъ, — они кричали солдатамъ, которые, преграждая проходъ, стояли поперекъ моста и вдоль до самого его конца, едва виднаго за мглой и падающимъ снѣгомъ.

— Зачѣмъ мостъ загородили? пустите насъ!

— Намъ въ городъ нужно.

— Безобразіе, — обывателей стѣснять...

— Мосты для ходьбы, не для вашего брата...

— Русскіе вы, или нѣтъ?.. Пустите насъ!..

Рослый унтеръ-офицеръ, съ четырьмя Георгіями, ходилъ отъ перилъ до перилъ, звякая большими шпорами. Когда ему крикнули изъ толпы ругательство, онъ обернулъ къ горланамъ хмурое, тронутое оспой, желтоватое лицо:

— Эхъ, а еще господа, — выражаетесь. — Закрученные усы его вздрагивали. — Не могу допустить проходить по мосту... Принужденъ обратить оружіе въ случаѣ неповиновенія...

— Солдаты стрѣлять не станутъ, — опять закричали горланы.

— Поставили тебя, чорта рябого, собаку...

Унтеръ-офицеръ опять оборачивался и говорилъ, и, хотя голосъ у него былъ хриплый и отрывистый — военный, въ словахъ было то-же, что и у всѣхъ въ эти дни, — тревожное недоумѣніе. Горланы чувствовали это, ругались и напирали на заставу.

Какой-то длинный, худой человѣкъ, въ криво надѣтомъ пенснэ, съ длинной шеей, обмотанной шарфомъ, подойдя къ горланамъ, вдругъ заговорилъ громко и глухо:

— Стѣсняютъ движеніе, вездѣ заставы, мосты оцѣплены, полнѣйшее издѣвательство. Можемъ мы свободно передвигаться по городу, или намъ ужъ и этого нельзя? Граждане, предлагаю не обращать вниманія на солдатъ и идти по льду на ту сторону...

— Вѣрно! По льду!.. Урррa! — закричали горланы, и сейчасъ-же нѣсколько человѣкъ побѣжало къ гранитной, покрытой снѣгомъ, лѣстницѣ, опускающейся къ рѣкѣ. Длинный человѣкъ въ развѣ-

вающемся за спиной шарфѣ рѣшительно зашагалъ по льду мимо моста. Солдаты, перегибаясь сверху, кричали:

— Эй, воротись, стрѣлять будемъ... Воротись, чортъ длинный!..

Но онъ шагалъ, не оборачиваясь. За нимъ, гуськомъ, рысью, пошло все больше и больше народу. Люди горохомъ скатывались съ набережной на ледъ, бѣжали черными фигурами по снѣгу. Солдаты кричали имъ съ моста, бѣгущіе прикладывали руки ко рту и тоже кричали. Одинъ изъ солдатъ вскинулъ было винтовку, но другой толкнулъ его въ плечо, и тотъ не выстрѣлилъ.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, ни у кого изъ вышедшихъ на улицу не было опредѣленнаго плана, но когда обыватели увидѣли заставы на мостахъ и перекресткахъ, то всѣмъ, какъ повелось это издавна, захотѣлось именно того, что сейчасъ не было дозволено: — ходить черезъ мосты и собираться въ толпы. Распалялась и безъ того болѣзненная фантазія. По городу полетѣлъ слухъ, что всѣ эти безпорядки кѣмъ-то руководятся.

Къ концу второго дня на Невскомъ залегли части Павловскаго полка и открыли продольный огонь по кучкамъ любопытствующихъ и по отдѣльнымъ прохожимъ. Обыватели стали понимать, что начинается что-то похожее на революцію.

Но гдѣ былъ ея очагъ и кто руководилъ ей, — никто не зналъ. Не знали этого ни командующій войсками, ни полиція, ни, тѣмъ болѣе, диктаторъ и временщикъ, симбирскій суконный фабрикантъ, которому въ свое время въ Троицкой гостиницѣ въ

Симбирскѣ помѣщикъ Наумовъ проломилъ голову, прошибивъ имъ дверную филенку, каковое поврежденіе черепа и мозга привело его къ головнымъ болямъ и неврастеніи, а впослѣдствіи, когда ему была довѣрена въ управленіе Россійская Имперія, — къ роковой растерянности. Очагъ революціи былъ повсюду, въ каждомъ домѣ, въ каждой обывательской головѣ, обуреваемой фантазіями, злобой и недовольствомъ. Это ненахожденіе очага революціи было зловѣще. Полиція хватала призраки. На самомъ дѣлѣ ей нужно было арестовать два милліона четыреста тысячъ жителей Петрограда.

Весь этотъ день Иванъ Ильичъ провелъ на улицѣ, — у него, такъ-же, должно быть, какъ и у всѣхъ, было странное чувство неперестающаго головокруженія. Онъ чувствовалъ, какъ въ городѣ росло возбужденіе, почти сумасшествіе, — всѣ люди растворились въ общемъ, какомъ-то, головокруженіи, превращались въ рыхлую массу, безъ разума, безъ воли, и эта масса, бродя и волнуясь по улицамъ, искала, жаждала знака, молніи, воли, которая, ослѣпивъ, слила-бы эту рыхлость въ одинъ комокъ.

Раствореніе всѣхъ въ этомъ встревоженномъ людскомъ стадѣ было такъ велико, что даже стрѣльба вдоль Невскаго мало кого пугала. Люди по-звѣриному собирались къ двумъ трупамъ; — женщины въ ситцевой юбкѣ и старика въ енотовой шубѣ, лежавшимъ на углу Владимірской улицы... Когда выстрѣлы становились чаще — люди разбѣгались, и снова крались вдоль стѣнъ.

Въ сумерки стрѣльба затихла. Подулъ студеный

вѣтеръ, очистилъ небо, и въ тяжелыхъ тучахъ, грудами наваленныхъ за моремъ, запылало мрачное зарево заката. Острый серпъ мѣсяца всталъ надъ городомъ низко, въ томъ мѣстѣ, гдѣ небо было угольно-черное.

Фонари не зажглись въ эту ночь. Окна были темны, подъѣзды закрыты. Вдоль мглистой пустыни Невскаго стояли въ козлахъ ружья. На перекресткахъ виднѣлись рослыя фигуры часовыхъ. Лунный свѣтъ поблескивалъ то на зеркальномъ окнѣ, то на полосѣ рельсъ, то на стали штыка. Было тихо и покойно. Только въ каждомъ домѣ неживымъ, овечьимъ голосомъ бормотали телефонныя трубки сумасшедшія слова о событіяхъ.

Утромъ 25 февраля Знаменская площадь была полна войсками и полиціей. Передъ Сѣверной гостиницей стояли конные полицейскіе на золотистыхъ, тонконогихъ, танцующихъ лошадкахъ. Пѣшіе полицейскіе, въ черныхъ шинеляхъ, расположились вокругъ памятника и кучками по площади. У вокзала стояли казаки въ заломленныхъ папахахъ, съ тороками сѣна за сѣдлами, бородатые и веселые. Со стороны Невскаго виднѣлись грязно-сѣрыя шинели Павловцевъ.

Иванъ Ильичъ съ чемоданчикомъ въ рукѣ взобрался въ каменный выступъ вокзальнаго въѣзда, отсюда была хорошо видна вся площадь. Посреди ея на кроваво-красной глыбѣ гранита, на огромномъ конѣ, опустившемъ отъ груза сѣдока своего бронзовую голову, сидѣлъ тяжелый, какъ земная тяга, Императоръ, — угрюмыя плечи его и маленькая шапочка были покрыты снѣгомъ. Онъ стоялъ

лицомъ на сѣверъ. Къ его подножію, на площадь, напирали со стороны пяти улицъ толпы народа съ криками, свистомъ и руганью.

Такъ-же, какъ и вчера на мосту, солдаты, въ особенности казаки, попарно, шагомъ подъѣзжавшіе къ напирающему со всѣхъ сторонъ народу, перебранивались и зубоскалили. Въ кучкахъ городовыхъ, рослыхъ и хмурыхъ людей, было молчаніе и явная нерѣшительность. Иванъ Ильичъ хорошо зналъ эту тревогу въ ожиданіи приказа къ бою, — врагъ уже на плечахъ, всѣмъ ясно, что нужно дѣлать, но съ приказомъ медлятъ, и минуты тянутся мучительно. Вдругъ, звякнула вокзальная дверь, и появился на лѣстницѣ блѣдный жандармскій офицеръ съ полковничьими погонами, въ короткой шинели, съ новенькими, накрестъ, ремнями, снаряженія. Вытянувшись, онъ оглянулъ площадь, — свѣтлые глаза его скользнули по лицу Ивана Ильича... Легко сбѣжавъ внизъ между разступившихся казаковъ, онъ сталъ говорить что-то есаулу, поднявъ къ нему бородку. Есаулъ съ кривой усмѣшкой слушалъ его, развалясь въ сѣдлѣ. Полковникъ, говоря, кивнулъ въ сторону Стараго Невскаго, и пошелъ черезъ площадь по снѣгу легкой, стремительной походкой. Къ нему подбѣжалъ приставъ, туго перепоясанный по огромному животу, рука у него тряслась подъ козырькомъ, багровѣли щеки... А со стороны Стараго Невскаго увеличивались крики подходившей толпы, и, наконецъ, стало различимо пѣніе. Ивана Ильича кто-то крѣпко схватилъ за ногу, и рядомъ съ нимъ вскарабкался сильно пахнущій потомъ, возбужденный человѣкъ въ ватномъ пиджакѣ, безъ шапки, съ багровой ссадиной черезъ грязное лицо:

— Братцы, казаки! — закричалъ онъ тѣмъ страшнымъ, надрывающимся голосомъ, какимъ кричатъ передъ убійствомъ и кровью, дикимъ, степнымъ голосомъ, отъ котораго падаетъ сердце, безуміемъ застилаетъ глаза, — братцы, убили меня... Братцы, заступитесь... Убиваютъ!

Казаки, повернувшись въ сѣдлахъ, молча глядѣли на него. Лица ихъ блѣднѣли, глаза расширялись.

Въ это-же время на Старомъ Невскомъ черно и густо волновались головы подошедшей толпы колпинскихъ рабочихъ. Вѣтромъ трепало красную тряпку на шестѣ. Конные полицейскіе отдѣлились отъ фасада Сѣверной гостиницы, и вдругъ блеснули въ рукахъ ихъ выхваченныя широкія шашки. Неистовый крикъ поднялся въ толпѣ. Иванъ Ильичъ опять увидѣлъ жандармскаго полковника, — онъ бѣжалъ, поддерживая кобуръ револьвера, и другою рукой махалъ казакамъ. Изъ толпы колпинскихъ полетѣли осколки льдинъ и камни въ полковника и въ конныхъ городовыхъ. Тонконогія, золотистыя лошадки пуще заплясали. Слабо захлопали револьверные выстрѣлы, появились дымки у подножія памятника, — это городовые стрѣляли въ колпинскихъ. И сейчасъ-же въ строю казаковъ, въ десяти шагахъ отъ Ивана Ильича, взвилась на дыбы рыжая, горбоносая, донская кобыла; казакъ, нагнувшись къ шеѣ, толкнулъ ее, въ нѣсколько маховъ долетѣлъ до жандармскаго полковника и на-ходу, выхвативъ шашку, на-отмашь свиснулъ ею, и снова поднялъ кобылу на-дыбы.

Всѣмъ строемъ двинулись къ мѣсту убійства казаки. Толпы народа, прорвавъ заставы, разлились по площади... Кое-гдѣ хлопнули выстрѣлы, и были покрыты общимъ крикомъ: — Уррра... урраа...

— Телѣгинъ, ты что тутъ дѣлаешь?

— Я долженъ во что-бы то ни стало сегодня уѣхать. На товарномъ поѣздѣ, на паровозѣ, — все равно.

— Плюнь, сейчасъ нельзя уѣзжать... Голубчикъ, вѣдь — революція... — Антошка Арнольдовъ, не бритый, облѣзлый, съ красными вѣками выкаченныхъ глазъ, впился Ивану Ильичу судорожными пальцами въ отворотъ пальто.

— Видѣлъ, какъ жандарму голову смахнули?.. какъ футбольный мячъ покатилась, — красота!.. Ты, дуракъ, не понимаешь, — вѣдь революція! — Антошка бормоталъ точно въ бреду. Стояли они, прижатые толпой, въ проходѣ вокзала. — Утромъ Литовскій и Волынскій полки отказались стрѣлять... Рота Павловскаго полка съ оружіемъ вышла на улицу... Въ городѣ кавардакъ, никто ничего не понимаетъ... На Невскомъ солдаты, какъ мухи, шатаются, боятся идти въ казармы...

XXXVI.

Даша и Катя въ шубкахъ и въ пуховыхъ платкахъ, накинутыхъ на голову, быстро шли по еле освѣщенной Малой Никитской. Хрустѣли подъ ногами тонкія пленки льда. На захолодавшее зеленоватое небо поднимался двурогій мѣсяцъ, ясный и узкій. Кое-гдѣ брехали за воротами собаки. Даша, смѣясь во влажный пушокъ платка, слушала, какъ хрустятъ льдинки.

— Катя?

— Даша, милая, не останавливайся, — опоздаемъ.

— Катя, если-бы выдумать такой инструментъ и приставить сюда, — Даша положила руку на грудь, — можно-бы записывать необыкновенныя вещи... — Даша тихо и ясно напѣла. — Понимаешь — это повторяется, но ужъ другимъ голосомъ, а этотъ голосъ такъ. — Она напѣла и засмѣялась. Катя взяла ее подъ руку: — Ну, идемъ, идемъ. — Черезъ нѣсколько шаговъ Даша опять остановилась.

— Катя, а ты вѣришь, что — революція?

— Да, да, — въ самомъ воздухѣ какая-то тревога.

— Катюша, — это отъ весны. Смотри — небо зеленое.

Вдали желтѣлъ огонекъ электрической лампочки надъ подъѣздомъ Юридическаго клуба, гдѣ сегодня, въ половина десятаго вечера, подъ вліяніемъ сумасшедшихъ слуховъ изъ Петербурга, было устроено кадетской фракціей публичное собраніе для обмѣна впечатлѣніями и для нахожденія общей формулы дѣйствія въ эти тревожные дни.

Сестры вбѣжали по лѣстницѣ во второй этажъ и, не снимая шубъ, только откинувъ платки, вошли въ полную народа залу, напряженно слушающую румянаго, бородатаго, тучнаго барина съ пріятными движеніями большихъ рукъ:

... — «Событія наростаютъ съ головокружительной быстротой, — говорилъ онъ, блестя зубами, — въ Петроградѣ вчера вся власть перешла къ генералу Хабалову, который расклеилъ по городу слѣдующую афишу: — «Въ послѣдніе дни въ Петроградѣ произошли безпорядки, сопровождавшіеся насиліемъ и посягательствомъ на жизнь воинскихъ и полицейскихъ чиновъ. Воспрещаю всякое скопленіе на улицахъ. Предваряю населеніе Петрограда, что мною подтверждено въ войскахъ употреблять въ

дѣло оружіе, не останавливаясь ни передъ чѣмъ для водворенія порядка въ столицѣ»...

— Палачи! — прогудѣлъ чей-то семинарскій басъ изъ глубины залы. Ораторъ тронулъ колокольчикъ.

— Это объявленіе, какъ и слѣдовало ожидать, переполнило чашу терпѣнія. Двадцать пять тысячъ солдатъ всѣхъ родовъ оружія петроградскаго гарнизона перешли на сторону возставшихъ...

Онъ не успѣлъ договорить, — зала треснула отъ рукоплесканій. Нѣсколько человѣкъ вскочило на стулья и кричало что-то, дѣлая жесты, будто протыкая насквозь старый порядокъ. Ораторъ съ широкой улыбкой глядѣлъ на бушующій залъ, — снова тронулъ колокольчикъ и продолжалъ:

— Только-что получена чрезвычайной важности телефонограмма. — Онъ полѣзъ въ карманъ клѣтчатаго пиджака, не спѣша вытащилъ и развернулъ листочекъ бумажки. — Сегодня предсѣдателемъ Государственной Думы, Родзянко, послана государю телеграмма по прямому проводу: — «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ, продовольствіе и топливо пришли въ полное разстройство. На улицѣ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Частью войска стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца»...

Румяный баринъ опустилъ листокъ и веселыми глазами обвелъ залъ. На всѣхъ лицахъ выражалось неистовое любопытство: такого, захватывающаго духъ, спектакля не помнили москвичи.

— Мы стоимъ, господа, на грани готоваго совершиться величайшаго событія нашей исторіи, — продолжалъ онъ бархатнымъ, рокочущимъ голосомъ, — быть можетъ, въ эту минуту, тамъ, — онъ вытянулъ руку, какъ на статуѣ Дантона, — тамъ уже свершилось чаяніе столькихъ поколѣній, и скорбныя тѣни Декабристовъ отомщены...

— Охъ, Господи! — не выдержавъ, ахнулъ изъ самой глубины чей-то женскій голосъ...

— Быть можетъ, завтра вся Россія сольется въ одномъ свѣтломъ, братскомъ хорѣ, — свобода...

— Уррра!.. Свобода!.. — неистово закричали голоса.

Баринъ опустился на стулъ и провелъ обратной стороной ладони по лбу своему. Съ угла стола поднялся вялый человѣкъ съ соломенными, длинными волосами, съ узкимъ лицомъ, съ рыжей, мертвой бородкой. Не глядя ни на кого, онъ началъ говорить лѣнивымъ, насморочнымъ голосомъ:

— Заслушанныя здѣсь сообщенія весьма любопытны. Дѣло, видимо, всерьезъ идетъ къ ликвидаціи дворянско-бюрократическаго правящаго класса. Неожиданнаго въ этомъ ничего нѣтъ: не завтра, такъ черезъ мѣсяцъ, войска взбунтуются, и рабочіе будутъ стремиться захватить власть. — Онъ вытащилъ изъ бокового кармана носовой платокъ, высморкался, сложилъ его и засунулъ за потертый пиджакъ. Позади Даши, сидѣвшей въ дверяхъ на одномъ стулѣ съ сестрой, чей-то голосъ спросилъ:

— Кто это говоритъ?

— Товарищъ Кузьма, — отвѣтили быстрымъ шопотомъ, — въ 905 году былъ въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, недавно вернулся изъ ссылки, замѣчательная личность.

— Я не раздѣляю восторговъ предыдущаго оратора, — продолжалъ товарищъ Кузьма, сонно глядя на чернильницу, — если даже на этихъ дняхъ царское правительство и сдастъ власть, глупо впадать въ восторгъ: власть попадетъ въ руки буржуазному классу, и драки въ дальнѣйшемъ все равно не избѣжать. — Онъ, наконецъ, поднялъ глаза, и всѣ увидали, что глаза у него зеленоватые, холодные и скучные. — Давно-бы пора бросить маниловскія бредни... Революція — штука серьезная... Братскій хоръ съ пѣніемъ свободы — занятіе для безземельныхъ дворянчиковъ, да для разжирѣвшихъ купеческихъ сынковъ...

— Кто онъ такой?.. Что онъ говоритъ?.. Заставьте его замолчать, — раздались злые крики. Товарищъ Кузьма возвысилъ голосъ:

— Уже двѣнадцать лѣтъ въ странѣ идетъ революціонный процессъ. Сейчасъ его можно считать назрѣвшимъ. И наша задача — сдѣлать глубокій надрѣзъ, чтобы выпустить весь гной на поверхность. Мы должны поставить, наконецъ, лицомъ къ лицу безъ посредниковъ пролетаріатъ и буржуазно-дворянскіе классы. Не свобода намъ нужна, затасканная, какъ проститутка, за сто лѣтъ мелкими лавочниками и слюнявыми поэтами, намъ нужна гражданская война...

Послѣднія его слова едва можно было разобрать за шумомъ въ залѣ. Нѣсколько человѣкъ въ визиткахъ подбѣжало къ столу. Товарищъ Кузьма попятился, слѣзъ съ эстрады и ушелъ въ боковую дверь. На его мѣстѣ появилась знаменитая дѣятельница по дѣтскому воспитанію, — полная дама въ пенснэ, съ тикомъ:

— Мы только-что слышали возмутительную...

Въ это время кто-то у самаго уха прошепталъ Дашѣ взволнованно и нѣжно:

— Здравствуй, родная моя...

Даша, даже не оборачиваясь, стремительно поднялась, — въ дверяхъ стоялъ Иванъ Ильичъ. Она взглянула: самый красивый на свѣтѣ, мой собственный человѣкъ. Иванъ Ильичъ снова, какъ это не разъ съ нимъ бывало, былъ потрясенъ тѣмъ, что Даша совсѣмъ не та, какой онъ ее мысленно представлялъ, но безконечно краше: — горячій румянецъ взошелъ ей на щеки, сине-сѣрые глаза прозрачны, бездонны, какъ два озера. Она была такъ совершенна, такъ ничего ей не было больше нужно, что Иванъ Ильичъ поблѣднѣлъ. Даша сказала тихо: — Здравствуй! — взяла его подъ руку и они вышли на улицу.

На улицѣ Даша остановилась и, улыбаясь, глядѣла на Ивана Ильича. Вздохнула, подняла руки и поцѣловала его въ губы. Онъ закрылъ глаза. Ея губы были нѣжны и довѣрчивы. Отъ нея пахло мѣхомъ и женственной прелестью горьковатыхъ духовъ. Молча, Даша опять взяла его подъ руку и они пошли по хрустящимъ корочкамъ льда, поблескивающимъ отъ свѣта луннаго серпа, висящаго низко въ глубинѣ улицы въ черно-зеленой безднѣ неба.

— Иванъ, ты любишь меня?

— Даша!

— Ахъ, я тебя люблю, Иванъ! Какъ я ждала тебя...

— Я не могъ, ты знаешь...

— Ты не сердись, что я тебѣ писала дурныя письма, — я не умѣю писать...

— Знаешь, когда ты сейчасъ встала, я взглянулъ на тебя, — у меня сердце оторвалось...

Иванъ Ильичъ остановился и глядѣлъ ей въ поднятое къ нему, молча улыбающееся, милое лицо. Особенно милымъ, простымъ, оно было отъ пуховаго платка, — подъ нимъ темнѣли полоски бровей, и глаза были странными и ласковыми. Онъ осторожно приблизилъ Дашу къ себѣ, она переступила ботиками и прижалась къ нему, продолжая глядѣть въ глаза. Онъ опять поцѣловалъ ее въ губы, и они опять пошли.

— Ты надолго, Иванъ?

— Не знаю, — такія событія...

— Да, знаешь, вѣдь — революція.

— Ты знаешь — вѣдь я на паровозѣ пріѣхалъ...

— Знаешь, Иванъ, что... — Даша пошла съ нимъ въ ногу и глядѣла на кончики своихъ ботиковъ...

— Что?..

— Я теперь поѣду съ тобой, — къ тебѣ...

Иванъ Ильичъ не отвѣтилъ. Даша только почувствовала, какъ онъ нѣсколько разъ пытался глубоко вдохнуть въ себя воздухъ, и не могъ. Ей стало нѣжно и жалко его.

XXXVII.

Слѣдующій день былъ замѣчателенъ тѣмъ, что имъ подтверждалось понятіе объ относительности времени. Такъ, извозчикъ везъ Ивана Ильича изъ гостиницы съ Тверской до Арбатскаго переулка, приблизительно, года полтора. «Нѣтъ, баринъ, прошло время за полтиннички-то ѣздить, — говорилъ извозчикъ, — сказываютъ въ Петроградѣ волю взя-

ли. Не нынче — завтра въ Москвѣ волю будемъ брать. Видишь ты — городовой стоитъ. Подъѣхать къ нему, сукиному сыну, и кнутомъ его по мордѣ ожечь. Погодите, баринъ, со всѣми расправимся».

Въ дверяхъ столовой Ивана Ильича встрѣтила Даша. Она была въ бѣломъ халатикѣ, пепельные волосы ея были наскоро сколоты. Отъ нея пахло свѣжей водой. Колоколъ времени ударилъ, время остановилось, — мгновеніе начало раскрываться. Все оно было наполнено дашиными словами, смѣхомъ, ея сіяющими отъ утренняго солнца, легкими волосами. Иванъ Ильичъ испытывалъ безпокойство даже тогда, когда Даша уходила на другой конецъ стола. Даша раскрывала дверцы буфета, поднимала руки, съ нихъ соскальзывали широкіе рукава халатика. Иванъ Ильичъ думалъ, что у людей такихъ рукъ быть не можетъ, только двѣ бѣлыхъ оспинки выше локтя удостовѣряли, что это, все-таки, человѣческія руки. Даша доставала чашку и, обернувъ свѣтловолосую голову, говорила что-то удивительное и смѣялась.

Она заставила Ивана Ильича выпить нѣсколько чашекъ кофе. Она говорила слова, и Иванъ Ильичъ говорилъ слова, но, очевидно, человѣческія слова имѣли смыслъ только во времени, движущемся обыкновенно — сегодня-же въ словахъ ихъ смысла не было. Екатерина Дмитріевна, сидѣвшая тутъже въ столовой, слушала, какъ Телѣгинъ и Даша, удивляясь, восторженно, и немедленно забывая, говорятъ необыкновенную чепуху по поводу кофе, революціи, какого-то кожаннаго несессера, срубленной въ Петроградѣ головы, дашиныхъ волосъ, рыжеватыхъ, — какъ странно, — на яркомъ солнцѣ.

Горничная принесла газеты. Екатерина Дми-

тріевна развернула «Русскія Вѣдомости», ахнула и начала читать вслухъ роковой приказъ императора о роспускѣ Государственной Думы. Даша и Телѣгинъ страшно этому удивились, но дальше читать «Русскія Вѣдомости» Екатерина Дмитріевна стала уже про себя. Даша сказала Телѣгину: — Пойдемъ ко мнѣ, — и повела его черезъ темный коридорчикъ въ свою комнату. Войдя туда первая, она проговорила поспѣшно: — Подожди, подожди, не смотри, — и что-то бѣлое спрятала въ ящикъ комода.

Въ первый разъ въ жизни Иванъ Ильичъ увидѣлъ комнату Даши, — ея туалетный столикъ со множествомъ непонятныхъ вещей; строгую, узкую, бѣлую постель съ двумя подушками, — большой и маленькой: на большой Даша спала, маленькую-же, засыпая, клала подъ локоть; затѣмъ, у окна — широкое кресло съ брошеннымъ на спинкѣ пуховымъ платкомъ.

Даша сказала Ивану Ильичу сѣсть въ это кресло, пододвинула табуреточку, сѣла сама напротивъ, облокотилась о колѣни, подперла подбородокъ и, глядя, не мигая, въ лицо Ивану Ильичу, велѣла ему говорить, какъ онъ ее любитъ. Колоколъ времени ударилъ второе мгновеніе.

— Даша, если-бы мнѣ подарили все, что есть, — сказалъ Телѣгинъ, — всю землю, мнѣ-бы отъ этого не стало лучше, — ты понимаешь? — Даша кивнула головой. — Если я — одинъ, на что я самъ себѣ, правда вѣдь?.. На что мнѣ самого себя? — Даша кивнула. — Ѣсть, ходить, спать, — для чего? Для чего мнѣ эти руки, ноги?.. Что изъ того, что я, скажемъ, былъ-бы сказочно богатъ... Но ты представляешь — какая тоска быть одному?

— Даша кивнула. — Но сейчасъ, когда ты сидишь вотъ такъ... Сейчасъ меня больше нѣтъ, я не ощущаю себя... Я чувствую только — это ты, это счастье. Ты — это все, ты — моя... Гляжу на тебя, и кружится голова, — неужели ты дышешь, ты живая, ты — моя?.. Даша, — понимаешь что-нибудь?

— Я помню, — сказала Даша, — мы сидѣли на палубѣ, дулъ вѣтерокъ, въ стаканахъ блестѣло вино, я тогда вдругъ почувствовала, — мы плывемъ къ счастью...

— А помнишь тамъ были голубыя тѣни?

Даша мигнула, и сейчасъ-же ей стало казаться, что она тоже помнитъ какія-то прекрасныя, голубыя тѣни. Она вспомнила чаекъ, летѣвшихъ за пароходомъ, невысокіе берега, вдали на водѣ сіяющую солнечную дорогу, которая, какъ ей казалось, розольется въ концѣ въ синее, сіяющее море-счастье. Даша вспомнила, даже, какое на ней было платье... Сколько ушло съ тѣхъ поръ долгихъ лѣтъ... Она взяла руки Ивана Ильича, спрятала въ нихъ лицо, вздохнула, и онъ между пальцами почувствовалъ капли слезъ.

Вечеромъ Екатерина Дмитріевна прибѣжала изъ Юридическаго клуба, взволнованная и радостная, и разсказала:

— Въ Петроградѣ вся власть перешла къ Думскому Комитету, министры арестованы, но ходятъ страшно тревожные слухи: говорятъ, государь покинулъ ставку, и на Петроградъ идетъ на усмиреніе генералъ Ивановъ съ цѣлымъ корпусомъ... А здѣсь на завтра назначено брать штурмомъ Кремль и арсеналъ... Иванъ Ильичъ, мы съ Дашей прибѣжимъ къ вамъ завтра съ утра смотрѣть революцію...

XXXVIII

Изъ окна гостиницы было видно, какъ внизу по узкой Тверской улицѣ движется медленнымъ, чернымъ потокомъ народъ, — шевелятся головы, картузы, картузы, картузы, шапки, платки, желтыя пятна лицъ. Во всѣхъ окнахъ — любопытные, на крышахъ мальчишки.

Екатерина Дмитріевна, въ поднятой до бровей вуали, говорила, стоя у окна и беря то Телѣгина, то Дашу горячими пальцами за руки:

— Какъ это страшно!.. Какъ это страшно!

— Екатерина Дмитріевна, увѣряю васъ, — настроеніе въ городѣ самое мирное, — говорилъ Иванъ Ильичъ, — до вашего прихода я бѣгалъ къ Кремлю, — тамъ ведутся переговоры, очевидно, арсеналъ будетъ сданъ безъ выстрѣла...

— Но зачѣмъ они туда идутъ?.. Смотрите — сколько народу... Что они хотятъ дѣлать?..

Даша глядѣла на волнующійся потокъ головъ, на очертанія крышъ и башенъ. Утро было мглистое и мягкое. Вдали, надъ крестами и тускло-золотыми куполами кремлевскихъ соборовъ, надъ раскоряченными орлами на островерхихъ башняхъ, кружились стаи галокъ, садились на кресты, снимались, исчезали въ мглистой вышинѣ.

Дашѣ казалось, что какія-то великія рѣки прорвали ледъ и разливаются по землѣ, и, что она, вмѣстѣ съ милымъ ей человѣкомъ, подхвачена этимъ потокомъ, и теперь, — только крѣпко держаться за его руку, только любить. Сердце билось тревогой и радостью, какъ у птицы въ вышинѣ.

— Я хочу все видѣть, пойдемте на улицу, — сказала Катя, запахивая шубку.

Кирпично-грязное зданіе съ колоннами, похожими на бутылки, все въ балясинахъ, балкончикахъ и башенкахъ, — главный штабъ революціонеровъ, — Городская Дума, было убрано красными флагами. Кумачевыя тряпки обвивали колонны, висѣли надъ шатромъ главнаго крыльца. Передъ крыльцомъ на мерзлой мостовой стояли четыре сѣрыя пушки на высокихъ колесахъ. На крыльцѣ сидѣли, согнувшись, пулеметчики съ пучками красныхъ лентъ на погонахъ. Большія толпы народу глядѣли съ веселой жутью на красные флаги, пыльно-черныя окна Думы. Когда на балкончикѣ надъ крыльцомъ появлялась маленькая, какъ жучекъ, возбужденная фигурка и, взмахивая руками, что-то беззвучно кричала, — въ толпѣ поднималось радостное рычаніе.

Наглядѣвшись на флаги и пушки, народъ уходилъ по изъѣденному оттепелью, грязному снѣгу черезъ глубокія арки Иверской на Красную площадь, гдѣ у Спасскихъ и у Никольскихъ воротъ возставшія воинскія части вели переговоры съ выборными отъ запаснаго полка, сидѣвшаго, затворившись въ Кремлѣ. Въ сѣренькомъ свѣтѣ дня особенно древними казались огромныя толщи высокихъ, облупленныхъ, кремлевскихъ стѣнъ и квадратныхъ башенъ, съ зелеными, черепичными шатрами и двуглавыми орлами на шпиляхъ. Стаи галокъ кружились надъ печальными этими мѣстами, надъ взволнованной, какъ отъ свѣтопреставленія, простонародной толпой, и улетали за Китай-городъ, за Москва-рѣку.

Катя, Даша и Телѣгинъ были принесены толпой къ самому крыльцу Думы. Отъ Тверской, по всей площади, все усиливаясь, шелъ крикъ. Летѣли кверху шапки, трепались въ рукахъ носовые платки.

— Товарищи, посторонитесь... Товарищи, соблюдайте законность! — раздались молодые, взволнованные голоса. Сквозь неохотно разступавшуюся толпу пробивались къ крыльцу Думы, размахивая винтовками, четыре гимназиста и хорошенькая, растрепанная барышня съ саблей въ рукѣ. Они вели арестованныхъ десять человѣкъ городовыхъ, огромнаго роста, усатыхъ мужиковъ съ закрученными за спиной руками, съ опущенными, хмурыми лицами. Впереди шелъ приставъ, безъ фуражки; на сизо-бритой головѣ его у виска чернѣла запекшаяся кровь; рыжими, яркими глазами онъ торопливо перебѣгалъ по ухмыляющимся лицамъ толпы; погоны на пальто его были сорваны съ мясомъ.

— Дождались, соколики! — говорили въ толпѣ.

— Пошутили надъ нами, — будя...

— Поцарствовали...

— Племя проклятое..! Фараоны!..

— Схватить ихъ и зачать мучить...

— Ребята, наваливайся!..

— Товарищи, товарищи, пропустите, соблюдайте революціонный порядокъ! — сорванными голосами кричали гимназисты; взбѣжали, подталкивая городовыхъ, на крыльцо Думы и скрылись въ большихъ дверяхъ. Туда же за ними протиснулось нѣсколько человѣкъ, въ числѣ ихъ — Катя, Даша и Телѣгинъ.

Въ голомъ, высокомъ, тускло освѣщенномъ вестибюлѣ, на мокромъ полу сидѣли на корточкахъ

пулеметчики у аппаратовъ. Толстощекій студентъ, одурѣвшій, видимо, отъ крика и усталости, кричалъ, кидаясь ко всѣмъ входящимъ:

— Знать ничего не хочу! — пропускъ!..

Иные показывали ему пропуска, иные просто, махнувъ рукой, уходили по широкой лѣстницѣ во второй этажъ. Во второмъ этажѣ, въ широкихъ коридорахъ, у стѣнъ сидѣли и лежали пыльные, сонные и молчаливые солдаты, не выпуская изъ рукъ винтовокъ. Иные лѣниво жевали хлѣбъ, иные похрапывали, поджавъ колѣнки. Мимо нихъ толкался праздный народъ, читая диковинныя надписи, прибитыя на бумажкахъ къ дверямъ, оглядываясь на бѣгающихъ изъ комнаты въ комнату, возбужденныхъ до послѣдней человѣческой возможности, осипшихъ комиссаровъ.

Катя, Даша и Телѣгинъ, наглядѣвшись на всѣ эти чудеса, протискались, наконецъ, въ двухсвѣтную залу съ линяло-пурпуровыми занавѣсами на огромныхъ окнахъ, съ обитыми пурпуромъ полукруглыми скамьями амфитеатра. На передней стѣнѣ двухсаженными черными заплатами зіяли пустыя золоченыя рамы императорскихъ портретовъ, передъ ними, въ откинутой бронзовой мантіи стояла мраморная Екатерина, улыбаясь привѣтливо и лукаво народу своему.

На скамьяхъ амфитеатра сидѣли, развалясь, подпирая головы, потемнѣвшіе, обросшіе щетиной, измученные люди. Нѣсколько человѣкъ спало, уткнувшись лицомъ въ пюпитры. Иные нехотя сдирали кожицу съ кусочковъ колбасы, ѣли хлѣбъ. Внизу, передъ улыбающейся Екатериной, у зеленаго, съ золотой бахромой, длиннаго стола сидѣли въ черныхъ рубашкахъ, въ рваныхъ пиджакахъ,

молодые, скуластые люди, съ осунувшимися лицами. Одинъ изъ нихъ, длинноволосый и бородатый, соломеннаго цвѣта, лупилъ яйцо, бросая кожуру на зеленое сукно. Даша вдругъ съ мучительнымъ омерзеніемъ стала припоминать, — гдѣ она вйдѣла такого-же человѣка, лупившаго яйцо, и смертельную свою тоску, и окно, затянутое паутиной?

— Даша, видишь — товарищъ Кузьма за столомъ, — сказала Катя.

Къ товарищу Кузьмѣ, въ это время, подошла рысцой стриженая, востроносая барышня и начала что-то шептать. Онъ слушалъ, не оборачиваясь, жуя яйцо, потомъ всталъ и, цыкая зубомъ, сказалъ:

— Городской голова Гучковъ вторично заявилъ, что рабочимъ оружіе выдано не будетъ. Предлагаю голосовать безъ преній протестъ противъ дѣйствій революціоннаго комитета, принявшаго буржуазно-реакціонную окраску.

На скамьяхъ амфитеатра проявилось нѣкоторое движеніе. Кто-то поднялъ отъ пюпитра голову, зѣвнулъ и вытянулъ передъ собой заскорузлую руку. Всѣ руки поднялись.

Телѣгинъ, наконецъ, допытался (спросивъ у малорослаго гимназиста, озабоченно курившаго папиросу), что здѣсь въ Екатерининскомъ залѣ происходить, не прерывающееся вторыя сутки, засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ.

Въ обѣденное время смирные мужики запаснаго полка, сидѣвшіе въ Кремлѣ, увидѣли дымокъ походныхъ кухонъ на Красной площади, — сдались и отворили ворота. По всей площади пошелъ крикъ, полетѣли шапки. На Лобное мѣсто, гдѣ лежалъ когда-то нагишемъ, въ звѣриной маскѣ, со скомо-

рошьей дудкой на животѣ, убитый Лжедимитрій, откуда выкрикивали и скидывали царей, откуда читаны были всѣ вольности и всѣ неволи народа русскаго, на небольшой этотъ бугорокъ, много разъ зароставшій лопухами и снова заливаемый кровью, взошелъ солдатикъ, въ заскорузлой шинеленкѣ, и, кланяясь и обѣими руками надвигая на уши папаху, началъ говорить что-то непонятное и путанное, — за шумомъ никто не разобралъ. Солдатикъ былъ совсѣмъ захудалый, выскребленный послѣдней мобилизаціей изъ никому неизвѣстнаго захолустья, — все-же барыня какая-то въ съѣхавшей на бокъ шляпкѣ съ перьями полѣзла его цѣловать, потомъ его стащили съ Лобнаго мѣста, подняли на руки и съ криками понесли.

На Тверской, въ это время, противъ дома генералъ-губернатора, молодецъ изъ толпы взобрался на памятникъ Скобелева и привязалъ ему къ саблѣ красный лоскутъ. Кричали ура. Нѣсколько загадочныхъ личностей пробрались съ переулка въ охранное отдѣленіе, и было слышно, какъ тамъ летѣли стекла, потомъ повалилъ дымъ. Кричали ура. На Тверскомъ бульварѣ у памятника Пушкина извѣстная писательница говорила, заливаясь слезами, о зарѣ новой жизни, и потомъ, при помощи мужа своего, тоже писателя, воткнула въ руку задумчиво стоящему Пушкину красный флажекъ. Въ толпѣ кричали — ура. Весь городъ былъ какъ пьяный весь этотъ день. До поздней ночи никто не шелъ по домамъ, собирались кучами, говорили, плакали отъ радости, обнимались, ждали какихъ-то телеграммъ. Послѣ трехъ лѣтъ унынія, ненависти и крови растопилась, перелилась черезъ края довѣрчивая, лѣнивая, не знающая мѣры славянская душа.

Катя, Даша и Телѣгинъ вернулись домой въ сумерки. Оказалось, — горничная Лиза ушла на Пречистенскій бульваръ, на митингъ, кухарка же заперлась на кухнѣ и воетъ глухимъ голосомъ. Катя насилу допросилась, чтобы она открыла дверь:

— Что съ вами, Марфуша?

— Царя нашего убили-и-и, — проговорила она, закрывая рукой толстый, распухшій отъ слезъ ротъ. Отъ нея пахло спиртомъ.

— Какія вы глупости говорите, — съ досадой сказала Катя, — никто его не убивалъ.

Она поставила чайникъ на газъ и пошла накрывать на столъ. Даша лежала въ гостиной на диванѣ, въ ногахъ ея сидѣлъ Телѣгинъ. Даша сказала:

— Иванъ, милый, если я нечаянно засну, ты меня разбуди, когда чай подадутъ, — очень чаю хочется.

Она поворочалась, положила ладони подъ щеку и проговорила уже соннымъ, дѣтскимъ голосомъ:

— Очень тебя люблю.

Въ сумеркахъ бѣлѣлъ пуховый платокъ, въ который завернулась Даша. Ея дыханія не было слышно. Иванъ Ильичъ сидѣлъ, не двигаясь, — сердце его было полно. Въ глубинѣ комнаты появился въ дверной щели свѣтъ, зазвенѣли чайныя ложечки, потомъ дверь раскрылась, вошла Катя, сѣла рядомъ съ Иваномъ Ильичемъ на валикъ дивана, обхватила колѣно и послѣ молчанія спросила въ полъ-голоса:

— Даша заснула?

— Она просила разбудить къ чаю.

— А на кухнѣ Марфуша реветъ, что царя убили. Иванъ Ильичъ, что будетъ?.. Такое чувство, что

всѣ плотины прорваны... И сердце болитъ: — тревожусь за Николая Ивановича... Дружекъ, я попрошу васъ пораньше, завтра, — пошлите ему телеграмму... Скажите, — а когда вы думаете ѣхать съ Дашей въ Петроградъ?

Иванъ Ильичъ не отвѣтилъ. Катя повернула къ нему голову, внимательно вглядѣлась въ лицо большими, совсѣмъ какъ дашины, но только женскими, серьезными глазами, улыбнулась нѣжно и грустно, вздохнула, привлекла Ивана Ильича и поцѣловала въ лобъ.

Съ утра, на слѣдующій день, весь городъ высыпалъ на улицу. По Тверской, сквозь гущу народа, подъ несмолкаемые крики — ура — двигались грузовыя платформы съ солдатами, ощетиненныя, какъ ежи, штыками и саблями. На глухо громыхающихъ пушкахъ ѣхали верхомъ мальчишки. По грязнымъ кучамъ снѣга, вдоль тротуаровъ, стояли, охраняя порядокъ, молоденькія барышни съ поднятыми саблями и напряженными личиками, и вооруженные гимназисты, не знающіе пощады, — это была вольная милиція. Лавочники, взобравшись на лѣсенки, сбивали съ вывѣсокъ императорскіе орлы. Какія-то чахоточныя дѣвушки — работницы съ табачной фабрики — ходили по городу съ портретомъ Льва Толстого, и онъ сурово посматривалъ изъ-подъ насупленныхъ бровей на всѣ эти чудеса. Казалось, — не можетъ быть больше ни войны, ни ненависти: — казалось — нужно еще куда-то, на какую-то высоченную колокольню вздернуть красное знамя, и весь міръ пойметъ, что мы всѣ братья, что нѣтъ другой силы на свѣтѣ, — только радость, свобода, любовь, жизнь...

Когда телеграммы принесли потрясающую вѣсть объ отреченіи царя и о передачѣ державы Михаилу и объ его отказѣ отъ вѣнца, въ свою очередь, — никто особенно не былъ потрясенъ: казалось — не такихъ еще чудесъ нужно ждать въ эти дни.

Надъ неровными линіями крышъ, надъ оранжевымъ закатомъ въ прозрачной безднѣ неба переливалась звѣзда. Голые сучья липъ чернѣли четко и неподвижно. Подъ ними было совсѣмъ темно; хрустѣли застывшія лужицы на тротуарѣ. Даша остановилась и, не выпуская соединенныхъ рукъ, которыми держала подъ руку Ивана Ильича, глядѣла черезъ низенькую ограду на затеплившійся свѣтъ въ древнемъ, глубокомъ окошечкѣ церкви — Николы на Курьихъ Ножкахъ.

Церковка и дворикъ были въ тѣни, подъ липами. Вдалекѣ хлопнула дверь, и черезъ дворикъ пошелъ, хрустя валенками, низенькій человѣкъ въ длинномъ, до земли, пальто, въ шляпѣ грибомъ. Было слышно, какъ онъ зазвенѣлъ ключами, и сталъ не спѣша подниматься на колокольню.

— Пономарь звонить пошелъ, — прошептала Даша и подняла голову. На золотѣ небольшого купола колокольни лежалъ отсвѣтъ заката.

— Буммм, — ударилъ колоколъ, триста лѣтъ созывавшій жителей къ покою души передъ сномъ грядущимъ. Даша перекрестилась. Мгновенно въ памяти Ивана Ильича встала часовенка и на порогѣ ея молча плачущая женщина въ бѣлой свиткѣ, съ мертвымъ ребеночкомъ на колѣняхъ. Иванъ Ильичъ крѣпко прижалъ локтемъ дашину руку. Даша взглянула на него, какъ-бы спрашивая, — что? Вглядѣлась, — ротъ ея сталъ серьезный:

— Ты хочешь? — спросила она быстрымъ шепотомъ. — Здѣсь, сейчасъ?..

Иванъ Ильичъ широко улыбнулся. Даша нахмурилась, потопала ботиками, стала глядѣть въ сторону.

— Даша, ты разсердилась на меня?

— Да.

— Но вѣдь насъ никто же сейчасъ не станетъ вѣнчать.

— Безразлично... Я сказала глупость, — это ясно. Но ты улыбнулся, — это очень обидно... Ничего нѣтъ смѣшного, — когда идешь подъ руку съ человѣкомъ, котораго любишь больше всего на свѣтѣ и видишь огонь въ окошкѣ, — зайти и обвѣнчаться... Даша подумала, и опять взяла Ивана Ильича подъ руку. — Но ты меня понимаешь?

— Да, да...

— Хорошо, я больше не сержусь.

XXXIX.

— Граждане, солдаты отнынѣ свободной русской арміи, мнѣ выпала рѣдкая честь поздравить васъ со свѣтлымъ праздникомъ: цѣпи рабства разбиты, въ три дня, безъ единой капли крови, русскій народъ совершилъ величайшую въ исторіи революцію. Кровавый царь Николай отрекся отъ престола, царскіе министры арестованы, Михаилъ, наслѣдникъ престола, самъ отклонилъ отъ себя непосильный вѣнецъ. Нынѣ вся полнота власти передана народу. Во главѣ государства стало Временное Правительство для того, чтобы въ возможно скорѣйшій срокъ произвести выборы во Всероссійское Учредительное

Собраніе на основаніи прямого, всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія... Отнынѣ, — да здравствуетъ Русская Революція, да здравствуетъ Учредительное Собраніе, да здравствуетъ Временное Правительство...

— Урраааа, — протяжно заревѣла тысячеголосая толпа солдатъ. Николай Ивановичъ Смоковниковъ вынулъ изъ кармана замшеваго фрэнча большой, защитнаго цвѣта, платокъ и вытеръ шею, лицо и бороду. Говорилъ онъ, стоя на сколоченной изъ досокъ трибунѣ, куда нужно было взбираться по перекладинамъ. За его спиной стоялъ командиръ полка, Тетькинъ, недавно произведенный въ полковники, — обвѣтренное, съ короткой бородкой, съ мясистымъ носомъ лицо его изображало напряженное вниманіе. Когда раздалось, — ура, — онъ озабоченно поднесъ ладонь ребромъ къ козырьку. Передъ трибуной на ровномъ полѣ съ черными проталинами и грязными пятнами снѣга стояли солдаты, тысячи двѣ человѣкъ, безъ оружія, въ желѣзныхъ шапкахъ, въ распоясанныхъ, мятыхъ шиняляхъ, и слушали, разинувъ рты, удивительныя слова, которыя говорилъ имъ, багровый, какъ индюкъ, баринъ. Вдалекѣ, въ сѣренькой мглѣ, торчали обгорѣвшія трубы деревни. За ней начинались нѣмецкія позиціи. Нѣсколько лохматыхъ воронъ летѣло черезъ это унылое, мертвое поле.

— Солдаты! — вытянувъ передъ собой руку съ растопыренными пальцами, продолжалъ Николай Ивановичъ, и шея его налилась кровью, — еще вчера вы были нижними чинами, безсловеснымъ стадомъ, которое царская Ставка бросала на убой... Васъ не спрашивали, за что вы должны умирать... Васъ сѣкли за провинности и разстрѣливали безъ

суда. — (Полковникъ Тетькинъ кашлянулъ, переступилъ съ ноги на ногу, но промолчалъ и вновь нагнулъ голову, внимательно слушая). — Я, назначенный Временнымъ Правительствомъ, комиссаръ армій западнаго фронта, объявляю вамъ, — Николай Ивановичъ стиснулъ пальцы, какъ-бы захватывая узду, — отнынѣ нѣтъ болѣе нижнихъ чиновъ. Названіе отмѣняется. Отнынѣ вы, солдаты, равноправные граждане Государства Россійскаго: разницы больше нѣтъ между солдатомъ и командующимъ арміей. Названія — ваше благородіе, ваше высокоблагородіе, ваше превосходительство — отмѣняются. Отнынѣ вы говорите, — «здравствуйте, господинъ генералъ», или: «нѣтъ, господинъ генералъ», «да, господинъ генералъ». Унизительные отвѣты: «точно такъ» и «никакъ нѣтъ» — омѣняются. Отдача чести солдатомъ какому бы то ни было офицерскому чину — отмѣняется навсегда. Вы можете здороваться за руку съ генераломъ, если вамъ охота...

— Го, го, го — весело прокатилось по толпѣ солдатъ. Улыбался и полковникъ Тетькинъ, помаргивая испуганно.

— И, наконецъ, самое главное: солдаты, прежде война велась царскимъ правительствомъ, нынче она ведется народомъ — вами. Посему, Временное Правительство предлагаетъ вамъ образовать во всѣхъ арміяхъ солдатскіе комитеты, — ротные, батальонные, полковые и т. д., вплоть до армейскихъ... Посылайте въ комитеты товарищей, которымъ вы довѣряете!.. Отнынѣ солдатскій палецъ будетъ гулять по военной картѣ рядомъ съ карандашемъ главковерха... Солдаты, я поздравляю васъ съ главнѣйшимъ завоеваніемъ революціи...

Криками — урааа — опять зашумѣло все поле. Теткинъ стоялъ на вытяжку, держа подъ козырекъ. Лицо у него стало сѣрое, и глаза съ покорнымъ ужасомъ были устремлены на Николая Ивановича. Изъ толпы начали кричать:

— А скоро замиряться съ нѣмцами станемъ?

— Мыла сколько выдавать будутъ на человѣка?

— Господинъ комиссаръ, а за воровство комитеты будутъ судить, или судъ?

— У меня жалоба, господинъ...

— Я насчетъ отпуска, у меня животъ больной...

— Третій мѣсяцъ въ окопахъ гніемъ... Износились...

— Господинъ комиссаръ, какъ-же у насъ теперь, — короля что-ли станутъ выбирать въ Петербургѣ?..

Чтобы лучше отвѣчать на вопросы, Николай Ивановичъ слѣзъ на землю, и его сейчасъ-же окружили возбужденные, крѣпко пахнущіе, солдаты. Полковникъ Теткинъ, облокотясь о перила трибуны, глядѣлъ, какъ въ гущѣ желѣзныхъ шапокъ двигалась, крутясь и удаляясь, непокрытая, стриженая голова и жирный затылокъ военнаго комиссара. Одинъ изъ солдатъ, рыжеватый, радостно злой, въ шинели въ накидку (Теткинъ хорошо зналъ его, — крикунъ и озорникъ изъ телефонной роты) поймалъ Николая Ивановича за ремень фрэнча и, бѣгая кругомъ глазами, началъ спрашивать:

— Господинъ военный комиссаръ, вы намъ сладко говорили, мы васъ сладко слушали... Теперь вы на мой вопросъ отвѣтьте... Можете вы на мой вопросъ отвѣтить, или не можете, — такъ вы мнѣ и скажите...

Солдаты радостно зашумѣли и сдвинулись тѣснѣе. Полковникъ Теткинъ нахмурился и озабоченно полѣзъ съ трибуны.

— Я вамъ поставлю вопросъ, — говорилъ солдатъ, почти касаясь чернымъ ногтемъ носа Николая Ивановича, — получилъ я изъ деревни письмо, сдохла у меня дома коровешка, самъ я безлошадный, и хозяйка моя съ дѣтьми пошла по міру, просить у людей куски... Значитъ, теперь имѣете вы право меня разстрѣлять за дезертирство? — я васъ спрашиваю...

— Если личное благополучіе вамъ дороже свободы, — предайте ее, предайте ее, какъ Іуда, и Россія вамъ броситъ въ глаза: — вы не достойны быть солдатомъ революціонной арміи... Идите домой! — рѣзко крикнулъ Николай Ивановичъ.

— Да вы на меня не кричите!

— Ты кто такой, чтобъ на насъ кричать!..

— Солдаты, — Николай Ивановичъ поднялся на цыпочки, — здѣсь происходитъ недоразумѣніе... Первый завѣтъ революціи, господа, — это вѣрность нашимъ союзникамъ... Свободная, революціонная, русская армія со свѣжей силой должна обрушиться на злѣйшаго врага свободы, на имперіалистическую Германію...

— А ты самъ-то кормилъ вшей въ окопахъ? — раздался чей-то грубый голосъ.

— Онъ ихъ сроду и не видалъ...

— Подари ему тройку на разводку...

— Ты намъ про свободу не говори, ты намъ про войну говори: — мы три года воюемъ... Это вамъ хорошо въ тылу брюхо отращивать, а намъ знать надо, какъ войну кончать...

— Солдаты, — воскликнулъ опять Николай Ивановичъ, — знамя революціи поднято: свобода и война до последней побѣды...

— Вотъ, чортъ, дуракъ непонятный...

— Да, мы три года воюемъ, побѣды не видали...

— А зачѣмъ тогда царя скидывали?..

— Они нарочно царя скинули, онъ имъ мѣшалъ войну затягивать...

— Что вы на него смотрите, товарищи, онъ подкупленный...

— Подосланный, сразу видно...

Полковникъ Тетькинъ, раздвигая локтями солдатъ, протискивался къ Николаю Ивановичу, и видѣлъ, какъ сутулый, огромный, черный артиллеристъ схватилъ комиссара за грудь и, тряся, кричалъ въ лицо:

— Зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?.. Говори — зачѣмъ пріѣхалъ?..

Круглый затылокъ Николая Ивановича уходилъ въ шею, вздернутая борода, точно нарисованная на щекахъ, моталась. Отталкивая солдата, онъ разорвалъ ему судорожными пальцами воротъ рубахи. Солдатъ, сморщившись, сдернулъ съ себя желѣзный шлемъ и съ силой ударилъ имъ Николая Ивановича нѣсколько разъ въ голову и лицо...

XL.

На ступенькѣ подъѣзда большого ювелирнаго магазина, «Муравейчикъ и Ко», сидѣли ночной сторожъ въ тулупѣ и милицейскій, тихонькій мужичекъ, въ солдатской шинели и въ картузѣ съ нашитой по околышу красной ленточкой. Покатая

улица была пуста, зеркальныя окна конторъ и магазиновъ — темны и закрыты рѣшетками. По улицѣ съ шорохомъ гнало листъ смятой газеты. Мартовскій, студеный вѣтерокъ посвистывалъ въ еще голыхъ акаціяхъ, и черная путаница ихъ тѣней шевелилась на мостовой. Луна, по южному яркая и живая, какъ медуза, высоко стояла надъ городомъ. Сторожъ въ тулупѣ разсказывалъ, не спѣша, въ полъ-голоса:

— ... Выскочилъ онъ изъ кабинета и говоритъ: никогда я этому не повѣрю, покуда мнѣ телеграмму не покажете... Тутъ ему чиновники и показываютъ телеграмму: отреченіе Государя Императора. Прочиталъ губернаторъ эту телеграмму, да какъ зальется слезами...

— Ай, ай, ай, — сказалъ милицейскій.

— А черезъ три дня ему и отставка...

— За что?

— Значитъ за то, что онъ губернаторъ, — нынче ихъ упразднили.

— Такъ.

— Объявили свободу, — значитъ каждый самъ себя теперь управляетъ...

— Ну, да, — вродѣ, какъ самосудомъ управляемся...

— Ну, хорошо... Пошелъ я давеча на кухню въ губернаторскій дворецъ, тамъ Степанъ, швейцаръ, — кумъ мнѣ, конечно... Медали всѣ, картузъ съ галуномъ въ сундукъ спряталъ, шапченка на немъ нарочно рваная какая-то, увидалъ меня: «Ну, что, говоритъ, дожили?.. Я, говоритъ, на старости лѣтъ такимъ теперь людямъ двери отворяю, какихъ раньше бывало — позовешь городового да и ведешь въ участокъ»...

— Ай, ай, ай, — опять сказалъ милицейскій.

— И разсказалъ онъ мнѣ, почему пришлось царю нашему отрекаться... Жилъ царь объ эту пору въ Могилевѣ, и вдругъ говорятъ ему по прямому проводу, что, молъ, такъ и такъ, — народъ въ Петербургѣ бунтуется, солдаты противъ народа идти не хотятъ, а хотятъ они разбѣгаться по домамъ. Ну, думаетъ государь, — это еще полъ бѣды. Созвалъ онъ всѣхъ генераловъ, вышелъ къ нимъ и говоритъ: въ Петербургѣ народъ бунтуетъ, царству моему приходитъ опасность, что мнѣ дѣлать? — говорите ваше заключеніе, — и смотритъ на генераловъ. А генералы, братецъ ты мой, заключеніе не говорятъ, и всѣ въ сторону отвернулись.

— Вотъ бѣда-то...

— Одинъ только изъ нихъ не отвернулся отъ него, — пьяненькій старичекъ генералъ. — «Ваше величество, говоритъ, прикажите — и я грудью сейчасъ за васъ лягу». Покачалъ государь головой, горько усмѣхнулся: «Изо всѣхъ, говоритъ, вѣрныхъ слугъ одинъ мнѣ вѣрный остался, да и тотъ съ утра каждый день пьяный. Видно — такъ тому и быть, — дайте мнѣ бумагу, подпишу отреченіе»...

По улицѣ, въ это время, мимо подъѣзда прошелъ въ лунномъ свѣту высокій человѣкъ. Верхняя половина его лица была въ тѣни отъ козырька кэпки. Лѣвый, пустой, рукавъ сѣраго пальто былъ засунутъ въ карманъ. Онъ повернулъ лицо къ сидящимъ, и отчетливо забѣлѣли его зубы. Онъ прошелъ, оставляя на камняхъ влажные слѣды твердыхъ, длинныхъ ступней.

— Четвертый разъ человѣкъ этотъ приходитъ, — тихо сказалъ сторожъ.

Вдали на соборной колокольнѣ медленно пробило

два часа, и сейчасъ-же стали слышны крики вторыхъ пѣтуховъ за рѣкой, въ слободѣ.

Сторожъ вынулъ коробокъ спичекъ, осторожно почиркалъ, зажегъ огонекъ, и сильно засопѣлъ трубкой, раскуривъ — сплюнулъ шага на три:

— Ѳткуда только жулики эти берутся, — сказалъ онъ, — объявили свободу, и наѣхало ихъ въ городъ нѣсколько тысячъ. Изъ «Люкса» швейцаръ мнѣ говорилъ: завѣдомо, говоритъ, у насъ въ гостиницѣ стоитъ не меньше тридцати душъ грабителей, — всѣ лучшіе нумера заняли. По мелочамъ не работаютъ, банкъ ограбить — это ихъ дѣло, — артисты. — Милицейскій вздохнулъ участливо, попросилъ огоньку. На улицѣ опять появился безрукій, — онъ шелъ прямо къ сторожамъ. Они, замолчавъ, глядѣли на него. Вдругъ сторожъ шепнулъ скороговоркой:

— Пропали мы, Иванъ. Давай свистокъ.

Милицейскій потянулся было за свисткомъ, но безрукій большимъ прыжкомъ подскочилъ къ нему и ударилъ ногой въ грудь. Милицейскій съѣхалъ бокомъ на тротуаръ. Сторожъ сказалъ тихо, дрожащимъ голосомъ:

— Ваше здоровье, вы поаккуратнѣе, вѣдь мы люди подневольные.

— Молчи, — отвѣтилъ безрукій. Изъ-за угла, въ это время, вывернулъ безъ шума длинный автомобиль, остановился, изъ него выскочило шесть человѣкъ въ солдатскихъ шинеляхъ, въ австрійскихъ курткахъ, — двое стали на улицѣ, на-сторожѣ, двое, не говоря ни слова, повалили сторожа и милицейскаго ничкомъ и стали крутить имъ руки, двое зазвенѣли отмычками у двери въ ювелирный магазинъ. Безрукій говорилъ вполголоса:

— Сволочи, тише!

Дверь подалась, безрукій и двое громилъ быстро вошли въ магазинъ. Все это дѣлалось молча, безъ шума. Молча, не двигаясь, лежали связанные сторожа. На той сторонѣ улицы, въ тѣни, появился запоздавшій прохожій, но, увидавъ, что грабятъ, — молча пустился бѣжать. Спустя недолгое время безрукій съ товарищами вышли изъ магазина, — они держали сверточки чернаго бархата. Одинъ изъ налетчиковъ, карауливщій связанныхъ сторожей, спросилъ у безрукаго:

— А съ этими что?..

— Вывести въ расходъ.

Налетчикъ вытянулъ изъ кармана венгерской куртки маузеръ, взглянулъ, любуясь, какъ онъ блеститъ на лунѣ и подошелъ къ лежащимъ сторожамъ. Два выстрѣла гулко прокатились по улицѣ. Автомобиль полнымъ ходомъ помчался въ тѣни акацій и скрылся за поворотомъ.

Елизавета Кіевна ходила по своей комнатѣ въ гостиницѣ «Люксъ», останавливалась у пріоткрытаго окна, прислушивалась и курила. На ней поверхъ тонкой рубашки и кружевной юбки была накинута дорогая шуба. Въ комнатѣ пахло духами и сигарами, повсюду валялась одежда и бѣлье, кровать была не прибрана.

Когда послышался шумъ автомобиля, Елизавета Кіевна высунулась въ окно, но ничего не увидала, — вѣтеръ, пѣвшій въ телеграфныхъ проволокахъ, остудилъ ея тѣло подъ шубкой. Она захлопнула окно, и опять начала ходить и курить. Щека у нея подергивалась. Прошло долгое время, и вдругъ

грохнули вдали два выстрѣла. Елизавета Кіевна выронила папироску и стояла, усмѣхаясь жалобно и кротко. Но выстрѣловъ больше не было. Тогда она подняла руки къ растрепанной головѣ, сжала ее, и легла бочкомъ на постель. Но пролежала недолго, — вскочила, сѣла на диванчикъ передъ столомъ, покрытымъ ковровой, залитой пятнами скатертью, сначала пальцами, потомъ зубами вытащила пробку изъ бутылки и, куря и усмѣхаясь, принялась тянуть коньякъ угломъ рта изъ длинной рюмочки.

Вдругъ она сильно вздрогнула и обернулась, — въ дверь скреблись. Она живо соскочила съ дивана и повернула ключъ. Вошелъ Александръ Ивановичъ Жировъ, въ бархатной тужуркѣ, съ мягкимъ, большимъ галстухомъ; вытянутая кверху голова его была обрита; лицо — блѣдное до зелени; влажный ротъ усмѣхался, открывая гнилые зубы. Елизавета Кіевна вернулась къ дивану и сѣла, подобравъ ноги, прикрывая кое-какъ воротникомъ шубы голыя плечи и грудь.

— Хочешь коньяку, пей, — сказала она. Жировъ сѣлъ напротивъ и налилъ рюмочку. Ввалившіеся глаза его, черные и безъ блеска, уставились въ лицо Елизаветѣ Кіевнѣ.

— Ты что думаешь, Аркадій двоихъ, все-таки, убилъ, — сказалъ онъ вполголоса. Елизавета Кіевна проглотила слюну. — Я сейчасъ оттуда, Лиза. У магазина — толпа, крикъ, Муравейчикъ — въ подштанникахъ, рветъ на себѣ бороду. Убиты два сторожа. — У Жирова затряслись губы. Елизавета Кіевна пододвинула по столу рюмку, онъ наливая, перелилъ черезъ край, и съ длинной усмѣшкой омочилъ палецъ, потеръ за ухомъ. Елизавета Кіевна

выпила. — Знаешь, Лиза, что мнѣ странно, — какъ мы хорошо сегодня обѣдали, было приподнято, я читалъ стихи, ты была весела, Аркадій милъ... А потомъ эти два сторожа, ничкомъ, какъ мѣшки, у каждаго отъ головы — черная лужа... Это какъ-то мнѣ смяло нервы! — Онъ вынулъ изъ кармана тужурки серебряную коробочку, осыпанную алмазами, осторожно приподнялъ крышечку, взялъ щепоть бѣлаго порошку и сильно втянулъ его носомъ, глаза его увлажнились. — Мнѣ часто представляется какой-то огромный пустой городъ... Я брожу по улицамъ. Между камней — трава. Окна пустынны. Вдали — великолѣпный закатъ. Это городъ моей меланхоліи. Въ немъ нѣтъ людей, только въ глубинѣ переулка одинокая женская фигура... Почему то это всегда ты, Лиза.. — Покачиваясь на стулѣ, онъ пустилъ струю дыма подъ люстру. — Да, убійство, конечно, высшее проявленіе воли. Нужно, чтобы въ убійствѣ былъ восторгъ. Но, убивать ночныхъ сторожей, потомъ не спать всю ночь, трястись отъ отвращенія, — бррр! Аркадій уменъ и смѣлъ, но онъ, все-таки, воришка, убивающій изъ за угла...

— Я тебя выброшу изъ комнаты! — хрипло, вдругъ, проговорила Елизавета Кіевна, — не смѣешь мнѣ такъ говорить! — Она совсѣмъ откинула шубу и, полуголая, облокотилась о столъ, подперла ладонями щеки. — Ты — мразь... Липкая сволочь... Презираю тебя...

Жировъ съ наслажденіемъ зажмурился, придвинулъ стулъ ближе къ Елизаветѣ Кіевнѣ. — Я люблю и высоко цѣню Аркадія, — сказалъ онъ горловымъ баскомъ, — я ему многимъ обязанъ... Но, онъ практикъ... Онъ потерялъ руководящую

нить... Помнишь разговоры въ «Шато Kабернэ»?.. Тогда у него былъ пафосъ. А что теперь? — за три мѣсяца — двѣнадцать ограбленныхъ магазиновъ да человѣкъ тридцать убитыхъ. Онъ кончитъ тѣмъ, что уѣдетъ въ Гельсигфорсъ и откроетъ банкирскую контору...

— Подлецъ, подлецъ, — уже спокойно проговорила Елизавета Кіевна, продолжая подпирать щеки, — живетъ на наши деньги, нюхаетъ кокаинъ цѣлыми днями, всего ему мало...

— Да, мнѣ всего этого мало, — грубо сказалъ Жировъ, снялъ съ мизинца перстень съ засверкавшимъ камнемъ и швырнулъ его подъ столъ. — Ты кажется забываешь, кто такой — я! — Онъ всталъ и пошелъ къ двери. Елизавета Кіевна попросила тихо, почти жалобно:

— Саша, не уходи...

Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ вернулся, выпилъ коньяку, понюхалъ изъ коробочки, и отогнулъ штору на окнѣ: — Свѣтаетъ, — сказалъ онъ. Елизавета Кіевна замотала головой.

— Слушай меня внимательно, — заговорилъ Жировъ, проводя рукой по лицу, — Аркадій долженъ достать много милліоновъ денегъ. Мы, втроемъ, создаемъ центръ, мы называемся, — «Центральный Комитетъ Планетарнаго Переворота». Соціализмъ — къ чорту. Мы чистые анархисты-планетарцы... — Елизавета Кіевна внимательно взглянула на Жирова, въ близорукихъ глазахъ ея мелькнула искорка. Онъ продолжалъ, блестя обритымъ, длиннымъ черепомъ подъ люстрой: — Мы должны немедленно же начать создавать цѣлую сѣть агентовъ во всѣхъ городахъ міра. Въ этомъ ты окажешь огромную помощь, Лиза... Ты одна умѣешь находить

людей съ никогда не уталяемой жаждой преступленія... Мы начнемъ взрывать парламенты, дворцы, арсеналы.... Начнется паника, грабежи и убійства... Мы взорвемъ вокзалы, желѣзнодорожные мосты, гавани... Будетъ хаосъ и самоистребленіе... Тогда мы овладѣемъ властью... Мы приступимъ къ самому главному: мы сгонимъ милліоны людей къ экватору и тамъ будемъ рыть гигантскую шахту, много верстъ глубины... Она будетъ обложена сталью. Мы опустимъ въ эту пушку огромныя массы динамита и взорвемъ ихъ... Это не бредъ, это возможно... Я справлялся у инженеровъ... Мы сбросимъ землю съ орбиты. Земля, какъ ракета сорвется съ проклятой математической кривой и помчится въ дикое пространство... небесное равновѣсіе будетъ нарушено къ чертямъ... Планеты и звѣзды сойдутъ со своихъ арбитъ... Въ небѣ начнется трескотня, миры будутъ сталкиваться, лопаться, какъ орѣхи... Мы влетимъ въ какое-то солнце и вспыхнемъ... Лиза, вотъ для чего стоитъ жить...

— Охъ, я не могу больше, — проговорила Елизавета Кіевна, поднимаясь съ дивана и, какъ слѣпая, шатаясь по комнатѣ... — Поймите вы всѣ, я съ ума сойду... Съ утра до ночи эти разговоры... Грабежъ, убійства, кровь... я не хочу уничтожать никакого равновѣсія. — Она хрустнула пальцами, — Саша, уговори Аркадія... У насъ много денегъ, уѣдемте втроемъ куда нибудь... Ну, хоть на годикъ, вѣдь можетъ же быть у меня простое желаніе — жить... Я не могу больше не спать по ночамъ, слушать эти выстрѣлы... Давеча взяла чистить костюмъ Аркадія, — на пиджакѣ пятна, кровь... Хоть бы на островъ какой-нибудь уѣхать, подальше отъ земли... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Такъ

и будемъ таскаться изъ города въ городъ, грабить, лгать другъ дружкѣ, — покуда насъ не повѣсятъ, и слава Богу... Уйди, Саша, я спать лягу... Аркадій вернется поздно... Уходи, я тебѣ въ лицо плюну, если не уйдешь...

XLI

Катя осталась одна. Телѣгинъ и Даша повѣнчались у Николы на Курьихъ Ножкахъ и въ тотъ-же день уѣхали въ Петроградъ. Катя проводила ихъ на вокзалъ, перекрестила обоихъ, поцѣловала на прощанье, — они были до того разсѣяные, какъ неживые, — и вернулась домой въ сумерки.

Въ домѣ было пусто. Марфуша и Лиза ушли на митингъ домашней прислуги «выносить резолюцію протеста». Въ столовой, гдѣ еще остался запахъ папиросъ и цвѣтовъ, на столѣ среди неубранной посуды стояло цвѣтущее деревцо — вишня. Катя полила ее изъ графина, прибрала посуду, стряхнула крошки со скатерти и, не зажигая свѣта, сѣла у стола, лицомъ къ окну, — за нимъ тускнѣло небо, затянутое облаками, едва были различимы очертанія крышъ. Въ столовой постукивали стѣнные часы, — разорвись отъ тоски сердце, они все такъ-же бы постукивали. Катя долго сидѣла, не двигаясь, потомъ провела ладонью по глазамъ, поднялась, взяла съ кресла пуховый платокъ, накинула на плечи и пошла въ дашину комнату. Смутно, въ сумеркахъ, былъ различимъ полосатый матрасъ опустѣвшей постели, на стулѣ стояла пустая шляпная картонка, на полу валялись бумажки и тряпочки. Когда Катя увидѣла, что Даша взяла съ собой всѣ

свои вещицы, не оставила, не забыла ничего, ей стало обидно до слезъ. Она сѣла на кровать, на полосатый матрасъ, и здѣсь, такъ-же, какъ въ столовой, сидѣла неподвижно.

Часы въ столовой, медленно и гулко, пробили десять. Катя поправила на плечахъ платокъ и пошла на кухню. Постояла, послушала, — потомъ, поднявшись на цыпочки, достала съ полки кухонную тетрадь, вырвала изъ нея чистый листочекъ и написала карандашемъ: «Лиза и Марфуша, вамъ должно быть стыдно на весь день до самой ночи бросать домъ». На листокъ капнула слеза. Катя положила записку на кухонный столъ и пошла въ спальню. Тамъ поспѣшно раздѣлась, влѣзла въ кровать, подъ одѣяломъ стащила съ себя чулки, легла, поджавъ къ животу колѣни, и затихла.

Въ полночь хлопнула кухонная дверь и, громко топая и громко разговаривая, вошли Лиза и Марфуша, заходили по кухнѣ, затихли и, вдругъ, обѣ засмѣялись, — прочли записку. Катя поморгала глазами, не пошевелилась. Наконецъ, на кухнѣ стало тихо. Часы безсонно и гулко пробили часъ. Катя повернулась на спину, ударомъ ноги сбросила съ себя одѣяло, съ трудомъ вздохнула нѣсколько разъ, точно ей не хватало воздуху, соскочила съ кровати, зажгла электричество и, жмурясь отъ свѣта, подошла къ большому, стоячему зеркалу. Дневная, тоненькая рубашка не доходила ей до колѣнъ. Катя озабоченно и быстро, какъ очень знакомое, оглянула себя, — подбородочекъ у нея дрогнулъ, она близко придвинулась къ зеркалу, подняла съ правой стороны волосы: — Да, да, конечно, — вотъ, вотъ, вотъ еще... — Она оглядѣла все лицо: — Ну, да, — кончено... Черезъ годъ — сѣдая, по-

томъ старая. — Она потушила электричество и опять легла въ постель, прикрыла глаза локтемъ. «Ни одной минуты радости за всю жизнь. Теперь ужъ кончено... Ни чьи руки не обхватятъ, не сожмутъ, никто не скажетъ, — дорогая моя, милочка моя, радость моя, любовь моя»...

Среди горькихъ думъ и сожалѣній Катя внезапно вспомнила песчаную, мокрую дорожку, кругомъ — поляна, сизая отъ дождя и большія липы... По дорожкѣ идетъ она сама — Катя — въ коричневомъ платьѣ и черномъ фартучкѣ. Подъ туфельками хруститъ песокъ, Катя чувствуетъ, какая она вся легкая, тоненькая, миленькая, волосы треплетъ вѣтерокъ, и рядомъ, — не по дорожкѣ, а нарочно по мокрой травѣ, — идетъ, ведя велосипедъ, гимназистъ Алеша. Катя отворачивается, чтобы не засмѣяться... Алеша говоритъ глухимъ голосомъ: «Я знаю — мнѣ нечего надѣяться на взаимность... Я только пріѣхалъ, чтобы сказать вамъ, Катя, что я хотѣлъ раньше идти въ университетъ, служить народу и просвѣщенію, теперь я смѣюсь надъ этими мечтами... Мнѣ все равно. Окончу жизнь гдѣнибудь на желѣзнодорожной станціи, въ глуши. Прощайте»... Онъ садится на велосипедъ и ѣдетъ по лугу, за нимъ въ травѣ тянется сизый слѣдъ... Сутулая спина его въ сѣрой курткѣ и бѣлый картузъ скрываются за зеленью. Катя кричитъ: — «Алеша, вернитесь, можетъ быть, я подумаю — выйду за васъ замужъ». — И больше не можетъ, — хохочетъ, трясетъ головой...

... Неужели она, измученная сейчасъ безсонницей, стояла когда-то на той сырой дорожкѣ, и лѣтній вѣтеръ, пахнущій дождемъ, трепалъ ея черный фартучекъ? Катя сѣла въ кровати, обхватила го-

лову, оперлась локтями о голыя колѣни, и въ памяти ея появились тусклые огоньки фонарей, снѣжная пыль, вѣтеръ, гудящій въ голыхъ деревьяхъ, визгливый, тоскливый, безнадежный скрипъ санокъ, ледяные глаза Безсонова, близко у самыхъ глазъ... Сладость безсилія, безволія... Омерзительный холодокъ любопытства... Господи, Господи, — кого она тогда пустила къ себѣ!

Катя опять легла. Въ тишинѣ дома рѣзко затрещалъ звонокъ. Катя похолодѣла. Звонокъ повторился. По корридору, сердито дыша спросонокъ, прошла босикомъ Лиза, зазвякала цѣпочкой парадной двери и черезъ минуту постучала въ спальню: — «Барыня, вамъ телеграмма».

Катя, морщась, взяла узкій конвертикъ, разорвала заклейку, развернула, и въ глазахъ ея стало темно.

— Лиза, — сказала она, глядя на дѣвушку, у которой отъ страха начали трястись губы, — Николай Ивановичъ скончался.

Лиза вскрикнула, перекрестилась и заплакала. Катя сказала ей: — «Уйдите». Потомъ во второй разъ перечла безобразныя буквы на телеграфной лентѣ: — «Николай Ивановичъ скончался тяжкихъ раненій полученныхъ славномъ посту исполненіи долга точка тѣло перевозимъ Москву средства союза»...

Катѣ стало тошно подъ грудью, ротъ набрался слюной, на глаза поплыла темнота, она потянулась къ подушкѣ и потеряла сознаніе...

На слѣдующій день къ Катѣ явился тотъ самый румяный и бородатый баринъ, — извѣстный общественный дѣятель и либералъ, князь Капустинъ-

Унжескій, — котораго она слышала въ первый день революціи въ Юридическомъ клубѣ, — взялъ въ свои руки обѣ ея руки и, прижимая ихъ къ мохнатому жилету, началъ говорить о томъ, что отъ имени организаціи, гдѣ онъ работалъ вмѣстѣ съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ, отъ имени города Москвы, товарищемъ комиссара которой онъ сейчасъ состоитъ, отъ имени Россіи и революціи приноситъ Катѣ неутѣшныя сожалѣнія о безвременно погибшемъ славномъ борцѣ за идею.

Князь Капустинъ-Унжескій былъ весь по природѣ своей до того счастливъ, здоровъ и веселъ, такъ искренно сокрушался, отъ его бороды и жилета такъ уютно пахло сигарами, что Катѣ на минуту стало легче на душѣ, она подняла на него свои, блестѣвшіе отъ безсонницы, глаза, разлѣпила сухія губы и сказала:

— Спасибо, что вы такъ говорите о Николаѣ Ивановичѣ...

Князь вытащилъ огромный платокъ и вытеръ глаза. Онъ исполнилъ тяжелый долгъ и уѣхалъ, — машина его, какъ чудовище, заревѣла въ переулкѣ. А Катя снова принялась бродить по комнатѣ, — останавливалась передъ фотографическимъ снимкомъ чужого генерала съ львинымъ лицомъ, брала въ руки альбомъ, книжку, коробочку, — на крышкѣ ея была цапля, схватившая лягушку, — опять ходила, глядѣла на обои, на шторы. Думала: Господи, какъ утомительно — ходить, смотрѣть, трогать вещи... Обѣда она не коснулась, — было омерзительно даже подумать о ѣдѣ. Написала было Дашѣ коротенькое письмо, но порвала: до писемъ-ли Дашѣ сейчасъ... Глядя въ окно на тусклое, бѣлесое небо, проговорила вполголоса, не-

понятно почему вспомнившіяся странныя строчки: «. . . И руки безпріютныя все прячетъ мнѣ на грудь».

Лечь-бы, заснуть. Но лечь въ постель, — какъ въ гробъ, — страшно послѣ прошедшей ночи... Больнѣе всего была безнадежная жалость къ Николаю Ивановичу: — былъ онъ хорошій, добрый, безтолковый человѣкъ... Любить бы его надо такимъ, какой былъ... Она же мучила, не любила... О, Господи, Господи. Оттого онъ такъ рано и посѣдѣлъ. И улыбка у него была милая, беззащитная...

Въ сумерки Катя сѣла на диванъ, подобрала ноги, и долго, молча хрустѣла пальцами...

На слѣдующій день была панихида, а еще черезъ сутки — похороны останковъ Николая Ивановича. На могилѣ говорились прекрасныя рѣчи, покойника сравнивали съ альбатросомъ, погибшимъ въ пучинѣ, съ человѣкомъ, принесшимъ горящій факелъ въ лѣсъ, полный дикихъ звѣрей... Запоздавшій на похороны извѣстный партійный дѣятель, низенькій мужчина въ очкахъ, похожій на изображеніе въ вогнутомъ зеркалѣ, въ паноптикумѣ, сердито буркнулъ Катѣ: «Ну-ка, посторонитесь-ка, гражданка», протиснулся къ самой могилѣ и началъ говорить о томъ, что смерть Николая Ивановича лишній разъ подтверждаетъ правильность аграрной политики, проводимой его, оратора, партіей. Земля осыпалась изъ-подъ его неряшливыхъ башмаковъ и падала со стукомъ на гробъ. У Кати горло сжималось тошной спазмой. Она незамѣтно вышла изъ толпы и поѣхала домой. У ней было одно желаніе — вымыться и заснуть. Но, когда она вошла

въ домъ, ее охватилъ ужасъ: полосатые обои, фотографіи и коробочка съ цаплей, смятая скатерть въ столовой, гробовыя занавѣси, пыльныя окна, — какое омерзеніе, какая тоска! Катя велѣла напустить ванну, и со стономъ легла въ теплую воду. Все тѣло ея почувствовало, наконецъ, смертельную усталость. Она едва доплелась до спальной, и заснула, не раскрывая постели. Сквозь сонъ ей чудились звонки, шаги, голоса, кто-то постучалъ въ дверь, — она не отвѣчала.

Проснулась Катя, когда было совсѣмъ темно, — мучительно сжималось сердце. «Что, что»? — испуганно, жалобно спросила она, приподнимаясь на кровати, и съ минутку надѣялась, что, быть можетъ, все это страшное было во снѣ... Потомъ, тоже съ минутку, чувствовала обиду и несправедливость, — зачѣмъ меня мучаютъ? И, уже совсѣмъ проснувшись, поправила волосы, надѣла туфельки на босую ногу, и ясно и покойно подумала: «Больше не хочу».

Не торопясь, Катя достала изъ комода лакированный ящикъ — походную аптеку — и начала читать надписи на пузырькахъ. Склянку съ морфіемъ она раскрыла, понюхала и отставила въ сторону, а остальныя спрятала въ шкатулку, уложила ее на прежнее мѣсто въ комодъ, и пошла въ столовую за рюмочкой, но по пути остановилась, — въ гостиной былъ свѣтъ. «Лиза, это вы»? — спросила Катя, пріотворила дверь и увидѣла сидящаго на диванѣ большого человѣка въ военной рубашкѣ, бритая голова его была перевязана чернымъ. Онъ торопливо всталъ. У Кати начали дрожать колѣни, похолодѣло, стало пусто подъ сердцемъ. Человѣкъ глядѣлъ на нее свѣтлыми,

расширенными, страшными глазами. Прямой ротъ его былъ сжатъ, на скулахъ надуты желваки. Это былъ Рощинъ, Вадимъ Петровичъ. Катя поднесла обѣ руки къ груди. Рощинъ, не опуская глазъ, сказалъ медленно и твердо:

— Я зашелъ къ вамъ, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе. Ваша прислуга разсказала мнѣ о несчастьи. Я остался потому, что счелъ нужнымъ сказать вамъ, что вы можете располагать мной, вплоть до моей жизни.

Голосъ его дрогнулъ, когда онъ выговорилъ послѣднія слова, и крупное лицо залилось коричневымъ румянцемъ. Катя со всей силой прижимала руки къ груди. Рощинъ понялъ по глазамъ ея, что нужно подойти и помочь ей. Когда онъ приблизился, Катя, постукивая зубами, проговорила:

— Здравствуйте, Вадимъ Петровичъ...

Невольно онъ поднялъ руки, чтобъ обхватить Катю, — такъ она была хрупка и несчастна, — едва живой комочекъ, но сейчасъ-же опустилъ руки, насупился, глаза его налились влагой. Пронзительнымъ чутьемъ женщины Катя поняла, что онъ жалѣетъ ее той единственной любовью, тѣмъ единственнымъ свѣтомъ жизни, который изошелъ, нѣкогда, изъ раскинутыхъ надъ міромъ, пронзенныхъ рукъ... Катя почувствовала, какъ вдругъ, она, несчастная, маленькая, грѣшная, неумѣлая, со всѣми своими невыплаканными слезами, съ жалкимъ пузыречкомъ морфія, стала нужна и дорога этому человѣку, молча и сурово ждущему — принять ея душу въ свою. Сдерживая слезы, не въ силахъ сказать ничего, разжать зубовъ, Катя наклонилась къ рукѣ Вадима Петровича и прижалась къ ней губами и лицомъ.

XLII.

— Смотри, а вонъ — островокъ, развалины, заливъ... Какая бездонная, зеленая вода въ заливѣ. Смотри — надъ заливомъ какія-то птицы летятъ, не то крылатые люди...

Положивъ локти на мраморный подоконникъ, Даша глядѣла въ окно. За темными лѣсами, въ концѣ Каменноостровскаго, полъ неба было охвачено закатомъ. Въ небѣ были сотворены чудеса. Сбоку Даши сидѣлъ Иванъ Ильичъ, и глядѣлъ на нее, не шевелясь, хотя могъ шевелиться сколько угодно, — Даша все равно бы никуда теперь не исчезла изъ этой комнаты съ синими занавѣсками и съ багровымъ отсвѣтомъ зари на бѣлой стѣнѣ, надъ вышитыми подушками дивана.

— Господи, какъ грустно, какъ хорошо, — сказала Даша, — какъ хорошо, что я съ тобой... Точно мы плывемъ на воздушномъ кораблѣ...

Иванъ Ильичъ кивнулъ головой. Даша сняла руки съ подоконника и откинулась въ креслѣ, одернула юбку.

— Мнѣ ужасно хочется музыки, — сказала она, — сколько времени я не играла, съ тѣхъ поръ, какъ началась война... Подумай, все — еще война... А мы...

Иванъ Ильичъ пошевелился. Даша сейчасъ-же продолжала:

— Когда кончится война — мы съ тобой серьезно займемся музыкой... И еще, Иванъ, мнѣ бы хотѣлось пожить у моря... Помнишь, какъ мы лежали съ тобой и море находило на песокъ. Помнишь — какое было море — выцвѣтшее, голу-

бое... Мнѣ представляется, Иванъ, что я любила тебя всю жизнь. — Иванъ Ильичъ опять пошевелился, хотѣлъ что-то сказать, но Даша спохватилась, — а чайникъ-то кипитъ! — и побѣжала изъ комнаты, но въ дверяхъ остановилась, обернулась... Онъ видѣлъ въ сумеркахъ только ея лицо, руку, взявшуюся за занавѣсъ и ногу въ сѣромъ чулкѣ. Даша скрылась. У Ивана Ильича опять перехватило дыханіе. Онъ закинулъ руки за голову, и закрылъ глаза.

Даша и Телѣгинъ пріѣхали сегодня, въ два часа дня. Всю ночь имъ пришлось сидѣть въ корридорѣ переполненнаго вагона на чемоданахъ. По пріѣздѣ Даша сейчасъ же начала раскладывать вещи, заглядывать во всѣ углы, вытирать пыль, восхищалась квартирой, и рѣшила столовую сдѣлать тамъ, гдѣ гостиная, гостиную — тамъ, гдѣ спальня Ивана Ильича, спальню Ивана Ильича — тамъ, гдѣ столовая, въ свою комнату рѣшила часть мебели взять изъ гостиной, а въ гостиную — отъ Ивана Ильича. Все это нужно было сдѣлать немедленно. Снизу былъ позванъ швейцаръ, который вмѣстѣ съ Иваномъ Ильичемъ возилъ изъ комнаты въ комнату шкафы и диваны. Когда перестановка была кончена и швейцаръ ушелъ, оставивъ послѣ себя запахъ постнаго пирога, Даша сказала Ивану Ильичу открыть повсюду форточки, а сама пошла мыться. Она очень долго плескалась, что-то дѣлала съ лицомъ, съ волосами, и не позволяла входить то въ одну, то въ другую комнату, хотя главная задача Ивана Ильича за весь этотъ день была — поминутно встрѣчать Дашу и глядѣть на нее.

Въ сумерки Даша, наконецъ, угомонилась. Иванъ

Ильичъ, вымытый и побритый, пришелъ въ гостиную и сѣлъ около Даши. Въ первый разъ послѣ того, какъ у Николы на Курьихъ Ножкахъ Даша и Телѣгинъ стали мужемъ и женой, они были одни, въ тишинѣ. Словно опасаясь этой тишины, Даша старалась не молчать. Какъ она потомъ призналась Ивану Ильичу, ей вдругъ стало страшно, что онъ скажетъ ей «особымъ» голосомъ: — «Ну что же, Даша?..» Иванъ Ильичъ былъ опечаленъ, замѣтивъ, что Даша — на сторожѣ.

Она ушла посмотрѣть чайникъ. Иванъ Ильичъ сидѣлъ съ закрытыми глазами. Всей своей кожей онъ испытывалъ присутствіе Даши и очарованіе этого присутствія. На что бы мысленно онъ не взглядывалъ, эта вещь, какъ маловажная, исчезала, и онъ съ новой остротой чувствовалъ, что въ его домѣ поселилось существо съ нѣжнымъ голосомъ, съ милымъ лицомъ, смущенное, легкое, въ ловкомъ, синемъ платьѣ... его жена... Иванъ Ильичъ раскрывалъ глаза и прислушивался, какъ постукиваютъ на кухнѣ дашины кабучки. Вдругъ тамъ что-то зазвенѣло — разбилось, и дашинъ жалобный голосъ проговорилъ: «Чашка»! И сейчасъ же горячая радость залила Ивана Ильича: — «Завтра, когда проснусь, будетъ не обыкновенное утро, а будетъ — Даша». Онъ быстро поднялся, чтобы пойти къ Дашѣ и сказать ей объ этомъ, но она появилась въ дверяхъ:

— Разбила чашку... Иванъ, неужели ты хочешь чаю?..

— Нѣтъ...

Она подошла къ Ивану Ильичу, и, такъ какъ въ комнатѣ было совсѣмъ темно, — положила руку ему на плечи:

— О чемъ ты безъ меня думалъ? — спросила она тихо.

— О тебѣ.

— Я знаю, что обо мнѣ... А что обо мнѣ думалъ?

Дашино приподнятое лицо въ сумеркахъ казалось нахмуреннымъ, на самомъ дѣлѣ оно улыбалось. Ея грудь дышала ровно, поднимаясь и опускаясь. Ивану Ильичу было трудно собраться съ мыслями, онъ честно наморщилъ лобъ:

— Думалъ о томъ, что какъ-то плохо у меня связано, — ты, и что ты — моя жена, — сказалъ онъ, — потомъ я это вдругъ понялъ, и пошелъ тебѣ сказать, а сейчасъ опять не помню.

— А у меня это связано, — сказала Даша.

— Чѣмъ?

— Нѣжностью къ тебѣ. Точно я шла, шла, и вотъ такъ вотъ прижалась. И еще — довѣрчивостью. Почему у тебя это не связано? Развѣ ты думаешь, что я могу о чемъ-нибудь думать такомъ, чего ты не знаешь?

— Ахъ, вотъ что, — Иванъ Ильичъ радостно, коротко засмѣялся, — какъ это просто... Вѣдь я, дѣйствительно, не знаю — о чемъ ты думаешь.

— Ай, ай, — сказала Даша и пошла къ окну, — садись, а я сбоку, — Иванъ Ильичъ сѣлъ въ кресло, Даша присѣла сбоку, на подлокотникъ, — Иванъ, милый, я ни о чемъ скрытномъ не думаю, — поэтому мнѣ такъ легко съ тобой.

— Я здѣсь сидѣлъ, когда ты была въ кухнѣ, — сказалъ Иванъ Ильичъ, — и думалъ — «въ домѣ поселилось удивительное существо»... Это плохо?

— Да, — отвѣтила Даша задумчиво, — это очень плохо.

— Ты любишь меня, Даша?

— О, — она снизу вверхъ кивнула головой, — люблю до самой березки.

— До какой березки?

— Развѣ не знаешь: — у каждаго въ концѣ жизни — холмикъ, и надъ нимъ плакучая березка.

Иванъ Ильичъ взялъ Дашу за плечи. Она съ нѣжностью дала себя прижать. Такъ же, какъ давнымъ давно на берегу моря, поцѣлуй ихъ былъ дологъ, имъ не хватило дыханія. Даша сказала: — «Ахъ, Иванъ», — и обхватила его за шею. Она слышала, какъ тяжело стучитъ его сердце, ей стало жалко его. Она вздохнула, поднялась съ кресла и сказала кротко и просто:

— Идемъ, Иванъ.

На пятый день по пріѣздѣ Даша получила отъ сестры письмо, Катя писала о смерти Николая Ивановича:

...«Я пережила время унынія и отчаянія. Я съ ясностью почувствовала, наконецъ, что я во вѣки вѣковъ — одна. О, какъ это страшно!.. Всѣ законы божескіе и человѣческіе нарушены, когда человѣкъ — одинъ. Отъ отчаянія и тоски моя душа начала тлѣть, какъ на огнѣ. Я хотѣла избавиться отъ этой муки, — невидимая, ледяная рука толкала меня сдѣлать это. Меня спасло чудо: взглядъ человѣка... Ахъ, Даша, Даша, мы живемъ долгіе годы, чтобы на одно мгновеніе, быть можетъ, заглянуть въ глаза человѣку, въ эту божественную бездну любви... Мы, неживые призраки, пьемъ эту живую воду, — раскрываются слѣпые глаза, мы видимъ свѣтъ Божій, мы слышимъ голоса жизни.

Любовь, любовь... Будь благословенъ человѣкъ, научившій меня этому».

Извѣстіе о смерти зятя, катино письмо, написанное какъ въ изступленіи, потрясло Дашу. Она немедленно собралась ѣхать въ Москву, но на другой день получилось второе письмо отъ Кати, — она писала, что укладывается и выѣзжаетъ въ Петроградъ, проситъ пріискать ей недорогую комнату. Въ письмѣ была приписка: «Къ вамъ зайдетъ Вадимъ Петровичъ Рощинъ. Онъ разскажетъ вамъ обо мнѣ все подробно. Онъ мнѣ, какъ братъ, какъ отецъ, какъ другъ жизни моей».

Даша и Телѣгинъ шли по аллеѣ. Было воскресенье, апрѣльскій день. Надъ прозрачно-зелеными сводами листвы въ прохладѣ еще по весеннему синяго неба летѣли слабые обрывки, разорваннаго вѣтромъ, тающаго отъ солнца, слоистаго облака. Солнечный свѣтъ, точно сквозь воду, проникалъ въ аллею, ползалъ пузырчатыми тѣнями по песку, скользилъ по бѣлому платью Даши, по зеленой, военной рубашкѣ Телѣгина. Навстрѣчу двигались мшистые стволы липъ, красновато-сухія мачты сосенъ, — шумѣли ихъ вершины, шелестѣли листья. Даша слушала, какъ кричитъ неподалеку иволга, — посвистываетъ водянымъ голосомъ. Даша поглядывала на Ивана Ильича, — онъ снялъ фуражку и опустилъ брови, улыбаясь. У нея было чувство покоя и наполненности — прелестью дня, радостью того, что такъ хорошо дышать, такъ легко идти, и что такъ покорна душа этому дню и этому, идущему рядомъ, человѣку.

— Иванъ, — сказала Даша и усмѣхнулась. Онъ спросилъ съ улыбкой:

— Что, Даша?

— Нѣтъ... подумала.

— О чемъ?

— Нѣтъ, потомъ.

— Я знаю, о чемъ.

Даша быстро обернулась:

— Честное слово, ты не знаешь...

Они дошли до большой сосны. Иванъ Ильичъ отколупнулъ чешую коры, покрытую мягкими каплями смолы, разломалъ въ пальцахъ и ласково изъ-подъ бровей смотрѣлъ на Дашу:

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — есть только одно благословеніе на свѣтѣ... Правда?

У Даши задрожала рука: — Ты понимаешь, — сказала она шопотомъ, — я чувствую, какъ я вся должна перелиться въ какую-то еще большую радость... Такъ я люблю... Такъ я вся полна...

Иванъ Ильичъ молча покивалъ головой. Они вышли на поляну, покрытую цыплячье-зеленой травкой и желтыми, треплющимися отъ вѣтра, лютиками. Вѣтеръ, гнавшій въ небѣ остатки разорваннаго облака, подхватилъ дашино платье. Она, на ходу, озабоченно нѣсколько разъ нагибалась, чтобы одергивать юбку, и повторяла:

— Господи, Господи, что за вѣтеръ!

Въ концѣ поляны тянулась высокая дворцовая рѣшетка, съ потускнѣвшими отъ времени, золочеными копьями. Дашѣ въ туфельку попалъ камушекъ. Иванъ Ильичъ присѣлъ, снялъ туфлю съ дашиной теплой ноги въ бѣломъ чулкѣ, и поцѣловалъ ее пониже подъема, около пальцевъ. Согнувъ ногу въ колѣнѣ, Даша надѣла туфлю, потопала ногой и сказала:

— Хочу, чтобы отъ тебя былъ ребенокъ, вотъ что...

Она выговорила, наконецъ, то, что за все время прогулки ей хотѣлось сказать, именно, этими словами. Ей стало жарко. Она помахала на лицо ладонью и глядѣла, какъ по ту сторону рѣшетки, на лужайкѣ, двое людей копаютъ грядку, чернѣющую длиннымъ прямоугольникомъ въ нѣжно-зеленой травѣ. Одинъ изъ копавшихъ былъ старикъ въ опрятномъ, бѣломъ фартукѣ. Не спѣша, онъ налегалъ ступней на лопату и съ усиліемъ, подгибая колѣни, выбрасывалъ землю, отливавшую синевой. Другой былъ въ военной рубашкѣ, собранной въ складки на спинѣ, въ широкополомъ картузѣ, надвинутомъ козырькомъ на глаза. Онъ работалъ торопливо, видимо — неумѣло, разгибался, вынималъ изъ кармана черныхъ, заправленныхъ въ сапоги рейтузъ, носовой платокъ и вытиралъ щею.

— Видишь ты, — ему и съ гуся вода, — проговорилъ чей-то насмѣшливый голосъ. — Телѣгинъ обернулся, рядомъ съ нимъ стоялъ сощуренный, пожилой мѣщанинъ въ новенькомъ картузѣ и въ тепломъ жилетѣ поверхъ вышитой рубашки, — видишь ты, — повторилъ мѣщанинъ, кивая на работающихъ по ту сторону рѣшетки, — капусту изъ грунтовой ямы пересаживаетъ... Вотъ тебѣ и занятіе нашелъ... Смѣхъ...

Мѣщанинъ невесело засмѣялся. Даша съ удивленіемъ обернулась на него, взяла Ивана Ильича подъ руку и они отошли отъ рѣшетки, въ то самое время, когда человѣкъ въ военной рубашкѣ, услыхавъ смѣхъ, обернулся, опираясь на заступъ, — лицо его было опавшее, темное, съ мѣшками подъ глазами, — и знакомымъ всей Россіи движеніемъ

— горстью лѣвой руки, — провелъ по большимъ, рыжеватымъ усамъ.

Мѣщанинъ снялъ картузъ, съ кривой усмѣшечкой поклонился бывшему Императору, встряхнулъ волосами и, глубоко надвинувъ картузъ, пошелъ своей дорогой, поднявъ бородку, дробно топая новыми сапожками.

XLIII.

Екатерина Дмитріевна поселилась неподалеку отъ Даши въ деревянномъ домикѣ съ палисадникомъ, у двухъ старушекъ. — Одна изъ нихъ, Клавдія Ивановна, была въ давнія времена пѣвицей, другая, Софочка, не то камеристкой, не то ея подругой. Клавдія Ивановна, съ утра подрисовавъ себѣ брови и надѣвъ парикъ воронова крыла, садилась раскладывать пасьянсъ. Софочка вела хозяйство и, когда сердилась, то разговаривала мужскимъ голосомъ. Въ домѣ было чистенько, тѣсновато, по старинному — множество скатерочекъ, ширмочекъ, пожелтѣвшихъ портретовъ изъ невозвратной молодости. Утромъ въ комнатахъ пахло хорошимъ кофе; когда начинали готовить обѣдъ, Клавдія Ивановна страдала отъ запаха съѣстного и нюхала соль, а Софочка кричала мужскимъ голосомъ изъ кухни: «Куда же я вонищу дѣну, не на пачулѣ картошку жарить». По вечерамъ зажигали керосиновыя лампы съ матовыми шарами. Старушки заботливо относились къ Катѣ, хотя Клавдія Ивановна и считала, что въ молодой женщинѣ есть что-то демоническое.

Катя жила тихо въ этомъ старозавѣтномъ уютѣ, уцѣлѣвшемъ отъ бурь времени. Вставала она рано, сама прибирала комнату и садилась къ окну — чинить бѣлье, штопать чулки, или передѣлывать изъ своихъ старыхъ, нарядныхъ платьевъ что-нибудь попроще. (Послѣ Парижа она ничего себѣ не покупала и не шила, а теперь денегъ совсѣмъ было въ обрѣзъ). Послѣ завтрака, обычно, Катя шла на острова, брала съ собой книгу, или вышиванье и, дойдя до любимаго мѣста, садилась на скамью близъ маленькаго озера, и глядѣла на дѣтей, играющихъ на горкѣ песка, на катившіеся между стволовъ, поблескивающіе на солнцѣ экипажи, читала, вышивала, думала. Къ шести часамъ она возвращалась обѣдать къ Дашѣ. Въ одиннадцать Даша и Телѣгинъ провожали ее домой: — сестры шли впереди подъ руку, а Иванъ Ильичъ, въ сдвинутой на затылокъ фуражкѣ и посвистывая, шелъ сзади, «прикрывалъ тылъ», потому что по вечерамъ теперь ходить по улицамъ было не безопасно.

Каждый день Катя писала Вадиму Петровичу Рощину, бывшему все это время въ командировкѣ, на фронтѣ. Внимательно и честно она разсказывала въ письмахъ все что дѣлала за день и что думала: объ этомъ просилъ ее Рощинъ и подтверждалъ въ отвѣтныхъ письмахъ: «Когда вы мнѣ пишете, Екатерина Дмитріевна, что у васъ горе, — платье, которое вы расчитывали передѣлать, разлѣзается, или, что сегодня, когда вы переходили Елагинъ мостъ, началъ накрапывать дождь, у васъ не было зонта и вы пережидали дождь подъ деревьями... Мнѣ дороги всѣ эти мелочи, мнѣ кажется, даже, что я бы теперь не смогъ жить безъ этихъ мелочей вашей жизни»...

Краюшкомъ ума Катя понимала, что Рощинъ преувеличиваетъ, и прожить бы, конечно, смогъ безъ ея мелочей, но подумать — остаться хотя бы на одинъ день снова одной, сама съ собою, было такъ страшно, что Катя старалась не раздумывать, а вѣрить — будто вся ея жизнь нужна и дорога Вадиму Петровичу. Поэтому все что она теперь ни дѣлала — получало особый смыслъ: — потеряла наперстокъ, искала цѣлый часъ, а онъ былъ на пальцѣ: — Вадимъ Петровичъ навѣрно ужъ посмѣется, до чего она стала глупая. Къ самой себѣ Катя теперь относилась, какъ къ чему то не совсѣмъ своему. Однажды, работая у окна и думая, она замѣтила, что дрожатъ пальцы; она подняла голову и, протыкая иголкою юбку на колѣнѣ, долго глядѣла передъ собой: наконецъ взглядъ ея различилъ напротивъ, гдѣ былъ зеркальный шкафъ, худенькое лицо съ большими, грустными глазами, съ волосами, причесанными просто — назадъ, узломъ, — нѣжное, милое лицо... Катя подумала, — неужели — я? Опустила глаза и продолжала шить, но сердце билось, она уколола палецъ, поднесла его ко рту и опять взглянула въ зеркало, — но теперь уже это была она, и похуже той... Въ тотъ же вечеръ она писала Вадиму Петровичу: «Сегодня весь день думала о васъ. Я по васъ соскучилась, милый мой другъ, — сижу у окна и поджидаю. Что то со мной происходитъ давнымъ давно забытое, какія то дѣвичьи настроенія»...

Даже Даша, разсѣянная и поглощенная своими сложными, какъ ей казалось — единственными съ сотворенія міра отношеніями съ Ивачомъ Ильичемъ, замѣтила въ Катѣ перемѣну и, однажды, за вечернимъ чаемъ долго доказывала, что Катѣ всегда те-

перь нужно носить гладкія, черныя платья съ глухимъ воротомъ. «Я тебя увѣряю, — говорила она, ударяя себя въ грудь тремя сложенными щепоткой пальцами, — ты себя не видишь, Катюша, тебѣ на видъ ну — девятнадцать лѣтъ... Иванъ, правда она моложе меня?»

— Да, то есть-не совсѣмъ, но, пожалуй...

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, — говорила Даша, — пойми, пожалуйста, ты, вотъ — мужчина: — нѣтъ ничего молодого, когда женщинѣ на самомъ дѣлѣ девятнадцать лѣтъ... У женщины молодость наступаетъ совсѣмъ не отъ лѣтъ, совсѣмъ отъ другихъ причинъ, лѣта тутъ совсѣмъ никакой роли не играютъ...

Небольшія деньги, оставшіяся у Кати послѣ кончины Николая Ивановича, подошли къ концу. Телѣгинъ посовѣтывалъ ей продать ея старую квартиру на Знаменской, пустовавшую съ марта мѣсяца. Катя согласилась, и вмѣстѣ съ Дашей поѣхала на Знаменскую — отобрать кое-какія вещи, дорогія по воспоминаніямъ.

Поднявшись во второй этажъ и взглянувъ на памятную ей дубовую дверь съ мѣдной дощечкой, — «Н. И. Смоковниковъ», — Катя почувствовала, что, вотъ, замыкается кругъ жизни. Старый, знакомый швейцаръ, который, бывало, сердито сопя спросонокъ и прикрывая горло воротникомъ накинутаго пальто, отворялъ ей за полночь парадное и гасилъ электричество всегда раньше, чѣмъ Катя успѣвала подняться къ себѣ, — отомкнувъ сейчасъ своимъ ключемъ дверь и снявъ фуражку и, пропуская впередъ Катю и Дашу, сказалъ успокоительно:

— Не сумнѣвайтесь, Екатерина Дмитріевна, крошки отсюда не пропало, день и ночь за жильцами смотрѣлъ. Сынка у нихъ убили на фронтѣ, а то бы и сейчасъ жили, очень были довольны квартирой...

Въ прихожей было темно и пахло нежилымъ, во всѣхъ комнатахъ — спущены шторы. Катя вошла въ столовую и повернула выключатель, — хрустальная люстра ярко вспыхнула надъ покрытымъ сѣрымъ сукномъ столомъ, посрединѣ котораго, все такъ же, стояла фарфоровая корзина для цвѣтовъ, съ давно засохшей вѣткой мимозы. Равнодушные свидѣтели отшумѣвшей здѣсь веселой жизни, — стулья съ высокими спинками и кожанными сидѣньями, стояли вдоль стѣнъ. Одна створка въ огромномъ, какъ органъ, рѣзномъ буфетѣ была пріотворена, виднѣлись перевернутые бокалы. Овальное, венеціанское зеркало — подернуто пылью, и наверху его, все такъ же, спалъ золотой мальчикъ, протянувъ ручку на завитокъ оканта...

Катя стояла неподвижно у двери: — Господи, — тихо проговорила она, — ты помнишь, Даша!... Подумай, и никого больше нѣтъ...

Потомъ она прошла въ гостиную, зажгла большую люстру, оглянулась и пожала плечами. Кубическія и футуристическія картины, казавшіяся когда то такими дерзкими и жуткими, теперь висѣли на стѣнахъ, жалкія и потускнѣвшія, будто давнымъ давно брошенные за ненадобностью наряды послѣ карнавала.

— Катюша, а эту помнишь? — сказала Даша, указывая на раскоряченную, съ цвѣткомъ, въ желтомъ углу, «современную Венеру», — тогда мнѣ казалось, что она то и причина всѣхъ бѣдъ.

Даша засмѣялась и стала перебирать ноты. Катя

пошла въ свою бывшую спальню. Здѣсь все было точно такимъ же, какъ три года тому назадъ, когда она, одѣтая по дорожному, въ вуали, вбѣжала въ эту комнату, чтобы взять съ туалета забытыя перчатки и, уходя, оглянулась.

Сейчасъ на всемъ лежала какая то тусклость, все было гораздо меньше размѣромъ, чѣмъ казалось раньше. Катя раскрыла шкафъ, полный остатковъ кружевъ и шелка, тряпочекъ, чулокъ, туфелекъ. Эти вещицы, когда то представлявшіяся ей нужными, все еще слабо пахли духами; Катя безъ цѣли перебирала ихъ, — съ каждой вещицей было связано воспоминаніе навсегда отошедшей жизни...

Вдругъ тишина во всемъ домѣ дрогнула и наполнилась звуками музыки, — это Даша играла ту самую сонату, которую разучивала, когда три года тому назадъ готовилась къ экзаменамъ. Катя захлопнула дверцу шкафа, пошла въ гостиную и сѣла около сестры.

— Катя, правда — чудесно? — сказала Даша, полуобернувшись, — вотъ это мѣсто, слушай: — это голосъ, какъ громъ, звучитъ во вселенной: «Живите всѣ во имя Мое...»

Даша проиграла еще нѣсколько тактовъ, и взяла съ пола другую тетрадь. Катя сказала:

— Идемъ, у меня голова разболѣлась.

— А какъ же вещи?

— Я ничего не хочу отсюда брать. Вотъ только рояль перевезу къ тебѣ, а остальное — пусть...

Катя пришла къ обѣду, возбужденная отъ быстрой ходьбы, веселая, въ новой шапочкѣ изъ черной соломки, въ синей вуалькѣ.

— Едва успѣла, — сказала она, касаясь теплыми губами дашиной щеки, — а башмаки все-таки промочила, дай мнѣ перемѣнить, — стаскивая перчатки, она подошла въ гостиной къ окну. Дождь, примѣрявшійся уже нѣсколько разъ идти, хлынулъ сейчасъ сѣрыми потоками, закрутился въ порывахъ вѣтра, зашумѣлъ въ водосточной трубѣ. Далеко внизу были видны бѣгущіе зонтики. Потемнѣвшій воздухъ мигнулъ передъ окнами бѣлымъ свѣтомъ, и такъ треснуло, что Даша перекрестилась.

— Ты знаешь кто будетъ у васъ сегодня вечеромъ? — спросила Катя, морща губы въ улыбку. Даша спросила, — кто? — но въ прихожей позвонили и она побѣжала отворять. Послышался радостный смѣхъ Ивана Ильича, шарканье его ногъ по половичку, потомъ, они съ Дашей, громко разговаривая и смѣясь, прошли въ спальню. Катя стащила перчатки, сняла шляпу, вытащивъ изъ узла на затылкѣ гребень, — поправила волосы, и все это время лукавая и нѣжная усмѣшка морщила ея губы.

За обѣдомъ Иванъ Ильичъ, румяный, веселый, съ мокрыми волосами, разсказывалъ о событіяхъ. На Обуховскомъ заводѣ, какъ и повсюду сейчасъ на фабрикахъ и заводахъ, рабочіе сходятъ съ ума. Вначалѣ они заявляли, что будутъ работать восемь часовъ, потомъ семь часовъ, наконецъ шесть. Совѣты неизмѣнно поддерживаютъ эти требованія. Частныя предпріятія начали, мало по малу, закрываться, казенныя работаютъ въ убытокъ, но, теперь война, революція, — не до прибылей. Сегодня на заводѣ опять былъ митингъ, выступали большевики, и всѣ въ одинъ голосъ кричали: — никакихъ уступокъ буржуазному правительству, никакихъ со-

глашеній съ предпринимателями, вся власть совѣтамъ, а ужъ они наведутъ порядокъ...

— Я тоже вылѣзъ разговаривать, куда тутъ, — съ трибуны стащили. А говорилъ имъ дѣло, — Иванъ Ильичъ оторвалъ хвостикъ у редиски, омокнулъ ее въ солонку и хрустнулъ зубами, разгрызая, — конечно говорилъ дѣло... Я сказалъ: если вы, товарищи, такимъ манеромъ будете все разворачивать, то заводы станутъ, потому что заводы работать въ убытокъ не могутъ, кто бы ни считался ихъ хозяиномъ, предприниматель, или вы — рабочіе. Значитъ, правительству придется кормить безработныхъ, и, такъ какъ вы всѣ хотите быть въ правительствѣ, — въ совѣтахъ, — то, значитъ, вамъ надо кормить самихъ себя, и, такъ какъ вы ничего не производите, то деньги и хлѣбъ вамъ нужно будетъ доставать на сторонѣ, то-есть у мужиковъ. И, такъ какъ вы мужикамъ ничего дать не можете за деньги и хлѣбъ, то надо будетъ ихъ отнимать силой, то-есть воевать. Но мужиковъ въ пятнадцать разъ больше, чѣмъ васъ, у нихъ есть хлѣбъ, у васъ хлѣба нѣтъ... Кончится эта исторія тѣмъ, что мужики васъ одолѣютъ, и вамъ Христа ради придется вымаливать за корочку работешки, а давать работы ужъ будетъ некому... Понимаешь, Даша, расписалъ имъ невѣроятную картину, самому даже стало смѣшно... Слышала бы ты, какой поднялся свистъ и вой... Эти черти горластые большевики, — наемникъ! — кричатъ, — товарищи, не поддавайтесь на провокацію!.. Милліоны трудящихся всего міра съ трепетомъ ждутъ вашей побѣды надъ ненавистнымъ строемъ... Но, подумай, Даша, не могу я и осудить нашихъ рабочихъ, — если имъ кричатъ: — долой личные интересы, долой благоразуміе,

долой рабскій трудъ, ваше отечество—вселенная, ваша цѣль—завоевать счастье всѣмъ трудящимся, вы не рабочіе Обуховскихъ мастерскихъ, вы — передовой авангардъ міровой революціи... Васька Рублевъ, смотрю, — стоитъ рядомъ со мной, глаза, какъ у звѣря, свѣтятся... Не далъ договорить, первый поволокъ меня съ трибуны... «Вѣдь я, говоритъ, знаю, что ты не врагъ, зачѣмъ же ты такія слова говоришь, молчи лучше, безъ тебя справимся». Потомъ, когда выходили, я ему говорю: — Василій, вѣдь ты человѣкъ умный, какъ же ты не видишь, что большевикамъ на васъ наплевать, имъ важно на вашей шеѣ до власти добраться... «А такъ же, говоритъ, и вижу, товарищъ Телѣгинъ, что къ новому году вся земля, всѣ заводы будутъ трудящимся, буржуя ни одного въ республикѣ не будетъ, на разводку не оставимъ... И денегъ больше не будетъ... Работай и живи, — все твое»... Такъ это все къ новому году мнѣ и обѣщалъ...

Иванъ Ильичъ засмѣялся было, но, покачавъ головой, сталъ собирать пальцемъ крошки на скатерти. Даша сдержанно вздохнула. Катя проговорила, послѣ нѣкотораго молчанія:

— Я увѣрена, что намъ еще предстоятъ большія испытанія.

— Да, — сказалъ Иванъ Ильичъ, — война не кончена, въ этомъ все дѣло... И, какъ то, все у насъ разваливается, расползается... Хребта нѣтъ... Хотя наши рабочіе увѣрены, что хребетъ — это и есть совѣты...

Даша принесла въ форфоровомъ кофейникѣ кофе, налила мужу первому, взяла щеточку и совокъ и пошла вдоль стола, отряхивая крошки. — Когда она дошла до Ивана Ильича, то, быстро положивъ

совокъ и щетку, прижалась къ нему, — лицомъ въ грудь.

— Ну, ну, Даша, не волнуйся, — сказалъ Иванъ Ильичъ, гладя ее по волосамъ, — ничего пока еще не случилось ужаснаго... А мы бывали въ передѣлкахъ и похуже... Вотъ, я помню, — ты послушай меня, — помню пришли мы на Гнилую Липу...

Онъ сталъ вспоминать про военныя невзгоды. Катя оглянулась на стѣнные часы и вышла изъ столовой. Даша смотрѣла на крѣпкое, съ бѣлыми зубами, румяное лицо мужа, на сѣрые его, смѣющіеся глаза, и успокаивалась понемногу: — съ такимъ не страшно. Дослушавъ исторію про Гнилую Липу, она вытерла солфеткой глаза и пошла въ спальню припудриться. Передъ туалетнымъ зеркаломъ сидѣла Катя и что то дѣлала съ лицомъ.

— Данюша, — сказала она тоненькимъ голосомъ, — у тебя не осталось тѣхъ духовъ, помнишь — теплыхъ.

Даша присѣла на полъ передъ сестрой, и глядѣла на нее въ величайшемъ удивленіи, потомъ спросила шопотомъ:

— Катюша, «крылышки чистишь?..»

Катя покраснѣла, кивнула головой.

— Катюша, что съ тобой сегодня?

— Я тебѣ хотѣла сказать, а ты не дослушала, — проговорила Катя, — сегодня вечеромъ пріѣзжаетъ Вадимъ Петровичъ, и съ вокзала заѣдетъ прямо къ вамъ... Ко мнѣ неудобно, поздно...

Въ половина десятаго раздался звонокъ, Катя, Даша и Телѣгинъ побѣжали въ прихожую, Телѣгинъ отворилъ, вошелъ Рощинъ, въ измятой шинели

въ накидку, въ глубоко надвинутой фуражкѣ. Его худое, мрачное, темное отъ загара лицо смягчилось улыбкой, когда онъ увидѣлъ Катю. Она растерянно и радостно глядѣла на него. Когда онъ, сбросивъ шинель и фуражку на стулъ и здороваясь, сказалъ сильнымъ и глуховатымъ голосомъ: — «Простите, что такъ поздно врываюсь, — хотѣлось сегодня же увидѣть васъ, Екатерина Дмитріевна, васъ, Дарья Дмитріевна», — Катины глаза наполнились свѣтомъ:

— Я рада, что вы пріѣхали, Вадимъ Петровичъ, — сказала она, и, когда онъ наклонился къ ея рукѣ, поцѣловала его въ високъ задрожавшими губами.

— Напрасно безъ вещей пріѣхали, — сказалъ Иванъ Ильичъ, — все равно васъ ночевать оставимъ...

— Въ гостиной на турецкомъ диванѣ, если будетъ коротко — можно подставить кресла, — сказала Даша.

Рощинъ какъ сквозь сонъ слушалъ, что ему говорятъ эти ласковые, изящные люди. Онъ вошелъ сюда, еще весь ощетиненый, послѣ безсонныхъ ночей въ пути, лазанья въ вагонныя окошки за «довольствіемъ», непереставаемой борьбы за шесть вершковъ мѣста въ купэ, и матерной, вязнущей въ ушахъ, ругани. Ему еще было дико, что эти три человѣка, почти немыслимой красоты и чистоты, пахнущіе духами, стоящіе на зеркальномъ паркетѣ въ ярко освѣщенной прихожей, обрадованы, именно, появленіемъ его, Рощина... Точно сквозь сонъ онъ видѣлъ сѣрые, прекрасные глаза Кати, говорившіе: рада, рада, рада... Онъ одернулъ поясъ, расправилъ плечи, вздохнулъ глубоко:

— Спасибо, — сказалъ онъ, — куда прикажете идти?

Его повели въ столовую — кормить. Онъ ѣлъ, не разбирая, что ему подкладывали, быстро насытился и, отодвинувъ тарелку, закурилъ. Его суровое, худое, бритое лицо, испугавшее Катю, когда онъ появился въ прихожей, теперь смягчилось и казалось еще болѣе усталымъ. Его большія руки, на которыя падалъ свѣтъ оранжеваго абажура, дрожали надъ столомъ, когда онъ зажигалъ спичку. Катя, сидя въ тѣни абажура, съ пронзительной жалостью всматривалась въ Вадима Петровича, и чувствовала, что любитъ каждый волосокъ на его рукѣ, каждую пуговочку на его темно-коричневомъ, измятомъ отъ лежанія въ чемоданѣ, френчѣ. Она замѣтила также, что разговаривая онъ иногда сжималъ челюсти и говорилъ сквозь зубы. Его фразы были отрывочны и безпорядочны. Видимо онъ самъ, чувствуя это, старался побороть въ себѣ какое то давно длящееся гнѣвное возбужденіе... Даша, переглянувшись съ сестрой и мужемъ, спросила Рощина, — что, быть можетъ, онъ усталъ и хотѣлъ бы лечь? Онъ неожиданно вспыхнулъ, вытянулся на стулѣ:

— Право, я не для того пріѣхалъ, чтобы заваливаться спать... Нѣтъ... Нѣтъ. — И онъ вышелъ на балконъ и сталъ подъ мелкій, ночной дождь. Даша показала глазами на балконъ и покачала головой. Рощинъ проговорилъ оттуда:

— Ради Бога, простите, Дарья Дмитріевна... это все четыре безсонныхъ ночи...

Онъ появился, приглаживая ладонью волосы на темени, и сѣлъ на свое мѣсто:

— Я ѣду прямо изъ ставки, — сказалъ онъ,

— везу очень неутѣшительныя сообщенія военному министру... Когда я увидѣлъ васъ, мнѣ стало смертельно больно... Позвольте ужъ я все скажу: — ближе васъ, Екатерина Дмитріевна, у меня вѣдь въ мірѣ нѣтъ человѣка. — Катя медленно поблѣднѣла, Иванъ Ильичъ сталъ, заложивъ руки за спину, у стѣны, Даша страшными глазами глядѣла на Рощина. — Если не произойдетъ чуда, — сказалъ онъ, покашлявъ, — то мы погибли. Арміи больше не существуетъ... Фронтъ бѣжитъ... Солдаты уѣзжаютъ на крышахъ вагоновъ... Остановить разрушеніе фронта нѣтъ человѣческой возможности... Это отливъ океана... Въ солдатѣ можно преодолѣть страхъ смерти, я самъ однимъ стэкомъ останавливалъ полуроту и возвращалъ въ бой. Но сейчасъ русскій солдатъ потерялъ представленіе за что онъ воюетъ, потерялъ уваженіе къ войнѣ, потерялъ уваженіе ко всему съ чѣмъ связана эта война, — къ государству, къ родинѣ, къ Россіи... Солдаты увѣрены, что стоитъ крикнуть, миръ, — въ тотъ же самый день войнѣ конецъ... И не хотимъ замиряться только мы, господа... Понимаете, — солдатъ плюнулъ на то мѣсто, гдѣ его обманывали три года, бросилъ винтовку, и заставить его воевать больше нельзя... Къ осени, когда хлынутъ всѣ десять милліоновъ...

— Но мы не можемъ бросить войну... Когда на фронтѣ 175 нѣмецкихъ дивизій — нельзя обнажить фронтъ, — сдерживая дрожь голоса сказалъ Иванъ Ильичъ, и знакомое Дашѣ и всегда страшноватое ей выраженіе появилось въ его посвѣтлѣвшихъ глазахъ: холоднаго упрямства, — я не понимаю этого разговора Вадимъ Петровичъ...

— Я везу планъ военному министру, но не надѣ-

юсь, чтобы его одобрили, — сказалъ Рощинъ, — планъ такой: объявить полную демобилизацію въ быстрые сроки, то-есть организовать бѣгство и тѣмъ спасти желѣзныя дороги, артиллерію, огневые и продовольственные запасы. Твердо заявить нашимъ союзникамъ, что мы войны не прекращаемъ. Въ то же время выставить въ бассейнѣ Волги загражденіе изъ вѣрныхъ частей, таковыя найдутся; въ Заволжьи начать формированіе совершенно новой арміи, ядро которой должно быть изъ добровольческихъ частей; поддерживать и формировать одновременно партизанскіе отряды... Опираясь на Уральскіе заводы, на сибирскій уголь и хлѣбъ, начать войну заново... Другого выхода нѣтъ... Надо понять, какое теперь время... Въ русскомъ народѣ не дѣйствуютъ больше ни разумъ, ни воля, дѣйствуютъ изъ самыхъ темныхъ тайниковъ поднятые инстинкты земляного человѣка. Инстинктъ одинъ — вспахать и засѣять... И пашней будетъ все русское государство... пройдутъ плугомъ по всей землѣ на подъ лицо... Такъ пускай ужъ они скорѣе это дѣлаютъ...

— Открыть фронтъ врагу... Отдать родину на разграбленіе... Нѣтъ, Вадимъ Петровичъ, на это многіе не согласятся...

— Родины у насъ съ вами больше нѣтъ, — сказалъ Рощинъ, — есть мѣсто, гдѣ была наша родина, — онъ стиснулъ, лежавшіе на скатерти большіе кулаки, такъ что посинѣли пальцы, — великая Россія перестала существовать съ той минуты, когда народъ бросилъ оружіе... Какъ вы не хотите понять, что уже началось... Николай Угодникъ вамъ теперь поможетъ?.. такъ ему и молиться забыли... Великая Россія — теперь: навозъ подъ

пашню... Все надо — заново: войско, государство, душу надо другую втиснуть въ насъ... Русскаго народа нѣтъ, есть жители, да такіе вотъ дураки...

Онъ ударилъ себя въ грудь, упалъ головой въ руки на столъ и глухо, собачьимъ, труднымъ голосомъ заплакалъ...

Въ этотъ вечеръ Катя не пошла ночевать домой,— Даша положила ее съ собой въ одну постель; Ивану Ильичу наспѣхъ постлали въ кабинетѣ; Рощинъ, послѣ тяжелой для всѣхъ сцены, ушелъ на балконъ, промокъ, и, вернувшись въ столовую, просилъ простить его: — дѣйствительно, самое разумное было — лечь спать. И онъ заснулъ, едва успѣвъ раздѣться. Когда Иванъ Ильичъ на ципочкахъ зашелъ потушить у него лампу, — Рощинъ спалъ на спинѣ, положивъ на грудь большія руки, ладонь на ладонь; его худое лицо съ крѣпко зажмуренными глазами, съ морщинами, рѣзко проступившими отъ утренняго свѣта, было, какъ у человѣка, преодолѣвающаго боль. Иванъ Ильичъ наклонился надъ нимъ, всматриваясь, и перекрестилъ его. Рощинъ, не просыпаясь, вдохнулъ и повернулся на правый бокъ.

Катя и Даша, лежа подъ однимъ одѣяломъ, долго разговаривали шопотомъ. Даша, время отъ времени, прислушивалась: Иванъ Ильичъ все еще не могъ угомониться у себя въ кабинетѣ. Даша сказала: — «Вотъ, все ходитъ, а въ семь часовъ надо на заводъ...» Она спустила ноги съ кровати, пошарила ими туфли и побѣжала къ мужу.

Иванъ Ильичъ, въ однихъ панталонахъ, со спу-

щенными помочами, сидѣлъ на постланномъ диванѣ и читалъ огромную книгу, держа ее обѣими руками на колѣняхъ.

— Ты еще не спишь? — спросилъ онъ, блестящими и невидящими глазами взглянувъ на Дашу, — сядь... Я нашелъ... ты послушай... Онъ перевернулъ страницу книги и вполголоса сталъ читать: «Триста лѣтъ тому назадъ вѣтеръ вольно гулялъ по лѣсамъ и степнымъ равнинамъ, по огромному кладбищу, называвшемуся Русской землей. Тамъ были обгорѣвшія стѣны городовъ, пепелъ на мѣстахъ селеній, кресты и кости у заросшихъ травою дорогъ, стаи вороновъ, да волчій вой по ночамъ. Кое гдѣ еще по лѣснымъ тропамъ пробирались послѣднія шайки шишей, давно уже пропившихъ награбленныя за десять лѣтъ боярскія шубы, драгоцѣнныя чаши, жемчужные оклады съ иконъ. Теперь все было выграблено, вычищено на Руси. Шиши да казаки въ драныхъ зипунахъ рыскали за послѣдней добычей.

Опустошена и безлюдна была Россія. Даже крымскіе татары не выбѣгали больше на Дикую степь, — грабить было нечего. За десять лѣтъ Великой Смуты самозванцы, воры, казаки и польскіе наѣздники прошли саблей и огнемъ изъ края въ край всю Русскую землю. Былъ страшный голодъ, — люди ѣли конскій навозъ и солонину изъ человѣческаго мяса. Ходила черная язва. Остатки народа разбредались за литовскій рубежъ, на сѣверъ къ Бѣлому морю, на Уралъ къ Строгановымъ, въ Сибирь.

Въ эти тяжкіе дни къ обугленнымъ стѣнамъ Москвы, начисто разоренной и выпустошенной и съ великими трудами очищенной отъ воровъ, къ

огромному этому пепелищу везли на саняхъ по грязной мартовской дорогѣ испуганнаго мальчика, Михаила Романова, выбраннаго, по совѣту патріарха, обнищалыми боярами, безторжными торговыми гостями и суровыми сѣверныхъ и приволжскихъ земель мужиками въ цари московскіе. Новый царь умѣлъ только плакать и молиться. И онъ молился и плакалъ, въ страхѣ и уныніи глядя въ окно возка на оборванныя, одичавшія толпы русскихъ людей, вышедшихъ встрѣчать его за московскія заставы. Не было большой вѣры въ новаго царя у русскихъ людей. Но жить было надо. Начали кое-какъ жить. Призаняли денегъ у купцовъ Строгановыхъ. Горожане стали обстраиваться, мужики — запахивать пустую землю. Стали высылать конныхъ и пѣшихъ добрыхъ людей бить воровъ по дорогамъ. Жили бѣдно, сурово. Кланялись низко и Крыму, и Литвѣ, и Шведамъ. Берегли вѣру. Знали, что есть одна только сила — хоть и вороватый временами, но крѣпкій, расторопный, легкій народъ. Надѣялись перетерпѣть, и перетерпѣли. И снова начали заселяться пустоши, поросшія бурьяномъ...»

Иванъ Ильичъ захлопнулъ книгу:

— Ты видишь... И теперь не пропадемъ... Великая Россія пропала! А вотъ внуки этихъ самыхъ драныхъ мужиковъ, которые съ кольями ходили выручать Москву, — разбили Карла Двѣнадцатаго, загнали Татаръ за Перекопъ, Литву прибрали къ рукамъ, и похаживали въ лапоткахъ уже по берегу Тихаго океана... А внукъ этого мальчика, котораго силой въ Москву на саняхъ притащили, Петербургъ построилъ... Великая Россія пропала!.. Уѣздъ отъ насъ останется, — и оттуда пойдетъ русская земля...

Онъ фыркнулъ носомъ и сталъ глядѣть въ окно, за которымъ разсвѣтало сѣренькое утро. Даша прислонилась головой ему къ плечу, онъ погладилъ, поцѣловалъ ее въ волосы:

— Иди спать, трусиха...

Даша засмѣялась, простилась съ нимъ, пошла и обернулась въ дверяхъ:

— Иванъ, а какъ его Катя любитъ...

— Прекрасный же человѣкъ...

Даша ушла. Иванъ Ильичъ перелисталъ книгу, отложилъ ее, закурилъ папиросу и, откинувшись на кожанную спинку дивана, задумался. Весь сегодняшній вечеръ его безпокоило чувство какой-то неправоты. Сейчасъ, когда всѣ въ домѣ спали, онъ ясно и безъ жалости увидѣлъ то, что его мучило: «Я счастливъ, и чтобы жить въ этомъ счастьи, я нарочно не вижу и не слышу всего, что дѣлается вокругъ меня. Я обманываю самого себя и обманываю Дашу. Я сержусь, когда мнѣ говорятъ, что Россія гибнетъ, но ничего, кромѣ этихъ сердцовъ, не дѣлаю для того, чтобы она не погибла. Теперь я долженъ, либо сознательно продолжать жить безчестно, либо...»

Выводы этого «либо» оказались настолько неожиданны, и Иванъ Ильичъ былъ къ нимъ такъ неподготовленъ, что, спустя недолгое время, онъ счелъ за лучшее отложить всѣ выводы и всѣ рѣшенія на завтра, задернулъ штору на окнѣ и легъ спать.

Вечеръ былъ безвѣтренный и жаркій. Въ воздухѣ пахло бензиновой гарью и гудрономъ деревянныхъ мостовыхъ. Пылали зеркальныя стекла оконъ. По

Невскому среди испареній, табачнаго дыма и пыли, поднимаемой ногами, двигались пестрыя, безпорядочныя толпы народа. Ухая, крякая, проносились съ треплющимися флажками правительственные автомобили. Мальчишескіе, пронзительные голоса газетчиковъ выкрикивали потрясающія новости, которымъ никто уже не вѣрилъ. Шныряли въ толпѣ продавцы папиросъ, спичекъ, краденыхъ вещей. Въ Екатерининскомъ и Николаевскомъ скверахъ валялись на газонѣ, среди клумбъ, лѣнивые солдаты, грызли сѣмечки, пересмѣивались съ сытыми уличными дѣвками.

Катя возвращалась съ Невскаго. Вадимъ Петровичъ условился съ ней, что около восьми часовъ будетъ поджидать ее на набережной. Катя свернула на Дворцовую площадь. Огромныя окна во второмъ этажѣ кроваво-краснаго, угрюмаго дворца были освѣщены. У главнаго подъѣзда стояли автомобили, похаживали, смѣялись солдаты и шоферы. Треща пролетѣлъ мотоциклетъ съ курьеромъ — злымъ и блѣднымъ мальчишкой, въ автомобильной фуражкѣ, въ раздувающейся рубахѣ, въ обмоткахъ. На угловомъ балконѣ дворца, облокотившись, неподвижно и печально, стоялъ какой-то старый человѣкъ съ длинной, сѣдой бородой. Огибая дворецъ, Катя обернулась, — надъ аркой Генеральнаго Штаба все такъ же взвивались навстрѣчу закату легкіе, бронзовые кони. Катя перешла набережную и сѣла у воды на полукруглой, гранитной скамьѣ. Надъ лѣниво-текущей Невой висѣли мосты голубоватыми, прозрачными очертаніями. Пыльнымъ золотомъ поблескивала вытянутая, какъ мечъ, кровля Петропавловскаго собора. Убогая лодочка двигалась по отблескамъ воды. Налѣво, за крышами, за дымами,

въ оранжевое зарево опускался огромный, угасающій шаръ солнца.

Сложивъ на колѣняхъ руки, Катя тихо глядѣла на это угасаніе, ждала смирно и терпѣливо Вадима Петровича. Онъ подошелъ незамѣтно, сзади, и, облокотившись о гранитъ, глядѣлъ сверху на Катю. Она почувствовала его, обернулась, улыбаясь, и встала. Онъ глядѣлъ на нее страннымъ, изумленнымъ взглядомъ. Она поднялась по лѣстницѣ на набережную, взяла Рощина подъ руку. Они пошли. Катя спросила тихо:

— Что?

— Ну, что... Иду, смотрю — сидитъ ангелъ небесный.

Катя легонько сжала ему руку, потомъ спросила, какъ сегодня его дѣла. Онъ началъ разсказывать, — утѣшительнаго мало. Они перешли Троицкій мостъ, и въ началѣ Каменноостровскаго Рощинъ остановился и кивнулъ головой на большой, въ глубинѣ садика за рѣшеткой, особнякъ, выложенный изразцами. Широкія окна и стеклянныя стѣны зимняго сада были ярко освѣщены. У подъѣзда стояло нѣсколько мотоциклетокъ.

— Вотъ змѣиное-то гнѣздо гдѣ, — сказалъ Рощинъ, — ну, ну...

Это былъ особнякъ знаменитой балерины, гдѣ сейчасъ, выгнавъ хозяйку, засѣли большевики. Всю ночь здѣсь сыпали горохомъ пишущія машинки, а поутру, когда передъ особнякомъ собирались какія-то бойкія, оборванныя личности и просто ротозѣи — прохожіе, — на балконъ выходилъ глава партіи и говорилъ толпѣ о великомъ пожарѣ, которымъ уже охваченъ весь міръ, доживающій послѣдніе дни. Онъ призывалъ къ сверженію, разрушенію и

равенству... У оборванныхъ личностей загорались глаза, чесались руки...

— На будущей недѣлѣ мы это гнѣздо ликвидируемъ, — сказалъ Рощинъ. Они пошли дальше, не спѣша, по Каменноостровскому. Ихъ перегналъ какой-то сутулый человѣкъ, въ рваномъ пальто, въ старой, съ опущенными полями, мягкой шляпѣ, — въ одной рукѣ онъ держалъ ведерко, въ другой — пачку бумаги.

— Я не знаю, — имѣю ли право, — сказалъ Рощинъ, — но я знаю, что главное — это вы. — Катя взглянула на него, подняла брови. — Я не могу васъ покинуть, Екатерина Дмитріевна. — Она сейчасъ же опустила глаза. — Въ такое время разлучаться нельзя.

Катя тихо отвѣтила:

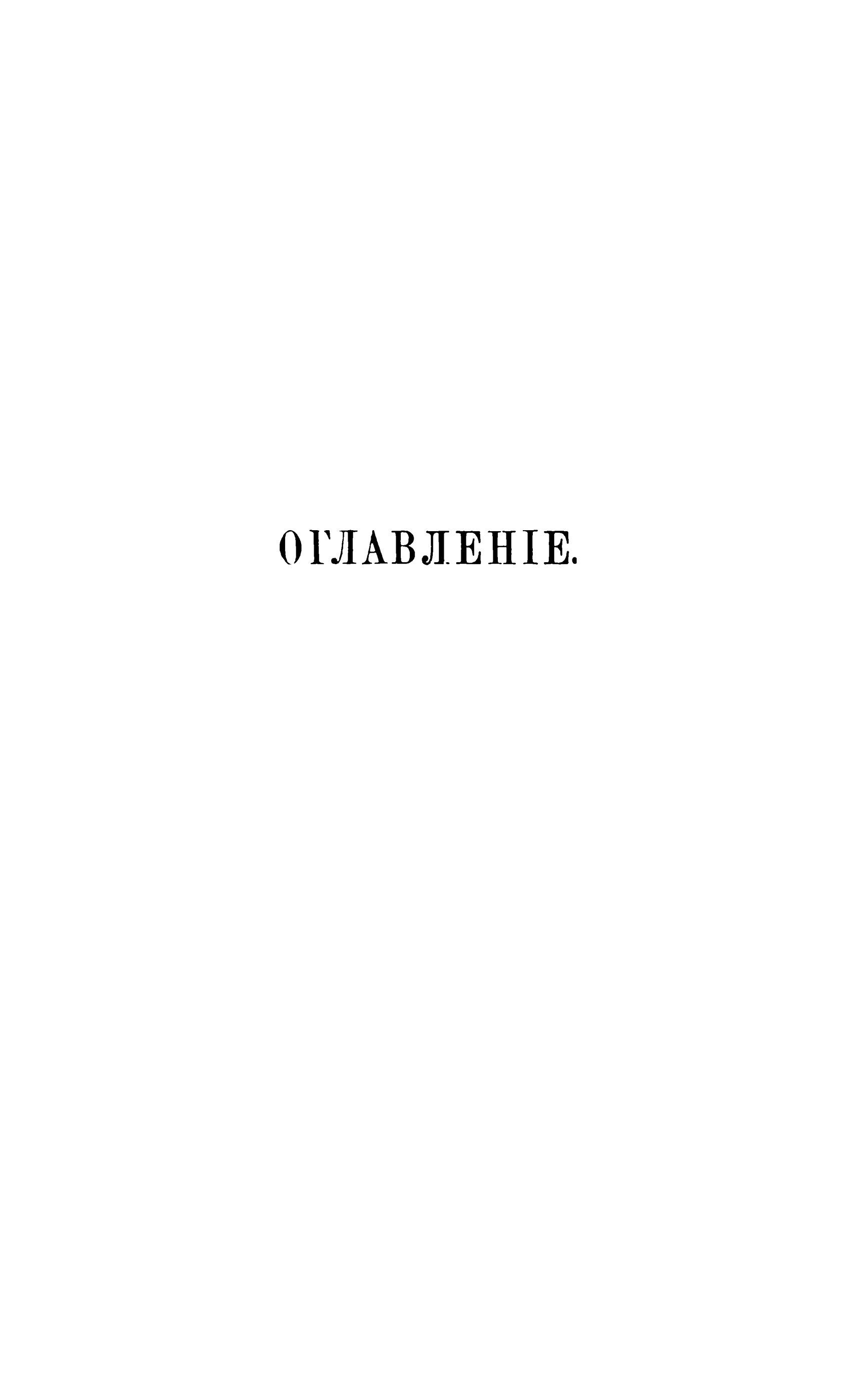
— Я не смѣла этого вамъ сказать... Ну, гдѣ же намъ разставаться, другъ милый...

Они дошли до того мѣста, гдѣ человѣкъ съ ведеркомъ только-что налѣпилъ на стѣну бѣлую, небольшую афишку, и, такъ какъ оба были взволнованы, то на мгновеніе остановились. При свѣтѣ фонаря можно было прочесть на афишкѣ: «Всѣмъ! Всѣмъ! Всѣмъ! Революція въ опасности!..»

— Екатерина Дмитріевна, — проговорилъ Рощинъ, беря въ руки ея худенькую руку, и продолжая медленно идти по затихшему въ сумеркахъ широкому проспекту, въ концѣ котораго все еще не могла догорѣть вечерняя заря, — пройдутъ года, утихнутъ войны, отшумятъ революціи, и нетлѣннымъ останется одно только — кроткое, нѣжное, любимое сердце ваше...

Сквозь раскрытыя окна большихъ домовъ лился свѣтъ и доносились то звуки музыки, то безпечные,

веселые голоса, смѣхъ, споры... Сутулый человѣкъ съ ведеркомъ, перейдя улицу, опять появился впереди Кати и Рощина и, налѣпливая афишку на гранитный выступъ стѣны, обернулся. Подъ тѣнью надвинутой у него на глаза шляпы Катя увидѣла провалившійся носъ и черныя космы бороды.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ: